

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

Выпуск IV

ИСТОРИЯ РУССКОЙ АРМИИ

МОСКВА

1994

Составители четвертого выпуска:
А.Е. Савинкин, Ю.Т. Белов, И.В. Домнин

Редактор четвертого выпуска
«Российского военного сборника»
А.Е. Савинкин

Издается при содействии
Министерства обороны Российской Федерации
и Гуманитарной академии Вооруженных сил

© ГА ВС; «Российский военный сборник» 1994.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ КАК ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРОГРЕССА ВОЕННОГО ДЕЛА С. КЕДРИН..... 6

Первоисточники военного дела: его современное состояние и история. — Значение знания истории для практических целей военного искусства. — Необходимость познания своей армии, армий других народов. — Изучение современных войн. — Исторические основы военно-психологического воспитания. — Непреходящее значение великих принципов отечественного военного искусства. — Творчество русских полководцев.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ И УСТРОЙСТВО ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ А. РЕДИГЕР..... 29

I. РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ 29

Воруженный народ и народные ополчения. — Наемничество. — Учреждение постоянных правительственных армий. — Вербованные армии. — Постоянные армии и милиции. — Поселенные войска: казаки, военная граница, военные поселения, шведские войска.

II. КОМПЛЕКТОВАНИЕ РУССКОЙ АРМИИ 47

Княжеские дружины и народные ополчения. — Поместные войска. — Войска иноземного строя. — Основания воинской повинности при Петре Великом. — Расширение льгот и сокращение сроков службы в последующие царствования. — Общинный характер воинской повинности. — Жеребьевка. — Частный наем. — Введение всеобщей воинской повинности в 1874 году.

III. ОБЩИЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ В РОССИИ 56

Эволюция содержания «Устава о воинской повинности» до 1912 года. — Сущность всеобщей воинской повинности. — Призывной возраст, набор и сроки службы. — Государственное ополчение. — Изъятия и льготы.

IV. ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЙСК В РОССИИ..... 68

Организация армии Петра Великого. — Реформы Екатерины II. — Переустройство Вооруженных сил в царствование Александра I. — Армия в эпоху Александра II. — Организационные преобразования Александра III. — Усложненная организация накануне русско-японской войны.

V. СОВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОЙ АРМИИ 73

Полевые войска. — Крепостные войска. — Запасные войска. — Части вспомогательного назначения. — Казачьи войска. — Милиции. — Ополчение. — Дислокация войск. — Численность вооруженной силы.

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА А. БАИОВ..... 78

1. ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА КАК НАУКА 78

Понятие «военное искусство». — Содержание военного искусства в различные исторические эпохи определяется деятельностью армии в мирное и военное время. — Национальный характер и эволюционное развитие военного искусства. — Необходимость изучения истории русского военного искусства.

2. ОТ НАЧАЛА РУСИ ДО ПЕТРА ВЕЛИКОГО..... 89

Военный союз восточных славян. — Дружины как особый военный класс. — Земское войско. — Наемники. — Военная система Московского государства. — Опричнина Ивана Грозного. — Поместные войска. — Заимствование иноземного военного строя в XVII веке.

3. ЭПОХА ПЕТРА ВЕЛИКОГО..... 100

Зависимость реформы русской армии, проведенной в начале XVIII столетия от прошлой государственной жизни России. — Основное содержание военной системы Петра. — 1699 год как начало русского регулярного войска. — Коллегиальная форма военного управления. — Устав воинский 1716 года.

4. ЭПОХА МИНИХА 107

Влияние личности Миниха на военное дело после смерти Петра Великого. — Военная биография Миниха. — Особенности стратегии и тактики. — Сохранение Петровских начал.

5. ЭПОХА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ..... 110

Работа комиссии 1742 года. — Деятельность комиссии 1754—59 гг. — Записка графа П.И. Шувалова «О военной науке». — Преемственность боевой школы.

6. ЭПОХА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II 115
Внешний характер военных реформ при Петре III. — Освобождение дворянства от обязательной государственной, в т.ч. и военной, службы. — Личные свойства Екатерины II. — Появление талантливых государственных и военных людей: Потемкин, Румянцев, Суворов. — Развитие армии на «старом основании», т.е. на Петровских идеях и началах. — Концепция «малой, но исправной армии». — Численность и организация армии при Екатерине II. — Генеральный штаб. — Обучение и воспитание. — Суворовская военно-воспитательная система. — Тактика. — Выводы.

7. ЭПОХА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I 132
Умственный и нравственный склад Павла I. — Военные реформы. — Разрыв с заветами Петра I и Екатерины II. — «Рассуждение о государстве вообще относительно числа войск, потребного для защиты оного и касательно обороны всех пределов». — Гатчина. — Пруссифильские убеждения Павла. — Уменьшение армии и увеличение казачьих войск. — Централизация. — Возвращение от дивизий к инспекциям (территориальным округам). — Уничтожение генерального штаба. — Двойственность военного дела. — Окончательное утверждение военной системы Павла в последующие царствования.

8. ЭПОХА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I 143
Форма и дух русской армии. — Воинская комиссия. — Отказ от импровизации в тактических соединениях, возвращение к дивизиям и бригадам. — Корпуса и армии. — Увеличение численности егерских войск. — Гарнизонные школы. — Образование милиции. — Военные поселения. — Комплектование армии офицерами. — Учреждение военного министерства. — Войны Александра I — Военная наука. — Уставы. — Вахтпарад. — Эволюция военного воспитания.

АРМИЯ ДВОРЯНСКОЙ РОССИИ А. ВЕРХОВСКИЙ 181

I. ЭПОХА ПЕТРА I 181
Условия формирования новой армии. — Духовное развитие армии. — За «Отечество». — Самодеятельность. — Командный состав. — Приемы воссоздания армии после нарвского поражения. — Строительство вооруженной силы в соответствии с целями класса организаторов и общественным мнением масс. — Идеал победы «малым трудом и малой кровью». — Боевая школа. — Учет реального соотношения сил.

II. ЭПОХА СУВОРОВА 198
Расцвет военного искусства России. — Духовное единство армии. — Восстание Пугачева. — Лозунг «Армия вне политики». — Принцип добровольчества в службе дворян. — Отношение офицера к солдату. — Объединяющая роль государственной идеи «Бог, царь и отечество». — Техника эпохи. — Казарменное воспитание. — Потемкин. — Военно-воспитательная система Суворова. — Чувство чести, воздействие на честолюбие бойцов. — «Мы русские и потому с нами Бог». — Опора армии на историческую традицию, психологию массы, идею наступления. — Отечественная война 1812 года как последняя страница суворовской эпохи. — Три школы командного состава: суворовская, сторонников немецкой доктрины, поклонников французского военного искусства. — Влияние победоносных войн. — Суворовская боевая школа.

III. ЭПОХА АРАКЧЕЕВА 221
Реакция вместо эволюции. — Устранение из армии живой мысли и умственной работы. — Попытка Павла I изменить ход русской жизни, опираясь на штыки. — Аракчеев как талантливый исполнитель и проводник фридриховской системы в войсках. — Характерные черты аракчеевского режима. — Расцвет «аракчеевщины» в царствование Александра I. — Декабристы. — Военный развал. — Сохранение в недрах армии высоких традиций суворовской и петровской поры. — Мысль молчала, но дух был жив. — Николаевская армия. — Севастопольская неудача.

IV. МИЛЮТИН И ЕГО ВРЕМЯ 237
Три докладные записки генерал-адъютанта Редигера. — Милютин на посту военного министра. — Содержание военной реформы и внутреннее положение России. — Новое военное управление. — Всеобщая воинская обязанность. — Военное образование командного состава. — Давление внутренней политики и искажение милютинских реформ.

V. ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП 246
Движение к государственной катастрофе. — Падение боеспособности армии в последние 40 лет (1878—1917). — Пробуждение сознания после поражения в русско-японской войне. — Условия, обрекающие армию на поражение в мировой войне.

Выводы	248
Что необходимо для того, чтобы армия способна была побеждать? —Диалектика армий революции и армий реакции. — Психологические принципы, на которых строится армия. — Технические средства борьбы. — Организация духа армии. — В чем заключалась сила старой армии? — Самодеятельность. — Умение оценить реальное соотношение сил.	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	258
ОТЕЧЕСТВОВЕДЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ АРМИИ И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	
А. САВИНКИН	258
Патриотизм и армия. — Отечественоведческий характер русской военной мысли. — Выводы из истории русской армии. — Отечественоведение как учебный предмет. — Историко-аналитическое отечествоведение. — Современное практическое отечествоведение. — Сведения об авторах (Баиов А.К., Верховский А.И., Редигер А.Ф., Кедрин С.Е.).	

Общее примечание к книге:

Отдельные мысли и предложения выделены по тексту в связи с их современной значимостью.

Предисловие

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ КАК ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРОГРЕССА ВОЕННОГО ДЕЛА

Основой прогресса всякого дела является непосредственным образом творческий ум человека, косвенным — состояние науки данного дела или само реальное его существование. Чем живее и сложнее какое-нибудь дело, тем большую цену для него приобретают умозаключения, сделанные на основании непосредственных наблюдений, тем большая опасность грозит ему от умозаключений, построенных на выводах и обобщениях, ему предшествующих.

К разряду таких явлений несомненно принадлежит все боевое дело: не будучи ни наукой, ни искусством, но занимая между ними среднее место, оно требует особенной осторожности, когда при своем движении вперед оно опирается на выводы, полученные на основании других также выводов. Отсюда теория его особенно требует вечного и неукоснительного возврата к своим первоисточникам, т.е. к самой практике. Первоисточники же военного дела, как и всякого другого, суть: его современное состояние и история.

Русско-японская война воочию показала, что значит забыть первый из этих элементов: последствия незнания ни своих сил, ни сил противника столь очевидны, об этом столь много писалось и пишется, что с практической стороны необходимость не отрываться в реформах от непосредственного общения с этим источником, нам кажется, уже достаточно проникла в сознание всех тех, кому дорога участь нашей армии и нашей родины.

Цель нашей статьи — выяснить значение второго источника и главным образом значение знания истории более или менее отдаленных веков для практических целей военного искусства нашего времени. Поэтому первого источника, состояния современного военного дела, мы коснемся лишь постольку, поскольку это необходимо для выяснения избранного нами предмета, ибо современное состояние какого бы то ни было дела есть, собственно говоря, последний момент его истории.

Под знанием состояния военного дела можно подразумевать прежде всего изучение своего военного дела: без знания своей армии не может быть никакого движения вперед, ибо только солидная осведомленность о своих институтах может своевременно их достоинства и недостатки. Не зная своей армии, мы можем лишь слепо верить в ее мощь, а потому и жестоко поплатиться за свою неосведомленность. Если во многих вопросах были

упреки по адресу правительства, то в данном отношении значительная часть вины падает и на общество. Безразличие к военным делам своего отечества, к внутреннему устройству армии, даже больше того, презрение к ней до японской войны было отличительной чертой большинства...

Но, помимо знаний достоинств своей армии, а равно недостатков, так или иначе устранимых, каждая страна, каждая армия имеет такие свойства, которые не могут быть вовсе изменены, а составляют наши природные преимущества или слабости. Тем не менее, изучение их необходимо, ибо, только зная их, мы можем воспользоваться ими или возместить неудобство их другими мероприятиями; или по крайней мере понять, на что мы способны и на что можем рассчитывать или, наоборот, на что мы не должны возлагать особых надежд. Взгляните, например, с каким тщанием возмещает Норвегия недостаток конницы, формируя большие команды велосипедистов. Страны более или менее культурные редко забывают о своих недостатках. Нельзя того же сказать про нас, русских: мы нередко упускаем из вида наши национальные особенности, а потому не можем никогда ни воспользоваться преимуществами своего народа и страны, ни устранить некоторые недочеты. Разве мы оценили, например, недостаточность предприимчивости в нашем характере, чтобы согласиться с необходимостью не только не задерживать проявление инициативы, а напротив, всячески поощрять ее, чтобы получить в итоге менее, чем многие народы с характером живым и энергичным; или подумали мы о том, что зимой Россия покрыта глубокими снегами и в силу этих обстоятельств особенности зимней войны приобретают для нас, русских, громадное значение, и сделано ли все для того, чтобы тщательно использовать эти благоприятные для нас обстоятельства (напр., обращено ли внимание на природных лыжников, в смысле формирования из них соответствующих команд; поставлена ли вся артиллерия на полозья и проч.). Разве мы ценим достаточно такой благодарный в боевом отношении, исторически сложившийся институт, как казачество? Напротив, в угоду модным политическим учениям, мы готовы скорее лучше признать, что казаки отжили свой век, благодаря-де тому, что теперь нет ни привольных степей, ни непрерывных войн, чем согласиться, что современное казачество с его близостью к сельскому быту, с не только казарменной, но и жизненной дисциплиной, основанной на взаимной связи начальника с подчиненными, особенностями, выработанными вековым опытом строевых построений, требует не упразднения его, а лишь приспособления к современной технике (пеший строй) и засим всяческого сохранения главных элементов этого удивительно соответствующего условиям современных военных требований института.

Но разумеется, изучение только своих сил не составляет знания всего военного дела. Изучение только своих сил до некоторой степени даже опасно: оно ведет к узкому консерватизму, к застою и к самоуверенности. Только изучая состояние институтов чужих народов, мы можем выработать себе верный масштаб; только тогда мы можем сказать: в данном отношении мы достигли возможных результатов, ибо и в других странах это поставлено не лучше. Сколько полезных разочарований перенесла бы, напр., наша береговая артиллерия, если бы обратила достаточное внимание на результаты, достигаемые в стрельбе в Соединенных Штатах.

Кроме того, только наблюдая устройство армий всех стран, будучи в курсе его, мы можем своевременно, без замедления, заимствовать все то, что только не находится в связи с национальными или природными особенностями нашего государства. Например: во многих иностранных государствах введено приторачивание ружей и шашечных ножен к седлу, тем не менее недостаточное знание службы чужих войск останавливало нас до сих пор от перенятия даже таких простых вещей; мы уже не говорим про более сложные. Сколь много полезного и вполне годного для заимствования представляют нам такие страны, как Норвегия, Франция, Англия а др.

Но кроме выгод, которые можно извлечь из непосредственного заимствования иностранных порядков для совершенствования организации наших сил, познание сил чужих государств необходимо, как сил возможных наших врагов или союзников. Более или менее совершенная организация армии какой-либо страны не должна в наш век довольствоваться безотносительным устройством, она должна всегда сообразоваться с теми силами, с какими ей наиболее вероятно придется иметь дело, ибо «не всякое оружие годится против всякого народа»¹ — «необходимо смотреть какое устройство имеют неприятели, с которыми мы сражаемся, и в чем они изощрены и против того выставлять свой строй». Наблюдать за тем: «Каким способом и каким оружием следует нам воевать против того или другого народа» (Крижанич). Отсутствие в нашей армии специально горных и степных войск (кроме горной артиллерии) — пример вполне подходящий к данным положениям. Впрочем, связанность в наше время интересов государств всего мира между собой, по-видимому, ведет к тому, что знание сил всех государств, как возможных врагов или союзников, становится в наш век безусловной необходимостью. Без этого невозможно ни поддержание на современном уровне своих сил, ни ведение целесообразной политики, ибо только зная и себя, и своих предполагаемых врагов и союзников, мы можем вполне уяснить себе, на что мы должны

¹ «Несть всяко оружие пригоже супроть всякому народу».

рассчитывать в предстоящей борьбе, по силам ли она нам, сулит ли нам успех или не может принести ничего, кроме разочарований. Словом, прежде чем бороться с каким-нибудь народом, «нужно нам раньше узнать, в чем состоит его сила» (Крижанич).

Весь военный механизм можно сравнить с машиной, которая большую часть времени находится в покое и только временами приводится в движение. Мы можем и должны изучать машину и во время покоя: но разумеется, самые ценные данные возможно получить только во время ее работы. Эта работа военной машины есть война. В этом смысле для нас изучение всякой современной войны даст тот же самый материал, как и изучение мирного состояния военного дела, но только с тою разницей, что данные, добытые наблюдением над машиной на ходу, неизмеримо вернее и доступнее для понимания сравнительно с результатами исследований во время ее остановки. В силу этого все сказанное об изучении боевого дела мирного времени мы можем сугубо приложить и ко всякой войне. В этом смысле современная война будет для нас не историей, а последним моментом военного дела.

Итак, очевидно, что данные, добытые путем наблюдения войны, достовернее практики мирного времени. Действительно, вполне поручиться за целесообразность того или другого института можно только при наличности войны. Она есть проверка всех недостатков и достоинств данной армии, она показывает нам, что еще действительно и полезно при новых условиях, что уже отжило своей век, и потому вместо реального бытия получает форму пережитка, и в этом смысле может быть даже вредно. Например, последняя японская война выяснила нам, что наступление при современном оружии несколько не утратило своего значения или наоборот перестроение в сомкнутых резервных порядках под огнем отжило свой век. Особенно ценна такая проверка в отношении тех нововведений, которые явились результатом не предыдущего непосредственного боевого опыта, а теоретических умозаключений. Как на пример этого можно указать всеобщее неприятие после японской войны принципа закрытых позиций. Но, кроме того, всякая современная война дает богатейший материал еще тем, что выясняет нам наглядно характер новых условий. Познав их, мы можем продолжать теоретические построения, и нередко та же война успевает применить их и проверить на практике. Таким порядком, например, ввели обе стороны новые принципы рассыпного строя в минувшую кампанию (прерывчатость цепей, движение поодиночке и т.д.).

Все эти преимущества созерцания современных войн столь велики, что каждая из них заставляет встрепенуться специальную литературу всего мира; она служит предметом подробнейших обсуждений, полемики, споров и в результате создает основы для новых реформ.

Стоит ли упоминать о том, что если изучение армий, находящихся в покое, служит нам показателем для сравнения сил данных государств, то насколько ценнее и вернее в данном отношении познание их во время движения, т.е. войны.

Теперь мы можем уже перейти к главному предмету нашего труда. Итак, изучение войны есть наиболее верное средство познать все условия и образы военного дела. Но часто ли бывают войны? В наше время этого нельзя сказать. Бывают годы и даже пятилетия, и десятилетия без войны. Между тем, одна последняя для данного времени война не может нам дать полного материала для рассмотрения всех явлений военного искусства.

Возьмем хотя бы русско-японскую войну: дает ли она материал, достаточный для рассмотрения условий войны при глубоком снеге? Дает ли она образцы энергичного, живого ведения войны с обеих сторон? Дает ли примеры военных действий при наличии развитой железнодорожной сети? Дает ли условия операций армий на своей территории и проч.? Итак, *volens-nolens*, чем шире надо обследовать какой-нибудь военный вопрос, тем труднее удовлетвориться одной или двумя последними кампаниями, тем более придется забираться в глубь веков.

Но если редки войны вообще, то еще реже войны великие, т.е. те войны, которые ведутся не простыми заурядными людьми, а великими учителями и законодателями основ военного искусства. Великие полководцы все наперечет; да к тому же деяния их не сохранились полностью, большая часть их подвигов бесследно погибла для науки. В силу этого в отношении великих полководцев не приходится быть особенно разборчивым, а изучать все, что дает нам история об их делах. «Если хотите знать, — говорит Наполеон, — как даются и ведутся сражения, то изучите 150 сражений, данных великими полководцами». Вот эти-то условия, — что боевой механизм только по временам находится в движении и что великие машинисты боевого искусства рождаются веками, и придают истории в отношении военного дела особое значение, гораздо большее, чем она имеет для какой угодно отрасли человеческого знания.

Следовательно, обращаясь к истории, приходится отодвигаться вглубь и извлекать из нее все то, что не устарело для нашего времени, все это будет давать нам аналогичные результаты с исследованиями войн современных. Результаты эти будут иметь тем больше основания, что главные принципы приемов военного искусства, особенно стратегические, подлежат чрезвычайно медленному изменению.

Мы не можем согласиться с теми учеными, которые делят стратегию на прикладную и чистую, считая, что первая зависит от элементов изменяющихся, а потому и сама подлежит изменению, вторая же, как покоящаяся на якобы неизменных данных человеческой природы,

вечна и непоколебима. Мы, повторяем, не можем согласиться с этим положением потому, что, по нашему мнению, военное дело есть дело рук человеческих, и как наука, целиком практическая, вне обстановки, вне местности, вне условий оружия даже неудобомыслима; поэтому вся она, во всех своих частях меняется вместе с исчезновением одних и нарождением других новых условий. Возьмите условия борьбы малочисленных дружин древней Руси без обозов и тыла, и вы увидите, что стратегия их войны будет уже иметь очень мало общего с современными кампаниями. Но оставим это в стороне, с нас довольно того, что такие принципы военного дела, как сосредоточение сил, инициатива, внезапность, непрерывность действия, преследование и проч., остаются не утратившими своего значения и для нас с незапамятных времен, а такие, например, принципы, как охранение тыла, базирование и проч., — с тех пор, как армии стали нуждаться в больших обозах.

Но есть и еще одна сторона военного дела, которая подлежит еще более медленным изменениям (подчас даже возврату к прежнему), чем даже главные принципы стратегии, — это изменения психологии военного дела. В военном деле психология играет такое огромное значение, что, несмотря на всю трудность учесть ее теоретическим путем, она должна быть принята в общий строй военных наук, и со временем, нам кажется, военная психология станет столь же необходимым предметом, как тактика, фортификация или стратегия. Основую же военной психологии явятся главным образом наблюдения над войнами.

С практической же стороны в данном отношении наибольший интерес, разумеется, представляют войны, вестенные великими полководцами — лицами, в руках которых, казалось, находился магический жезл, при помощи которого они гипнотически распоряжались душами солдат и граждан. Вспомните тот военный совет, который под начальством Гудовича постановил безысходность для русских снятия блокады Измаила и отступления, с Суворовым решил штурм его. Вспомните, что лица, взявшие Измаил, глядя на стены его, сами не верили своим глазам, как могли они взойти на них ночью, под огнем неприятеля; так чудодейственно отражался на них дух нашего великого полководца. В силу этого мы должны сказать, что военно-психологическое воспитание более всего может черпать для своего развития из источника военной истории, не стесняясь отдаленностью веков.

Итак, медленное изменение основ военного искусства и психологии его при редкости войн, а тем более вестенных великими полководцами, суть те условия, которые делают изучение истории для военного дела более необходимой, чем для остальных отраслей человеческого знания.

Но и общее значение истории для военного дела помимо вышесказанного играет также большую роль для верного его понимания. Действительно, только зная историю данного института, мы можем получить правильное понятие об его устройстве, достоинствах и недостатках. Предыдущее есть необходимейшее для последующего — корень, скелет его. Как не можем мы уничтожить без вреда корни растения, так и не можем без вреда для института выкинуть то, что составляет его существо. Наоборот, если мы видим и знаем, что у растения уже нет корней, они уже сгнили, то нам нет надобности ходить за растением и мы смело можем выкопать его прочь. Это положение особенно важно, ибо пережитки нередко сохраняются целыми веками, отвлекая много сил и средств на то, что уже не заслуживает само по себе внимания. Простейшим примером этого может служить плацпарадная маршировка в сомкнутых строях. Действительно, бой в сомкнутых порядках давно отошел в область предания, давно уже не требуется в нем ни ноги, ни точного равнения, а между тем силы учителей и учеников по-прежнему тратятся на эту поистине Сизифову работу.

Далее, знание истории каждого института учит нас способам производить реформы, так сказать методике их. История нередко показывает нам, при каких условиях может быть осуществима на практике данная мера, при каких нет, при каких может она принести пользу, при каких наоборот, она может быть даже вредоносной. Например, при организации поселенных войск, при условиях невмешательства во внутреннюю часть жизни солдат (времен допетровских), можно было добиться установления порядка, с другой стороны при обратных условиях, имевших место в поселениях Аракчеева, опыт дал отрицательные результаты. Или, например, широкое предоставление инициативы при наличии всеобщего одушевления, желания победить во что бы то ни стало, добиться цели, указанной полководцем, как то было в 1612, 1812 годах, приносило громадную пользу, а например, данная воеводам смутного времени, она служила предлогом для бегства с поля битвы, изменам и т.п.

Сейчас мы сказали, между прочим, что история представляет нам прототип современного бытия. Она дает нам понятие о том зерне, из которого развился современный строй. Отсюда ясно, какое громадное значение приобретает изучение отечественной военной истории. Хотя и говорят, что народы на одинаковой ступени развития более похожи друг на друга, чем один и тот же народ сам на себя на разных ступенях его, тем не менее никогда не может быть для всех народов одинакового бытия, а следовательно и одинакового строя. Поэтому мы должны считать за верное, что разные народы, глядя по странам, в которых живут, выдумали себе разные способы военного дела¹. В силу этого мы не можем не

¹ Крижанич

дорожить прошлым своего военного, как первичными зародышами нашего настоящего. И чем больше каждому народу удастся сохранить последовательное развитие форм своего боевого дела, тем на более крепких корнях оно будет зиждиться, тем ближе будет оно подходить к духу нашего народа, его свойству и качествам, тем больший оно будет давать простор использованию наших природных способностей, наших природных особенностей. Но наперед заявляем, что охранение и развитие своих природных, этнографических и пр. преимуществ отнюдь не подразумевает узкого консерватизма, стремящегося во что бы то ни стало сберечь все, что было до нас, в неприкосновенном виде — будь это полезное или вредное, национальное или заимствованное.

Знание отечественной военной истории важно еще тем, что она будит национальный дух граждан, возвышает его примерами доблести, утешает в невзгодах созерцанием настойчивости, энергии, бескорыстия народных героев, вселяет веру, но не самоуверенность, в силы и ум своих богатырей.

Теперь обратимся к нашей военной истории. Созерцание наших неудач, порожденных нашей явной отсталостью в военном деле и отсутствием выдающихся талантов среди командного состава, казалось, вело к тому выводу, что Россия всегда была отсталой страной и в военном отношении, что нам нечему учиться у наших предков, что все то, что они нам завещали, оказалось неудовлетворяющим современным требованиям. Но если мы к XIX веку сумели не только пойти в военном отношении назад, но и обратиться в рутинеров, то это не значит, что Россия и всегда была такой страной. Наоборот, завоевание бесконечных пространств, непрерывная, победоносная борьба с Западом и Востоком уже сами по себе лучше всяких слов свидетельствуют, что в старину русские обладали недюжинным талантом в военном искусстве. Да и действительно, если нужду называют лучшим учителем, то настоятельная потребность России в вооруженной силе и должна была породить великие принципы ведения войны. Нам могут возразить, что русские действовали одной преобладающей силой, но обзор любой кампании легко опровергнет подобное мнение. Да иначе и не могло быть, ибо если наше государство обладало сравнительно многочисленным населением, то последнему соответствовала еще большая территория, и против каждого из своих многочисленных врагов Россия почти никогда не могла выставить даже равных сил.

В программу нашей статьи не входит рассмотрение того, что было великого у нас в свое время и для своего времени; мы имеем только в виду показать хотя бы частицу того, что в нашей русской военной истории достойно внимания для практики настоящего времени, что может непосредственно послужить и теперь примером при восстановлении и приведении в порядок наших Вооруженных сил.

Начнем с общего направления военного искусства. В настоящее время в литературе русской, а также и западной везде сказывается борьба между приверженцами формы и противниками ее. Допетровская Русь имела чрезвычайно развитую, сложную военную систему, но у нее не было борьбы между формой и существом дела, ибо самую форму русские мыслили, как выражение сущности, как обобщение для однородных действий, но отнюдь не как нечто самостоятельное, отдельное от самого дела. Возьмите организацию пограничной службы допетровской Руси: расположение постов, частных поддержек, постоянного резерва, армии на Оке — все вместе это выработалось в чрезвычайно сложную, целесообразную форму, но форма не сделалась там кумиром, и раз менялась суть — менялась и первая, как нечто само по себе не стоящее внимания.

Когда местничество, как выражение служебных заслуг и родовых традиций, стало давить существо, появились указы «быть всем без мест», а когда это не помогло, оно было отменено вовсе. Русские быстро перенимали оружие, ввели даже первые полковую (полевую) артиллерию, но они не думали перенимать парадных приемов, ибо не находили нужным отводить им много места в своем боевом искусстве. Как бы в предупреждение еще не существующего на Руси порабощения форм боевых целей, раздается в России голос, предупреждающий русских о грядущей опасности. Славянофил Крижанич уже в конце XVII века пишет: «Будем соперничать с немцами прекрасным, полезным и истинно воинским способом и устройством нашего военного дела и вооружения».

Он осуждает то военное дело, которое служит «только для показа, который чинится на смотрах»¹. Он требует, чтобы «учились бы тому, что обыкновенно и часто применяется или может применяться на войне. То же, что никогда или в высшей степени редко и трудно может быть приведено в дело, то пусть пренебрегается». — «Игрушечного учения и журавлиного мотания, которое заводят немцы, нельзя посоветовать ни искать, ни допускать, ибо это даром мутит людей и отводит от работы. А под таким игрушечным учением подразумевается то, которому не бывает применения в истинных битвах»¹. — «Немцы выдумывают, что в этом их искусстве заложена скрытая тайна, и никакой тайны в нем, кроме игрушки, не заложено». Так охарактеризовал Крижанич и национальную задачу организации русского военного дела и опасность, грозящую ему со стороны искусственных порядков Запада. Такое понимание можно назвать прямо пророческим, если мы вспомним последующие времена — времена Анны Иоановны, Павла I, наследие которых не исчезло окончательно даже до сей поры. Действительно, только в полном освобождении себя от порабощения формой, столь несогласной, неудачной для практического ума и свободного

¹ «Такого для ради указания, кое се чинит на стойках».

нрава русского народа, мы можем обрести свои национальные боевые порядки как продукт нашего ума, нашей военной истории.

Мы позволим себе попытаться сделать теперь очерк тех принципов, которые были завещаны нам нашими предками, но были забыты искусственными чужеземными формами...

Армия — вооруженный народ; вот, что прежде всего бросается в глаза при обзоре древних принципов комплектования русских Вооруженных сил. Все тянут боевое тягло: в лице поместного боярства выступает в поход правящий класс, в лице вооруженных холопей и посошной рати выставляет свои силы черный люд. Даже монастыри и те, так или иначе, привлекаются к исполнению общей повинности. Опытность в управлении, приобретенная в мирное время, переносится и в армию. Когда является необходимость в войсках постоянных и обученных, Русь не становится перед этим как перед задачей, которую можно разрешить лишь насильно навербованными армиями. Она обращается к средствам, более связанным с родными принципами, и создает войска поселенные: пушкарей, стрельцов и солдат. Как бы соединяя идею сборов поместных войск с постоянной службой поселенных, Крижанич в нескольких словах даже предлагает, говоря современным языком, проект мобилизованных кадров «держат от всякого строя для образца... один отряд, а в нужное время увеличить тот строй, который казался бы более необходимым». — Но судьба решила иначе: введя рекрутский набор, Петр Великий, хотя и опередил Западную Европу, где господствовала вербовка, но тем не менее разрушил национальную земскую рать, и вопрос остался открытым, в какую форму вылилось бы комплектование армии на наших родных началах. Плакат 1724 года, по которому войска должны были быть выведенными из городов в уезды, и попытка 1734 года поселения войск в слободах вместе с женами и детьми были первыми слабыми стремлениями восстановить нарушенную связь армии с землей и жизнью. Стоит ли упоминать об опыте Аракчеевских поселений? Стеснение всего обихода солдата-крестьянина и мелочная требовательность со вмешательством в его частную жизнь, возможные только в казармах, привели оригинальную мысль к полному краху, и даже более — к подрыву самой идеи поселенных войск. Между тем в лице стрелецких и солдатских полков и в лице пограничных ландмилицких войск, учрежденных по мысли Петра Великого и просуществовавших до Павла I, мы видим полную возможность ее осуществления. Так или иначе, но главный пункт — жизнь и воспитание солдата в деревне, в поле, столь полезные для воспитания воина, были почти потеряны для нашей армии вплоть до введения всеобщей воинской повинности. Только офицерская среда, комплектовавшаяся преимущественно из помещичьего сословия, даже во время нахождения на службе,

¹ «Кому не бывает ужитка в истинных битвах».

фактически еще не теряла связи с деревенской жизнью. И лишь один род войска сочетал в себе организацию воинской повинности с лучшими сторонами поместной и поселенной системы — это именно казаки. Перед нами теперь обширное поле реформ: раздаются голоса за отмену льготы, уничтожение особенностей казачьей службы, но надо быть осторожным. Не в приговорительном ли разряде, не в льготе ли офицеров, вынужденных жить то в деревне, то на службе, вынужденных знать и быть связанными со своими подчиненными нижними чинами, кроется отчасти сила и мощь казачьего войска? Казачество — древнее русское учреждение, не отжившее свой век, а может быть и обломок одного из тех институтов, которые мы или чуждые нам люди по нашей доверенности смело и самонадеянно стерли, но в которые, может быть, долженствовала вылиться на благо родины вся наша военная жизнь. Если уничтожить юридические особенности казаков, то останется одно их имя, но не само казачество!

Не представляет ли казачество живой пример для изучения наших национальных принципов комплектования армий! Во всяком случае этот пример в высшей степени поучителен для будущих реформ, для введения связи армии с деревней, с ее богатейшими источниками для познания сил людей, лошадей, природы, местности — всего того, что и по сие время составляет необходимые элементы военного дела.

Но если способ комплектования заключал у нас много передового, оригинального, то еще большего внимания заслуживает история нашего тактического и стратегического искусства; она дает еще более ценные принципы для нашего будущего. Здесь даже трудно установить все то, что выдвинула наша история на вид и что вполне осуществимо и при современном состоянии военного дела, мы не беремся свести все результаты творчества наших предков к каким-нибудь основным общим идеям, но все же нам кажется возможным подметить у них четыре тенденции: 1) свободу от искусственных форм при неуклонном стремлении лишь к боевой цели; 2) свободу действий и инициативу, 3) простоту и определенность форм и 4) в то же время умение во всех случаях создавать новую идею и проводить ее в исполнение новыми, не шаблонными способами. Все, от дисциплины и воспитания до тактики и стратегии, проникнуто было у русских этими несомненно верными принципами военного искусства.

Взгляните на русскую дисциплину. У нас до Петра не было палок капрала за неловко сделанный ружейный прием, но тем не менее одинаково для всех, покинувших поле сражения, были батоги; у нас, если били, то били не за ложную честь или несущественный промах, а за истинный ущерб своему делу. Далее, возьмите Великого Петра: он не боялся участия подчиненных, даже в проверке действий начальника, предписывая вести полковому

командиру хозяйство, общее «со всеми офицерами», «с подписанием всех офицеров», он установил равенство перед судом, жестокими наказаниями воспретил какие бы то ни было дуэли, допустил смещение коменданта крепости, в случае слабости, офицерами и даже солдатами, а в то же время никто не скажет, чтобы он поощрял распушенность или подрывал дисциплину в своих войсках. Еще далее пошел по национальному пути Суворов, показавший, что такое дисциплина, построенная не «на кичливости» или «на трепете подчиненных», не на титулах, не на амбиции ¹, а на взгляде на службу как на общее всем дело, а на подчиненных как на людей, вверенных не для обращения их в слепого, лишённого инициативы автомата, а для внедрения начал ясного понимания каждым необходимости честного исполнения службы. Вспомним требование Суворова, чтобы даже рядовой солдат всегда понимал общий маневр; вспомним также один его приказ, отданный в Италии: «Офицеры при встрече с ним пусть шляп не снимают, а заботятся более о своем деле». Суворов не сочувствовал вообще ни подбострастию, ни мундирной ложной чести, ревниво поддерживаемой слепыми подражателями чуждых нашему духу порядков. Стоит ли говорить о суворовском воспитании солдат: оно у всех перед глазами и может смело оставаться впредь на многие века руководящей нитью. Взгляните на его способы внедрения дисциплины, и вы сразу увидите в них гораздо большее, чем простая муштра или чрезмерная строгость. Борясь с дезертирством, Суворов ограничил дисциплинарные права ротных командиров по наложению телесных наказаний, которые были чрезмерно велики. Во главе способов внедрения дисциплины у Суворова стояли личный пример и личное общение со своими подчиненными. Отказываясь есть скромное, он отговаривался тем, что он солдат, а на возражение лейб-медика, что он генералиссимус, ответил: «Так-то так, да солдат с меня пример берет!» Мы не можем не вспомнить здесь рассказа о том, как видя, что дежурный по полку, молодой офицер, при рапорте растерялся, Суворов не рассердился, а развлек его вопросами: «Какой суп готовили у вас в четверг, а в пятницу, а в субботу?»

Это было на службе, а простое товарищеское обращение его вне ее даже с солдатами известно всем; оно стало вечным, но, к сожалению, в большинстве случаев платоническим идеалом для начальников русской армии.

Личный пример, простое, чуждое гордости, обращение у Суворова дополнялись еще неустанным действием на дух подчиненных, подъемом последнего. «Молись Богу! У него победа, Он твой Генерал!» Воспитание духа войск простирал Суворов столь далеко, что способы взбадривания людей он ставил в число врачующих средств. Предпочитая гигиену

¹ «Я не наемник, — пишет Суворов, — не из хлеба повинуюсь, не из титулов, не из амбиций».

медицине, и уже этим опережая свой век, говоря: «Дело не в том, чтобы лечиться, а в том, чтобы не заболеть»...

Теперь перейдем к нашим национальным принципам из сферы тактики. Начнем, как водится, с обмундирования. Допетровская Русь не торопилась с его введением: каждый ходил в чем и как удобнее. Первое обмундирование, появившееся в России, солдатских и стрелецких полков было просто и удобно; здравому уму наших предков не приходило и в голову, что во образе формы может появиться еще лишний враг нашей армии. Крижанич, как и во всем, и здесь указывает путь верный, согласный с нашими народными привычками. Недовольный даже русским боярским нарядом, он рекомендует ввести в России такую форму, которая обладала бы полнейшим удобством, защищая «от мороза, дождя, сырости, ветра, меча, солнца», и по этим причинам делала бы воина «храбреей, проворнеей и грознеей врагу». «Покрой, приспособленный к быстроте, — говорит Крижанич, — означает храбрость в том, кто одет таким образом и возбуждает преценбу¹ и страх в тех, кто его видит. Конь, украшенный бубенчиками, задыхается, а скачет, также и воин». Однако позднейшая история с ее чужеземными заимствованиями повернула совершенно в другую сторону. Попытка Потемкина, одевшего армию в простой удобный кафтан, шаровары и сапоги и издавшего свой знаменитый указ, кончавшийся словами: «Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то и готов» и дальнейшая борьба Суворова с порядками Павла I относительно того же предмета, столь хорошо всем известная, могли бы вернуть нас в данном отношении на национальный разумный путь, но этому опять не суждено было сбыться. Их заветы при всей своей убедительности остаются незаконченными и для нашего времени.

Россия не была передовой нацией в технике и механике, и поэтому мы затрудняемся указать на что-нибудь поучительное в области артиллерийского мастерства (разве только на изобретение нарезных, револьверных ружей еще в XVII веке), но зато в пользовании им мы снова можем отметить передовые принципы наших предков.

И прежде всего это сказывается в употреблении и обучении различных родов оружия. Особенно сильно обнаружилась тенденция свободы от искусственных форм в обучении пехоты в борьбе с прусскими порядками. Еще заграничные методы не успели свить у нас прочного гнезда, как Крижанич уже предупреждал русских от увлечения западными формами, выродившимися к его времени во многих отношениях в ряд бесполезных церемоний. Он называет «пустейшими пустотами» все ружейные и другие парадные приемы, как, например, взятие шпаги под высь; он смеется над обучением деланной маршировке и проч. Но искусственная тактика европейской школы не допускала тогда иного, а в силу этого

¹ Оставляем без перевода это слово.

позднее Крижанича лишь гению Петра Великого, Потемкина, Румянцева и Суворова было по плечу отнестись к ней с недоверием. Стрельба во много темпов была смело сведена Петром Великим на три, и строевые уставы его дышали преследованием исключительно боевых целей. Учение его состояло: «в наступлении, отступлении... захватываюны у неприятеля фланкии и прочим воинским оборотам» — «яко и в самом деле». Суворов же, еще командуя Суздальским полком, ввел обучение «не на караул», «на плечо», а «скорый заряд» и конец «удар в штыки», прыганье, форсированный дневной и ночной марш, переправы через реки и болота — словом, все, что составляет истинный боевой метод. Правда, у Суворова преследование исключительно боевых целей выразилось гораздо ярче, чем у других, но, как мы сказали выше, во времена Екатерины он не был одиноким борцом за истинно боевое не парадное воспитание пехотинца. В этом же духе действовали и Румянцев, и Потемкин...

Заметим кстати, если пехота пережила у нас два периода: пассивно и активно оборонительный (первое время по введении огнестрельного оружия) по преимуществу и активно наступательный, получивший начало от Петра, Румянцева и Суворова, вообще предавшего, по словам Д. Давыдова, анафеме всякую оборону, то конница в России всегда и неизменно была родом оружия активно-наступательным. Прячась до Петра Великого после неудачных атак за пехоту, она редко оборонялась контратаками, а всегда стремилась или повторять свои удары с флангов и тыла или вовсе покидала поле сражения. Кроме того уже до Петра мы видим ее в боях принимающей на себя отдельные самостоятельные задачи. Верно определившаяся роль конницы нашла в дальнейшей нашей истории лишь свое подтверждение...

История русской артиллерии поучительна уже потому, что русские всегда обгоняли другие государства введением различных родов ее. Под именем полковой артиллерии русские впервые (при Иоанне Грозном) создали артиллерию полевую, подвижность которой доходила до того, что пушки до Петра Великого появлялись даже в сторожевых полевых караулах (принцип, аналогичный практике последней японской войны). При Петре Великом полевая артиллерия распалась на полковую, предназначавшуюся для усиления огня пехоты, и собственно полевую для действия отдельными батареями (преимущественно располагавшимися на высотах). Петр же Великий был первым в Европе основателем артиллерии конной. Если бы русские сохранили свободное отношение наших предков к введению новых родов артиллерии в полевой бой, тогда, может быть, мы не отстали бы от наших противников в принятии тяжелой артиллерии в последнюю кампанию.

Заметим, что основные русские тактические принципы всегда требовали взаимного содействия друг другу родов оружия. В последний период допетровской Руси мы видим

такой порядок: пехота и артиллерия, как представительницы тяжелой силы, ограничиваются пассивной обороной и принимают на себя все удары, пока конница атакует или оправляется после неудачных натисков. У Петра Великого мы видим требование общих дружных действий: кавалерии атаками с флангов и тыла, пехоты с фронта, артиллерии деятельной пальбой «сколько возможно» с высоких мест, но в случае надобности последняя обязана была менять позиции и содействовать общему наступлению. «Накрепко смотреть, чтобы друг друга секундовать» — так гласят слова Великого Императора. Аналогичные требования наступательного дружного захвата инициативы мы видим и у Суворова: «Артиллерия становится так, — говорит Суворов, — чтобы не мешать движению других войск и деятельно производить пальбу».

Сами строевые порядки нашего национального происхождения на наш взгляд отличаются большим совершенством. Они дают нам вполне правильное сочетание единения для достижения единого удара и действия и расчленения, делающего весь строй более прочным, менее способным передавать частичные неудачи всему целому и более гибким и удобоприменимым ко всякой местности. Они не представляют ни грузной колонны, ни тем менее хрупких тонких линий. Уже в XII веке мы видим деление русского боевого порядка на: основную линию из полков правой, левой руки и большого, переднюю линию из двух полков и третью линию из стрелков. Скоро под нашим названием засадного полка к этому стал добавляться резерв. Этот столь совершенный порядок не был мертвым; он двигался, маневрировал, производил засады, ложные отступления, словом, в нем мы не можем не видеть опять-таки поучительнейшую схему прообраза современного боевого порядка. Когда тяжелое ручное огнестрельное оружие и еще более грузные орудия первых времен заставили русских приковать пехоту и артиллерию к центру боевой позиции, прикрывая их окопами, местами предметами или даже подвижными щитами гуляй-города, русский боевой порядок все-таки сохранил свою гибкость, ибо каждый фланг, составлявшийся из кавалерии, и резерв, укрытый до поры до времени сзади, сохранили в нем свою независимость. При Петре Великом изменилась роль пехоты, сделавшейся наступательной, но схема порядка сохраняла подобие предшествующей эпохе. Резерв Петр Великий рекомендовал ставить там, «где неприятельскому нападению наивысше быти чают». Дальнейшая наша история представляет уже заблуждение русских, какового могли бы избежать, если бы не чрезмерное и отчасти насильное увлечение всем чужеземным. Однако дробление Румянцевым армии в боях против турок на несколько каре, а Суворовым на батальонные каре шахматами, с цепью стрелков впереди, с кавалерией по флангам, спереди или тыла, являлось уже как бы возвратом к прежнему и в то же время движением вперед.

Попытка Суворова переучить вообще войска французскому рассыпному строю с колоннами резервами вследствие реформ Павла I не удалась, но зато скоро войны Наполеона и гений учеников Суворова, давшие новые боевые порядки, покончили с данным вопросом. Мы вернулись наконец к тому, с чего начали: линия стрелков впереди, несколько линий боевых отрядов с центральными, но не линейными резервами сзади.

Итак, изучение наших национальных порядков — лучшая пояснительная схема происхождения всякого целесообразного современного строя...

Еще большего внимания заслуживает сторожевая служба царской Руси; она обладала действительно большим совершенством. Устав же, изданный в 1571 году Воротынским, поучителен и для нашего времени во многих отношениях: например, он предписывает разъезды составлять не менее, как 2-х человек, пищу передовым постам варить в закрытых местах, два раза на одном месте не разводить огня; открыв неприятеля, сторожевому караулу давать знать в тыл и соседним постам; самому же, оставаясь на месте, высматривать не только силы и направление неприятеля, но и что у него в тылу. Интересно, что по свидетельству Маржарета русские применяли скрытую тайную разведку: «Недалеко от пути, — пишет он, — которым идут татары, скрываются рассыпные в разных местах дозоры. Выждав время, когда минует неприятель, они выходят на следы и угадывают, довольно верно, силы его по широте дороги, протоптанной в степи конями... по глубине следа или по вихрям отдаленной пыли». Не напоминает ли до некоторой степени этот способ манеру действия наших врагов в последнюю кампанию! — Схема расположения постов и резервов допетровской Руси должна считаться во многих отношениях образцовой и для нашего времени. Нам поставят вопрос, почему же при таком образцовом порядке наше сторожевое (преимущественно бивачное) охранение страдало нередко отсутствием бдительности: но что касается массового выполнения, — русские всегда были и будут русскими, и при всем своем понимании наш авось и небойсь были, есть и будут, к сожалению, неизбежным злом, неотвязчивым нашим спутником, ложкой дегтя в бочке меда.

Но если много поучительного представляет нам русская история в области низшей тактики, то тем более можно это сказать про сферу тактики, граничащей с областью стратегии, и про сферу самой стратегии. Да и действительно, как мы сказали выше, принципы стратегии медленнее изменяются сравнительно с правилами тактики, а посему уроки истории здесь сохраняют свое значение еще на более долгое время. Из области высшей тактики и стратегии еще ярче у русских великих полководцев выделяются следующие великие и надолго неизменные принципы: 1) отсутствие искусственных целей, а следовательно и форм, 2) свобода действий, а в силу сего, 3) развитие инициативы, 4)

простота и определенность форм, 5) умение с этими простыми формами каждый раз создать новую идею и привести ее в исполнение, несмотря на всевозможные препятствия.

Действительно у коренных русских полководцев мы видим только один кумир — достижение боевого успеха путями, непосредственно к нему ведущими. В самом деле, разве путем не логических и математических положений, а путем ложно логических экивоков и заблуждений Скопин, Пожарский, Петр Великий, Суворов, Кутузов воздерживались создавать себе такие искусственные, нелепые системы, как прусская с ее старанием в столь живом деле, как война, предусмотреть всякую обстановку, всевозможные ходы противника, что вело подчас к таким странным умозаключениям, что противник должен появиться непременно с такой-то стороны, что фланги надо во что бы то ни стало припереть, по выражению Суворова, «хоть к навозной куче или луже, где воды мало даже для лягушек». Нет, все это было чуждо нашим полководцам: они понимали, что можно приготовить силу, а будущее считали в руке Божией — готовься, мол, поступить глядя по делу. Вспомним, что сделал Суворов еще в бытность полковником, когда на сложных маневрах неожиданно двинулся со своим полком вперед из линии и «перепугав все предначертания и распоряжения начальников, обратил все в хаос». Разумеется, уже этим он хотел показать, во что ценит всякую искусственную систему. Вглядитесь в действия русских великих полководцев, и вы увидите у них замечательное пренебрежение к подробным предположениям и даже планам. Их план — достижение боевого успеха, и самое большое предположение — это предварительный выбор того, в чем они полагают уничтожение главной силы, опоры противника. Подробную же разработку планов кампаний вы у них едва ли найдете. Они понимали, что оставить за собой свободу действий лучше, чем наперед связать себя преднамерениями; они понимали, что все, что зависит от обстановки, может измениться вместе с нею. Смотрите, в чем состоял план Скопина, Пожарского — очистить центр России от врага, действуя от нетронутой базы, то же у Кутузова. Возьмите Суворова, — его план всегда один и тот же: идти как можно скорее (хотя бы минуя крепости) на главные силы врага и уничтожить их ударом (его планы — проекты походов на Константинополь и Париж по-видимому написаны более для того, чтобы склонить правительства к решительным мерам, хотя они и не заключают подробностей). — Есть две версии анекдота о том, что на запрос или Тугута, или гофкригсрата, каков его план, Суворов показал чистый бланк с подписью Императора Павла I или просто чистый лист бумаги. Можно сказать, что у Суворова план не переходил границ: идти ко всякой живой силе врага и уничтожить ее. Вот при таком почитании этой внутренней свободы воли полководца, отсутствии внутренней его предвзятости являлась у русских великих полководцев та

гибкость, способность пользоваться обстановкой, местом, временем, ошибками врага, которую охарактеризовал Суворов такими словами: «Неприятелю времени давать не должно, пользоваться сколько можно его наименьшею ошибкой и брать его всегда смело с слабейшей стороны».

Итак, по принципам русских великих полководцев, главнокомандующий должен быть в душе свободен, не должен в мыслях своих иметь предвзятых намерений, а следовательно тем менее его воля должна быть связана извне. Обратимся к русской военной истории и посмотрим, какие наказы давало правительство допетровской Руси своим воеводам. Им указывалась общая цель войны, место сбора, общий план, да и то не обязательный. Главный воевода и товарищ должны были действовать «как Бог вразумит». Обязывались воеводы лишь извещать как можно чаще Государя о ходе военных действий и придерживаться указаний, уже собственно выходящих за область боевой сферы: как поступать с жителями занятых областей. Вот такое отношение к полководцам можно назвать образцовым, хотя бы и для нашего времени. Но, к сожалению, дальнейшая наша история дает нам совершенно обратные примеры. Свои великие принципы мы оставили как варварские и по примеру чужеземцев стали вязать или допускать вязать «из всех четырех углов» своих полководцев всевозможными искусственными планами. Вспомните только борьбу Суворова с гофкригсратом в Италии, Вейротеров план под Аустерлицем, Пфулево начало 1812 года или даже до некоторой степени последнюю японскую войну, и наказы царским воеводам уже едва ли будут вам казаться отсталыми, а может быть вы согласитесь даже с их поучительностью — боимся сказать — и для нашего времени.

Требуюя и отстаивая принципы свободы для себя, наши полководцы умели предоставлять ее и подчиненным. Она является решающим фактором под Куликовым и в боях Пожарского под Москвой (когда сотни, высланные в подкрепление Трубецкому, производят атаку в тыл зарвавшимся войскам Ходкевича, а на третий день когда с несколькими сотнями Минин ударяет в тыл врагам со стороны Крымского брода), но особенно ясно содействие развитию инициативы оказывается в диспозициях Петра Великого и Суворова, кои указывают лишь цели для действий, оставляя все остальное на волю исполнителей. Покровительство инициативе сказывается у Петра Великого и в общих директивах для партизанских отрядов. Верх же развития инициативы мы можем найти во всех указаниях Кутузова отдельным партизанам и в его организации легких отрядов, коим он назначал одну общую цель нанесения противнику вреда и воспрепятствования того же самого по отношению к своей армии. В остальном партизаны Кутузова были совершенно

самостоятельны. Но об этом мы уже говорили раньше в статье «Малая война прежде и теперь».

Мы выше описывали национальные русские боевые порядки. Здесь мы должны дополнить, что они вообще в высшей степени благоприятствовали проявлению инициативы. Таков расчлененный порядок до введения огнестрельного оружия, таково постоянное пользование засадами и скрытыми резервами, как дающими возможность перехватить волю противника в свои руки. Полно инициативы и пользование Петром Великим и Кутузовым отдельными летучими отрядами, наделенными самостоятельными целями (Платов и Уваров под Бородиным, Платов под Малоярославцем; корволанты Петра «не токмо от кавалерии, но при том употребляема бывает и инфантерия с легкими пушками, смотря случая и места положения»). Идея пользования такими отрядами с отдельными тактическими и стратегическими целями особенно поучительна для нашего времени. О постоянных требованиях проявления инициативы отдельными родами оружия и частями боевого порядка мы уже говорили выше.

Такое отношение к проявлению свободного творчества, разумеется, должно было сказаться и на фактах. Действительно, окиньте взором действия наших полководцев, и вы всегда увидите инициативу в их руках. Мы уже не говорим про наступательные действия Скопина, Шуйского, Петра Великого, Суворова. Вы увидите, что русские великие полководцы умели сохранять ее в своих руках во всякое время и при наступлении, и при обороне (Куликово, Молоди, Полтава) и даже при отступлении (Кутузов в 1812 году). Поэтому-то всегда их действия, безразлично какого бы рода они ни были, неизбежно вели к одному результату — уничтожению живой силы противника.

Действительно, что такое люди, лошади, пушки, обозы; сами по себе это лишь тело армии, а душа ее — инициатива, а она-то всегда была в руках и Пожарского, и Петра Великого, и Суворова, и Кутузова. Они понимали, что выпустить ее из рук — значит лишить армию души, превратить ее в безжизненный труп, хотя бы даже труп великана, окованного в латы. Вот этому уменью никогда не расставаться с инициативой и не лишать ее других и при всех обстоятельствах даже добиваться ее и для себя и для своих подчиненных до последнего солдата — опять-таки мы больше всего можем поучиться у наших предков...

Как мы сказали выше, несмотря на простоту операций наших гениальных полководцев, их действия всегда заключают в себе новую оригинальную идею, и в этом преимущественно сказывается их принципиальное различие от полководцев, хотя бы умных и талантливых, но не великих. Обыкновенно всем заурядным людям свойственно всегда действовать по пути более или менее шаблонному, общепринятому. Свыкаясь с ним, они обыкновенно даже не

представляют себе, что можно поступить иначе. Таких шаблонных действий они обыкновенно ждут и от своих противников. Но раз таковым является великий полководец, их надежды обманываются, а все расчеты рушатся. Действительно, каждый раз, когда великий полководец выступает на арену, его творческая сила, внутренний огонь создает новые идеи, новые способы, имеющие мало общего с общепринятыми шаблонами. И эта творческая сила у наших полководцев была столь велика, принимала столь разнообразные формы, что оригинальная идея, явившаяся у каждого из них при одной операции, нередко больше не повторялась вовсе даже у того же самого полководца, ибо когда наступало время нового испытания, их творческая сила приходила вновь в движение и создавала новые идеи, разрушая таким образом всякое понятие о шаблоне и рутине. Просто да ново — вот какими словами можно охарактеризовать каждую операцию наших великих полководцев.

В чем же проявлялась новизна идей наших полководцев, в какие формы она облекалась? Нельзя ли подметить какие-нибудь общие принципы в данном отношении? Ответить на этот вопрос более чем затруднительно. Возможно набросать картину их творчества, дать обзор многих примеров их оригинальных действий, но не хватит никаких сил исчислить все то бесконечное разнообразие способов и форм, в какое выливалось их творчество. То оно принимало формы, парализующие волю противника предварительными мерами, то (что чаще) прямо выступало во всеоружии инициативы, то действовало тем и другим вместе, не оставляя врагу ничего, кроме забот о своем спасении...

Теперь мы остановимся на области активных действий наших полководцев и постараемся хотя сколько-нибудь представить себе их разнообразие и оригинальность. Суворов в своих словах дает им такую характеристику: «Неприятель думает, что ты за 100, за 200 верст, а ты, удвоив, утроив богатырский шаг, нагрянь на него быстро, внезапно. Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из-за лесов дремучих налети на него, как снег на голову: рази, тесни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться». Вот те общие принципы: быстрота, неожиданность по месту и времени, непрерывность, которые в большинстве случаев свойственны почти всем наступательным активным действиям наших полководцев, но это только общее, а частное оригинальное опять-таки заключается у них в каждом отдельном примере...

Переходя к частностям выполнения идеи великими полководцами, можно даже подметить подчас общность в средствах, ими применяемых, и нам кажется, что более частое пользование тем или другим их образом может опять служить источником поучения. Например, чаще всего маневры наших полководцев включали в себе обходы и охваты, столь излюбленную форму действий нашего предприимчивого врага. Обходы совершались

русскими и целыми армиями (Калязин) и частями их (Рымник, Рушук, Кутузов) и отдельными отрядами (Суворов в Швейцарии, Москва Пожарского, Малоярославец Кутузова). В частности обходы резервами (Молоди Воротынского)¹ особенно часто употреблялись до Петра Великого и служили даже обычным средством придания инициативы и активности обороняющемуся. Но предпочтение активности — пассивному способу во всех случаях в наступлении и обороне, даже при отступлении (Кутузов), опять-таки представляет великий тактический и стратегический принцип русских полководцев. Мы не можем здесь не напомнить, что даже в крепостной обороне русские были сознательно активны, следовательно старались сохранить инициативу в своих руках. Для этой цели до Петра Великого обыкновенно делили гарнизон заблаговременно на две части, назначая одну специально для вылазок, другую собственно для обороны укреплений. До Петра же Великого в самом широком виде пользовались русские контрходами (подкопами), действуя ими как средством активной обороны. (Троице-Сергиевская Лавра, Псков, Смоленск, Севастополь). Уважению этим принципам седой, но не устаревшей старины опять-таки мы можем поучиться у наших предков с пользой и на будущее время...

Итак, всегда сохраняя в своих руках инициативу, при наступлении, обороне и отступлении, всегда во всех случаях стремясь к активным движениям и создавая новые идеи при всех обстоятельствах, русские в былое время не имели надобности ярко выделять наступательные действия от всех других, но так как последние все-таки дают наибольшее поле для творчества, то понятно отсюда, наши полководцы должны были и предпочесть их всем остальным. Действительно стратегически они почти всегда и являлись наступающей стороной, но когда хотели — искусно переходили к тактической обороне (Куликово, Молоди, Москва, Полтава, Рушук).

Этот принцип опять-таки заслуживает особого внимания именно в наше время. Стоит ли говорить о постоянной проповеди Суворовым наступательных действий.

Тем не менее русские полководцы не шаблоны ни в каком отношении, а потому мы не можем удержаться от того, чтобы не повторить еще раз: инициатива и активность были везде неизменным спутником наших полководцев, наступление же в большинстве случаев, но не всегда. Вспомним: отступая, Кутузов подготовил своим творчеством гибель 600 000 армии, да еще предводимой самим Наполеоном. Сколько же принципов было дано Смоленским в этой кампании: расположение, угрожающее коммуникационной линии врага и одновременно прикрывающее базу, создание на совершенных началах свободы малой войны, постоянство параллельного преследования, непрерывные обходы отдельными отрядами и т.д. Вся сумма

¹ При Молодях Воротынский, поставив гуляй-город и скрытые батареи, заманивал на них татар, уменьшал их

маневров Кутузова есть и доныне: самый высший, лучший пример простых и в то же время оригинальнейших операций. Для нас, русских, действия Кутузова в 1812 году есть неиссякаемый источник поучения, а между тем мы не прочь, закрыв глаза на творчество его, приписать все не уму великого старца, а благоприятному стечению обстоятельств, даже климата, забывая, что живую силу противника уничтожает, пользуясь всем, и обстановкой и оружием, только враг, а не бездушные предметы, которые сами по себе насколько вредны, настолько же и полезны для людей.

Таковы принципы наших предков, еще не устаревшие и не утратившие своего непосредственного значения и для нашего времени. Но еще более поучительны они косвенным путем: они дают нам (как мы говорили выше) общее понятие о методах и способах совершенствования военного искусства, о его постепенном ходе, т.е. сообщают нам общее развитие и помогают постичь, что такое наше национальное военное искусство в целом, на каких элементах оно должно зиждиться, чтобы иметь твердую под собой почву, почву, согласную с природой нашей земли и характером нашего народа. Подражая словам немецкого философа Гердера, скажем так: мы желали бы, чтобы наши генералы сражались не так, как воевали Пожарский, Петр Великий, Суворов, Кутузов, а воевали так, как сражались бы последние на их месте при нынешних условиях войны. Тогда мы вернули бы себе ту славу, которая могла вызвать такие слова даже у английского военного агента: «Если бы русский Скобелев мог теперь появиться на театре войны, блестящий, быстрый, смелый, обожаемый своими войсками и обладающий настоящим военным инстинктом, — тогда, я думаю, японцы убедились бы, что в Европе есть элемент, с которым им еще не приходилось считаться».

Итак, да простят нам читатели за этот грубый очерк великих принципов древнего русского военного искусства, принципов прямо или косвенно поучительных и до сего времени. Но военное дело имеет еще одну сторону, каковая кажется не стареющей даже вовсе, пока живы на свете люди с их пороками и добродетелями. Мы говорим о нравственной стороне. В этом отношении едва ли великие люди какой-либо другой страны могут стать рядом с такими чистыми образами нашей истории, как Дмитрий Донской, Скопин Шуйский, Пожарский, Великий Петр, Суворов, Кутузов. У кого вы найдете такой неподдельный демократизм, простоту, как у Петра Великого, который добровольно решил познать солдатскую службу «с фундамента», или как у Суворова, сумевшего сочетать достоинство генералиссимуса с товарищеским отношением к последнему солдату; где вы встретите такое бескорыстие как у Скопина Шуйского, отвергнувшего корону во имя долга,

силы пальбой, а под вечер длинной долиной зашел им с резервом в тыл и решил этим битву.

где увидите такое самопожертвование, как у Пожарского. Достаточно вспомнить какой-нибудь эпизод из их жизни, и сразу ярко заблещет перед глазами их безграничное и вместе скромное, ясное и непоколебимое понимание высших нравственных начал. Среди дыма пламени, всеобщей разрухи обороняется Пожарский, изнемогая от ран без всякой надежды на спасение, он падает с саблей на землю и горько плачет «не терпя видети толикие скорби людям». Но если невозможно во многих томах описать технику наших полководцев, то недостаточно целых тысячей книг, чтобы изобразить их беспредельную, чистую, бескорыстную любовь к родине, любовь, лучезарно освященную верой в Бога, верой в непреложность величия России...

С. Кедрин

1908 г.

(Братская помощь. — 1908. — 164. — С. 40–58; № 5. — С. 40–56).

КОМПЛЕКТОВАНИЕ И УСТРОЙСТВО ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ

А. Редигер

I. Различные формы вооруженной силы

Вооруженный народ и народные ополчения. В наше время совокупность граждан каждого государства, обученных военному делу, организованных в особые специальные соединения и призванных вооруженною рукою отстаивать интересы своего государства ¹, образует армию ¹, войско, или, определяя более общим термином, вооруженную силу данной страны. Различные формы этой силы могут быть подведены под два главные типа: постоянная армия, содержащаяся и в мирное время, хотя и не в полном ее составе, и ополчение (или милиция), созываемое лишь в минуту необходимости и для которого в мирное время кадров или вовсе не содержится, или же они содержатся в самом небольшом размере; между этими двумя наиболее типичными формами вооруженной силы существует много промежуточных форм, в числе коих главнейшей являются различные виды поселенных войск.

На заре человеческой культуры, когда народы еще не переходили к оседлой жизни, у них не было ни постоянной армии, ни милиции, а весь народ как бы являл собою войско, так как в случае войны за оружие брались не только все взрослые мужчины, но даже женщины и дети. Таким образом, столь употребительное ныне слово «вооруженный народ» к народам древности могло быть применяемо в буквальном своем значении. Но с приобретением оседлости и с развитием культуры явилось стремление к специализации занятий и к разделению на классы: мирных жителей и воинов, причем военное сословие складывалось в различных древних государствах различно...

Переход к постоянным наемным армиям. Постоянных войск, содержащихся в мирное время, в описываемые эпохи еще не было, а в случае войны созывалось ополчение (Heerbann), но зачатки постоянных войск уже зародились, в виде телохранителей, которых содержали еще Карл Мартелл (714—741) и Карл Великий (768—814), или в виде дружин (Geleite), которые собирались около наиболее выдающихся воинов, дававших дружинникам оружие и содержание и деливших с ними, в случае удачи, на войне добычу. Для крупных предприятий иногда несколько гелейтов соединялись вместе и, избрав себе герцога,

¹ Как против внешних, так и против внутренних врагов.

составляли новый союз или ариманию (Heermaney). Из подобных союзов наиболее известны — франки, лангобарды, маркоманы и др.

По мере образования из германских племен новых государств изменялись как их внутренний быт, так и военное устройство, которое начало основываться (как и в древнем Риме) на условиях владения землею, а прежнее право оружия обратилось теперь в воинскую повинность. У франков, со времени Карла Мартелла, установилась раздача бенефиций, т.е. наделение землею воинов во временное владение, с целью приобретения в них лично обязанных королю или сеньору сподвижников. Впоследствии из этого выработалась известная феодальная система ².

В это время составными элементами вооруженных сил являлись 1) дворянское ополчение из ленных владельцев с их вассалами — рыцарями, обязанных являться по призыву в полном вооружении, на срок от 40 до 60 дней, и содержать себя сами, 2) ополчение городов и 3) в редких лишь случаях — ополчение из сельских обывателей. Собственно ополчение городов и общин явилось для королей силою, на которую они могли бы опереться против непокорных вассалов, но сила эта была все же мало надежной, ибо необученным и плохо вооруженным ополченцам не в пору было бороться с рыцарями. Призыв в ополчение совершался от определенного числа душ населения, так что в условиях набора земля здесь роли больше не играла. Отличительной особенностью службы в это время было то, что ни жалованья, ни содержания за нее не получалось, так что в чистом виде осуществлялась идея служения на защиту родине или на пользу государства, хотя и не на долгий срок — ½–2 месяца.

Отъезд дворян и рыцарей в Крестовые походы, из которых вернулась лишь меньшая их часть, значительно ослабил воинскую силу западных государств; вместе с тем войны стали продолжительнее, а тяжести, с военной службой сопряженные, значительнее; все это вместе взятое породило протесты общин, выставивших ополчения. Эти обстоятельства заставили вернуться к уплате жалованья войскам, т.е. к системе, когда-то введенной в Риме и исчезнувшей со времени его падения. Это нововведение началось в Англии и проникло во Францию в царствование Людовика Толстого (1108—1137), чему способствовало то, что после Крестовых походов множество людей осталось в нищете и готово было идти на какой угодно заработок, и в том числе на службу в войсках за деньги. В это именно время во

¹ Под словом «армия» в обширном смысле понимается совокупность вооруженных сухопутных сил данного государства. В тесном смысле армией называют соединение значительной массы вооруженных сил на одном театре войны, под начальством одного лица, для достижения определенной цели.

² Слово *fief*, у немцев фео́д или лен, в первый раз является при Карле Толстом (884 г.), оно обозначало — владение, отдаваемое на время за обязательство служить сеньору мечом.

французской армии, наряду с рыцарской конницей и коммунальными милициями, появляются наемники — генуэзские арбалетчики и банды авантюристов (или авантюриеров).

Тяжелые поражения, испытанные французскими армиями во время Столетней войны (1337—1437), убедили в несовершенстве вооруженной силы, составленной из перечисленных элементов, и привели к сознанию о необходимости создания постоянных войск, хотя, собственно говоря, в Европе в это время уже был опыт учреждения первых постоянных и регулярных войск, именно в Турции, где в 1330 году султан Урхан 2-й, по примеру аравитян, учредил корпус янычар из набранных силою христианских мальчиков. Этот корпус ¹ имел численность до 100 т. чел., из которых 40 т. постоянных янычар и 60 т. милиции.

Мысль о создании постоянной армии, находящейся на жалованье короля, была приведена в исполнение во Франции Карлом VII, сформовавшим (в 1445 г.) 15 ордонансных рот (9 т. чел., из коих воинов 6 т. чел.) из дворян и пеших вольных стрелков из сельских жителей (всего 16 т. чел.). Однако эти войска вскоре (при Людовике XI) уступили место наемным дружинам, преимущественно швейцарским.

В XV веке в Европе образовалось несколько видов наемных войск: немецких ланцкнехтов и рейтаров, швейцарцев, испанцев и итальянских кондотьери. Наиболее типичные формы наемничества приняло в Германии, где полки ланцкнехтов и рейтаров представляли собой род республик, со своим судом присяжных. Порядок формирования наемных войск был обыкновенно такой: в предвидении войны правительство обращалось к составившим себе репутацию в военном деле людям и предлагало им патент на командира полка. Полковник раздавал патенты избранным им ротным командирам, а те рассылали вербовщиков для набора людей, которые поступали на службу ее за определенную плату с собственным оружием, с одеждой и с обязательством содержания себя на свой счет. Люди присягали командиру полка. По окончании войны полки распускались.

В Италии наемничество вылилось в форму кондотьери (от слов *cum* и *ducere* — вести с собою), т.е. вольные отряды, начальники (кондотьери) которых поступали на службу городов или отдельных владетельных князей, а то иногда вели войну и в своих личных интересах.

Наемные дружины или армии, как и предшествовавшие им орденосные роты и вольные стрелки, являлись уже войсками постоянными, если противопоставлять этот термин милиции (ополчению), но они не были войсками правительственными и еще того менее народными. В смысле идеи «защиты родины или вообще государственных интересов» наемные войска представляли собою явление отрицательное; это было войско глубоко

¹ Расформирован в 1826 году.

космополитическое, не знавшее ни отечества, ни государства, не имевшее других идеалов, кроме наживы....

Но вместе с тем, в это время постепенно и сами собою складывались понятия о военной иерархии, административной единице, дисциплине и военном хозяйстве; одним словом, мало-помалу вырабатывались основания правильной организации войск и подготовлялось учреждение постоянных правительственных армий.

Наряду с наемными армиями и даже в виде защиты от их насилий и грабежей существовали, вернее созывались, милиции, или ополчения. Во время Тридцатилетней войны (1618–1648) в Западной Европе существовали оба вида вооруженной силы, но главное и исключительное значение принадлежало наемным войскам (Валленштейн, Тилли). Отличие составила лишь шведская армия Густава Адольфа, комплектовавшаяся по системе поселенных войск (короли давали военным участки земли во владение и освобождали их от податей) и явившаяся войском народным.

Вербованные армии. Тридцатилетняя война с ее ужасами и пример отличной армии Густава Адольфа открыли глаза современникам на все невыгоды наемных войск, и в XVII веке государства Западной Европы стали переходить к системе войск национальных и постоянных, но комплектуемых не по какой-либо системе воинской повинности (как то общинной, личной или по размерам владеемой земли), а вербовкой, т.е. наймом людей на военную службу за деньги. Это были, конечно, по существу те же наемники, что наполняли собою в предшествующую эпоху целые наемные армии, но разница все же была весьма существенная, по сравнению с прежним порядком: теперь вербовка производилась уже не от имени командира полка, а от имени государя, которому все войска присягали; кроме того, теперь, очевидно, не могли иметь места переходы полка от одного правительства к другому.

Вербовка являлась главным средством комплектования, а вспомогательным служили рекрутские наборы, которые применялись, однако, лишь тогда, когда не было другого способа довести армию до необходимой численности ¹.

Собственно первую попытку в создании национальной постоянной армии сделал Ришелье (1636 г.), по мысли которого Франция должна была иметь национальный резерв в 60 т. человек. Но идея Ришелье сначала не получила осуществления, и только в 1688 году в министерстве Лувуа вернулись к этой идее, когда приступили к образованию провинциальной милиции, комплектувавшейся поставкой рекрут от приходов, обязанных давать рекрутам одежду, вооружение и жалованье.

¹ Которая к тому времени (конец XVII в.) значительно возросла. Франция имела под ружьем 150 т., Австрия 130 т., Голландия 75 т.

Таким образом, Франция перешла постепенно к системе постоянных национальных войск, хотя и вербовка сохранилась в ней вплоть до революции 1789 года.

В Австрии во вторую половину XVII столетия имперская армия состояла уже из войск постоянных и отличалась прочным устройством. Комплектовалась армия вербовкой, но с 1768 года, кроме того, производился и правильный рекрутский набор.

В Пруссии начало созданию постоянной национальной армии положено было великим курфюрстом бранденбургским Фридрихом-Вильгельмом (1640—1688).

В России в древности вооруженные силы состояли из княжеских дружин и народных ополчений, впоследствии к ним прибавились разные силы городских ратных людей — стрельцы, пушкари, городовые казаки, иноземные пешие солдатские полки и конные рейтарские полки, причем все эти виды вооруженной силы имели характер или ополчений, или поселенных войск ¹. Постоянные же войска, в виде регулярных, содержимых за счет правительства и знавших только одно военное дело, появились у нас при Петре Великом.

Не обошлось, впрочем, и у нас без наемных войск. При царе Михаиле Федоровиче была сделана попытка найма иностранных банд и организации кастового войска. С этой целью в западные государства было отправлено 2 полковника нанять до 7000 «охочих немцев» в полном вооружении и на все время замышляемой войны с Польшею. Мера эта, как и следовало ожидать, пользы не принесла, иноземные банды, состоя из людей разных наций, нисколько не привязанные к стране, в которой служили, удерживались у знамен только корыстью и были им верны до тех пор, пока это отвечало их личным расчетам. Достаточно в этом отношении вспомнить поведение войск Дела-Гарди в сражении под Клушиным 1610 г., когда большая часть их взбунтовалась против своего начальника и во время самого боя перешла на сторону неприятеля.

Так повсеместно в Европе совершился переход к постоянным национальным армиям, пройдя через этапы: поголовное вооружение народов кочевого или полукочевого состояния, специализация военного дела в кастах или отдельных сословиях, наемные дружины или отряды, народные ополчения, постоянные наемные армии и наконец постоянные правительственные армии, комплектуемые повсеместно, кроме России, вербовкой, а затем постоянные же национальные войска, пополняемые по повинности населением своей страны.

Постоянные национальные войска и милиции. Постоянные армии, раз появившись в Западной Европе, более уже не прекращают своего существования и только видоизменяются в размерах и способах комплектования, что, при постоянном и неуклонном возрастании численности войск, привело к тому, что ныне в государствах Европы огромное большинство

работоспособных мужчин обязаны военной службой, почему в последнее время и появился термин «вооруженный народ», определяющий сущность современной нам военной системы, причем, конечно, эта система все же значительно разнится от того, что называлось вооруженным народом в древности.

Существенная особенность современных армий заключается в том, что они имеют возможность увеличивать свою численность в военное время путем призыва под знамена обученных чинов, числящихся в запасе, тогда как в древности каждый гражданин был уже воин по своему воспитанию и в особом специальном обучении не нуждался. При всем этом ни одно из государств Европы с переходом к постоянным армиям не отказалось и не отказывается в то же время и от содействия народных ополчений (милиции) в виде вспомогательной силы, призываемой в случаях крайнего напряжения всех сил и средств государства. Впрочем в некоторых государствах (Швейцария и отчасти Англия) милиции даже и в настоящее время составляют главную основу их вооруженной силы, а в литературе, по преимуществу в так называемой крайне либеральной, а иногда даже и в военной, и сейчас еще часто раздаются голоса в пользу милиционных армий. Поэтому нам необходимо более подробно остановиться на рассмотрении вопроса о сравнительных преимуществах и недостатках, представляемых постоянными и милиционными армиями.

В виде довода против постоянных армий обыкновенно приводится соображение, что этот вид вооруженной силы, стоя государству чрезвычайно дорого и отвлекая значительную часть населения от производительного труда ², в то же время при войне не дает возможности использовать как боевой материал все мужское население, способное носить оружие, потому что кадры армии никогда не могут быть развиты в мирное время до такой полноты. Следовательно, делается из этого вывод, существование постоянных армий, не достигая означенной цели, не оправдывается необходимостью.

В противоположность этому, защитники милиционных армий указывают на следующие преимущества последних: 1) содержание милиций обходится в мирное время значительно дешевле, так как при этом расходы ограничиваются только заготовлением и хранением

¹ Собственно иноземные полки разделялись на «поместных», имевших поместья, и «кормовых», которые расставлялись по городам на корм.

² Так как в настоящее время под знаменами содержится постоянно в России — 1.320 т. чел., в Германии — 600 т. чел., во Франции — 555 т. чел., в Австро-Венгрии — 365 т. чел. Весьма трудно сколько-нибудь точно исчислить ежегодные потери для народного хозяйства, происходящие от подобного отвлечения работников от экономически производительного труда; с некоторым приближением можно, однако, определить, что потери эти должны примерно быть: для России — 750—800 млн. руб. в год, для Франции и Германии — от 650 до 700 млн. руб. и для Австро-Венгрии около 300 млн. руб. в год.

материальной части, содержанием на службе самого ограниченного числа кадровых чинов¹ (инструкторов) и устройством периодических учебных сборов; 2) чины милиции отвлекаются от своих мирных занятий только во время этих сборов; 3) милиции не ограничены в своих размерах существованием определенных кадров и могут быть составляемы из всех граждан страны, способных носить оружие.

Таковы, так сказать, материальные выгоды от содержания вместо постоянных войск милиций. К преимуществам отвлеченным, или духовного порядка, поклонники милиций относят: 1) при милиционных армиях станут немислимы агрессивные войны, ибо милиция естественно предназначается только для защиты домашнего очага; 2) последнее обстоятельство скажется благотворно в том отношении, что милиционеры будут всегда проникнуты высоким патриотизмом и большим подъемом духа; 3) наконец, хотя и в скрытом или замаскированном виде, в пользу милиций известными партиями выставляется то соображение, что постоянные армии являются в руках всякого правительства орудием произвола и насилия против народа и его свободы.

Из всех этих доводов бесспорным и очевидным являются лишь первые два, т.е. что милиции стоят государству дешевле постоянных армий и почти не требуют отвлечения населения от мирных занятий для военной службы. Действительно, если взять процентное отношение ежегодных военных расходов к общим, то окажется, что военный бюджет составляет в Германии 48 %, во Франции — 29,8 %, в России — 24% и в Австро-Венгрии — 12,3% от общего бюджета каждого из этих государств, из чего следует, что в первых трех государствах требуется значительное напряжение платежных сил страны для содержания постоянных армий. Однако и Швейцария, не имеющая в мирное время ни одного солдата, тратит ежегодно из общего своего государственного бюджета 25,7% на военные нужды, из коих половина уходит на содержание инструкторов и на обучение собираемых в сборы милиционеров. А если исчислить денежный расход на вооруженную силу, падающий на душу населения, то окажется, что содержание милиционных армий обходится столь же дорого, как и постоянных. В Швейцарии средний размер годового военного расхода по расчету на одного жителя составляет 4 руб.21 к., в России — 4 р., в Австро-Венгрии — 4 р. 60 к., в Германии — 10 р. и во Франции — 11 р. 84 к.

Впрочем, исчисление абсолютных расходов на армию, будучи очень точным в цифровом отношении, не является полным по существу, потому что не заключает в себе

¹ Самым типичным примером милиционной армии является швейцарская, которая по штатам военного времени должна заключать в себе 227 т. ч., между тем как в мирное время налицо содержится только корпус инструкторов (офицеры и унтер-офицеры) всего в 218 человек.

корректива за те доходы, которые население получает от армии, как то: работа фабрик и заводов на военное ведомство, поставка войскам провианта и фуража, отдача помещений и проч. С другой стороны, нельзя оценить и выразить конкретно стоимость тех земельных приобретений, которые государства сделали и делают при помощи армий, а также ценность тех рынков, которые завоевываются армией или флотом. Если бы означенный корректив мог быть сколько-нибудь точно учтен, то несомненно, что разговорам о тяжести и непроизводительности расходов на армию не было бы места.

Но и помимо этого, на расходы по содержанию вооруженной силы нельзя смотреть иначе, как на страховую премию, уплачиваемую государством ради обеспечения его безопасности и мирного развития. Очевидно, что эта премия не должна превосходить известный предел для каждого государства, но несомненно также и то, что без всякой премии или при низком ее размере страхование или будет невозможно, или не достигнет цели.

Именно таким-то не имеющим реальной ценности и не достигающим цели страхованием и явилось бы для большинства государств содержание милиционных армий вместо постоянных. Милиция по самой своей сущности не может являться оплотом для государства, ибо не представляет собою ни малейшей гарантии силы, надежности и готовности к действию. Недаром Вашингтон, один из главнейших борцов за независимость Северо-Американских Соединенных Штатов и бывший главнокомандующим военных сил восставших колоний, отлично, конечно, знавший свойства милиционных армий, говорил, что «рассчитывать на милицию это все равно, что опираться на сломанную палку».

В каком бы большом количестве ни собрать милицию, она всегда будет не столько войском, сколько толпой, которой, по сравнению с постоянной (регулярной) армией, не будет доставать: знания техники военного дела, дисциплины, сплоченности и выносливости. Без этих же качеств, очевидно, нельзя выступать в поход ни с наступательными, ни с оборонительными целями...

Что касается до указания против постоянных армий, что кадры их никогда не будут в состоянии вместить в себя все способное носить оружие мужское население страны, а милиция позволяет это сделать, то здесь прежде всего надо иметь в виду выработанное многовековым опытом правило, что воюют не числом, а умением, а последнего у милиционеров будет тем меньше, чем самих их будет больше, и если трудно сформировать, обучить и хоть сколько-нибудь сплотить небольшие милиционные части, то сделать то же самое «со всем населением страны, способным носить оружие» будет и совсем невозможно.

Подобные милиционные массы будут не войском, а вооруженною толпою, всегда более опасною для собственного государственного порядка, чем для противника.

Наконец, формирование милиционных частей будет всегда носить в большей или меньшей степени характер импровизации, а мобилизация потребует значительного времени, так что в смысле организации и готовности к походу и бою милиционные и регулярные армии не могут быть между собою даже и сравниваемы.

По поводу встречающихся в печати либеральных, или вернее сказать, странных заявлений, что постоянные армии являются в руках правительства угрозою свободе народов, необходимо заметить, что понимание свободы всегда будет неодинаковым в кругах, стремящихся к законному порядку, и в кружках, мечтающих о разрушении всякого порядка. Строить баррикады, собирать митинги на полотне железной дороги, отбирать чужое имущество и т.п. не могут, очевидно, позволить и в государствах с милиционными армиями. Кроме того, без постоянных, хотя бы и небольших, войсковых частей все равно нельзя будет обойтись в государствах значительного размера; но только такие части гораздо легче, чем настоящая народная армия, будут претендовать на роль римских легионов времен Мария или Суллы, совершавших государственные перевороты по своему усмотрению или по капризу своих начальников. Между тем, как постоянной народной и значительной числом армии совершенно несвойственна роль вершительницы внутренних судеб государства, и неизвестно ни одного исторического примера, когда бы армия в полной ее совокупности не оказалась лояльной по отношению законного правительства своего государства.

По всем этим причинам, несмотря на разорительность содержания современных постоянных армий, ни одно из значительных государств Европы и Азии не может, не рискуя своей безопасностью, сократить и тем более разоружить свою армию и обратиться к милиции. К тому же потери, которые угрожают государству в случае, если его армия будет разбита, без сомнения, превысили бы значительно ту экономию, которая может быть достигнута за счет сокращения или качественного ослабления армии...

Это не значит, конечно, чтобы государства ограничивались содержанием только постоянных армий и отказывались бы вовсе от содействия ополчения или милиции; напротив, последние в случае большой войны будут несомненно широко используемы, но лишь как сила вспомогательная, могущая заменить полевые войска при исполнении задач второстепенного назначения и для охранения порядка внутри собственной страны.

Пользование же исключительно одними милиционными войсками как единственной силой государства возможно лишь в виде крайних исключений для очень немногих государств, находящихся в особых географических или политических условиях, не

претендующих на сколько-нибудь видную роль в международной политике и рассчитывающих остаться нейтральными во время борьбы своих сильных соседей. Таковы в настоящее время Швейцария, Швеция, Норвегия, Дания, Бельгия, Люксембург. Однако нейтралитет их всегда будет надежен лишь постольку, поскольку эти государства в состоянии будут его отстаивать, а вернее поскольку в соблюдении его заинтересованы великие державы; и коль скоро одной из последних будет предстоять выбор — нарушить ли нейтралитет или поставить во время войны в безвыходное положение свою армию, несомненно, она изберет первое, потому что фактически сила всегда выше права.

Англия, считая себя обеспеченной от нападения в Европе, позволяет себе содержать постоянную армию сравнительно слабых размеров, почти исключительно для внешних предприятий, возлагая собственно оборону государства на войска милиционного характера и на флот.

Северо-Американские Соединенные Штаты до войны 1898 г. содержали лишь незначительную постоянную армию (26 000 чел.); главным же элементом их вооруженных сил являлась милиция, которой числилось более 100 000 человек организованной и около 10 мил. человек неорганизованной. Причина такого устройства вооруженной силы этого государства заключалась в том, что у С.-А. С. Штатов не было соседей, обладающих постоянно сильной армией, почему им и не приходилось много заботиться о своей внешней безопасности. Однако опыт войны с Испанией в 1898 году указал, с одной стороны, на полную непригодность милиции для серьезных военных действий, особенно экспедиционного характера, а с другой, на необходимость и для этого государства усиления постоянной армии, содержимой в мирное время. С этой целью уже в 1901 году было установлено содержать армию в пределах от 59 до 97 тыс. чел., освободить ее от несения военно-полицейской службы в колониях и принять меры к более прочному ее устройству. В июле 1912 года особая комиссия выработала новый проект реорганизации и усиления вооруженных сил городов штатов, причем в военное время армия должна будет состоять из войск трех категорий: регулярная армия (до 100 тыс. чел.), милиция (до 350 тыс. чел.) и волонтерная армия (до 300 тыс. чел.). Вместе с тем принимаются меры для усиления боевой готовности милиции: милиционные части должны иметь заранее организованные штаты и заготовленные запасы оружия, привлекаться к участию в маневрах совместно с частями постоянной армии и пр.

Но если исключительное географическое положение и позволит еще на долгое время обойтись без значительной постоянной армии С.-А. Соединенным Штатам, то нельзя того же сказать про Англию, неизбежная борьба которой с Германией может в очень скором

будущем заставить и эту страну прибегнуть к усилению своей постоянной армии и, главное, к комплектованию ее по всеобщей повинности. И тогда в Европе с милиционными армиями останутся лишь немногие мелкие государства, основывающие свою свободу не на силе своих войск, а на взаимной вражде своих соседей; те же из них, которые не твердо верят в такого рода гарантию свободы, и сейчас уже приступают или приступили к организации постоянных войск, как, например, Швеция, которая с 1901 года отказалась от системы поселенных войск (indelta) и перешла к содержанию постоянной армии, хотя и милиционного характера¹.

Не имея прочных и веских доказательств в пользу превосходства милиций, защитникам последних не остается ничего другого, как ждать времени наступления «всеобщего вечного мира», чтобы покончить с существованием ненавистных им постоянных армий. Но этого времени ждать придется, очевидно, еще очень долго, ибо идея вечного мира и авторитетных третейских судов, вероятно, надолго, если не навсегда, останется утопией...

Мирные тенденции особенно широко разлились в обществе в конце XIX века и нашли себе неутомимого апологета в лице И.С. Блюха, не пожалевшего больших трудов и денег на многотомное сочинение «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях», в котором он, как ему, очевидно, казалось, с непреложной убедительностью и с цифрами в руках доказывал полную невозможность современной большой войны. Но не успели еще высохнуть чернила с пера г. Блюха, как началась испано-американская война, за ней последовала англо-бурская и т.д.

Однако, сознавая полную неосуществимость идеи вечного мира и всеобщего разоружения, нельзя в то же время не признать в интересах народов весьма желательным прибегнуть к международному соглашению с целью принятой мер, могущих до известной степени ограничить дальнейший рост столь быстро развивающихся ныне вооружений, а равно изыскать средства для предупреждения возможности возникновения в будущем войн, без достаточных к тому оснований, и для уменьшения народных бедствий, войной вызываемых. Для достижения указанных целей в 1899 году была созвана в Гааге, по почину Русского правительства, международная конференция, которая и положила основания для дальнейшей разработки этих весьма важных вопросов.

Возможностью улажения международных осложнений третейским судом прониклись, по-видимому, сильнее других С.-А. Соединенные Штаты, но так как они предлагают безусловный арбитраж только сильным державам, от которых им желательно защититься, а

¹ Кадры войск состоят из волонтеров, а все военнообязанные служат (вместе с повторительными сборами) от 240 до 365 дней.

не слабым, нуждающимся в защите от покушений тех же самых Соединенных Штатов, то в искренности их приходится очень сомневаться. Во всяком случае, войны — англо-бурская 1899 г., русско-японская 1904–05 гг., итало-турецкая 1911 г. и славяно-турецкая 1912–1913 гг. явно свидетельствуют о том, что принципы Гаагского соглашения 1899 г. нелегко проникают в международную политику, почему слишком еще преждевременно говорить и о возможности замены постоянных армий милициями.

Поселенные войска. Сравнив между собою два крайние типа — армии постоянные и чисто милиционные, нам остается еще сказать о других видах вооруженной силы, образующих переходную ступень между этими двумя основными формами. Наиболее типичными в этом отношении являются: казаки у нас, войска *indelta*, существовавшие до недавнего времени в Швеции, войска наших прежних военных поселений и граничаре в Австрии¹.

Все эти виды вооруженной силы составляются или составлялись из людей, большая часть которых в мирное время занимается хлебопашеством или скотоводством, а другая, меньшая часть находится на военной службе.

Казаки у нас образовались естественным историческим путем на южных окраинах государства, куда стекалась из внутренних областей непокорная, разгульная вольница², жаждавшая приключений, выражавшихся по преимуществу в грабежах и набегах на соседние владения турок и татар. Из этой-то вольницы и образовалось впоследствии казачество³, явившееся форпостом государственной обороны на южных и юго-восточных окраинах. Постоянная опасность со стороны врага, необходимость вечно быть настороже и всю жизнь находиться на военном положении — эти условия создавали из казаков природных воинов, отличавшихся находчивостью, отвагой, лихостью и ловкостью. Совершенно понятно, каким драгоценным материалом являлись казаки в военном отношении и насколько они удешевляли и упрощали для государства оборону⁴ границ. Для

¹ Тот же характер имели военные колонии римлян после IV века; пограничные области Германии (Marken, Markgrafschaften) после Карла V.; наши солдатские полки, поселенные на границе против шведов (Старая Русса, Олонец), а также отчасти и стрельцы.

² Самое слово «казак» относят к тюрско-татарскому наречию, на котором оно обозначает: вольный, свободный.

³ Время появления казаков в точности неизвестно, но в С.В.Руси уже в 1444 г. упоминаются рязанские казаки. Некоторым казачьим войскам дано старшинство: донскому — с 1570 г., Кубанскому — с 1696 г., Терскому — с 1577 г., Астраханскому — с 1750 г., Уральскому — с 1591 г.

⁴ В прежние времена при малочисленности запаса (бессрочно-отпускных) нижних чинов, казаки перед регулярными войсками имели еще то громадное преимущество, что в военное время они могли выставлять гораздо большее число частей из вполне обученных людей, чем содержать в мирное время, тогда как усиление регулярных войск было затруднительно по недостатку обученных чинов запаса.

своего же существования казачество требовало только свободной земли, которой ко времени зарождения этого вида вооруженной силы, т.е. около 1500 г., в Московском государстве было много, а затем никаких иных пособий за службу казаку не давалось. Однако с тех пор, и особенно за последние два века, многое изменилось совершенно в условиях жизни государства, а следовательно, и казачества. Прежде всего, в Европейской России почти все, бывшие когда-то приграничными, области стали внутренними, как то: северный берег Черного моря, передний Кавказ, Оренбургская и Астраханская губернии и Уральская область. Таким образом, и одноименные этим территориям казачьи войска утратили уже свое специальное значение в охране границ, а вместе с тем и исчезли те жизненные условия, которые являлись естественной боевой школой для казака. Вместе с тем влияние сильно развившихся городов, развитие фабрично-заводской промышленности и многое другое, изменившее социальный быт населения, не могло остаться без влияния и на характер казачьего населения, сильно утратившего свои былые военные качества и, так сказать, в значительной степени размилитаризовавшегося и приблизившегося к слиянию с остальным населением. Этому претворению казаков в землепашцев, рабочих и проч. способствовал прежде всего прилив в казачьи земли так называемых «иногородних» (с 1868 г.) из внутренних областей¹ и уменьшение площади земли, приходящейся на каждого казака.

Влияние изменившейся обстановки на самих казаков было замечено еще в начале прошлого (XIX) столетия нашим знаменитым партизаном Денисом Давыдовым, признавшим, что казаки, по мере покорения сопредельных хищных народов, постепенно утрачивали пылкость, лихость и ловкость; как на пример он указывал, что кавказские казаки, находившиеся тогда еще в постоянной борьбе с горцами, во многом превосходят донцов². С тех пор, как уже упоминалось, произошло значительное ухудшение в условиях, вырабатывавших из казака воина; однако те природные качества, которые создавались в казачестве путем подбора людей с особым характером и наклонностями, а также и вековыми условиями быта казаков, не успели и еще не скоро успеют сгладиться; и по настоящее время казачьим войскам присущ воинский дух, поддерживаемый преданиями старины, особыми условиями отбывания воинской повинности и особым устройством их управления, так что казаки и ныне являются естественною конницею, а размер войсковых земель пока еще позволяет казачьему населению заниматься коневодством. Наличие этих двух условий: воинского духа и, так сказать, прирожденного искусства верховой езды — до настоящего времени делает казачьи войска незаменимым источником для формирования

¹ В настоящее время в казачьих областях невоинское сословие составляет 55 % всего числа жителей этих областей.

² Денис Давыдов. Опыт теории партизанских действий, стр. 35 и 209.

многочисленной конницы, по своей числительности равняющейся совокупности всей кавалерии наших западных соседей и особенно способной к действиям, требующим от каждого всадника сметливости и сноровки: к партизанской войне, к сторожевой и разведывательной службе и т.п.

Но, конечно, эти качества могли сохраняться лишь там, где казачество живет сплошной массой, где оно еще не смешалось с прочим населением, где, наконец, обилие земли по-прежнему позволяет ему заниматься коневодством. Там же, где прилив «иногородних» значителен, где земельные наделы не позволяют содержать достаточного числа лошадей, там казачество постепенно сливается с прочим населением и естественно наступает время полного его сравнения с этим населением во всех отношениях, в том числе и по отбыванию воинской повинности¹. Подобную меру пришлось уже принять в отношении двух небольших казачьих войск: Азовского и Новороссийского, упраздненных в 1865—1868 годах.

Заметим еще, что на протяжении XVIII и XIX столетий было несколько попыток искусственного создания казачьих войск вызовом охотников или же зачислением в казаки крестьян. Так в 1807 г. было образовано Усть-Дунайское казачье войско, впоследствии переименованное в Новороссийское; в 1808 г. — Сибирское казачье войско; в 1812 г. образовано Украинское войско, полки которого в 1816 г. переименованы в уланские; в 1828–29 гг. было создано отдельное Запорожское войско, переименованное в 1831 г. в Азовское; в 1851 году образовано Забайкальское войско; в 1858 году — Амурское и Уссурийское казачьи войска и в 1867 г. — Семиреченское казачье войско.

Как видно, все вновь образованные в Европейской России казачьи войска просуществовали сравнительно очень недолго и по той именно причине, что казачество, как фактор самостоятельного и вполне определенного значения, может развиваться только естественным путем при наличии особых бытовых условий. В этом отношении даже и такие войска, как Семиреченское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское, хотя и размещаются в пределах наших азиатских владений, но по своему жизненному укладу и всей бытовой и политической обстановке находятся в тех же условиях, что и живущие рядом с ними крестьяне-землепашцы или рыболовы, а следовательно, и у казаков этих войск нет благоприятных условий, чтобы вырабатывать в себе те особые воинские задатки и черты, которые когда-то создавали незаменимый тип казака-воина.

¹ В отношении численности невоинских сословий, живущих среди казаков, казачьи войска идут в таком порядке: Терское — 80 %; Кубанское — 56%; Донское — 55%; Сибирские — 45 %; Семиреченское — 44 %; Уральское — 21 %; Оренбургское — 17 %; Астраханское — 13 %; Уссурийское — 10%; Амурское — 10%; Забайкальское — 5%.

Как будет видно в главе об исполнении воинской повинности, на казачье население возложена исключительная по тяжести воинская повинность: казачье население должно являться на службу с собственным обмундированием, снаряжением, вооружением и конем; льготами по семейному и имущественному положению казаки пользуются только в мирное время и притом условно; казак, прослуживший установленный срок в первоочередных полках и частях, перечисляется в льготные части 2 и 3 очередей, но обязан при этом, при состоянии на льготе 2-й очереди, содержать в полной исправности обмундирование, снаряжение, вооружение и строевую лошадь; а при нахождении на льготе 3-го разряда он освобождается только от обязанности содержать лошадь.

Чтобы дать возможность казачьему населению отбывать столь тяжелую воинскую повинность, в свое время законом было установлено наделение казачьего населения землей в размере 30 десятин удобной на мужскую душу и по 10 десятин на душу в войсковой запас.

С тою же целью казачье население было освобождено от подушного обложения и государственных налогов и ему были даны некоторые другие привилегии, из коих самым существенным было право винокурения и питейных сборов.

Между тем в настоящее время, вследствие увеличения населения, душевые наделы упали значительно и доходят в Донском войске всего до 11, а в Кубанском даже до 8 десятин, вместо положенных 30 дес. на душу. Кроме того, подушная подать отменена теперь во всей империи, равно все одинаково лишены права винокурения и взимания питейного сбора, так что по этим причинам казачьи привилегии или значительно сократились, или же вовсе уничтожены.

Все это вместе взятое понизило в большой степени материальное благосостояние казачьих войск и не позволяет им обходиться без денежных пособий от казны, каковые ныне выдаются из общей суммы 850 т. рублей в год, а в будущем несомненно станут возрастать.

Конечно, значение казачьих войск не должно быть оцениваемо с одной финансовой стороны, с каковой к тому же оно и не может быть сколько-нибудь точно учтено, однако с этой стороной нельзя и не считаться как с точки зрения интересов казаков, так и государственных.

Из сохранившихся ныне казачьих войск самое большое, Донское, имеет войсковое население в 1,4 мил. душ обоего пола и занимает пространство в 11 1/2 мил. десятин. Затем, по численности населения, идут:

	Душ	Десятин
	об.пола	земли
Кубанское	1,2 мил.	6,8 мил.
Оренбургское	0,5	7,0
Терское	0,255	1,9
Забайкальское	0,246	10
Сибирское	0,160	4,5
Уральское	0,156	6,5
Амурское	0,041	*
Семиреченское	0,039	0,65
Астраханское	0,037	0,79
Уссурийское	0,031	*

* Амурское и Уссурийское казачьи войска еще не имеют определенного отвода земель.

Военная граница. Своеобразным военным учреждением была образованная в XVI веке в Австрии «военная граница». В 1564 году Фердинанд I для защиты от турецких набегов поселил кроатов от берегов Далмации до Зибенбюрга, а в царствование Марии Терезии была устроена пограничная «валахская граница». Граничаре получали участки земли, как военные личные поместья, и взамен этого обязаны были поголовною службою. Граничаре всегда составляли весьма важный элемент в австрийской армии и оказали, между прочим, серьезные услуги империи в 1848 г.

Несмотря на это, в 1871 году решено было упразднить военную границу как потерявшую свое значение и так как льготы, дарованные граничарам, были признаны превышающими ту пользу, которую они приносили своею поголовною службою. Окончательно «военная граница» была упразднена в 1873 году; к этому времени граничаре выставляли 14 пехотных полков и 1 батальон.

Военные поселения. Образование казачества у нас и военной границы в Австрии явилось естественным результатом соседства с турками или татарами и вызывалось действительною необходимостью постоянной охраны от мелких, хищнических нападений с их стороны.

Совершенно иными причинами было вызвано образование у нас, в начале XIX века, военных поселений внутри империи, где они были устроены на совершенно искусственных началах, в видах достижения следующих целей:

1) Поселив войска в определенных местностях, слить их с коренными жителями и затем возложить на все образованное таким образом население военных колоний поголовную военную службу; все же прочее население империи освободить в мирное время вовсе от рекрутской повинности и призывать на военную службу только в случае крайности.

2) Наделив население военных колоний обширными землями, возложить на него же их обработку, дабы оно само производило сельские продукты для своего (т.е. поселенных войск) существования.

Все население колоний должно было таким образом заниматься хлебопашеством, а вместе с тем и нести военную службу, обучение которой должно было начинаться с юных лет — все мальчики зачислялись в военные контонисты, причем годные к службе уже с 12-летнего возраста занимались строем.

Таким путем должно было образоваться многочисленное население, мужская часть которого была бы поголовно обучена военному делу и выставляла бы в поле многочисленные войсковые части; при этом армия в мирное время продовольствовала бы себя сама и стоила бы государству весьма дешево. Вместе с тем имелось в виду устранить вредное в нравственном отношении влияние, которое до того времени оказывал «разрыв родственных связей и брачных союзов» при призыве солдата на 25-летнюю службу. Теперь солдат должен был и на службе оставаться в кругу своей семьи, а в старости находить приют в инвалидном доме своей колонии.

При такой организации должно было, следовательно, получиться нечто среднее между солдатом и казаком, но поселенным не на окраине государства, а внутри его; т.е. в то время как из казака вырабатывался естественным путем воин, которому боевой школой служила полная тревог пограничная жизнь, военный поселянин должен был сделаться землепашцем-солдатом путем выучки и муштры мирного времени. Разница, конечно, должна была получиться огромная.

Первый опыт устройства военных поселений был сделан в Могилевской губернии в 1808 году; но значительное развитие они получили только по окончании наполеоновских войн, при военном министре графе Аракчееве, при котором на берегах Волхова была поселена пехота, а на юге, в Харьковской, Херсонской и Подольской губерниях, — кавалерия. К концу царствования Императора Александра I корпус военных поселений уже состоял из 148 батальонов пехоты, 240 эскадронов кавалерии и других частей, так что почти треть армии оказалась поселенной на землях, которые сама же она должна была и обрабатывать.

Однако, как и следовало ожидать, жители военных поселений относились далеко не сочувственно к новым порядкам, в особенности к установленной весьма стеснительной регламентации всей их частной жизни. Сверх того, опыт многих лет указал, что военные поселяне не могли удовлетворить вполне повинностей, первоначально на них возложенных. Важные неудобства, постепенно обнаружившиеся, и возникшие в 1831 году беспорядки сделали необходимым коренное преобразование военных поселений пехоты и кавалерии¹. В 30-х годах вовсе отказались от одной из главных целей образования военных поселений — от возложения на их население поголовной военной службы, и с этого времени эти поселения сохраняли значение преимущественно экономическое, в смысле удешевления содержания армии.

Надо, впрочем, признать, что создание военных поселений имело и некоторые положительные стороны: так, например, хозяйство в них, по имеющимся сведениям, было весьма хорошо поставлено, а население пользовалось значительным достатком; в них были большие продовольственные запасы и значительные капиталы, все строения и дороги содержались в большой исправности; образование поселений на юге способствовало развитию там земледелия и скотоводства и разведению лесов. Наконец, они доставляли сбережение в расходах по содержанию войск. Тем не менее, военные поселения, население коих подвергалось массе стеснений даже в собственном своем хозяйстве и в семейной жизни, представляли собою, конечно, аномалию; а так как собственно и военные цели, преследовавшиеся при их учреждении, оказались неосуществленными, то в 1856—66 гг. они были упразднены. Округа пехотных солдат были переданы в ведение департамента уделов, а военные поселения кавалерии, на юге России, — в ведение министерства государственных имуществ.

Таким образом, обширный опыт искусственного образования внутри империи военных колоний, жители коих (подобно казакам) за особые льготы (земельный надел и освобождение от податей) поголовно несли бы военную службу, окончился полной неудачей.

Шведские войска Indelta. Совершенно своеобразный вид поселенных войск образовался в XVII веке в Швеции под названием Indelta. Многочисленные войны, веденные Швецией в XVI столетии, заставляли правительство часто производить усиленные наборы; чтобы избавиться от них, одна область (Dalarna) предложила выставять и содержать определенное

¹ Историческое обозрение Военно-сухопутного управления за 1825—50 гг. (всеподданнейший отчет военного министра ген.-ад. князя Чернышева). Упоминаемые здесь беспорядки выразились в кровавом бунте в Новгородских и Старорусских округах военных поселений во время холерной эпидемии 1831 года.

раз навсегда число солдат и заключила в этом смысле условие с правительством. Постепенно примеру этой области последовали и другие, выговаривая себе в «контрактах» то число людей, которое они обязывались содержать, причем правительство со своей стороны обещало не производить в стране никаких рекрутских наборов. Самое название Indelta (т.е. распределенные) произошло от того, что вся страна была разделена на участки двух размеров: меньшие участки (rotehall) обязаны были выставить и содержать пехотинца, а большие (ruathall) — кавалериста; каждому солдату отводилась изба и определенный участок земли, а кроме того крестьяне обязаны были ему выплачивать установленную сумму деньгами и помогать обрабатывать землю.

При поступлении на службу солдат обучался в первый год 100 дней в пехоте и 175 дней в кавалерии и во второй — 50 дней, а затем ежегодно призывался в 3-хнедельный учебный сбор.

Система эта сохранялась до 1901 года; она государственной казне почти ничего не стоила, но давала войско (до 27 тыс. чел.) весьма плохо обученное и немного лучше милиции, а для населения являлась все же довольно неудобной, так как возлагала на него множество натуральных повинностей, отбытие коих значительно усложнилось с постепенным раздроблением земельной собственности; существенным недостатком этой системы еще являлось также и то обстоятельство, что размер повинностей населения в разных частях государства был весьма разнообразен.

Система эта представляет интерес и для нас, так как по присоединении Финляндии на этой системе было основано содержание финских поселенных войск, существовавших до 1867 года. С упразднением этих войск связанные с их содержанием повинности были переведены на деньги, и получаемые таким образом средства служили одним из источников к содержанию финских войск до 1901 года, когда эти войска были вовсе упразднены.

II. Комплектование русской армии **(Исторический очерк)**

В древности наши вооруженные силы состояли главным образом из двух элементов: княжеских дружин и народных ополчений. Сами князья в древней Руси имели первоначально значение людей выборных, призванных поддерживать внутренний порядок в качестве судей и миротворцев; они же начальствовали в случае войны вооруженною силою своей волости. Получая известные доходы, они для выполнения своих обязанностей и поддержания своей власти содержали при себе дружины, составленные из охочих людей. С этими-то дружинами они делали походы, и это была единственная вооруженная сила,

которою они располагали по своему усмотрению. Народное же ополчение (т. наз. вой) созывалось лишь с согласия самого народа, согласия, либо выраженного на вече, либо подразумевавшегося, когда князь был любим народом и последний готов был следовать его призыву. Чтобы постоянно иметь в своем распоряжении возможно значительную вооруженную силу, князья старались привязать к себе своих дружинников; они с этой целью давали им должности посадников, воевод, наместников, волостелей, т. е. должности, сопряженные с известными доходами; или же жаловали дружинников вотчинами, то есть землями, поступавшими в их полную и потомственную собственность.

Со времени нашествия монголов назначение князей стало зависеть от хана, причем князья назначенные, а не избранные, уже пользовались большею властью; служба князю становилась более почетною и более выгодною и привлекала все большее число людей, им, людям, князь уже не жаловал вотчин, а наделял их землями во временное пользование, под условием службы во всю жизнь; эти земли назывались поместьями, так как размер их зависел от должности (места) данного лица. По смерти владельца такого поместья его сыновья не имели какого-либо права на последнее; но если между ними были годные к службе, то они за таковую наделялись землею преимущественно из поместья отца.

Возвышение княжеской власти сделало службу настолько почетною, что служащий класс являлся первым в государстве; уже со времен Андрея Боголюбского слуги княжеские, жившие в княжеском дворце, стали называться дворянами, а дружина — двором. При Иоанне Грозном (в 1565 или 1566 г.) все высшие служилые люди (называвшиеся до того боярами, детьми боярскими и пр.) были названы дворянами, и с того времени высшее сословие в государстве стало называться этим именем. Все дворяне, владея поместьями, были обязаны пожизненною службою князю; но служба эта не была постоянною, так как дворяне призывались на нее лишь в случае войны, а в мирное время они лишь назначались по очереди для сторожевой службы на границе. В дополнение к дворянскому ополчению, в случае надобности призывался и простой народ, обязанный выставлять на службу «даточных людей». С усилением княжеской власти созыв этих людей зависел исключительно от усмотрения князя.

К упомянутым двум основным частям вооруженной силы: дружине (позже — дворянская конница) и воям (позже — даточные люди), вскоре прибавились еще разные виды городских ратных людей, стрельцы, пушкари, городовые казаки и др. Составлялись они из вольных их людей, причем главным вознаграждением за службу являлось опять-таки наделение их землею на поместном праве.

Наконец, сознание необходимости иметь войска, обученные европейскому строю, привело к образованию у нас войск иноземного строя: пеших солдатских и конных рейтарских полков. В состав этих полков принимались вольные охочие люди; они ежегодно обучались в течение месяца, а на остальное время распускались по домам.

Все перечисленные виды вооруженной силы скорее всего имели характер ополчений (дворянская конница, даточные люди) или же поселенных войск (городовые войска, части иноземного строя); первые не были обучены, а обучение вторых было весьма слабым. Недостаток этот мог быть устранен только учреждением регулярных войск, содержимых на службе постоянно, получающих полное содержание казны и потому не вынужденных заниматься для своего пропитания хлебопашеством и промыслами. Такие войска и были образованы у нас впервые Петром Великим. В основу их комплектования была положена та же воинская повинность, существовавшая уже до того времени; дворяне по-прежнему обязаны были служить поголовно и пожизненно, а от всех прочих сословий требовалась по мере надобности поставка даточных людей, которые с 1705 года стали именоваться рекрутами.

Главнейшие основания воинской повинности при Петре Великом заключались в следующем¹:

1) Воинской повинности подлежат все сословия государства и все классы общества. Дворяне обязаны были поголовною службою; обязанность вытекала из самого порядка возникновения дворянского сословия: оно составилось из лиц, обязавшихся службою и наделенных за это землями². Прочие же сословия привлекались к поставке рекрут в размере надобности.

2) Размер повинности и порядок ее раскладки не были определены раз навсегда, а устанавливались перед каждым набором.

3) Срок службы был назначен пожизненный — так же, как и в прежних наших войсках и как то практиковалось в иностранных армиях.

4) Для податных сословий повинность была общинною, но не личною: правительство предъявляло к обществам требование о поставке известного числа рекрут и вовсе не вмешивалось в вопрос о том, кто именно будет назначен обществом в рекруты.

Основания эти в последующие царствования подверглись существенным изменениям. Раньше всего нарушен был основной принцип всеобщности повинности, дарованием

¹ Более подробные сведения о комплектовании нашей первой регулярной армии можно найти у А. Баиова: «Курс истории русского военного искусства», II, стр. 68–76.

² Все прежние поместья, жалованные в пожизненное владение, в 1714 году указом о единонаследии были обращены в вотчины.

льгот целым категориям и классам населения, в особенности дворянству, которое между тем по мысли Петра должно было нести военную службу преимущественно перед всеми другими сословиями. Главнейшая причина дарования подобных льгот заключалась в том, что военная служба, вообще тяжелая в то время (пожизненный срок, суровые наказания), являлась особенно тяжелою для высших сословий в том отношении, что они должны были служить вместе с отбросом прочих сословий, так как общества сдавали на службу людей порочных, от которых они желали избавиться, а затем даже была установлена отдача в рекруты за наказание. Собственно для дворян поголовная служба являлась сверх того разорительною, так как имения их приходили в запустение. Первые льготы дворянам заключались в освобождении в 1732 году при Анне Иоановне от службы одного из братьев в каждой семье для лучшего управления имениями, а также в ограничении службы дворян 25-тилетним сроком; затем, в 1762 году, грамотою Петра III о вольности и свободе дворянству последнее было вовсе освобождено от службы ¹.

Вслед за дворянством постепенно были освобождены от службы все сколько-нибудь возвышавшиеся над общим уровнем классы общества: купцы, почетные граждане и лица, обладавшие известным образованием; льготы давались также жителям некоторых местностей (Бессарабия, отдаленные области Сибири), инородцам Сибири и пр.; освобождением от повинности пользовались кроме того колонисты и переселенцы, привлекаемые из-за границы, и др.

Насколько обширное развитие получили все эти льготы, сословные и по местностям, видно из того, что по 10-й народной переписи (1858 г.) из 29½ мил. Жителей мужского пола, бывших в Европейской России (без Польши и Финляндии), повинности подлежали только 23½ мил., тогда как 6 мил., то есть 20 % всего населения, были от нее освобождены или вполне, или за определенный денежный взнос.

Раскладка повинности и ее размеры не были определены раз навсегда и зависели от обстоятельств; при Елизавете Петровне, когда вся территория была разделена на 5 частей, из коих каждая, через 4 года в 5-й, должна была ставить по одному рекруту со 100 душ; но во время последующих войн брали рекрут в разные сроки и в различном числе, по мере надобности. При Императоре Николае I империя была разделена на 2 полосы, восточную и западную, причем полагалось производить в них наборы по очереди, через год. Во время Восточной войны, когда потребность в рекрутах была громадна, в несколько наборов было взято: в губерниях восточной полосы по 70 чел. с 1000 ревизских душ, а в западной полосе

¹ См. статью И. Баграмова: «Краткий исторический обзор отбывания военной службы нашим дворянством» (В. Сб., 1899 г., № 10–12).

по 57 чел., не считая ратников ополчения. По окончании войны население до 1863 года было вовсе освобождено от поставки рекрут, чтобы дать ему возможность оправиться от бедствий войны; предоставление такой льготы признавалось возможным ввиду образования многочисленного запаса из людей, обученных во время войны.

В 1863 году по случаю восстания в Польше и вмешательства западных держав часть армии была приведена на военное положение и произведено в один год 2 набора со всего государства, каждый по 5 чел. с 1000 душ, так как имевшийся запас бессрочно-отпускных к этому времени уже значительно уменьшился. С того времени наборы производились ежегодно со всей империи по 4–6 чел. с 1000 душ, что составляло при 6 чел. с 1000 душ около 140–150 т. рекрут. Наборы в таком размере в связи с постепенным сокращением сроков службы позволили вновь образовать значительный запас обученных людей.

Срок службы вместо установленного Петром Великим пожизненного был в 1793 году сокращен до 25 лет ¹; затем в 1834 году, при императоре Николае Павловиче, он был сокращен до 20 лет, причем было установлено, что после 20 лет службы под знаменами нижние чины увольнялись не в отставку, а в бессрочный отпуск ² на 5 лет, после чего окончательно увольнялись, как тогда называлось, в чистую отставку. Таким образом, установлением увольнения нижних чинов в конце службы в 5-тилетний отпуск было положено образование и у нас запаса армии.

Дальнейшее сокращение сроков службы было произведено по окончании Восточной войны 1854–55 гг., когда общий срок службы ограничили 15-ю годами, из коих действительной службы 12 (позже 10) лет и в бессрочном отпуску 3 года (позже 5 лет). На деле нижние чины служили менее узаконенных сроков и ко времени введения нового Устава о воинской повинности, т.е. к 1874 году, фактический срок службы под знаменами был всего около 7 лет.

Общинный характер воинской повинности сохранялся у нас до введения в 1874 году всеобщей и личной повинности. Первоначально правительство вовсе не вмешивалось в выбор рекрут обществами и предписывало приемщикам принимать в рекруты «кого

¹ В 1788 г. установлен впервые (Потемкиным) принцип сокращенных сроков службы: для армии — 25 лет, а для вновь формируемых поселенных войск — 15 лет. (Масловский, Записки по истории военного искусства в России, II, 49, 349, 495.)

² Название, как видно, не соответствовало сущности дела, т.к. 5-летний отпуск нельзя было считать бессрочным; под этим словом, очевидно, хотели разуметь возможность призвать отпускного нижнего чина в любую минуту на службу.

отдатчики в отдачу объявят и поставят»; вследствие этого население успело само выработать основания для раскладки повинности, наиболее отвечающие его быту и взглядам. Ознакомление с установившеюся при этом системою представляет для нас большой интерес в этом отношении, что и постановления о выборе новобранцев, заключающиеся в ныне действующем уставе о воинской повинности, исходят, — по существу, из тех же самых оснований.

Ввиду преобладания у нас семейного и общинного начала и исконного признания нашим народом, что интересы общие должны быть удовлетворяемы предпочтительно перед интересами отдельных лиц, при выборе рекрут главное внимание обращалось на то, чтобы сдача их на службу возможно менее расстраивала благосостояние семейств, а следовательно и всего общества; а так как благосостояние семьи зависело главным образом от числа рабочих рук, то в рекруты сдавались предпочтительно члены многорабочих семейств, которые от этого не подвергались такому разорению, к какому неизбежно приводила бы сдача в рекруты лиц, принадлежавших к семьям с небольшим числом работников. Выработанные на этих основаниях самим народом правила распределения повинности впервые были узаконены правительством в 1831 году, когда эти правила были введены в Рекрутский Устав.

Порядок отбывания повинности, узаконенный Рекрутским Уставом, получил название очередного и заключался в следующем:

а) Все семейства данного участка вносятся в очередные списки, по порядку числа состоящих в них работников, причем работниками считаются все способные к труду в возрасте 18–60 лет.

б) Семейства дают рабочих по очереди, начиная с многорабочих; имеющие всего одного работника (одиночки) вовсе освобождаются от поставки рекрут. Семьи, имевшие более 4-х работников, были обязаны ставить и второго рекрута ранее, чем доходила очередь до семейств, имевших в 2 раза меньшее число работников, а семейства, имевшие более 7-ми работников, — еще третьего рекрута, раньше поставки первого рекрута семействами, имевшими в 3 раза меньшее число работников. В один набор ни одно семейство не обязано было ставить более одного рекрута, а в разные наборы — более трех. Когда очередь обходила все семейства данного участка, то она начиналась сначала.

в) Каждая семья, до которой дошла очередь, ставит рекрута, если в ней есть лицо, годное фактически к службе, в возрасте 20–35 лет. Если в семье несколько таких лиц, то предпочтительно отдаются холостые, а из них старшие по летам; если все женаты, берутся

прежде бездетные; наконец, когда все женаты и имеют детей, то выбор определяется или волею родителей, или добровольным соглашением, или жребием.

Такова сущность оригинальной системы, выработанной, как уже было упомянуто, самим населением, при которой выбор рекрут обуславливался главным образом интересами семейства и заботою о том, чтобы не подрывать благосостояния последних.

Но этот очередной порядок представлял, однако, существенные неудобства: учет очередей был всегда сложен и вызывал множество жалоб; семейства, записанные в ревизских сказках под одним номером, по закону не имели права делиться иначе, как с разрешения казенных палат, а так как многие семьи все же делились «самовольно», то весьма часто на службу призывался единственный в семье работник только потому, что он в списках числился членом многорабочей семьи.

Очевидно, что при таких условиях очередной порядок уже не удовлетворял прямой своей цели, т.е. ограждению рабочей силы и благосостояния семейств. Наконец, большое неудобство заключалось в том, что в армию приходилось брать рекрут от 20- до 35-летнего возраста¹, с одной стороны, армия получала рекрут слишком старых, а с другой, и само молодое поколение вплоть до 35-летнего возраста оставалось в неизвестности относительной своей участи и не могло с уверенностью устраивать свой семейный и общественный быт.

Перечисленные неудобства очередной системы побудили правительство выработать иной порядок, при котором также по возможности были соблюдены семейные интересы, но вместе с тем выбор рекрут был бы упрощен и совершался бы в более раннем возрасте. Такой порядок под названием «жеребьевка» был окончательно введен в 1854 г. для государственных крестьян и для мещан, тогда как для удельных крестьян осталась в силе прежняя очередная система².

Ежегодно к жребию привлекаются лица, достигшие к 1 января года призыва 21-летнего возраста. Все они, по семейному своему положению, разделяются на 3 разряда: к 1-му относятся бездомные и бессемейные одиночки и члены многорабочих семейств (4 и более работников); ко 2-му разряду — члены семейств, имевших 3-х работников; к 3-му разряду — члены семейств с 2-мя работниками, а равно и тех семейств с 3-мя работниками, кои уже поставили одного рекрута. От повинности вовсе освобождались единственные работники в семье³. К жребию раньше всего призывался 1-й разряд, затем, в случае надобности, 2-й и 3-й; в каждом разряде номер жребия определял, кому идти на службу. Таким образом,

¹ После Крымской войны в рекруты брали только в возрасте 20–30 лет.

² Для помещичьих крестьян выбор рекрут фактически зависел от власти помещика.

³ Единственный сын при отце, хотя бы и способном к труду, освобождался также от повинности. Оставление одного сына идет со времен Анны Иоанновны и точно узаконено еще в 1789 г. (Масловский. Записки, II, прим. на стр. 20).

жеребьевая система представляла переход к личной повинности с сильно развитыми льготами по семейному положению.

В Царстве Польском воинская повинность отбывалась по системе конскрипции: повинность там была всеобщей, к ней привлекались (почти) все сословия, причем на семейное положение призывных обращалось весьма мало внимания¹.

При всех приведенных трех системах отбывания повинности допускалась замена лица, сдаваемого в рекруты другим лицом. Лица, желавшие поставить вместо себя другое лицо, входили с ним в соглашение, то есть попросту его нанимали. Эти «наемщики» представляли собою элемент, в нравственном отношении совершенно ненадежный, вследствие чего правительство неоднократно принимало меры к тому, чтобы заменить частный наем казенным, более гарантирующим интересы армии. С этой целью, при Императоре Николае I, правительство стало нанимать на службу охотников и по числу поступивших выпускало зачетные квитанции. Каждый, приобретший подобную квитанцию, имел право представить ее в любой набор, чтобы освободить от службы себя или кого-нибудь другого; кроме того, владелец квитанции мог продать ее по усмотрению. Число зачетных квитанций, однако, всегда было недостаточно, так как число охотников было крайне мало, а потому в армию продолжало поступать большое число лиц по частному найму.

С той же целью — уменьшения числа наемщиков — в царствование Императора Александра II, с сокращением сроков действительной службы, было решено привлекать на вторичную службу нижних чинов, подлежащих увольнению в бессрочный отпуск. По числу таких «заместителей» выпускались и продавались желающим выкупные квитанции, действительные только для следующего набора. Но и число заместителей было ничтожно², почему с 1872 года, чтобы только освободиться от наемщиков, квитанции эти стали выпускаться в неограниченном числе, каждому, обязанному службою, было предоставлено от нее избавляться путем установленного денежного взноса, вместо замены был установлен выкуп.

¹ К жребию привлекались раньше всего люди в возрасте 20–22 лет, независимо от их семейного положения; только в случае недостатка таких лиц призывались лица в возрасте 23–30 лет, причем уже обращалось внимание на их семейное и общественное положение. До 1859 года получали освобождение лишь единственные сыновья в семьях; с этого года введен ряд льгот по семейному положению. Конскрипция в Польше, введенная там по примеру Франции, допуская замену, была повинностью общеобязательной, но не личной (Сборн. трудов комиссии по воинской повинности, стр. 469; Справочная книга Милютин, стр. 69).

² Отметим здесь весьма знаменательный факт: наш солдат на свою службу смотрит как на исполнение священного долга перед Царем и Отечеством; военная же служба по найму противна нравственному его чувству. Объясняется это отчасти тем, что у нас никогда не было вербовки, а защита Отечества всегда считалась обязанностью всех граждан, отчасти — тою плохою славою, которую приобрели у нас прежние наемники. Этот взгляд на необязательную военную службу из-за материальных выгод сказывается и до настоящего времени, затрудняя привлечение унтер-офицеров на сверхсрочную службу.

Как видно, в вопросе об освобождении от повинности состоятельных классов мы шли тем же самым путем, что и французы и, конечно, с теми же самыми результатами; это может служить лишним раз доказательством, что в деле комплектования армии всякого рода компромиссы и уступки пользы не приносят.

Лишь в 1874 году у нас была установлена всеобщая и личная воинская повинность, не допускающая ни выкупа, ни замены. Уставом о воинской повинности 1874 года установлена вновь повинность, всеобщая, сословная, с отменой тех изъятий и льгот, в силу которых, как было упомянуто выше, одна шестая часть всего населения была освобождена от повинности. — Устав восстановил в этом отношении главный принцип, на котором основывалось пополнение нашей вооруженной силы уже в допетровское время, принцип, положенный также в основание системы, созданной затем Петром Великим, — что все граждане обязаны по зову правительства являться на военную службу. Такое уравнение всех граждан в несении военной службы и в защите Престола и Отечества явилось логическим последствием другого великого преобразования царствования Императора Александра II — уравнения прав всех сословий отменой крепостной зависимости крестьян.

Отменяя прежние порядки отбывания воинской повинности, новый устав сохранил, однако, в полной силе то основание для раскладки этой повинности, которое самим населением было признано наиболее справедливым и соответствующим его интересам и быту, а именно выбор новобранцев был поставлен в зависимость от их семейного положения, почему новый устав дал обширнейшие льготы по семейному положению, так что последнее явилось главным основанием при выборе новобранцев — в полную противоположность положениям, действующим в Западной Европе, где при выборе рекрут почти исключительно заботятся о физической их годности, обращая весьма мало внимания на семейное их положение.

Теперь, прежде чем обратиться к подробному изучению начал, положенных в основу «Устава о воинской повинности 1874 года», необходимо отметить, что в нашей регулярной армии, начиная со времени Петра Великого, никогда не применялась вербовка в том виде, как она практиковалась в армиях Западной Европы, но частичной вербовки, в смысле наемничества или заместительства, не избежали, к сожалению, и мы. Затем, подобно Франции и Австрии, мы слишком мало придавали значения принятой с 1815 года в Пруссии системе комплектования войск и на протяжении целых 40 лет не обнаружили стремления заимствовать из этой системы хотя бы то, что было доступно без коренной ломки нашего устава. При сохранившемся у нас в то время в полной силе крепостном праве несомненно,

что мы не могли ввести у себя всеобщую личную повинность, но очевидно и что ничто не мешало бы нам перейти хотя бы к более коротким срокам службы и образованию через это многочисленного и молодого запаса армии. Однако и в этом вопросе мы шли вперед еще более робкими шагами, чем западные соседи Пруссии — французы. Такова сила привычки и прочно укоренившихся взглядов, за которые и пришлось расплатиться серьезными неудачами — нам в 1854–1855 гг., австрийцам — в 1866 г. и французам — в 1870 году.

III. Общие основания системы всеобщей воинской повинности в России

В ряду великих преобразований, совершившихся в царствование Императора Александра II, одно из важнейших мест занимает введение 1 января 1874 года, взамен рекрутской повинности, всеобщей личной воинской повинности, правила отбывания которой были изложены в изданном тогда же «Уставе о Воинской Повинности»¹. Устав был построен на тех же началах, которые были приняты в то время в Германии, Австрии и Франции, хотя самое применение у нас этих начал, в силу многих бытовых особенностей, и оказалось несколько отличным от принятого на Западе.

Надо, кроме того, заметить, что до 1912 г., т.е. за 37 лет действия устава, в нем не было произведено ни одного крупного изменения, если не считать постепенного уменьшения сроков службы под знаменами и сокращения некоторых льгот по образованию. Но так как за тот же период времени условия жизни государства в значительной степени изменились, то постепенно назревала коренная необходимость коренного пересмотра всего устава. Работа эта и была исполнена в 1910–1912 гг., но лишь в отношении изменений первой очереди, которые были утверждены законом 23 июня 1912¹, а изменения остальной части устава отложены на ближайшее время.

Главнейшие изменения, установленные законом 23 июня, коснулись: 1) исчисления призывного возраста; 2) времени производства призыва; 3) льгот по семейному положению; 4) отсрочек и льгот по образованию, а также изъятий по званию и роду занятий; 5) правил отбывания воинской повинности на правах вольноопределяющихся и охотников; 6) состава присутствий по воинской повинности; 7) разверстки контингента новобранцев и порядка производства призыва, и 8) взысканий за нарушение законов о воинской повинности.

Значение этих изменений как для населения, так и для армии, а равно и причины, их вызвавшие, будут выяснены ниже при попутном изложении тех оснований, на которых был

¹ Последнее его издание относится к 1897 году; продолжения изданы в 1906, 1908, 1909, 1910 и 1912 годах; последнее продолжение, т.е. 1912 г., отменило собою все предыдущие.

построен устав 1874 г., причем последний будет приниматься в той редакции, которую придали ему все изменения и дополнения до закона 23 июля 1912 г. включительно.

Сущность нашей всеобщей (всеобщей) воинской повинности заключается в следующем:

1) Вооруженные силы государства состоят из постоянных войск и государственного ополчения. Ополчение назначается в случае войны в помощь постоянным войскам. Как постоянные войска, так и ополчение состоят из сухопутных и морских частей. Постоянные сухопутные войска составляют: а) армия, пополняемая ежегодными призывами новобранцев, б) запас армии, состоящий из людей, прошедших через ряды и уволенных ранее выслуги общего срока службы, в) казачьи войска и г) войска, образуемые из инородцев. Морские Вооруженные силы так же, как и сухопутные войска, состоят из действующих команд и запаса флота.

2) Воинская повинность есть общеобязательная. Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного, а потому воинской повинности подлежат все мужское население без различия состояний. Денежный выкуп от воинской повинности и замена охотником не допускаются. Исключаются из участия в воинской повинности и не принимаются вовсе в военную службу только лица, лишенные по судебным приговорам всех прав состояния или всех особенных прав и имуществ, лично и по состоянию присвоенных.

Общий для империи устав о воинской повинности не распространяется, однако, на войсковое казачье население, на жителей Закавказского края и на инородцев Северного Кавказа, кои отбывают повинность на основании особых положений, изложенных ниже. Затем от воинской повинности пока вовсе освобождено все население: а) Туркестанского края и некоторых отдаленных округов и отделений округ в Сибири; б) инородческое население Астраханской губернии, Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской и Закаспийской областей, всех губерний и областей Сибири, а равно и самоеды, обитающие в Мезенском и Печорском уездах Архангельской губернии².

3) Воинская повинность есть личная, а потому, как выше сказано, денежный выкуп от нее или замена охотником не допускаются. Замена допускается лишь в пределах одной и той же семьи, а именно: член семьи, который должен поступить на действительную службу или уже состоит на оной, может быть заменен во всякое время родным или двоюродным братом,

¹ Пр. по воен. Вед. 1912 г. № 349.

² Уроженцам местностей, на которые не распространяется действие уст. о воин. пов., предоставляется поступать в войска вольноопределяющимися и охотниками.

имеющим не более 26 лет от роду, если последний физически годен к службе, не подлежит призыву и не числится в запасе.

4) Все мужское население, способное к службе, в возрасте от 21 до 43 лет, входит в состав Вооруженных сил государства; но размер повинности не на всех налагается одинаковый: одни к постоянным войскам, другие числятся в ополчении.

Призывной возраст. К исполнению воинской повинности призывается ежегодно один только возраст населения, именно молодые люди, которым уже исполнилось 20 лет от роду к 1 января того года, когда производится призыв, следовательно к призыву будут являться все молодые люди, родившиеся в одном и том же году (с 1 января по 31 декабря).

Время производства набора. Так как в интересах военного ведомства желательно возможно раннее прибытие новобранцев в части войск, а окончание главных полевых работ в большинстве местностей империи дает возможность начинать действия по призыву в конце сентября, то набор и производится с 1 октября по 1 ноября, причем в зависимости от местных условий допускаются отступления от этих сроков: для начала призыва – 15 сентября, а для окончания – 15 ноября.

Сроки службы. Общий срок службы в сухопутных войсках для жеребьевых и охотников определен: а) для состоящих в частях пехоты и артиллерии, кроме конной, — в 18 лет, из коих 3 года действительной службы и 15 лет в запасе; б) для состоящих в частях всех прочих родов войск в 17 лет, из них 4 года действительной службы и 13 лет в запасе ¹.

Нижние чины сухопутных войск по увольнении с действительной службы в запас армии состоят 7 лет в запасе первого разряда, остальное время (т.е. 8 и 6 лет) до окончания общего срока службы — в запасе второго разряда; последний предназначается преимущественно для укомплектования резервных войск и тыловых учреждений.

Общий срок службы во флоте принятых по жеребью или охотниками определяется в 10 лет, из коих 5 лет в запасе, который делится на 2 разряда: первый разряд — 3 года и второй — 2 года. Перечисленных в запас второго разряда нижние чины флота предназначаются преимущественно для службы в военных портах и транспортной.

Учебные сборы. Чины, состоящие в запасе, могут быть призываемы военным и морским министерствами, по принадлежности, в учебные сборы, но не более двух раз в течение всего срока состояния в запасе и каждый раз не более, чем на 6 недель.

¹ До 1905 г. общий срок службы был: для сухопутных войск 18 лет, из них 5 лет действительной и 13 л. в запасе; для флота – 10 лет, из которых 7 лет действительной службы и 3 года в запасе. Деление запаса на 2 разряда до 1905 г. не существовало.

Государственное ополчение состоит из всего мужского населения, способного носить оружие и не числящегося в постоянных войсках, от призывного возраста до 43-летнего ¹ включительно. На этом основании в него зачисляются: а) все молодые люди, которые при призыве не попали в постоянные войска, и б) все чины постоянных войск по окончании общего срока действительной и запасной их службы. Лица, состоящие в ополчении, именуются ратниками ² и разделяются на два разряда. Различие между ними заключается в том, что ратники первого разряда предназначаются для пополнения как особых ополченческих частей, так и в случае надобности частей постоянных войск, тогда как ратники второго разряда назначаются только в состав особых ополченческих частей.

Изъятия и льготы по исполнению воинской повинности. Число лиц, достигнувших в 1874 году призывного возраста и внесенных в призывные списки, составляло 700 000 чел., из коих, по тогдашним штатам армии и сроку службы, надлежало принять в войска всего 150 000 новобранцев, или 21,4% от всего числа призывных. Такое значительное превышение числа призывных над числом потребных для армии новобранцев позволяло, не нарушая интересов армии, предоставить населению большие облегчения в исполнении воинской повинности. Вследствие этого отличительной чертой устава 1874 г. явилась забота о возможно полном охранении интересов населения, которому были даны широкие льготы: а) по семейному положению — для обеспечения имущественно-хозяйственного благосостояния семьи; б) по образованию — с целью развития и подъема в государстве образования, которое в то время не находилось на высокой степени распространения; в) для отдельных народностей, которые не были еще достаточно ассимилированы или по своей некультурности совершенно не годились для привлечения их в войска; г) для отдаленных местностей — в целях усиления колонизации их русским элементом; д) по роду занятий для таких лиц, отрывая которых от их профессий или не соответствовало бы государственным интересам, или же не отвечало бы духу самих профессий; и, наконец, е) по имущественному и хозяйственному положению.

Благодаря постепенному увеличению армий и возраставшей в силу этого потребности в новобранцах, а также вследствие сокращения сроков службы под знаменами, выгодное когда-то соотношение между контингентом новобранцев и числом призывных постепенно ухудшалось³. Так, в 1908 г. внесенных в призывные списки было 1 282 000 чел., а

¹ Достигшие службу в постоянных войсках военно-офицерского звания состоят в ополчении – обер-офицеры до 50 лет, а генералы и штаб-офицеры до 55 лет.

² См. след. стр.

³ В 1874 г. — 21,4%; 1884 г. — 28,1%; 1894 г. — 28,3%; 1904 г. 38,1%.

новобранцев надлежало принять 456 000 чел., и, следовательно, за 35 лет число лиц, достигающих призывного возраста, возросло на 83%, а в то же самое время контингент новобранцев увеличился на 204 %, т.е. возрастание шло далеко не в одинаковой пропорции, и тогда как прежде приходилось брать одного новобранца из 5 призывных, теперь из тех же 5 призывных оказалось необходимым брать 2-х новобранцев. Таким образом, за время действия Устава 1874 г., с одной стороны, затруднился и выбор соответствующего числа вполне годных для армии новобранцев и тем более, что этот выбор приходилось делать не из всего числа призывных, а главным образом из безльготных по семейному положению.

При таком положении дела устав, приноровленный к условиям семидесятых годов прошлого (XIX) столетия, оказался отставшим от жизни и не мог уже обеспечивать удовлетворительное комплектование новобранцами армии, которая, благодаря этому, оказывалась часто в некомплекте¹ и получала значительное число новобранцев, не удовлетворявших даже и довольно скромным требованиям физической годности, которые у нас предъявляются к новобранцам.

А так как льготы являлись, как сказано, большим удобством для населения, то, следовательно, сохранение устава в его прежнем виде сводило, в сущности, вопрос к тому, чьи интересы важнее: населения или армии. Теоретическое решение этого вопроса является простым до очевидности — конечно армии, ибо она сама существует не для себя, а для того же населения и для охраны его же интересов, но только не узких, как семейственные, имущественные и проч., а в широком смысле — интересов общегосударственных. Однако практическое разрешение того же вопроса оказывалось всегда далеко не таким простым, как это видно из того, что потребовалось несколько десятилетий, чтобы прийти к сознанию необходимости коренного пересмотра устава 1874 г. и внесения в него существенных изменений, которые коснулись раньше всего сокращения разного рода льгот по отбыванию воинской повинности.

В настоящее время все вообще льготы по исполнению воинской повинности, установленные законом 23 июня 1912 г., могут быть разделены на 4 категории: 1) совершенное освобождение от военной службы; 2) освобождение от службы в мирное время; 3) отсрочка призыва и 4) сокращенные сроки службы. Это деление, собственно говоря, составляет, так сказать, ощущаемый результат действия льгот в отношении каждого,

¹ Некомплект этот происходил оттого, что армия ежегодно недобираала некоторого числа новобранцев из назначенного ей контингента, а кроме того, некоторые из новобранцев, по прибытии в войска, оказывались негодными к службе по физическому состоянию и увольнялись домой.

Недобор новобранцев год от году увеличивался: так, в 1901 г. он был 2501 чел., в 1902 г. — 27913 чел., 1903 г. — 3550 чел., 1906 г. — 21578 чел., 1907 г. — 19557 чел., 1908 г. — 17926 чел., 1909 г. — 21234 чел. (Воен. Сборн. 1909 г. № 11 «Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью»).

пользующегося льготой; в законе же проведена иная номенклатура льгот, а именно: по физическому состоянию, по семейному положению, по образованию, по званию и роду занятий, по имущественному положению, для некоторых местностей и для отдельных народностей. Мы будем рассматривать льготы в том именно порядке, как они изложены в уставе.

I. По физическим причинам освобождаются от службы лица, которые по малому росту, телесным недостаткам или по болезненному расстройству будут признаны совершенно неспособными ни к какому роду военной службы, строевой или нестроевой, исключая умышленных членовредителей, которые во всяком случае обращаются в войска.

Наименьшая мера роста для приема на службу определена в 2 аршина 2½ вершка. Расписание же телесных недостатков и болезней, препятствующих приему на службу, изложено в особом наставлении присутствиям по воинской повинности.

Освобожденные по физической негодности, если они все же способны носить оружие, зачисляются в ратники ополчения 2-го разряда, т.е. следовательно, получая освобождение от службы в мирное время, при мобилизации они все же могут быть призваны, но не для боевого назначения, а для службы в тылу или внутри государства. Лицам, оказавшимся недостаточно возмужалыми для службы или неоправившимися от болезни, даются отсрочки до 2-х лет; если они и после этого окажутся неспособными к службе, то или вовсе освобождаются от нее, или зачисляются в ополчение.

II. Льготы по семейному положению, по уставу 1874 г., состояли в освобождении от службы с зачислением в ополчение. Ныне в правила предоставления этих льгот введен новый принцип — отсрочек призыва по семейному положению, дабы не давать полного освобождения тем из призывных, которые имеют в год призыва младших братьев, близких к достижению трудоспособного возраста, или же старших братьев, состоящих еще на действительной службе, но подлежащих в скором времени увольнению в запас. Вместе с тем по новому закону трудоспособный возраст определен от 17 до 55 лет, тогда как до сего способными к труду считались имеющие от 18 до 55 лет от роду¹.

На этих основаниях установлено четыре разряда льгот: 1) первый разряд: а) для единственного сына в семье; б) для единственного способного к труду сына при отце, к труду неспособном, или при матери вдове²; в) для единственного способного к труду брата

¹ Кроме того, неспособными к труду, по закону, считаются: а) совершенно не имеющие возможности работать вследствие увечья или болезненного расстройства; б) сосланные; в) находящиеся в безвестной отлучке более трех лет и г) находящиеся по призыву (а не сверхсрочными) на действительной военной службе нижними чинами.

² Если у призываемого не имеется брата, достигшего 16-летнего возраста либо состоящего на действительной службе по жеребью или охотником и подлежащего увольнению из войск в следующем году. При наличии же

или при одном или нескольких круглых сиротах братьях или незамужних сестрах²; г) для единственного способного к труду внука при деде или бабушке, не имеющих способного к труду сына²; д) для внебрачного, на попечении коего находится мать, или незамужняя сестра, или неспособный к труду брат²; е) для вдовца-одиночки, имеющего одного или нескольких родных детей.

Лица, пользующие правом на льготу 1-го разряда, кроме лиц иудейского вероисповедания, на службу не назначаются, хотя бы для выполнения общего годового призыва недоставало прочих людей, призванных к исполнению воинской повинности, а прямо зачисляются в ополчение 2-го разряда.

2) Второй разряд: для единственного способного к труду сына при отце, способном к труду, если отцу 50 лет, но менее 55 и он не имеет другого сына, достигшего 16 лет либо состоящего на действительной службе по жеребью или охотником и подлежащего увольнению из войск в следующем году.

3) Третий разряд¹: для единственного способного к труду сына при отце, способном к труду, если отцу менее 50 лет и он не имеет другого сына, достигшего 16 лет либо состоящего на действительной службе по жеребью или охотником и подлежащего увольнению из войск в следующем году, и б) для лица, непосредственно следующего по возрасту за братом, погибшим во время состояния на действительной военной службе или безвестно пропавшим на войне.

4) Четвертый разряд: а) для лица, непосредственно следующего по возрасту за братом, состоящим на действительной службе по жеребью или охотником и не подлежащим увольнению из войск в следующем году, и б) для лица, не получившего льготы одного из первых трех разрядов вследствие наличия другого члена семьи, достигшего 16-тилетнего возраста либо состоящего на действительной службе по жеребью или охотником и подлежащего увольнению из войск в следующем году.

Льготы 2, 3 и 4 разрядов имеют лишь условное значение, так как дают право на освобождение от службы только при наличии достаточного, для пополнения армии, числа безльготных. Льготные 2, 3 и 4 разрядов зачисляются в ополчение 1-го разряда.

При недостатке среди призывных, принадлежащих к иудейскому вероисповеданию лиц, как безльготных, так и имеющих право на льготы четвертого, третьего или второго

этого условия дается льгота 4-го разряда, а если и с этой льготой будет подлежать приему, то отсрочивается поступление на службу на один год.

¹ Льготы 2-го и 3-го разряда явились в новом уставе как разделение на две части прежней льготы 2-го разряда, причем введено новое деление категорий по возрасту отца: более 50 лет, но менее 55, и менее 50 лет. Устанавливая такое деление, закон считал, что положение семьи, глава коей, хотя и не вышел из

разрядов, разрешается для выполнения подлежащего, по разверстке, принятию в войска числа новобранцев сего вероисповедания, принимать на службу и тех из них, которые имеют право на льготу первого разряда.

Лица, имеющие право на льготу или отсрочку по семейному положению, лишаются этого права, если они, по заявлению отца или матери, деда или бабушки, не служат поддержкою семьи. Сила сей статьи не распространяется на лиц, принявших христианство¹.

Сводные братья призываемых, родившиеся от разных с ними отцов и матерей, в расчет не принимаются, если они не служат поддержкою для семейства призываемых. Приемьши считаются за родных сыновей, если были усыновлены до 10-тилетнего возраста.

III. Льготы по образованию заключаются в отсрочке призыва и сокращении срока службы под знаменами.

Отсрочкою для окончания образования могут пользоваться только молодые люди, обучающиеся в средних и высших учебных заведениях, причем отсрочка эта предоставляется не до достижения определенного возраста, а до призыва того года, в который исполняется тот возраст. Для обучающихся в средних учебных заведениях отсрочка дается до 24 лет, в высших с 4-хлетним курсом до 27 л. и с 5-л. курсом — до 28 лет; стипендиатам, командированным за границу, и лицам, оставляемым при высших учебных заведениях для подготовки к занятию ученых или учебных должностей, — до 30 лет. При мобилизации молодые люди, получившие отсрочку, могут быть привлечены в войска.

Сокращенные сроки действительной службы были установлены уставом 1874 г. как льгота молодым людям, по своему образованию более или менее выделяющимся из общей массы, причем этим преследовалась одновременно двоякая цель: во-первых, поощрить стремление к получению образования и оградить интересы различных отраслей государственной и общественной деятельности, нуждающихся в участии образованных людей; во-вторых, привлечь в армию образованных молодых людей, которые, отбыв обязательный срок службы, могли бы затем остаться в армии офицерами. По этим соображениям система льгот по образованию была развита в уставе 1874 г. очень широко².

Но имея в виду последовавшее общее сокращение сроков службы в войсках, а также значительное развитие в России по сравнению с семидесятыми годами минувшего столетия

трудоспособного возраста (55 л.), но уже достиг 50 лет, в большинстве случаев тяжелее, нежели положение той, где отец моложе 50 лет.

¹ Так как в этом случае родители-евреи или другие иноверцы из ненависти к крестившемуся сыну или внуку всегда заявляли бы, что он не служит им поддержкою.

² Первоначально общий 6-тилетний срок службы под знаменами сокращался в виде льготы на образование так: для окончивших высшие учебные заведения — до ½ года; средние — до 1 ½ лет; низшие школы — до 3 лет и начальные школы — до 4 лет. Затем срок этот был увеличен: для окончивших высшие и средние учебные

высшего и среднего образования, в настоящее время было признано возможным, в интересах армии, уравнивать в отношении воинской повинности лиц с высшим и средним образованием с теми, которые окончили учебные заведения второго ряда (низшие), установить для всех этих лиц¹ один общий трехлетний срок действительной службы. Таким образом, при общем 3-хлетнем сроке службы в большей части армии означенная льгота является реальной только для служащих в кавалерии и конной артиллерии, вместе с тем, желая облегчить лицам с высшим или средним образованием прохождение службы, а равно побудить их перейти в кадр запасных офицеров, закон 23 июня открывает тем из них, кои имеют это право², возможность пробывать на действительной службе только два года, выдержав в течение этого срока экзамен на прапорщика или подпоручика.

Лица, имеющие степени доктора медицины или лекаря, магистра ветеринарных наук или фармации, ветеринара или провизора и притом пользующиеся правом на занятие в военном ведомстве соответствующих их специальности классных военных должностей, состоят на действительной службе два года. По прослужении четырёх месяцев в строю в нижнем звании эти лица назначаются без особого испытания по удостоению военного начальства на указанные классные должности, сверх штата, сообразно приобретенным ими правам по образованию, и оканчивают установленный двухлетний срок действительной службы в этих должностях, после чего зачисляются в запас на шестнадцать лет³.

Вольноопределяющиеся. Для тех из получивших образование молодых людей, которые пожелали бы отбыть добровольно службу, не ожидая призыва, устав 1874 г. предоставлял особенно широкие льготы: 1) сокращение сроков не только действительной службы, но и в запасе; 2) право поступления на службу с 17-летнего возраста; 3) выбор части; 4) разрешение жить на вольных квартирах, если состоят на собственном иждивении; 5) наружные знаки отличия на погонах и б) некоторые облегчения в отбывании службы.

Вольноопределяющиеся делились на два разряда: к 1-му разряду относились молодые люди, имевшие образование не ниже среднего, ко 2-му разряду — выдержавшие испытание по особой программе, равной приблизительно курсу 5-го класса средней школы.

Первые должны были служить один год на действительной службе и 12 лет в запасе; вторые — два года на службе и тоже 12 лет в запасе.

заведения до 2-х лет, а для окончивших учебные заведения второго разряда — до 3-х лет, и для имеющих свидетельства народных училищ — до 4-х лет.

¹ В том числе и для принятых по жеребью или охотниками во флот.

² По происхождению, вероисповеданию и образованию не ниже 6 классов среднего учебного заведения или 2-го класса духовных семинарий.

³ До 1912 г. все эти лица вовсе освобождались от службы в мирное время и прямо зачислялись в запас на 18 лет.

Предоставление вольноопределяющимся льгот в таком широком размере делалось, во-первых, с целью образования для армии на случай мобилизации запаса офицеров, так как все вольноопределяющиеся 1-го разряда обязаны были держать экзамен на чин прапорщика запаса, а во-вторых, чтобы создать контингент молодых людей для пополнения бывших юнкерских училищ, куда определялись вольноопределяющиеся 2-го разряда. Но юнкерские училища у нас упразднены окончательно с 1907 года, а опыт минувшей войны показал, что подготовка прапорщиков запаса путем прохождения службы вольноопределяющимися 1-го разряда в течение одного года оказывается совершенно недостаточной. Ввиду этого законом 23 июня вольноопределяющиеся 2-го разряда упразднены вовсе, а для первого разряда срок службы под знаменами увеличен до 2-х лет и в запасе до 16 лет и изменено самое прохождение вольноопределяющимися военной службы.

Ныне действующие правила в отношении вольноопределяющихся заключаются в следующем:

1) Поступающие с этим званием в войска молодые люди должны иметь не менее 17 лет от роду; соответствовать по своему здоровью и телосложению условиям, установленным для приема на военную службу; иметь свидетельство об окончании курса одного из учебных заведений первого разряда.

2) Лица с медицинским, ветеринарным или фармацевтическим образованием принимаются в войска с 15 по 31 декабря, а с иным образованием — с 15 по 30 июня.

3) Общий срок службы для них устанавливается в 18 лет, из коих 2 года действительной службы и 16 лет в запасе.

Имеющим право быть офицерами и выдержавшими во время состояния на действительной службе экзамен на производство в прапорщики¹ или подпоручики (корнеты) срок действительной службы сокращается до 1 ½ года, причем они могут или отслужить эти 1 ½ года сразу, или же прослужить 1 г. и 3 месяца, а остальные 3 месяца отбыть в войсках на следующий год уже офицерами.

Поступившие на службу в период с 15 по 31 декабря отбывают воинскую повинность непрерывно в течение 1 г. и 8 мес., начиная с 1-го января следующего за принятием их года.

Срок состояния в запасе определяется для первых в 16 л. и 6 мес., для вторых — в 16 л. и 4 мес.

4) Вольноопределяющиеся принимаются на службу лишь на строевые должности во все роды войск; выбор части предоставляется усмотрению вольноопределяющихся, поскольку это окажется возможным в зависимости от общих расчетов военного ведомства.

¹ Звания «прапорщика запаса» более не существует.

Они поступают на службу рядовыми¹ и несут ее на основании устанавливаемых военным министерством правил с преимущественною целью приготовления вольноопределяющихся к офицерскому званию.

5) Поступающие в гвардию обязаны содержать себя на собственные средства.

6) Вольноопределяющиеся, имеющие право быть офицерами: 1) в случае выдержания в конце первого года службы в нижнем звании установленного испытания производятся по удостоению начальства в прапорщики и дослуживают срок действительной службы в офицерских должностях и 2) в случае выдержания на втором году службы экзамена на производство в подпоручики (корнеты) производятся по удостоению начальства в офицеры одновременно с юнкерами, окончившими в том же году курс училищ.

7) Вольноопределяющиеся из докторов медицины и лекарей, из магистров ветеринарных наук или фармации, из ветеринаров или провизоров, имеющие право на занятие в военном или морском ведомстве соответствующих их специальности классных военных должностей, состоят на действительной службе один год и восемь месяцев. По прослужении четырех месяцев в строю в нижнем звании эти лица назначаются без особого испытания по удостоению военного начальства на указанные классные должности сверх штата, сообразно приобретенным им правам по образованию, и оканчивают установленный срок действительной службы в этих должностях, после чего зачисляются в запас.

8) По выслуге сроков действительной службы вольноопределяющиеся как нижнего звания, так и произведенные в прапорщики или назначенные на классные военные и военно-морские должности сверх штата, перечисляются в запас, в котором состоят до выслуги общего 18-тилетнего срока службы.

Вышеизложенное показывает, что в отношении порядка допущения службы в качестве вольноопределяющихся закон 23 июня 1912 г. внес весьма крупные изменения, создав у нас почти те же основания для отбывания повинности вольноопределяющимися, что установлены и в германской армии.

Воспитанники военных училищ, в отношении исполнения ими воинской повинности, считаются вольноопределяющимися, причем время, проведенное ими в училищах, зачитывается в общий срок службы; на действительной же службе они обязаны пробыть по полтора года за каждый учебный год, проведенный в училище.

Охотники. Независимо от приема на службу на правах вольноопределяющихся, с целью открыть доступ в войска тем молодым людям, которые не имеют соответствующего образовательного ценза, но пожелают отбывать воинскую повинность до наступления

¹ В унтер-офицеры производятся не ранее 6-ти месяцев службы в нижнем звании (пр. по воен. вед. 1913 г. № 5).

призывного возраста, установлен порядок приема их в войска в качестве охотников, которыми могут поступать: 1) имеющие не менее 18 лет от роду и заявившие желание поступить в войска ранее достижения ими призывного возраста, 2) освобожденные при призыве от действительной службы, если они не достигли 30 лет, и 3) получившие отсрочку по семейному положению. Не принимаются охотниками опороченные по суду, состоящие под уголовным судом или следствием и находящиеся под гласным надзором полиции. Охотники принимаются на службу во все роды войск на строевые должности¹, на казенное содержание и обязаны прослужить общие сроки, установленные для принимаемых по жеребью; им предоставляется право выбора рода войск, если это окажется возможным по расчетам военного и морского министерств.

IV. По званию и роду занятий льготами пользуются следующие категории лиц и на следующих основаниях:

а) Освобождаются от воинской повинности:

1) священнослужители всех христианских вероисповеданий, а также православные псаломщики, окончившие курс в духовных академиях, семинариях или в духовных училищах;

2) настоятели и наставники старообрядческих и сектантских христианских общин, утвержденные в своих должностях правительственной властью;

3) некоторые лица магометанского духовенства²;

4) академики, адъюнкты, профессора и некоторые другие лица из числа ученого и учебного персонала высших учебных заведений; пенсионеры академии художеств, отправляемые на казенный счет за границу для усовершенствования образования, и лица, окончившие художественно-промышленные училища и отправленные для усовершенствования по своей специальности за границу³.

Если поименованные лица, а равно и православные псаломщики, оставят занимаемые ими должности до достижения ими 30-тилетнего возраста, то они призываются к отбыванию воинской повинности на общем основании.

б) Сокращается срок действительной службы до 2-х лет:

¹ Имеющие специальную техническую подготовку могут приниматься на соответствующие нестроевые должности.

² Поименованные в ст. 46 закона 23 июня 1912 г.

³ Следует заметить, что по Уставу 1874 г. большинство из лиц, поименованных в п. 4-м, освобождались от службы только в мирное время и зачислялись прямо при призыве в запас на 18 лет. Очевидно, что в случае мобилизации они явились бы в войска совершенно неподготовленными к военной службе и никакой пользы принести не могли бы, поэтому-то закон 23 июня и освободил их вовсе от службы. При этом, конечно, имелось в виду, что несколько пострадает принцип всеобщности повинности, но нарушение его в данном случае

1) лицам, занимающим в ученых учреждениях или в высших учебных заведениях должности, не освобождающие от исполнения воинской повинности (§ 4 предыдущего пункта а);

2) преподавателям всех прочих учебных заведений, содержимых за счет казны, городов, обществ, земств, сословий или частных лиц и существующих на одинаковых основаниях с правительственными (исключая школ воскресных);

3) директорам воспитательно-исправительных заведений и учителям, преподающим положенные уставом сих заведений предметы.

В виде временной меры, до 1-го декабря 1917 года, допущено сокращение срока действительной службы до одного года для тех из упомянутых в п. б лиц, которые окончили курс в высших учебных заведениях (или в учебных заведениях, подготовляющих учителей) и занимают должности по учебной части в учебных заведениях с курсом не ниже двухклассных начальных училищ.

в) Освобождаются от службы в мирное время с зачислением в запас флота на 10 лет подлежащие приему на службу лоцманы и лоцманские ученики, имеющие по закону эти звания и действительно исполняющие связанные с этим званием обязанности.

V. По имущественному и хозяйственному положению допускается отсрочивать поступление на службу, не более как на 2 года, для лиц, управляющих лично собственным недвижимым имуществом или принадлежащим им торговым, фабричным или промышленным заведением, за исключением заведений, производящих раздробительную продажу крепких напитков.

IV. Организация войск в России

Прежде чем приступить к рассмотрению современной организации наших Вооруженных сил, следует проследить вкратце постепенный ход их развития со времени Петра Великого, когда организация нашей армии установилась на прочных началах и состав ее в мирное время был определен точными штатами.

К концу царствования Петра Великого армия заключала в своем составе пехоту, кавалерию и артиллерию; инженерных войск, как отдельного рода оружия, не было образовано. Кроме того, к армии принадлежали: гарнизонные войска (68 тыс.), ландмилиция (10 тыс.), казаки и слобожане (55 тыс.). Общий состав Вооруженных сил доходил до 220 тыс. чел. Состав частей как в мирное, так и в военное время оставался тот же самый. Высших

делается в целях государственной пользы, а кроме того, и процент освобождаемых этой категории будет всегда ничтожным (в 1909 г. их было около 0,04%).

соединений, кроме полков, в армии не было, но в военное время полки сводились в бригады и дивизии.

Царствование ближайших преемников Петра Великого не ознаменовалось существенными реформами в области организации Вооруженных сил.

В царствование Екатерины II в армии были произведены многие реформы; крупнейшей из них в деле организации пехоты явилось сформирование егерей; в коннице — обнаружилось предпочтение иметь ее нескольких типов (тяжелого и легкого); артиллерии организационные усовершенствования почти не коснулись, а инженерный полк остался в прежнем составе. Для управления войсками в мирное время было установлено территориальное деление их на дивизии, подчиненные военной коллегии, но в военное время эти дивизии не сохраняли своего состава, территориального наименования и своих начальников, к концу царствования Екатерины II армия состояла: пехота — 3 гвардейских полка (по 2 бат.), 14 гренадерских полков (по 4 бат.), 58 мушкетерских (по 2 бат.), 43 егерских батальона и 20 полевых батальонов, всего 241 батальонов общей численностью 270 тыс.; конница — 1 гвардейский полк, 5 кирасирских полков, 17 карабинерных полков, 1 конно-гренадерский полк, 11 драгунских полков, 3 конно-егерских полка, 13 легкоконных полков, всего 51 полк общей численностью 67 тыс.; кроме того было образовано 9 регулярных казачьих полков и увеличено число полков, выставлявшихся казачьими войсками (41 полк); артиллерия пешая — из 1 бомбардирского полка, конная — 5 конно-артиллерийских рот 14-орудийного состава; инженерный полк — указанного раньше состава. Всего в армии было около 400 тыс. войск.

Со вступлением на престол Императора Павла I было решено уменьшить численность армии и приблизить ее к прусскому образцу.

Существовавшие при Екатерине дивизии были заменены инспекциями, которые представляли собою территориальные округа, включавшие все роды полевых войск и войска гарнизонные; затем были учреждены должности шефов полков, при которых командиры полков потеряли всякое значение; полкам даны были наименования по фамилиям шефов, а территориальные названия Петровского времени уничтожены.

В царствование Александра I Вооруженные силы наши получили значительное приращение и некоторое изменение в своем устройстве. В пехоте все полки были сначала преобразованы в 3-батальонные, так как большая часть полков выделила впоследствии по одному батальону в поселенные войска (военные поселения), то в сущности пехотные полки остались по-прежнему двухбатальонными; появился новый вид пехоты — карабинеры — полное подобие егерей, и увеличено число егерских полков за счет пехотных. Кроме полевой

пехоты была сделана попытка образовать еще пехоту резервную, но в 1812 году резервные войска (из рекрутских депо) были обращены на формирование 125 резервных батальонов, которые вскоре слились с полевыми войсками. Был также произведен опыт создания правильно организованных запасных войск, но опыт этот успехом не увенчался... В артиллерии кроме численного ее увеличения важным нововведением было уничтожение отдельного фурштадта, обслуживавшего орудия и рядные ящики; затем, оставив по-прежнему роты административной тактической единицей, роты свели не в батальоны и полки. как прежде, а в бригады из 2 тяжелых (батарежных) и 2 легких, одной конной и одной пионерной рот; конные и пионерные роты были затем 1815 г. из состава бригад выделены; следующей стадией в развитии организации полевой нашей артиллерии было формирование (1824 г.) артиллерийских дивизий, которые были составлены из 2–3 бригад и сдавались по одной пехотным корпусам. В полевых инженерных войсках, кроме существовавшего ранее одного пионерного полка, был сформирован другой, а из бывших до того 2 понтонных рот был образован артиллерийский понтонный полк, состоявший из 2 батальонов четырехротного состава.

Значение гарнизонных войск было расширено возложением на них обязанности служить запасными войсками для частей действующей армии. К числу регулярных войск царствования Александра I необходимо причислить еще так называемые национальные войска (начало которым было положено при Екатерине II), именно 3 конных полка Татарский, Литовский и Польский и 2 батальона — Греческий и Одесский. Число казачьих полков было увеличено и введено больше порядка в отбывании службы казачьими войсками.

Тактических соединений выше полка в первые годы царствования Александра I не было; в случае войны из инспекций формировались армии, подразделявшиеся на корпуса, деташемента и резервы, но все эти подразделения являлись импровизированными. С течением времени корпуса или прямо армия непосредственно делились на колонны, составлявшиеся из всех или из 2 родов войск, и тоже представлявшие собою случайные соединения. После войны 1805 года было сделано первое расписание войск на постоянные дивизии, состоявшие из 6–7 пехотных полков, 3 кавалерийских и 2 казачьих полков, 1 артиллерийской бригады, а иногда и понтонной роты. Таким образом, была создана постоянная тактическая единицы военного порядка, достаточно сильная и самостоятельная. Дивизии по 2–4 сводились в корпуса, последние по 3–5 в армии. Затем из дивизий была выделена конница в самостоятельные дивизии, и как в пехоте, так и в коннице были созданы бригады по 2 полка каждая; бригады по три (в коннице по две) сводились в дивизии (в пехоте в составе дивизий была и артиллерия).

Начиная с 1810 года стали формировать пехотные и кавалерийские корпуса. После войны 1812 года было всего дивизий: 2 гвардейских, 3 гренадерских и 25 пехотных, которые составляли корпуса: гренадерский, 7 пехотных, Кавказский, Финляндский и Литовский¹². Кавалерийских дивизий было: 1 гвардейская, 3 кирасирских, 3 гусарских, 5 уланских, 4 драгунских и 2 конно-егерских; кавалерийские дивизии или по одной придавались некоторым пехотным корпусам, или по две составляли 6 отдельных корпусов: 5 резервных, в том числе 6 отдельных корпусов: 5 резервных, в том числе 1 гвардейский и 1 отдельный корпус военных поселений. Большая часть корпусов уже в мирное время была сведена в 2 армии, во главе которых стояли командующие армиями и при них соответствующие штабы...

В 1833 году в организации армии были произведены существенные изменения: по расформировании некоторых пехотных и всех егерских полков остальным пехотным полкам был дан состав из 2–4 действующих батальонов с 1–2 резервными, часть из которых была выделена в состав 6 резервных пехотных дивизий. Кавалерия сведена в 3 резервных кавалерийских корпуса и 7 легких кавалерийских дивизий, приданных по одной корпусам. Артиллерия также образовала дивизии.

На военное время решено было формировать из бессрочно отпускных нижних чинов запасные батальоны по одному на полк. С 1837 года началось формирование отдельных стрелковых батальонов. Восточная война вызвала усиленное развитие резервных и запасных войск, и общая численность армии доведена до 1825000 чел. при 2702 полевых орудий.

В начале царствования императора Александра II тотчас по окончании Восточной войны штатный состав нашей армии подвергся сокращениям, которые производились в период 1856–62 гг. Управления пехотных и кавалерийских бригад были упразднены. Пехотные полки преобразованы в 3-хбатальонный состав, а гвардейские и гренадерские в 2-хбатальонный; в батальонах сформированы пятые (стрелковые) роты и приступлено к дальнейшей организации отдельных стрелковых батальонов (по 1 на дивизию). Резервные кавалерийские корпуса и дивизии упразднены и расформированы кирасирские полки, а все кавалерийские полки приведены в 4-хэскадронный состав. В 1863 году было отменено соединение войск в мирное время в корпуса, так что полки сводились прямо в дивизии, и никаких других высших соединений не было. Но затем в 1873 г. корпуса были вновь восстановлены, вместе с сим были восстановлены и управления пехотных и кавалерийских бригад. Резервные войска получили назначение обучать рекрут и состояли из резервных батальонов (80), эскадронов (56), батарей (12 и 4 к.) и саперных батальонов (3).

^{1 1} Кроме того I отдельный корпус военных поселений

Введение в 1874 году всеобщей воинской повинности и война 1877–78 гг. вызвали новые изменения в организации и численности наших Вооруженных сил, которые затем после войны еще раз были реорганизованы.

В царствование Императора Александра III среди реформ в отношении организации Вооруженных сил заслуживают наибольшего внимания: 1) приведение всей армейской кавалерии к одному типу — драгун и доведение полков (кроме гвардейских кирасирских) до 6-эскадронного состава, 2) усиление резервных войск обращением батальонов, расположенных вблизи границы, в полки; формированием новых частей и созданием особых кадров для резервных войск 2-й очереди, 3) выделение частей крепостной пехоты в постоянный гарнизон вновь созданных и переустроенных крепостей и усиление крепостной артиллерии, 4) формирование мортирных артиллерийских полков, 5) усиление состава пограничных войск для облегчения и ускорения их мобилизации. Все эти организационные преобразования были произведены не только без увеличения численности армии, но даже с некоторым ее сокращением, благодаря уменьшению численности нестроевого элемента в войсках (на 40 тыс.) и значительному сокращению (на 80 тыс.) разных категорий войск, не имеющих боевого значения, — глазным образом, местных.

Всего в армии по штатам мирного времени было 1135 батальонов, 730 эскадронов и сотен и 405 батарей. Высшим войсковым соединением являлись корпуса числом 20.

В 1903 г., т.е. перед войной с Японией, личный состав военнослужащих распался у нас, как и ныне, на две категории: состоящих на действительной службе и в запасе. В дополнение к ним, преимущественно для образования ополченских частей, в военное время могли быть призываемы ратники ополчения.

Отсутствие каких-либо подразделений чинов запаса на разряды по срокам их службы приводило в то время к тому, что различные категории войск (полевые, резервные, запасные) у нас отличались лишь по своей организации, но не по элементам комплектования, как то установлено в иностранных армиях. Но хотя однородность личного состава армии и способствовала, конечно, упрощению самой организации, тем не менее эта организация являлась чрезвычайно сложной. Объясняется это положение многими причинами: обширностью территории и тем разнообразием, которое представляют собою вероятные театры военных действий (в Европе, за Кавказом, в Средней Азии, на Дальнем Востоке); различием в отбывании воинской повинности различными частями населения и в порядке комплектования и формирования войсковых частей (войска регулярные, казаки, милиции); наконец, сила кадров, содержимых в мирное время для различных частей, представляла чрезвычайно разнообразие, главным образом вследствие того, что при дальности

расстояния многие части не могли бы своевременно получить укомплектования, почему приходилось содержать их в усиленном или даже в военном составе например, на Дальнем Востоке), наоборот, другие части (напр., резервные), расположенные в центральной России, считалось возможным держать в весьма слабом составе, едва хватавшем для несения разных нарядов и для ухода за весьма большим количеством имущества, потребного при мобилизации для развертывания таких частей.

Мы несколько подробнее остановимся на той организации, которую армия имела в 1903 г., так как этот именно год важен в том отношении, что тогда наша армия в последний раз была в том устройстве, к которому она постепенно подходила в течение всего XIX века; последовавшая затем война и, главное, реорганизация 1910 года совершенно видоизменили устройство нашей армии, в которой мы теперь более не встречаем целого ряда организационных форм, существовавших еще в 1903 году...

V. Современная организация русской армии

I. Полевые войска

Пехота полевая состоит из 59 пехотных дивизий (3 гвард., 4 гренад. и 52 арм.), 11 сибирских стрелковых дивизий, 17 стрелковых бригад и не входящего в высшие соединения собственного Его Императорского Величества сводного полка.

Кавалерия состоит из 18 кавалерийских дивизий, 6 казачьих дивизий, 3-х отдельных кавалерийских бригад, 3-х отдельных казачьих бригад, отдельной Уссурийской конной бригады, 2-х отдельных регулярных полков (20-й драгунский Финляндский и Крымский конный), 4-х отдельных казачьих полков, 2-х отдельных казачьих дивизионных и 10 отдельных казачьих сотен...

Артиллерия полевая разделяется на: 1) легкую, 2) горную, 3) мортирную, 4) тяжелую, 5) конную и 6) конно-горную...

Всего в артиллерии имеется: 1) 71 артиллерийская бригада (3 гвард., 4 гренад., 52 номерных, 11 сибирских стрелковых и гвардейская конно-артиллерийская); 2) 17 стрелковых артиллерийских дивизионов (по числу бригад); 3) 35 мортирных артиллерийских дивизионов (гвард., гренадер., № 1–25, 3 Кавказских и 5 Сибирских); 4) 7 тяжелых артиллерийских дивизионов (5 номерных и 2 сибирских); 5) 12 конно-артиллерийских дивизионов; 6) 3 конно-горных артиллерийских дивизиона и 7) 3 отдельных батареи.

Инженерные войска состоят из: 1) 39 саперных батальонов: гвард., гренад., № 1–25, 3-х Кавказских, 2-х Туркестанских и 7 Сибирских; 2) 9 понтонных батальонов и одной

понтонной роты; 3) 7 истребительных рот; 4) 4 осадных парков; 5) 2-х воздухоплавательных рот; 7) 3-х авиационных рот и 8) одного железнодорожного полка и 14 железнодорожных батальонов (из них 3 пограничной стражи).

2. Крепостные войска

Крепостные войска образуют постоянные гарнизоны крепостей других укрепленных пунктов и состоят из артиллерии и саперных, минных и телеграфных частей.

3. Запасные войска

Части запасных войск в мирное время содержатся лишь для кавалерии и артиллерии, для прочих же родов войск они формируются только на военное время.

В кавалерии уже в мирное время содержится 9 запасных полков и 1 дивизион.

Для артиллерии — один запасный конно-артиллерийский дивизион.

4. Части вспомогательного назначения

Обозные войска — 6 обозных батальонов и 2 отдельные роты. Особых штабных войск у нас формировать не положено; их заменяют отдельные казачьи сотни 2-й очереди, придаваемые корпусам и дивизиям для конвоя к штабам и обозам; для ординарческой службы к высшим начальствующим лицам назначаются чины из состава конных ординарцев, имеющих в пехотных полках.

Полевке жандармские части у нас содержатся уже и в мирное время в виде 7-ми жандармских эскадронов кадрового состава.

Кроме этих частей содержатся в составе армии еще разные команды, не имеющие значения собственно для военного времени и для боевой готовности армии; из них мы упомянем лишь о местных командах, которые содержатся для местной службы в тех пунктах, где нет ни полевых, ни казачьих войск.

В заключение остается упомянуть об отдельном корпусе пограничной стражи; хотя он находится в полном ведении министра финансов (имевшего звание шефа стражи), но в военное время он будет призван действовать совместно с полевыми войсками. Пограничная стража имеет в мирное время назначение охранять границу от провоза через нее контрабанды, а равно и от произвольного перехода через границу отдельных лиц; поэтому служба стражи похожа на службу сторожевых постов и сопряжена с опасностью ввиду того, что контрабандеры часто оказывают вооруженное сопротивление; особенная бдительность требуется от чинов стражи в ночное время, что еще более усиливает сходство их

деятельности со сторожевою службою. Стража состоит из конных объездчиков и пеших стражников. Для лучшей подготовки стражи собственно в военном отношении части ее с 1891 г. привлекаются к участию в общих сборах войск пограничных округов.

5. Казачьи войска

Казачьи войска выставляют конницу, конную артиллерию и пехоту; число пеших частей вообще не велико, и таковые выставляет лишь Кубанское войско.

Части казачьих войск в организационном отношении существенно отличаются от частей регулярных тем, что в мирное время содержится налицо лишь около одной трети всех частей, выставляемых при мобилизации; вдобавок к этим частям 1-й очереди на военное время формируется еще один из льготных чинов почти равное число частей 2-й очереди и еще столько же 3-й очереди. Для льготных частей постоянных кадров вообще не содержится; офицерский состав или выделяется из частей 1-й очереди, или назначается из числа офицеров, состоящих на льготе. Части 1-й очереди по своей мобилизационной готовности не отличаются от полевых; льготные части потребуют для своего изготовления больше времени. Части 2-й очереди, составляемые из казаков, обязанных иметь налицо верховых лошадей, будут, конечно, скорее готовы к походу, чем части 3-й очереди, в кои войдут казаки, не обязанные иметь в мирное время коней.

В мирное время содержится 54 полка, 3 дивизиона, 16 отдельных сотен, 6 батальонов и 20 батарей; общая численность около 60 тыс.

6. Милиции

Милиции содержатся лишь на Кавказе и в Закаспийской области. Они вообще немногочисленны и состоят преимущественно из конных частей; пополняются они охотниками из местных жителей и в мирное время преимущественно несут военно-полицейскую службу. Ныне содержатся следующие части: Дагестанский конный полк милиции; Кубанская (1 сот.), Дагестанская и Туркменский конно-иррегулярный дивизион (2 сот.), общию численностью около 3 т. чел. В случае войны число милиционных частей легко может быть значительно увеличено.

7. Ополчение

В дополнение к постоянным войскам в военное время формируются ополченские части¹.

¹ Ополчения призывались в 1812 г. и в 1855–56 гг. В Отечественную войну в 16 губерниях было выставлено 220 тыс. ратников, образовавших пешие и конные полки и отдельные дружины; некоторые ополченские части приняли участие в сражениях в 1812 г. (под Бородиным и др.) и даже участвовали в заграничном походе 1813 г.

Население, отбывающее воинскую повинность по общему уставу, выставляет пешие дружины, конные сотни, артиллерийские батареи, крепостные артиллерийские и саперные роты; пешие дружины суть отдельные части; они могут быть соединяемы в бригады и дивизии; конные сотни и артиллерийские батареи могут быть соединяемы в полки и дивизионы, а крепостные артиллерийские и саперные роты — в дружины. Число выставляемых ополченских частей и соединение их в более крупные единицы определяется особыми расписаниями. Для облегчения формирования ополченских частей при управлении уездных воинских начальников содержатся кадровые нижние чины в числе не менее 2-х на каждую назначенную к формированию роту, сотню и батарею. На офицерские должности назначаются лица, состоящие в ополчении; при этом все высшие командные должности до ротного, сотенного и батарейного командира включительно, а равно и штабные должности, занимаются исключительно лицами, имеющими офицерские чины: младшие же офицерские должности могут быть замещаемы лицами, окончившими курс учебного заведения не ниже 2-го разряда, если они имеют или же получают на службе в ополчении унтер-офицерское звание. Всем лицам, не имеющим чина или занимающим высшую против чина должность, присваивается чин, соответствующий этой должности, но лишь «зауряд», т.е. лишь на время, пока они состоят в должности. Распоряжения по формированию ополченских частей возложены на присутствия по воинской повинности.

Дислокация войск

Слабое развитие сети железных дорог, политические условия и наличие в составе наших Вооруженных сил значительного количества резервных войск заставляли нас до 1910 года держать главную массу полевых войск на окраинах государства и по преимуществу на западной границе, причем в одном из военных округов, именно в Казанском, не содержалось вовсе полевых частей. Такое сосредоточение главной массы войск в пограничных округах, облегчая их сосредоточение, представляло большие неудобства не только в мобилизационном отношении¹, но также затрудняло расквартирование войск и увеличивало расходы на их содержание². С 1910 года было достигнуто перемещением части корпусов на

(осада и блокада Данцига, Глогау и пр.). В 1855 г. было создано 358 тыс. ратников; дружины были сведены в полки, бригады и дивизии, часть коих участвовала в обороне Севастополя и в охране Балтийского побережья (Воен. Сборн. 1899, № 12, стр. 397 и след.). В войну 1904–5 гг. в Сибири были также образованы некоторые ополченские части для внутренней службы.

¹ Так как население, а следовательно, и запасные нижние чины размещаются равномерно по площади государства, а войска размещались неравномерно.

² Сосредоточение войск по окраинам государства имеет также отрицательное влияние и на общее экономическое положение страны, так как в этом случае лишь одно окраинное население может пользоваться торговыми выгодами, происходящими вследствие размещения среди него значительного числа войсковых частей, являющихся крупными потребителями местных продуктов и изделий. Обширный статистический

восток Европейской России более равномерное распределение войск по территории государства. Ныне в пределах Европейской России и Кавказа расквартировано:

в Варшавском округе — 5 корпусов, в Виленском — 4 корпуса, в Киевском — 5 корпусов, в Одесском — 2 корпуса, в Московском — 5 корпусов, в Петербургском — 4 корпуса, в Казанском — 2 корпуса.

Конечно, и такое размещение все не позволяет применить у нас, как на Западе, территориальную систему комплектования и привлекать строевых начальников к участию в делах местного управления, но это было бы неосуществимо даже и при еще большей равномерности распределения войск по площади нашего отечества.

Числительность вооруженной силы

Точных данных по этому поводу, по причинам, указанным выше, приведено быть не может. Исходя из того же соображения, что при трехлетнем сроке службы главной массы нижних чинов ежегодно на укомплектование армии принимается около 450000 новобранцев¹, следует прийти к заключению, что общая штатная численность наших регулярных войск, содержащихся в мирное время, должна быть около 1200000 нижних чинов.

1913 г.

(Редигер А. Комплектование и устройство вооруженной силы. Ч. I: Комплектование армий. Ч. II: Организация армий. — Спб, 1913, 1914 гг.).

материал для суждения об экономических последствиях неравномерного распределения нашей армии по территории можно найти в исследовании проф. Яснопольского: Географическое распределение государственных расходов России, 1897 г.

¹ Ч. I настоящего курса, стр. 181.

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА

А. Баиов

1. История военного искусства как наука

...В 1885 году в «Энциклопедии военных и морских наук», составленной под главной редакцией Г.А.Леера, появилась статья профессора Николаевской Академии Генерального Штаба Н.Н. Сухотина, специально посвященная исследованию вопроса, что такое военное искусство.

Н.Н. Сухотин писал: «Целесообразное устройство (организация), употребление и работа (эксплуатация) таких (соответствующих для достижения целей войны) сил и средств в видах войны и составляет достояние военного искусства»...

В своем дальнейшем изложении Н.Н. Сухотин еще больше развивает эту мысль, поясняет ее и вполне научно ее обосновывает.

Он говорит: «По существу эти силы и средства разделяются на две категории: к одной относятся: естественные — духовной и материальной природы; ко второй — человеческого творчества, выражающегося в способности создавать новые сочетания естественных сил и средств.

По отношению к войне творчество обуславливается стремлением усилить естественные способности и средства человека и массы к ведению войны для более верного успеха в вооруженном столкновении. К 1-й категории сил и средств относятся: 1) человек-воин, масса воинов с их духовной и материальной природой, 2) пространство, 3) время, 4) силы и средства природы. Ко 2-й категории — все орудия и средства, созданные человеком и которыми он пользуется в видах войны, для боя с целью нападения и защиты, для перемещения, самосохранения. Относительно незначительная часть средств этой категории имеет специально военный характер.

Главным образом, военное искусство имеет дело с орудиями и средствами творческой области вообще или пользуясь ими в их первичном виде, или видоизменяя их соответственно специальной цели войны.

Так, к первой можно отнести всякого рода оружие в буквальном смысле (штык, меч, орудие и пр.); ко второй — напр., железные дороги, телеграф и пр.; наконец, к третьей — напр., армию, как главное орудие войны; устройство ее в обширном смысле слова есть проявление того же творчества человека, которое уже сказалось в устройстве данного государства...

Из всего изложенного в пределах рассматриваемого здесь вопроса имеется полное право сделать заключение, что Н.Н. Сухотин в область военного искусства, кроме целесообразного употребления тех или иных сил и средств в видах войны, включает еще, во-первых, естественные силы и средства, которыми человек пользуется в целях войны или каждым в отдельности или совокупностью их в разнообразных сочетаниях, а во-вторых, все то, что является результатом проявления творчества человека, направленного к усилению естественных способностей и средств человека и человеческой массы для ведения войны. При этом так как естественные силы и средства вечно неизменны и всегда присущи всякому явлению войны, то они составляют элементы военного искусства, которые входят в него главным образом с точки зрения употребления их, умения пользоваться ими со специальной целью; результаты же проявления творчества человека составляют элементы военного искусства, которые входят в него и с точки зрения их устройства (организации), и с точки зрения умения их использовать наивыгоднейшим образом в целях войны.

Но давая такое широкое определение военному искусству, Н.Н. Сухотин тут же добавляет:

«До последнего времени в более тесном смысле под военным искусством разумелась собственно конечная задача его — эксплуатация сил и средств данной эпохи в видах войны. Наконец, суживая еще более понятие военного искусства, под именем его понимают только деятельность великих полководцев».

Ни до Н.Н. Сухотина, ни после него в нашей военно-научной литературе никто не дал более точного, более определенного, а главное — более исчерпывающего и научно обоснованного определения военного искусства...

Все приведенные определения военного искусства, сделанные в научных трудах наших военных писателей, сходятся в том, что они устанавливают в той или иной форме, что военное искусство, вообще говоря, есть «эксплуатация сил и средств для достижения победы на войне»...

Чтобы понимать жизнь народа в настоящем, работать над тем, чтобы создать лучшие условия его жизни в будущем, необходимо прежде всего основательно знать прошлое, знать историю этого народа. Изучая условия, в которых жил народ, прослеживая, что дал этот народ во всех сферах духовной и практической жизни, будучи поставлен в эти условия, угадывая его постоянные стремления, мы можем определить вполне ясно, что представляет в настоящее время собой этот народ, какая его историческая задача, чего можно ожидать от него при настоящих условиях, как, наконец, должны быть изменены эти условия, чтобы

народ шел беспрепятственно быстрыми шагами на пути усовершенствования, как духовного, так и материального.

Но если это справедливо по отношению всей жизни народа во всех ее проявлениях, то, несомненно, оно сохраняет силу и по отношению какого-либо отдельного проявления этой жизни...

...Необходимо отметить, что главнейшим орудием ведения войны является вооруженная сила, армия, т.е. собрание людей, известным образом организованных, подготовленных, снабженных всем необходимым во все моменты их деятельности и соответственным образом управляемых для достижения на войне победы с наименьшей затратой сил и средств.

Так как в минуту надобности трудно сразу создать армию, то необходимо сделать это заблаговременно и затем постоянно держать ее в таком виде, чтобы ею можно было воспользоваться для определенных целей в каждый данный и заранее неизвестный момент.

Этого можно достигнуть только тогда, когда в период отсутствия борьбы, т.е. в мирное время, армия в самом широком значении этого слова будет работать и притом так, что ее работа как в общем, так и в частностях будет представлять собою подготовку к войне, в период которой армии придется действовать в качестве орудия для достижения определенных целей.

Таким образом, между подготовительной деятельностью армии, или деятельностью ее в мирное время, и деятельностью ее на войне существует самая тесная связь.

Изучая все проявления мирной деятельности армии в какую-либо эпоху, мы получаем возможность проследить, как то или иное направление в ней приводит к известным результатам в боевой деятельности, и обратно, сопоставляя результаты боевой деятельности с деятельностью соответствующего мирного периода, мы можем проверить правильность направления последней. Такая зависимость между двумя родами военной деятельности армии ясно говорит, что для того, чтобы составить точное понятие о положении военного искусства в определенную эпоху, о пути, по которому оно развивалось, и о причинах такого развития, необходимо тщательное изучение деятельности армии как в мирное, так и в военное время.

Обращаясь к мирной деятельности армии, в самом широком значении этого слова, и помня, что эта деятельность армии есть всецело подготовительная к боевой деятельности, нетрудно заключить, что с этой точки зрения деятельности армии в мирное время подлежат решению следующие вопросы: в самом широком смысле образование военной силы, содержание ее, управление ею, воспитание и обучение.

Из этих общих вопросов вытекают следующие частные: образование постоянной армии требует: ее комплектования нижними чинами и офицерами, пополнения ее лошадьми, организации, т.е. разделения ее по категориям войск, по родам войск, разделения на разного рода административные и тактические единицы, определения численности этих единиц и устройства обоза.

Содержание армии требует: ее обмундирования, вооружения, снаряжения и довольствия людей и лошадей.

Управление армией требует: организации центральных органов, местных и войсковых, а также установления способов и средств передачи воли управляющих управляемым.

Обучение войск, выражающееся в результате в строевой и боевой подготовке их, зависит от тех или других принятых в данное время установок строевой и полевой службы, а также и инструкций и наставлений, дополняющих и разъясняющих эти уставы, от известных приемов обучения, от степени подготовки инструкторов, а также от средств, которые употребляются для этого, и требований, предъявляемых в этом отношении начальствующими лицами и самим правительством.

Воспитание войск сказывается в дисциплине армии не за страх, а за совесть, в прочности ее нравственных традиций, в высокой степени совершенства ее духовной стороны. Такое же воспитание войск зависит от организации внутренней их жизни, от быта армии, в свою очередь, во многом зависящих от национальных свойств армии, от способов квартирования, господствующей системы наказания, отношения начальников к подчиненным и в частности — отношений офицеров к нижним чинам.

В связи с изложенным выше, все эти вопросы должны рассматриваться не только с точки зрения их реального существования и постепенного фактического изменения, но и с точки зрения их идейного развития, другими словами, должны рассматриваться в каждой области, по отношению каждого элемента не только факты, но и идеи, являющиеся результатом работы военной мысли.

Только при этом условии явится возможным определить весь ход подготовительной деятельности армии, охарактеризовать с достаточной полнотой военное искусство данной эпохи.

Следы этих идей можно найти в тех или других более или менее широких опытах реализации их на практике, или в известного рода правительственных специальных актах (законах, положениях, приказах и т.п.), или, наконец, в литературных и научных трудах. Давая в результате как идеи, носящие технический характер и осуществляющиеся в той или

иной работе войск, так и идеи высшего порядка, затрагивающие общие принципиальные вопросы и служащие часто зародышем практических мероприятий в области различных элементов военного искусства, военная литература и военная наука должны быть сами причислены к этим элементам, и потому они должны быть включены в перечень вопросов, подлежащих изучению в мирной деятельности армии, как подготовительной к ее боевой деятельности, и должны изучаться в формах, их выражающих.

Перечислив, из чего складывается деятельность армии в мирное время, тем самым указали, какие вопросы подлежат включению в историю военного искусства в этот период.

Деятельность армии в военное время как результат эксплуатации ее в целях победы состоит из производства в определенной обстановке и с определенными целями операций стратегических, т.е. на театре войны, и тактических, т.е. на поле сражения. Очевидно, что те и другие, как вполне определенно характеризующие военное искусство в данную эпоху, подлежат изучению, составляя существенную часть истории этого искусства.

Таким образом, определяется объем истории военного искусства, насколько она касается исследования одной определенной эпохи. Теперь является необходимым определить, какие же именно исторические эпохи в этом отношении подлежат включению в историю военного искусства, понимаемую в указанном выше смысле.

Имея в виду цель, преследуемую историей военного искусства, необходимо признать, что с точки зрения состояния военного искусства изучению подлежат все эпохи истории без перерыва, начиная с той, когда это искусство проявилось впервые. Только при этом условии является возможным наблюдение над непрерывным развитием военного искусства. Только при этом и возможно уяснить себе причины различного состояния военного искусства, уклонения его в ту или другую сторону. Но ведь были эпохи, когда военное искусство поднималось до высочайшей степени, а наряду с этим были эпохи, когда военное искусство находилось в упадке...

Военное искусство, как определено выше, есть все то, что является результатом работы военной мысли, т.е. мысли в специальном направлении.

Работа эта по своему характеру двойственная: она — во-первых, состоит в создании определенных сил и средств, и во-вторых, — в применении этих сил и средств в той или иной обстановке.

Первая работа состоит в том, что существующие уже силы и средства, естественные и созданные человеком, приспособляются к иным целям или при посредстве тех же средств, но не имеющих специального назначения, создаются новые силы и средства со специальным назначением для войны...

Изложенное дает право сделать заключение, что работа военной мысли, а значит, и все то, что является результатом ее, т.е. военное искусство, во многом зависит от культуры, цивилизации и просвещенности человечества в данный момент. А так как несомненно, что чем выше культура и цивилизация определенной группы человечества, чем она просвещеннее, тем значительнее подъем ее мысли, тем последняя развивается самостоятельнее, тем результаты ее работы более плодотворны, более соответствуют природе вещей и более отвечают потребностям жизни. Отсюда прямой вывод: чем выше культура, цивилизация и просвещенность, тем выше и военное искусство.

Культура, цивилизация и просвещенность, представляя существенную часть содержания тех общих условий, в которых протекает жизнь той или иной части человечества, не составляют, однако, этих условий всецело. К таковым безусловно необходимо присоединить еще: государственное устройство, административный механизм и общественные или бытовые особенности.

Для подтверждения мысли, что и эти из общих условий имеют влияние на состояние военного искусства, достаточно сказать, что жизнь армии в самом широком значении этого слова во всех ее проявлениях во многом зависит от тех отношений, которые устанавливаются между верховной властью и армией, и того влияния, которое верховная власть может оказывать на эту жизнь в зависимости от своего характера, своих взглядов и от толкования своих прав и обязанностей в этом отношении. Таким образом, то или иное государственное устройство влияет на состояние военного искусства в данную эпоху и на его изменение в определенном направлении, т.е. на его развитие, причем самый характер этого изменения определяет и причину его.

Точно так же существует связь и зависимость между военным искусством и административным устройством в государстве. В самом деле, есть элементы военного искусства, как, например, высшее управление армией, которые непосредственно определяются общими основаниями организации высших органов административного механизма.

Но, кроме такого непосредственного влияния административного устройства на одни элементы военного искусства, оно косвенно влияет и на другие, подчас стесняя независимость мысли и дела в вопросах воспитания и обучения, налагая руку на свободное развитие научной и литературной работы и тем сокращая количество и уменьшая качество тех сил и средств, которые могли бы быть приспособлены или созданы для военных целей.

Наконец, что касается связи между бытовыми особенностями и военным искусством, то она несомненна уже потому, что эти бытовые особенности данной эпохи обуславливают

известное отношение и стремление к пользованию теми или другими силами и средствами, а значит, и обеспечивают развитие сил и средств определенного характера; затем ими же устанавливается взгляд на отношение к вооруженной силе и, как результат этого, положение армии с точки зрения условий, способствующих или мешающих нормальному ее развитию и правильной деятельности; наконец, эти же бытовые особенности определяют отношение к религии, взгляды на нравственную сторону, в частности, на дисциплину, на дух, на понятие о долге, устанавливают те стимулы, ради которых вооруженная сила способна проявить высшее напряжение как физическое, так и нравственное...

В истории военного искусства должен быть применен метод критико-исторический при точном восстановлении фактической стороны событий и при тщательном учете всех условий, среди которых совершались эти события.

Переходя к вопросу о значении истории военного искусства и о той роли, которую она может и должна играть, прежде всего необходимо отметить, что это значение всецело зависит от того, что может дать история военного искусства, если она будет такою, как сказано выше, к чему может в этом случае привести ее изучение.

Составляя частность в истории вообще, история военного искусства, вообще говоря, дает в специальной области настоящее знание собственного и чужого прошлого, без которого немислимо и надлежащее понимание современности, и указывает, что всякое новое явление возникает из предыдущего, что искусственное установление чего-либо нового невозможно и что все последующие явления в общем превосходят предыдущие своим достоинством, выражаясь в формах, которые из простых переходят к все более и более сложным и совершенным.

Обращаясь к другому признаку истории военного искусства, а именно: к понятию о военном искусстве в тех именно условиях, в которых о нем говорится в истории военного искусства, необходимо признать, что в частности только история военного искусства способна указать, какое влияние на состояние военного искусства могут оказывать те или другие общие условия жизни народов и государств, что способствует развитию военного искусства и что мешает этому развитию, по какому пути это развитие идет; вместе с тем история военного искусства показывает, что как и в других проявлениях жизни человечества, в военном искусстве ничто сразу не рождается, что в нем с течением времени все лишь совершенствуется, и это не только в области идейной и технической, но и в области исполнительной, прикладной — применения тех или других средств, и что лишь применение это делается более совершенным.

Вследствие этого история военного искусства развивает широкое понимание военного искусства, расширяет кругозор в его области, изоощряет в этом направлении ум, заставляет сжиться с определенными идеями, проникнуться чувством понимания специальных явлений, фактов и событий, происходящих в подобной, но каждый раз в иной обстановке...

Из всего изложенного следует, что результат изучения истории военного искусства, т.е. то, что она может дать как наука, сводится к тому, что помимо узкого научного интереса, она имеет значение еще и чисто практическое и притом с этой точки зрения значение двоякое: с одной стороны, поднимая общий уровень военного образования, распространяя военную просвещенность, развивая у более или менее значительного числа лиц, посвятивших себя военному искусству, их способности и таланты в этом направлении, история военного искусства дает возможность этим лицам наиболее искусным образом применить все средства и силы для достижения целей войны в каждом данном случае, что важно для настоящего времени, а вместе с тем она дает возможность этим же лицам благотворно влиять на развитие военного искусства, что важно для будущего. С другой же стороны, история военного искусства имеет практическое значение потому, что она является сокровищницей богатого опыта, дающего обширный материал для непосредственного решения весьма многих вопросов в области военного искусства и в настоящее время.

Последнее значение истории военного искусства становится еще более жизненным и важным, если от истории военного искусства вообще перейти к истории военного искусства отдельных народов и государств и в частности для нас — к истории военного искусства в России, или, правильнее, к истории русского военного искусства.

Природа вещей и деятельность человека во всех ее проявлениях (духовной и физической) определяют сущность военного искусства и его характер. Отсюда — военное искусство во всех его элементах состоит с одной стороны из основ, настолько же незыблемых, насколько постоянна природа вещей, а с другой стороны — из изменяющихся результатов человеческой деятельности, проявляющейся или в использовании существующих сил и средств для целей войны, или в усовершенствовании этих сил и средств, или, наконец, в создании тех и других, новых.

Но на деятельность человека оказывают влияние два фактора: во-первых, духовная его организация, и во-вторых, та обстановка, в которой ему приходится действовать.

Духовная организация человека складывается: во-первых, из его личных индивидуальных особенностей, и во-вторых, из особенностей, присущих не ему одному, а целому народу, к которому он принадлежит, особенностей, вырабатывающихся по тем или

другим причинам в нечто постоянное и составляющее отличительный признак определенного народа, то, что называется чертами народными или национальными.

Что касается обстановки, в которой приходится действовать человеку, то она всецело зависит от того, к какой народности, к какой национальности принадлежит данный индивидуум, так как каждая национальность живет в определенной и притом особой обстановке, складывающейся под влиянием постоянных условий, географического положения страны, естественных условий в ней, ее обширности и т.п., с другой стороны — под влиянием условий изменяющихся: культуры, цивилизации, просвещенности, политического устройства и т.п.

Ввиду того, что эти особенности обстановки различны для разных народов, они и составляют то, что логично назвать национальной обстановкой.

Таким образом, ясно, что на состояние в данную эпоху и на развитие военного искусства безусловно оказывают влияние национальные черты характера народа и национальная обстановка, в которой живет данный народ.

Отсюда несомненно, что военное искусство в значительной мере национально. Еще Вл. Соловьев сказал, что «все, что производилось ценного в истории, имело всегда тройкий характер: 1) личный, 2) национальный и 3) универсальный».

Всякое историческое творчество коренится в личных силах и дарованиях, обуславливается национальной средой и приводит к результатам всечеловеческого значения¹² ...

Но все же несомненно, что развитие военного искусства у каждого народа может идти лишь на исторической и притом национальной основе и что в частности мы, русские, для этого развития по вполне правильному пути, даже в условиях современной обстановки, имеем богатейший материал в нашем прошлом.

Напротив того, пренебрежительное отношение к этому материалу может привести и именно у нас, склонных к подражанию, не верящих в себя, все еще преклоняющихся перед иноземцами и иноземной наукой, к весьма печальному положению топтания в военном искусстве на одном месте и потому — к отсталости в этом отношении от других.

Отсутствие уважения к истории нашего военного искусства, наглядно показывающей состояние его в разные эпохи, постепенное его развитие и причины последнего в обстановке, нам свойственной, мешают нам понимать то внутреннее содержание и его силу и значение, которые являются главенствующими во всем, что служит результатом духовной

¹² ¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Полутом 40-й, стр. 710.

деятельности человека. С другой стороны, такое пренебрежение к истории военного искусства ведет у нас к тому, что в области военной мы работаем порывами.

Это сказывается в том, что мы приступаем к улучшениям в области военного искусства лишь после военного погрома, да и то выждав, какой вывод из нашего кровавого опыта сделают немцы или какие-либо другие иноземцы, и этот вывод, поставленный у немцев в соотношение с общими условиями их жизни и национальными особенностями, переносим к себе, не приспособляя его к нашей обстановке, отчего он у нас является беспочвенным, оторванным от действительности, слишком теоретическим, не жизненным.

Сначала это незаметно, и мы с доктринерским упрямством проводим немецкий или какой-нибудь чужестранный взгляд в жизнь, но жизнь не терпит насилия, и немецкие взгляды не входят в нашу плоть и кровь, являются чем-то наносным, мы ими не проникаемся, так сказать, насквозь, они не проходят в толщу армии и остаются там чужими.

К тому же, приняв те или другие иноземные взгляды, мы застываем на них, а немцы, сверясь со своим прошлым и со своей обстановкой, делают в своих первоначальных выводах поправки, исправляют резкости, увлечения.

Эта внутренняя работа по национализированию последнего боевого опыта друзей или недругов остается в стороне от нас, так как мы заимствуем видимую формальную сторону; духа же не схватываем. Вследствие же этого к заимствованным результатам боевого опыта мы начинаем относиться хладнокровно. Они не перевариваются нашим умом, они не удовлетворяют нашу национальную душу, не дают настроения, нравственного подъема, без которого работа, а в особенности работа в области духовной не может спориться; с течением времени у нас опускаются руки, верх берет халатность, и для нас нужна новая катастрофа, которая бы вновь заставила нас встряхнуться, вновь приняться за усовершенствования.

Между тем, если бы мы с издавна изучали наше военное искусство и хорошо знали историю его, то мы на старом, прочном основании возводили бы все новые и новые этажи усовершенствований, и эти усовершенствования, опираясь на те же основы и будучи постепенными и согласованными как с исторической, так и с современною обстановкою, являлись бы только более тонким, более совершенным применением новых средств для достижения тех же целей, хотя, быть может, также более утонченных.

Так, например, при таких условиях никогда не могло бы быть того, что вдруг совершенно неожиданно предстал пред нами вопрос о громадном значении огня; не было бы споров о тактике ударной и огневой; тогда не было бы ложных суждений о действиях Суворова, об учении Драгомирова и о невозможности извлечь пользу из них.

При знании прошлого нашего военного искусства, понимании его, как определено выше, никогда не могло бы народиться болезненных вопросов о муштре и о воспитании, точно так же, как и вопроса о подчинении артиллерии начальникам пехотных дивизий и вообще о рациональной организации высших тактических соединений. Тогда для нас не были бы неожиданными и требующими рассмотрения с самого начала и торопливого их решения вопросы о действиях конницы, в особенности самостоятельной, о роли артиллерии, о значении пехоты, о выжидательном положении, об отношении к воле противника, о значении усовершенствования поля сражения в инженерном отношении, так как все эти вопросы, как и многие другие, были решены или на практике, опытом, или в литературе, основывающейся на нашем же историческом прошлом, и притом решены полностью, всецело и совершенно исчерпывающе.

Правда, при этом было бы меньше открытий будто бы неизвестных истин в области военного искусства, было бы меньше реформаторов, признающих, что до них в этой области была тьма и хаос и что только они рассеяли их.

Но зато все эти вопросы были бы решены более правильно, более определенно, а главное, более жизненно и целесообразно, без каких-либо крайностей то в одну, то в другую сторону.

Военное искусство революций не знает — оно лишь эволюционирует, и лишь иногда эта эволюция протекает несколько ускоренно, быть может, даже бурно, но при этом никогда не нарушается связь с прошлым, преемственность, а потому и в изменении приемов пользования различными элементами военного искусства не должно быть порывистости, скачков.

Такое постоянное и постепенное эволюционирование с течением времени может, несомненно, привести к тому, что через очень большой промежуток времени приемы пользования и применения различных элементов военного искусства будут иметь мало общего с прежними, но все в каждый данный момент будет чувствоваться преемственность между новым и старым.

При таких условиях это новое будет жизненным, чем-то своим, родным, отвечающим данной обстановке, данным условиям, оно воспримется незаметно, постепенно и потому будет органически здоровым, а не болезненным образованием в нашем военном искусстве.

Все изложенное, не требуя каких-либо новых доказательств и рассуждений, которые вызвали бы только повторения, дает право прийти к заключению, что история военного искусства должна изучаться всеми, кто посвятил себя служению военному искусству, в особенности высшей его стороне. Таким образом, несомненно, что история военного

искусства должна занимать почетное место в академическом преподавании, причем наряду с историей военного искусства, всеобщей, у нас в России должна изучаться параллельно и самостоятельно история русского военного искусства...

2. От начала Руси до Петра Великого

Предки наши, восточные славяне, приблизительно к началу II столетия по Р.Х., обитая по среднему и нижнему Дунаю в пределах Дакийского царства, около этого времени начали выделяться из сарматской массы и обособляться в отдельное племя. В начале II века славяне под гнетом римлян, разрушивших царство даков, вынуждены были покинуть свои дунайские жилища и перекочевать к северу, в Карпатский край. Отсюда, начиная с III века, карпатские славяне постоянно вторгались за Дунай и разоряли Восточную Римскую Империю. Для вторжения в пределы Восточной Империи карпатские славяне образовали вооруженные ватаги, или дружины, в состав которых входили представители от разных племен. В VI веке некоторые из этих дружин соединяются в большой военный союз.

Этот военный союз восточных славян, по мнению профессора Ключевского, и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории, начавшейся, следовательно, в VI веке на склонах и предгорьях Карпат в области обширного водораздела, откуда берут начало Днестр, оба Буга, притоки верхней Припяти и верхней Вислы.

Итак, образование военного союза некоторыми племенами восточных славян для ведения наступательной борьбы предшествовало образованию нашего государства, послужив его началом.

В VII веке авары и восточные славяне из Карпатского края двинулись на восток и северо-восток в так называемую русскую равнину. Движение это продолжалось в течение VII и VIII веков.

Перекочевав в русскую равнину, восточные славяне заняли местность по течению р. Днепра, по которой с незапамятных времен велась оживленная торговля, начатая еще греками. Естественно, что восточные славяне, сев на Днестре, скоро втянулись в существовавшее здесь торговое движение...

Владея Киевом, подчиняя себе племена восточных славян, ставя их в экономическую зависимость от себя, сближая вообще их интересы со своими, Великие князья Киевские этим самым брали на себя обязательство всецело заботиться об охране торговых путей к заморским рынкам, об обороне пределов подвластных им земель от внешних нападений и,

наконец, о приобретении новых заморских рынков, что в результате привело к желанию покорением Византии овладеть выходом из Черного моря в Средиземное.

Стремление варяжских князей завладеть Киевом вызывало вооруженные нападения на него. Стремление варяжских князей, овладевших Киевом, удержать его за собой, а впоследствии, пользуясь его положением, сделать центром обширного государства под своей властью, вызывало столкновения с соседними племенами. Стремление Киевских князей, сначала местных, а потом и Великих, обеспечить Киевское княжество, а впоследствии и Великое Киевское княжество от нападений различных степных кочевников вызывало борьбу с этими кочевниками. Наконец, стремление Киевских князей сначала прочно установить торговые сношения с Византией, а затем и покорить ее — вызывало походы на Царьград,

Для проведения в жизнь всех этих стремлений Киевских князей, очевидно, требовалось иметь хоть как-нибудь организованную вооруженную силу и уметь пользоваться этой силой для достижения намеченных целей.

Несомненно, что уже у варяжских князей, пришедших с севера в русскую равнину в половине IX века, была такая военная сила, которою служили приводимые князьями с севера отряды вооруженных людей. Отряды эти назывались дружинами и естественно в первое время набирались исключительно из народа, которому принадлежали сами князья, т.е. из варягов. С течением времени в состав дружины мало-помалу стали входить славяне, и к концу X и особенно к половине XI века дружины были преимущественно славянские.

Дружина делилась на высшую и низшую. Высшая состояла из княжеских мужей, или бояр, низшая — из детей их и отроков, и сначала носила название грид или гридьба, а впоследствии — двор или слуги.

Взаимоотношения дружины и князей складывались следующим образом: служба князю орудием управления и защиты земли, старшая дружина, бояре, составляла думу князя, его, так сказать, государственный совет. Обязанные князю определенной службой, за что получали от князя полное содержание, все члены дружины во всем остальном пользовались полной свободой.

Дружина представляла собой военный класс, который занимался исключительно войной и торговлей, но не был совершенно, по крайней мере, до конца II века, землевладельческим классом.

Все предприятия, не требовавшие особого напряжения сил, исполнялись при помощи дружины, которая всегда находилась в готовности и в распоряжении князя.

Но наряду с дружиной в Древней Руси существовало еще земское городское войско, вой, которое являлось как результат военного устройства торговых городов. В состав этого

войска входили все горожане, способные носить оружие, за исключением самого младшего из взрослых сыновей в каждой семье. Сельские жители привлекались в состав войска весьма редко и всегда в крайне ограниченном числе.

Земско-городское войско (вои) созывалось в случае трудных предприятий, крупных операций, для выполнения которых княжеская дружина была недостаточна. Вопрос о созыве земско-городского войска и о количестве его решался вечею, причем при несогласии последнего в войне участвовали только охотники из народа по вызову князя.

По окончании предприятия, ради которого созывались вои, они распускались по домам.

При совместных действиях дружины и земско-городского войска то и другое называлось общим именем «вои».

Кроме дружины и воев, которые по существу составляли национальное русское войско, в состав Вооруженных сил Киевских князей входили также наемники из кочевых восточных племен: венгров, печенегов, позже — половцев и т.д.

В рассматриваемый период главным родом войск у русских была пехота; лишь отдельные лица, как то: сами князья, бояре, знатные и богатые люди сражались верхом. Это объясняется главным образом влиянием варягов, необходимостью в передвижениях в значительной степени водными путями, а отчасти дороговизной и трудностью содержания в то время конного войска. До Святослава, т.е. до половины X века, в составе русских войск если и встречается конница, то почти исключительно наемная и притом невысокого качества.

Лишь с конца X века, уже при Владимире Святом, вследствие беспрестанных столкновений русских с их степными соседями — народами тюркского племени и венграми, сражавшимися на конях, — число конницы стало увеличиваться...

Повторяя за профессором Ключевским, можно сказать, что завершение территориального собирания северо-восточной Руси Московской превратило Московское княжество в национальное Великое русское государство, а Великого князя Московского — в национального великорусского государя.

Все это неминуемо должно было отразиться на военном деле, так как приводило не только к возможности иметь сильную и многочисленную армию, но и армию, однообразную по составу, вполне национальную, проникнутую высоким чувством патриотизма, основанного на сознании принадлежности к великой нации, составляющей единое могущественное государство, на любви к этому государству, на преданности своим государям и приверженности к своей религии.

Развитие национального самосознания, в связи с накоплением материальных средств, приводит к тому, что идея о полном освобождении от татарского ига, всегда игравшая немаловажную роль в деятельности Великих Московских князей, теперь окончательно выдвигается на первый план и при несомненном влиянии второй жены Иоанна III, Софии Палеолог, в 1480 получает, наконец, полное свое осуществление.

Освобождение от татарского ига, сделав Русь вполне самостоятельной, прежде всего, очевидно, подняло ее дух, укрепило ее политическое самосознание и, в связи с расширением ее пределов, привело к развитию более широких политических притязаний Московских Великих князей, притязаний, стремившихся возвеличить как международное положение Руси, так и власть, и положение ее государей...

При таких условиях ограничиваться вооруженной силой, бывшей на Руси до сего времени, Московские государи не могли и, уже начиная с Иоанна III, они стремятся к развитию ее как в количественном отношении, так и в качественном. Это же стремление в связи с условиями, в которых оказалась Русь вследствие своего земельного расширения и из которых важнейшим нужно признать необходимость постоянной обороны теперь уже обширных границ, и вызвало стремление для изготовления войск к походу иметь в постоянной готовности хотя бы небольшую их часть. Результатом же этого является увеличение числа войск вообще, увеличение числа видов войск по назначению, видоизменение способа комплектования войск, а значит — и их состава, появление войск, которые не собираются лишь в минуту необходимости, а существуют постоянно.

Наконец, необходимо еще отметить один результат указанных явлений: внешние войны с западноевропейскими народами приводят в непосредственное соприкосновение с ними, следствием чего неминуемо должно было явиться влияние военного искусства этих народов на русское военное искусство.

Впрочем, это явление в рассматриваемую эпоху было еще незначительно: ближайшие западные соседи Руси предвидели уже в ней опасного соперника и потому всеми мерами и силами стремились к тому, чтобы на возможно более продолжительное время изолировать быстро развивавшуюся Русь и не дать ей возможности воспользоваться плодами культурной работы более цивилизованного Запада...

В царствование Иоанна IV образовался боярский кружок, который, под руководством попа Сильвестра и Алексея Адашева, пытался ограничить царскую власть, присвоив часть ее себе.

Поняв политику бояр именно таким образом, Иоанн IV, отстаивая принцип единовластия как основание государственной силы и порядка, решил дать им самый резкий отпор. Такое решение и привело к созданию так называемой опричнины.

С этой точки зрения опричнина имела глубокий политический смысл, так как имела целью уничтожить традиционные права и преимущества потомства удельных князей.

Цель эта достигалась следующим образом:

Был учрежден особый Государев двор, отдельно от старого, московского, двора. Для содержания его взяты были города и волости разных мест Московского государства. Они образовали территорию опричнины череполосно с землями, оставленными в старом порядке правления и получившими название «земщины».

С течением времени территория опричнины все более и более расширялась и в конце концов охватила половину государства, причем земли отбирались в опричнину, так что в опричном управлении мало-помалу собрались старые удельные земли, исконные владельцы которых возбуждали особый гнев и подозрение Грозного. Еще в 1550 г. Иоанн IV выбрал 1000 человек князей, дворян и детей боярских, которым дал поместья кругом и вблизи Москвы, чтобы иметь под рукой достаточную боевую силу, главным образом, впрочем, для борьбы против внутренних врагов.

Затем Иоанн, отбирая в опричнину земли, владельцев их сажал на новые земли по новым далеким и чуждым местам, а на их место водворял других князей и бояр, которых зачислял в опричнину и таким образом ставил под строгий непосредственный свой надзор.

Следствием этого явилось то, что высшая знать, составленная из бывших удельных князей, была сравнена с остальными служилыми людьми, почему мало-помалу искоренялись все следы старых удельных обычаев и вольностей в области служебных отношений, а вместе с тем должны были исчезнуть и остатки удельных дружин, с которыми потомки князей раньше приходили на государеву службу.

С другой стороны, выселяя владельцев с их земель, отходящих в опричнину, Иоанн поселял их обыкновенно на пограничных землях, наиболее угрожаемых враждебными соседями. Но поселяя их на этой земле, Иоанн требовал за это службу, т.е. в это именно время стала развиваться особенно сильно поместная система. Такому развитию способствовала также и необходимость иметь значительную вооруженную силу.

Таким образом, имея громадное значение в общей жизни государства, опричнина оказала влияние и на военное дело на Руси того времени: прежде всего подчинение боярства Великому князю устанавливало столь необходимое для организации вооруженной силы единовластие; уничтожая привилегии княжат, достигали единства войска; переселяя

владеющих землей в пограничные области на особых условиях, развивали поместную систему; наконец, опричнина являлась до некоторой степени постоянным войском, хотя и без какой бы то ни было заблаговременной подготовки.

Впрочем, опричнина была скоро уничтожена, выполнив свою главнейшую задачу низведения боярства к весьма незначительному влиянию и значению.

Таким образом, обстоятельства, в которых жила и развивалась Русь во второй половине XV и в течение всего почти XVI века, отражались на устройстве Вооруженных сил следующим образом: являлась необходимость и полная к тому возможность содержать сильную армию. Армия эта могла быть вполне однообразной по составу, национальной в строгом смысле этого слова, а потому обладающей высокими нравственными качествами. Необходимость иметь значительную армию приводит к появлению новых родов войск по назначению и по способу их комплектования. Появляется сознание необходимости иметь постоянные войска. Создается возможность влияния на военное искусство в России Запада, хотя влияние пока еще очень слабое. Не представляется возможным, ввиду местничества, установить правильное управление войсками, а недружелюбные отношения боярства и Великого князя до образования опричнины мешали образованию вполне единого войска...

Иоанн III и особенно Иоанн IV как общим направлением своей деятельности, так и частными распоряжениями по поводу разбираемого вопроса, без сомнения, в значительной мере внесли порядок и дисциплину в своих войсках. Однако все же нельзя утверждать, что в этом отношении они достигли желательных результатов. И это прежде всего вытекает из природы вещей, — русские армии того времени были в большей своей части временными ополчениями. Впрочем, довольно низкий уровень дисциплины не мешал тому, что дух армии, ее нравственный облик были достаточно высоки. Это было следствием личных качеств отдельных воинов, единого и национального состава армии, а также — известной обстановки, развивающей те нравственные основы, которыми всегда была сильна наша армия: религиозность, любовь к родине и преданность государю...

Таким образом, в рассматриваемой эпохе необходимо отметить на Руси развитие поместных войск, которые становятся основной и главной массой наших Вооруженных сил. Это же влечет за собой увеличение численности войск, плохую их подготовку в смысле обучения, несколько сглаживаемую боевым навыком, приверженность к оборонительному способу действий, упорство в обороне границ и развитие сторожевой и разведывательной службы. Затем, в эту же эпоху появляются на Руси постоянные войска и притом всех родов: пехота — стрельцы, конница — городовые казаки, и артиллерия — пушкарский цех.

Впрочем, артиллерия пока еще не представляет собой род войска, так как в ней нет связи материальной части с личным и конским составом...

Стремление к оборонительной тактике сказывается как в способе ведения боя, так и в создании гуляй-города. На такое стремление, Впрочем, оказывали влияние и свойства противника, особенно на востоке, подвижного, решительного, хорошо владеющего конем и оружием в одиночном бою и потому стремящегося всегда расстроить своего врага, разделив его рать на отдельных бойцов.

В боевом порядке обращает на себя внимание непременное присутствие общего резерва. Это чисто русская особенность, выказавшаяся у нас при самом зарождении военного искусства. При этом нужно заметить, что русские военачальники даже той отдаленной эпохи не только всегда имеют резерв, но и умело им пользуются.

Развитие поместной системы, начавшееся при Иоанне III и достигшее крайних пределов при Иоанне IV, дало возможность провести в жизнь стройную военную систему. Благодаря же этой системе организация вооруженной силы и ее боевая деятельность могли стать на такую степень развития, которая позволяет сказать, что военное искусство у нас на Руси в этот период находилось на высоте.

Приведшая с военной точки зрения к благоприятным результатам та же поместная система, правда, в связи с другими обстоятельствами, создала такие общие условия, которые, в свою очередь, были крайне неблагоприятны для развития у нас военного искусства и хотя временно, но значительно понизили уровень его состояния.

Раздача поместий, с одной стороны, низшим слоям населения на окраинах государства в целях обороны границ, с другой стороны, высшим слоям населения внутри государства, откуда ушел мелкий люд на границу, становясь стрельцами, городскими казаками, пушкарями и т.п., приводила к тому, что области дробились на мелкие участки множества частных разобщенных хозяйств.

Во всех слоях населения в конце царствования Иоанна IV росло и крепло недовольство против правительства, против существующего государственного порядка.

Такое положение вещей, очевидно, приводило к тому, что, во-первых, несмотря на непрерывные войны, как правительство, так и население должны были обращать больше внимания на внутреннюю политику, уделяя мало внимания творческой деятельности армии, во-вторых, что не было достаточно материальных средств, чтобы поддерживать устройство Вооруженных сил, в-третьих, что вследствие недовольства населения дисциплина в армии должна была пасть, в-четвертых, что частые передвижения населения нарушали самую систему.

Все это, конечно, не могло не отозваться крайне неблагоприятно на состоянии военного искусства и, очевидно, не могло способствовать его развитию.

Но если при жизни Иоанна IV условия складывались так неблагоприятно для развития военного искусства, то непосредственно после смерти условия эти сделались еще более худшими.

Иоанну Грозному наследовал его слабоумный сын Федор, и государством правили сначала его ближние бояре, а с 1586 г. — один из них, Борис Годунов.

Таковы были условия, в которых жила Русь в конце XVI и начале XVII века и которые, поколебав все устои государства и способствуя нравственной расшатанности общества, отнимали возможность к какой бы то ни было созидательной творческой работе. Естественно, что при таких обстоятельствах и военное искусство не только могло развиваться, но, напротив, должно было падать.

Расстройство государственного организма и всех его органов приводило прежде всего к тому, что военная система не могла совершенствоваться. Приходилось пользоваться старой системой, приспособляя ее к обстоятельствам минуты. В дни второго самозванца и нашествия поляков, когда разгром был полный, даже и прочно установившаяся поместная система не могла действовать, некому было приводить ее в действие, да и средств для этого не было.

Приходилось обращаться к наскоро набранным ополчениям самого смешанного состава без какой бы то ни было подготовки и опыта. Если к этому прибавить, что общее нравственное растление не могло не коснуться и того элемента населения, из которого набирались ополчения, то станет вполне ясным, что представляли собой по существу русские войска того времени. Отсюда понятны постоянные измены войска законному правительству, смуты и беспорядки среди войск, как то было в Перми в 1606 г., когда войска начали избивать друга и в конце концов все разбежались, и поражения царских войск шайками различных авантюристов.

С другой стороны, интриги бояр, нравственное их падение, отсутствие у большинства из них истинного патриотизма, преследование своих личных интересов даже во вред делу государства, продажность их — приводили к тому, что и предводителями, и руководителями войск становились лица, не имеющие никаких данных, чтобы быть таковыми.

Понятно, что крайнее несовершенство орудия войны и неумелое и неискusstvenное руководство им не могли поставить военное искусство на высокую степень развития, и в результате целый ряд неудач в борьбе с внешними врагами, что в связи с внутренней смутой и поставило Русь на край гибели.

К счастью, сильны были в русском народе идея национального государства и чувство любви к родине.

Поднятый во имя их, русский народ в конце концов справился со смутой и нашел средства для дальнейшего проведения в жизнь своих стремлений на пути создания могущественнейшего государства, включающего в себе все русские области и весь русский народ.

Было бы, однако, несправедливо, а с точки зрения истории военного искусства и неверно, если бы, характеризуя состояние военного дела на Руси в эпоху смутного времени, мы ограничились бы приведенным отзывом. Для полноты картины и для исторической точности необходимо отметить как попытки в деле устройства вооруженной силы, так и иногда проявляемое геройство, поведение войск и искусные действия некоторых из вождей.

Прежде всего необходимо отметить стремление Бориса Годунова и Василия Шуйского привлечь на русскую службу возможно больше иноземцев. Уже при Борисе из иноземцев была составлена особая дружина, по некоторым сведениям из 9000 человек, и несомненно, что у него было желание воспользоваться знаниями и опытом иноземных военных людей, чтобы реорганизовать свои войска, придав им более правильное устройство.

Такое же стремление можно подметить и у Василия Шуйского, который с этой целью издал, во-первых, «Воинскую книгу», переведенную с немецкого придворными переводчиками, и во-вторых, переведенный с немецкого и латинского языков «Устав дел ратных»...

Вооруженные наши силы в начале XVII столетия по-прежнему состояли: 1) из поместной конницы, из дворян и детей боярских, 2) из татарской конницы, 3) из городских казаков, 4) из стрельцов и 5) из пушкарей.

Кроме того, по-прежнему, в крайних случаях, можно было призывать в качестве земского ополчения даточных людей.

Призыв, организация и служба как поместных, так и даточных были те же, что и в предшествующую эпоху. Вследствие этого очевидно, что эти виды войск имели при несении ими службы те же достоинства и недостатки.

К числу главнейших из последних, как известно, относились:

1) отсутствие постоянного обучения, 2) склонность к тактической обороне, 3) медленность мобилизации, 4) огромные обозы, 5) непригодная для военного времени система довольствия.

Эти недостатки сознавались московским правительством, и они, очевидно, обращали на себя внимание, в особенности после 1620 г., когда на Руси, с одной стороны, водворился

некоторый порядок, а другой стороны, — руководителем власти сделался умный, сильный волей и характером, опытный в делах отец государя, патриарх Филарет.

Раз в старом нашли недостатки и сознавали вред, происходящий от них, неминуемо явилось стремление найти что-нибудь новое, более отвечающее потребностям минуты.

Но у себя дома нового найти не могли. Приходилось за ним обращаться к нелюбимым иноземцам. Такому обращению способствовало также то обстоятельство, что во время смуты соприкосновение с западными государствами было постоянное и, благодаря этому, русские люди не могли оставаться без влияния различных заграничных новшеств. Вместе с тем русским людям для защиты родины приходилось призывать к себе на помощь иноземные рати, у которых замечать иные организационные формы, иные тактические приемы действия и иные основания войскового управления, в значительной мере свободные от недостатков, которые были присущи русским войскам.

Наряду с этим, служилые люди, из которых составлялись поместные войска, попали в крайне тяжелое положение, несмотря на все старания правительства водворить порядок в деле службы поместных войск, многие из служилых, пользуясь слабостью надзора, вовсе не являлись на службу, желавшие служить добросовестно не имели средств для несения службы, в общем же, вследствие злоупотреблений одних тяжесть службы ложилась крайне неравномерно, вызывая неудовольствия. В результате московские дворяне били челом, что они служить не могут. Таким образом, становилось затруднительным проводить в жизнь самую систему.

Кроме того, служилые люди отлично сознавали, что с развитием огнестрельного оружия искусство вести войну предъявляло новые требования, ставило новые задачи, достижение которых медленно мобилизуемыми, плохо обученными, почти совсем несплоченными войсками являлось делом невозможным, в особенности когда противник обладал как раз противоположными качествами.

Все это в совокупности неминуемо влекло за собой переход к новой военной системе и притом к системе, заимствованной у иноземцев.

Сознание необходимости такого перехода сначала ясно было только у людей, стоявших у власти. Однако и эти лица по причинам, указанным выше, к возможным и необходимым реформам в этом направлении относились осторожно, избегая решительных мер. К тому же непрекращавшиеся военные действия и не позволяли сразу уничтожить всю прежнюю систему и перейти к новой, еще неиспытанной да и требующей много времени для приведения ее в действие повсеместно.

Вот почему в царствование Михаила Федоровича наблюдаются лишь слабые приступы к реформам. Они, в сущности говоря, только намечаются; производятся как бы только опыты. По-прежнему продолжает господствовать старая поместная система. Лишь в следующее царствование — государя Алексея Михайловича — преобразовательные стремления как вообще, так и по отношению военного дела, получают более сильное развитие, приобретают большую устойчивость и большую определенность направления и характера.

Это прежде всего сказывается в том, что преобразовательное движение не ограничивается стремлениями к назревшим реформам правительства, но широко захватывает и общество, являясь следствием культурного влияния более образованных западных народов.

Впереди такого общества становится целый ряд лиц, теоретиков и практиков, которые наукой и опытом познали превосходство европейской цивилизации. Наиболее выдающимися теоретиками из таких лиц являются: Крижанич и Котошихин; наиболее выдающимися практическими деятелями, оказавшими особенное влияние на реформационное движение, явились — Ртищев, Ордын-Нащокин и особенно Матвеев, который был совсем западным человеком. В его доме, поставленном вполне на европейскую ногу, воспитывалась мать Петра Великого.

Из среды этих-то людей и высказывается мнение, что сила государства зависит «от строев военных», которые требуют у нас улучшения, что военное искусство зависит не от одной лишь «природы», но и от развития и образования.

В это-то время появляется, с одобрения царя, книга, в которой проповедуется чуть ли не еретическая мысль, что «ратная премудрость, опричь богословия, паче и превыше всех иных премудростей».

Необходимо, однако, заметить, что все лица, которых более или менее захватило под влиянием западной культуры преобразовательное движение, обладали одной характерной чертой: все они, находя необходимыми заимствования с Запада, считали, что не следует перенимать все буквально, заимствовать лишь формальную сторону, только внешность. Они считали, напротив, полезный брать на Западе только идеи, сущность и затем уже эти идеи воплощать в ту или другую форму.

В царствование третьего Романова, Федора Алексеевича, новые течения уже окончательно завоевали себе право гражданства и это прежде всего зависело от того, что слабый и больной Федор, благодаря своим личным качествам и своему воспитанию, вполне определенно стал на сторону реформ.

Только при таких обстоятельствах возможна была такая мера, как уничтожение местничества, только тогда стал возможным захват современного общества реформами настолько, что в конце XVII века могло сложиться убеждение в том, что «народ Российский паче о бранех, ниже о книгах, паче об обучении воинском, ниже обучении школьном тщание имеяше».

Каким же образом практически сказалось ясно выразившееся в царствование Михаила Федоровича стремление к реформам в военном деле, а затем и дальнейшее развитие этих реформ?

Уже к 1630 г. московское правительство ясно сознавало необходимость иметь войска, обученные европейскому строю... К концу столетия, вернее, в последний год царствования Федора Алексеевича, полков иноземного строя было уже 63, а именно: 38 — пеших солдатских и 25 конных драгунского типа, называемых тогда копейно-рейтарскими. Общая численность этих полков достигала 90 000 человек.

Естественно, что с увеличением полков иноземного строя число войск старого русского строя стало уменьшаться, и к тому времени, когда численность войск иноземного строя достигала 90 000 человек, численность войск русского строя достигала 60 000 человек, т.е. первых уже было в полтора раза больше, чем вторых...

3. Эпоха Петра Великого

В начале XVIII столетия устройство русских войск подверглось коренному изменению, совершенно преобразившему как состав их, способы комплектования, организацию, управление, так и боевую их подготовку, образ действия, а вследствие этого и способы их употребления.

Несмотря, однако, на такую радикальность перемены, положившей начало новой эры в жизни нашей армии, корни тех новых оснований, по которым в начале XVIII века начала перестраиваться армия, несомненно имеют начало в предшествовавшей жизни самой армии и народа, из которого она набиралась.

Это вполне естественно, так как устройство армии и ее деятельности по прямому назначению во многом зависит от характера народа, выставляющего армию, от его национальных особенностей, складывающихся под влиянием тех или других обстоятельств в течение более или менее продолжительного времени.

Между тем, к началу XVIII столетия русский народ насчитывал уже 9 веков своего существования, из которых не менее 500 лет — сознательной государственной жизни,

проникнутой строго определенными стремлениями, сложившимися под влиянием постепенного образования русской нации со всеми ее особенностями, развившимися в зависимости от физиологических, этнографических и географических данных.

С другой стороны, и русская армия во все периоды жизни русского народа всегда выделялась из состава этого народа, всегда была национальной, а потому неминуемо она жила одной жизнью с народом, носила на себе как в устройстве, так и в образе действий отпечаток всех его особенностей, и если и подвергалась каким-либо изменениям, то эти последние являлись следствием изменений в жизни самого народа, нередко осложняемой различными внешними, превходящими обстоятельствами, как, например, войнами с соседними народами, однако в большинстве случаев являвшимися результатом национальных запросов, стремлений, призваний.

Но развитие жизни русского народа, как и вообще всякого живого организма в природе, в любой период его существования, а значит, и в начале XVIII столетия, продолжало идти с той постепенностью, быть может, и несколько ускоренной, которая питается прошлым и служит одной промежуточной ступенью для будущего. В зависимости от этого и жизнь русской армии, ее развитие должны были идти на тех же основаниях, т.е. питаться соками прошлого.

Рассмотрение состояния военного искусства в России в XVIII столетии отчасти это и показывает.

Эта зависимость реформ в устройстве русской армии, произведенных в начале XVIII столетия, от прошлого, эта связь новой армии со старой является одним из важнейших условий, при которых совершались реформы и благодаря которым они получали определенное направление.

Другим таким условием являются особенности личности того, кто, благодаря своему положению и своим исключительным дарованиям, а отчасти и обстоятельствам, явился не только исполнителем доказываемых жизнью назревших реформ, но вследствие своей гениальности и прозорливости — и инициатором, опережавшим иногда в деле реформ самую жизнь.

Таким гениальным исполнителем и инициатором явился Великий Петр...

Военные реформы Петра начинаются уничтожением московских стрельцов: летом 1699 года состоялось повеление Петра всех московских стрельцов распустить по городам, кто куда хочет, записав в посадские; туда же выслать к ним жен и детей. Дворы их в Москве, лавки и земли отдать посторонним лицам с торгов. В Москве стрельцам не жить ни под каким видом, и из посадов никуда их не отпускать...

Сознавая, что только солдаты, усвоившие себе военную дисциплину в продолжение многолетней службы и соответственно подготовки в боевом отношении, могут составлять надежную вооруженную силу, Петр уже летом 1699 года принимает решение содержать постоянно 60000 человек пехоты, обучая их надлежащим образом, и снабдить их из казны как продовольствием, так и обмундированием. Однако, чтобы привести в исполнение указанное решение, Петру нужно было изменить в корне существовавшую у нас систему комплектования и устранить поместный способ содержания войск.

Вследствие этого 8-го ноября 1699 года последовал указ о новом у нас наборе рекрут. Рекруты должны были набираться из даточных всего Московского государства, а кроме того, из охочих и праздных людей и боярских слуг города Москвы...

Все вновь сформированные полки делились на 10 рот, причем в некоторых из них было 9 рот фузилерных и одна гренадерская. Все полки сведены были в три дивизии, или генеральства. Начальниками дивизий были: Автоном Головин, Адам Вейде и Никита Репнин.

Обмундирование полков было совершенно немецкое: пехота имела зеленые, а драгуны — синие мундиры. Вооружение, однообразное для всех полков, состояло из ружей или мушкетов, со штыками. Снаряжение полков было также немецкого образца.

Командирами всех полков, за исключением одного, были иноземцы из числа командовавших полками солдатского строя.

Офицеры были назначены тоже преимущественно иноземцы, но они оказались крайне неудовлетворительными.

Полки при их сформировании обучались ежедневно, кроме праздников, по артикулу, составленному в 1698 г. Вейде по немецкому образцу...

Главной особенностью первых положений Петра для строя и для образования из новобранцев солдат является элементарная простота положений и их строевая практичность, заключающаяся в возможности подготовить войска к бою в наикратчайший срок.

Внутренняя жизнь полков, которые расквартировались по обывателям, регулировалась особыми статьями устава Вейде, определявшими внутренний порядок и взыскания за его нарушения.

Труды и усилия Петра по созданию им регулярных войск, в связи с принятием рационального для данной минуты строевого устава, привели к тому, что уже через три месяца после указа о наборе рекрут у нас явились полки настоящего регулярного войска, а в июле 1700 года один из иностранных послов, прибыв в Россию, удивился, найдя пехоту

весьма хорошо обученною и дисциплинированную. В заряжании и стрельбе, по словам этого посла, люди были так же искусны, как немецкая пехота.

События вскоре показали, что новым войскам еще много недостает, чтобы можно было назвать их вполне регулярными. Тем не менее, однако, создание в 1699 году 30 пехотных и двух драгунских полков на указанных выше основаниях безусловно является началом регулярного войска на Руси. И в этом отношении 1699 год нужно признать гранью, составляющей эру в истории военного искусства в России.

Нельзя не отметить, что оба наиболее деятельные и влиятельные сотрудника Петра, первые его руководители в обучении войск, не дожили до начатых реформ в армии в 1699 году: Лефорт умер в мае, а Гордон — в декабре этого года, но смерть этих достойных и заслуженных генералов не отразилась на ходе дальнейших работ в этом направлении.

Мощь гения Петра была настолько велика, что он и без посторонней помощи мог достигнуть блестящих результатов в начатом им деле, к тому же в минуту необходимости он умел находить себе сотрудников; из числа последних в период преобразовательной деятельности Царя особенно выделяются: Александр Данилович Меншиков и Борис Петрович Шереметев...

Шереметев и Меншиков были весьма даровитыми людьми, являясь крупными самородными талантами, но, к сожалению, оба они не владели образованием и не имели научной подготовки. Вследствие этого, по выражению профессора А.З.Мышлаевского, возвышаясь до замечательно вдумчивого определения положения данной минуты, они способны были вслед за тем впадать в крупнейшие погрешности. Это было, впрочем, естественным последствием положения общекультурных условий русского общества того времени, и в этом еще раз сказывается влияние общих условий жизни государства на состояние военного дела, военного искусства...

31-го июля 1711 года был издан указ об образовании в Москве Комиссариата, на который возложено снабжение войск денежным и вещевым довольствием и ручным оружием, а также комплектование и ремонтирование армии. Вскоре сфера деятельности Комиссариата была еще более расширена подчинением ему органов провиантского и фуражного довольствия. Во главе Комиссариата был поставлен генерал-пленипотенциар-криго-комиссар князь Яков Федорович Долгоруков, имевший уже в своем ведении военную канцелярию и подчиненный только Государю. Вскоре после образования в Москве Комиссариата в С.-Петербурге была учреждена Артиллерийская канцелярия (1724 год), к которой перешла большая часть функций приказа артиллерии, находившегося в Москве и переименованного сначала в Московскую артиллерийскую Канцелярию, а затем — в

артиллерийскую контору, подчиненную Артиллерийской канцелярии (в С.-Петербурге). Таким образом, все центральное военное управление России к 1714 году сосредоточилось уже в трех учреждениях: Военной канцелярии, Комиссариате и Артиллерийской канцелярии.

Эти три учреждения ведали всеми военными вопросами, благодаря чему было до некоторой степени достигнуто сосредоточение военных дел в небольшом числе органов, но не было достигнуто единство управления этими делами, потому что над Комиссариатом, а также Военною и Артиллерийскою канцеляриями не было учреждения, которое объединяло бы их деятельность. Сенат же, которому принадлежала законодательная власть, был общим государственным учреждением, а не специально военным. Кроме того, необходимо добавить, что произвол, бывший недостатком приказной формы правления, еще устранен не был. Для борьбы с ним Великий Преобразователь решил ввести в стране коллегиальную форму правления, которую он признавал за наиболее совершенную, заявляя в указе от 22-го декабря 1718 года, что «в приказах судьи делали, что хотели, в коллегиях президент без своих товарищей ничего учинить не может».

Формирование военной коллегии было повелено произвести в течение 1718 и 1719 годов, с тем, чтобы с 1-го января 1720 года коллегия уже начала действовать. До этого же времени приказано было управлять «старым манером». Первым президентом военной коллегии был Светлейший князь Александр Данилович Меншиков.

Военная коллегия была составлена из лиц, принадлежавших к генералитету армии; ей предписано «ведать армию и гарнизон и все воинские дела, которые были веданы в военном приказе и которые прилучатся во всем государстве».

Учреждением военной коллегии единство военного управления еще не вполне было достигнуто: Артиллерийская канцелярия находилась у нее лишь в косвенном подчинении, а Комиссариат оставался вполне независим. Причина столь ненормального порядка заключалась в том, что Коллегия находилась в Петербурге, а Комиссариат в Москве, откуда ему было легче руководить всеми заготовлениями и снабжениями.

Когда же в 1723 году практика указала на трудность контроля над действиями Комиссариата, Петр подчинил Комиссариат Военной коллегии.

Тем не менее, и это подчинение являлось недостаточным, так как все суммы, поступавшие в Комиссариат, а также и в Артиллерийскую канцелярию, находились в их бесконтрольном распоряжении. Отчетов о своей деятельности эти учреждения в Коллегию не представляли.

Далее, многочисленность дел, подлежащих ведению Комиссариата, весьма затрудняла его работу. Для облегчения последней в 1724 году решено было выделить

провиантскую канцелярию из состава Комиссариата и подчинить ее Военной коллегии. Во главе провиантской канцелярии был поставлен генерал-провиантмейстер.

В общем, реформа Петра Великого в устройстве центрального военного управления хотя и не внесла в него полного единства, но, во-первых, упорядочила распределение дел между различными органами управления; во-вторых, установила контроль над ними, хотя и далеко не полный, и в-третьих, введением коллегиального порядка управления и учреждением должности прокурора при коллегии устранила в значительной степени царивший до того времени произвол. Но та же коллегиальная форма, уменьшив значение личности, затруднила творчество и задержала дальнейшее развитие начинаний Петра. Впрочем, не одна коллегиальная форма виновата в этом: люди, составлявшие коллегию, имели крайне скудную образовательную подготовку для успешного исполнения возложенных на них обязанностей...

В 1716 году был издан Устав Воинский, в котором точно определялись обязанности и права главнокомандующего, состав полевого штаба и обязанности его чинов.

Состав прочих штабов, кроме полковых, не определялся уставом, и каждый генерал и бригадир, по занимаемой им должности, имел некоторое число адъютантов.

Кроме того, при дивизии или отдельных самостоятельных отрядах находились чины квартирмейстерской службы.

Во главе действующей армии стоял генерал-фельдмаршал, который пользовался полной властью, полной мочью, но который должен был в своих действиях сообразоваться с данной ему Царем инструкцией и строго обязывался собирать военные советы.

Требование собирать военные советы было введено Петром Великим в устав, но это вовсе не показывает, что Царь желал поставить во главе армии военные советы: Петр видел в них средство для всестороннего обсуждения обстановки. Ненадежность иностранных полководцев, пререкания, происходившие постоянно между ними и старшими русскими начальниками, наконец, недостаточная оперативная подготовка тогдашнего начальствующего персонала нашей армии — заставили Петра установить советы неперменным правилом...

Боевые качества всякой армии зависят, однако, не только от указанных выше условий, но и от духа армии, ее воспитания, на что громадное влияние оказывает внутренняя жизнь ее, во многом зависящая от способа расквартирования, господствующей системы наказаний, отношений начальников к подчиненным и в частности — отношений офицеров к нижним чинам.

Способ квартирования, основанный на плакате 1724 г., как уже не раз упоминалось, был крайне неблагоприятен для развития настоящего воинского духа в армии, и только ежегодные лагерные сборы уменьшали в значительной мере зло, происходящее от плаката.

Военно-уголовные законы Петровской эпохи в конце концов вылились в так называемые Воинские артикулы, составлявшие особую часть Устава Воинского. Законы эти основывались на системе устрашения, причем наказания были двух родов: по суду и дисциплинарные.

В зависимости от характера того времени Воинские артикулы отличались чрезвычайной строгостью, доходившей иногда до жестокости, причем все они предусматривали лишь телесное наказание, весьма часто заключающееся в смертной казни.

Напротив, дисциплинарные взыскания весьма редко предусматривали телесные наказания, причем главными основаниями системы дисциплинарных взысканий были: во-первых, постепенность в наказаниях, во-вторых, резкое отличие во взысканиях за нарушение строевых обычаев и за важные воинские преступления, и в-третьих, отсутствие телесных наказаний за ошибки во время строевых учений.

В общем, нужно признать, что система наказаний, господствовавшая в армии времен Петра, принимая во внимание жестокие нравы того времени, не могла дурно влиять на дух армии.

Что касается вопроса об отношениях начальников к своим подчиненным и в особенности к нижним чинам, то он находился в следующем виде.

Лично Петр всегда принимал самые предусмотрительные и тщательные меры для надлежащего содержания войск. Это проистекало из убеждения Царя, что воинская дисциплина возможна только при условии полного удовлетворения материальных потребностей военнослужащих. Поэтому он всеми силами заботился об устранении злоупотреблений на этой почве. Взятничество, растраты, излишние поборы и вообще злоупотребления по содержанию войск при Петре судятся военным судом, который с 1710 г. носит название «кригс-рехта».

Петр запрещает употреблять кем-либо из начальников нижних чинов для своих надобностей.

Он заботится, чтобы положенное от казны доходило в исправности и вовремя к войскам и без всякого милосердия преследует злоупотребления. По установлениям Петра, офицеры на подчиненных нижних чинов должны были смотреть, как на своих детей; поэтому они обязаны были с отцовской попечительностью заботиться о нуждах солдата.

Это требование было выражено Петром в указанном выше дополнительном «пункте» к Уставу Воинскому 1716 г. Здесь относительно этого было сказано буквально следующее: «Понеже офицеры есть солдатам, яко отцы детям, того ради надлежит им ровным образом отеческим содержать, и понеже дети перед отцами суть бессловны во всяком послушании, полагая надежду свою от отцов во всем, чего ради отцы недреманное попечение о их состоянии имеют, о их учении, пропитании и всяком снабжении, особливо же, дабы нужды и недостатка не терпели, тако и офицерам делать надлежит (а особливо наши офицеры должны суть, понеже не единой народ в свете так послушлив, яко российский) во пользе солдат делать, что в их мочи есть (а чего не имеют, доносить вышним) и не тяготить их лишними церемониями, караулами и прочим, а особливо во время кампаний»...

Несомненно, что заботы царя о нижних чинах, то обращение, к которому он обязывал офицеров по отношению подчиненных им нижних чинов, те права, которые были предоставлены нижним чинам по жалобам на своих начальников, не забивали личности нижнего чина, не заставляли его терять человеческий облик, предоставляли ему возможность развивать свою индивидуальность и сознательно относиться ко всему происходящему, но в то же время все это было обставлено такими рамками, что интересы дисциплины не могли страдать и основы устройства регулярной армии не нарушались...

4. Эпоха Миниха

...Военное дело вскоре после смерти Петра Великого всецело перешло в руки Миниха, который самостоятельно руководил им, влиял на него, подчинил его своим взглядам и убеждениям, настолько придал ему окраску своей личности, что, по справедливости, эпоха в истории русского военного искусства, следующая непосредственно за эпохой Петра I, должна быть названа эпохой Миниха.

Деятельность Миниха в сфере военной широко затрагивает все ее отрасли, как то: организаторскую, административную, хозяйственную и, наконец, боевую в области стратегии и тактики.

Военно-организаторская, административная и хозяйственная деятельность Миниха проявилась преимущественно в мирное время, главным образом, в период с 1727 года по 1734 год, когда он, признаваемый знатоком военного дела, последовательно получил назначения: Обер-Директора над фортификациями, Генерал-Фельдцейхмейстера, Члена Военной Коллегии, ее Вице-президента и Президента и, наконец, Председателя Воинской

Комиссии, учрежденной в 1730 г. для приведения армии в порядок, т.е., другими словами, сосредоточил в себе все управление военными делами...

Бурхард Миних, уроженец Ольденбурга, по происхождению наполовину датчанин, получил в доме отца своего прекрасное инженерное образование. Уже с 16-ти лет, с 1700 г., он вступил на военное поприще, служа в первое время разным государствам, причем переход от одного к другому обуславливался только желанием служить той армии, которая в данную минуту вела войну.

Таким образом, Миних принимал участие в боевых действиях почти непрерывно с 1700 по 1712 год включительно, т.е. в такое время, когда военное искусство на Западе стояло далеко не на высокой ступени развития. Впрочем, неоднократно Миних участвовал в войнах под начальством Евгения Савойского, который резко выделялся из среды тогдашних полководцев как своим талантом, так и пониманием военного дела.

С 1713 по 1720 год включительно Миних занимался или мирной инженерной деятельностью, сооружая каналы, или организаторской, с успехом устраивая на новых основаниях пешую коронную польскую гвардию.

Неудовольствия Миниха с любимцем Августа II, Фельдмаршалом графом Флемингом, заставили его отказаться от службы Саксонскому Курфюрсту, и после неудачной попытки поступить на службу Швеции, при посредстве русского посла при Польском Дворе, князя Долгорукова, он был принят в 1721 г. Петром на русскую службу в чине генерал-поручика.

Таким образом, проведя почти сплошь 12 лет в рядах западноевропейских армий во время их боевой деятельности, Миних после 8-летних мирных занятий переходит в русскую службу, причем, основываясь на полученном образовании и имевшемся боевом опыте, рекомендует себя как знатока инженерного искусства и пехотного строя. Что касается артиллерии и кавалерии, то относительно первой Миних заявлял, что не знает ее в подробности и умеет распоряжаться ею только при атаке и обороне крепостей и в сражениях, относительно кавалерии он указывал на свое полное незнание с нею.

Принятый на русскую службу в феврале 1721 г., почти накануне заключения Нейштадтского мира, Миних не мог принять участия в Великой Северной войне, этой военной школе для Петра и Петровской школе для только что народившихся регулярных войск России. Не пришлось Миниху участвовать также и в Персидском походе Петра. Таким образом, Миних не был очевидцем боевой деятельности Петра I и не мог непосредственно наблюдать за способом ведения им войны, способом, существенно разнившимся от того, свидетелем которого пришлось быть при начале его военной карьеры в течение довольно

продолжительного времени. Миниху в первые года службы в России в широких размерах пришлось применять лишь свое знание инженерного искусства.

Тем не менее, однако, боевая деятельность Петра, особенная по своему характеру и богатая по результатам, а потому несомненно производившая сильное впечатление на современников, не могла не быть известной Миниху, который, любя военное дело и обладая пылким характером, очевидно должен был интересоваться ею и желать ознакомиться с нею возможно лучше. К тому же, Миних, влекомый честолюбием, не мог удовлетвориться мирной работой инженера и, направляемый своим призванием и талантливостью, мечтал о широкой военной деятельности, о руководительстве армией как в мирное, так особенно в военное время. Благоразумие, однако, сдерживало до поры до времени честолюбивые замыслы будущего Фельдмаршала и давало ему возможность разобраться во всех впечатлениях его боевой и мирной военной деятельности и тем подготовить себя основательно, хотя бы только теоретически, к работе руководителя русской военной силой. Здравый смысл, талантливость, трезвость взгляда, любовь к делу и неустанное трудолюбие и энергия дали Миниху возможность правильно оценить все то, что он видел на практике и что узнал теоретически в военном деле, отдать преимущество в этом отношении деятельности Петра и сделаться способным и, благодаря даровитости, достаточно самостоятельным его последователем, не обладавшим, однако, творческим гением своего вдохновителя.

Приобретая за успешное исполнение инженерных работ милость к доверие Петра, что в свою очередь послужило прочным основанием для дальнейшего возвышения энергичного и способного иноземца, Миних вскоре после смерти Императора, благодаря указанным выше общим причинам и при содействии своего дарования и настойчивости, осыпанный милостями и наградами, становится во главе военного ведомства, где тотчас и проявляет неослабевающую с годами полезную деятельность. Наконец, в 1734 г., когда события внешней политики принудили Россию к вооруженному вмешательству в польские дела, исполнилось честолюбивое желание Миниха, и он, не без влияния придворных интриг, был назначен командующим действующей армией. Польская кампания, успешная для Миниха, почти без перерыва сменилась четырехлетней войной с Турцией, которая дала возможность вполне выказаться полководческому таланту Миниха...

Спустя 10 лет после Турецкой войны 1736–1739 гг., Миних писал Императрице Елизавете: «Война имеет свои правила, но эти правила так же разнообразны, как разнообразна обстановка на войне. Действия против шведов не могут быть совершенно такими же, как действия против турок и персов».

Этим основным положением Миних и руководствовался в своей боевой деятельности, отсюда во всех случаях тщательное изучение обстановки и действия строго согласно с ней, как она ему представлялась. Вследствие этого, характерной особенностью стратегии Миниха является наступление с постоянным исканием боя; особенностью же тактики является постепенная выработка боевого порядка и действий против турок. При этом боевой порядок из линейного постепенно переходит в боевой порядок, состоящий из нескольких каре, взаимно поддерживающих одно другое, а прежняя пассивная оборона, приобретая мало-помалу активный характер, переходит в бой, чисто наступательный.

Все это в связи с тем, что было сказано о мирной деятельности армии, дает право сказать, что по сравнению с прошлым эпоха Миниха не разрывает с Петровской эпохой, что она не является эпохой поворота от данных Петром национальных начал в военном деле к основам, выработанным на Западе, эпохой упадка военного искусства в России.

Напротив, необходимо признать, что военная деятельность Миниха не только не шла вразрез с идеями Петра, но что она сохранила для будущего Петровские начала, которые и выказались в первых же значительных военных действиях следующей эпохи на полях Егерсдорфа, Цорндорфа и Кунерсдорфа. Если же заглянуть еще дальше и обратиться к нашим первым, после Миниха, операциям против турок, бывшим в эпоху Екатерины II, то не трудно будет видеть следы эпохи Миниха в блестящих действиях Румянцева при Рябой Могиле, Ларге, Кагуле и даже — Суворова — при Туртукае, Фокшанах, Рымнике и пр.

5. Эпоха Императрицы Елизаветы

Императрице Елизавете и всем, возведшим ее на престол, в первое время после переворота, очевидно, было не до каких-либо новых реформ в военном деле. И, действительно, со вступлением на престол Елизаветы новые деятели на армию не обращали почти никакого внимания вплоть до конца 1750-х годов, когда были предложены в этой области меры графа Петра Ивановича Шувалова.

Но если деятели переворота, поглощенные другими заботами, и не интересовались армией, то на страже ее интересов пытался быть другой, оставшийся от времен Императрицы Анны, фельдмаршал, не игравший влиятельной роли в предшествовавшую эпоху, скромный Ласси, почти единственный генерал, прошедший славную боевую школу Петра I.

1-го декабря 1741 г., т.е. спустя только 6 дней после вступления на престол Елизаветы, по предложению Ласси, при Высочайшем дворе состоялось министерское и

генералитетское собрание, на котором общим мнением было положено вернуться к Воинскому Штату Петра Великого, а 21-го января 1742 г. «по присланному из Правительствующего Сената указу велено, не учреждая особливой комиссии, Воинский Штат, по Высочайшей Ее Императорского Величества апробации, рассмотреть и во исправность привести в Военной Коллегии, к чему призывать из обретающихся в С.-Петербурге генералитета».

Но уже указом 19-го марта предписывалось «при рассуждении Воинского Штата собрать генералитет», в составе генерал-фельдмаршала Долгорукова, генерал-фельдцейхмейстера принца Гессен-Гомбургского, четырех полных генералов, двух генералов-лейтенантов, четырех генерал-майоров, одного бригадира и двух командиров полков: одного — пехотного, а другого — драгунского.

Таким образом, вопреки первоначальному намерению, для пересмотра Штатов, собственно говоря, была образована комиссия.

Работы этой комиссии несколько затягивал Сенат, так как ввиду общего стремления поднять его значение до Петровского уровня все мнения Военной Коллегии с генералитетом прежде чем быть представленными на Высочайшее утверждение, поступали на рассмотрение Сената. Тем не менее, к началу 1743 г. составление штатов было закончено, и собранный в Коллегии генералитет распущен. Однако работы комиссии 1742 г. признавались, по видимому, недостаточно полными и удовлетворяющими потребности в реформировании армии, что в связи с недостатками, обнаруженными в армии во время похода князя Репнина в Австрию в 1748 г., привело к тому, что в 1754 г. по инициативе Шувалова состоялось распоряжение об учреждении при Военной Коллегии комиссии «для рассуждения как по делам, касающихся до Военной Коллегии, так и о казаках и калмыках и о всех легких войсках». Комиссия эта по составу своих членов, назначенных последовательно тремя указами Сената и Военной Коллегии, сильно отличалась от предшествующей комиссии, составленной главным образом из старшего генералитета. В состав комиссии 1754 г. в конце концов входили: один генерал-лейтенант, четыре генерал-майора, два полковника, четыре подполковника и один секунд-майор.

Наибольшую деятельность означенная комиссия проявила в 1754–1756 гг., когда ею рассматривались следующие вопросы: три, оставшиеся неразработанными от Воинской комиссии 1730 г., а именно: о единой экзерциции, о штате артиллерии и фортификации и о новых артикулах, а также вопросы: по устройству казачьих войск и калмыков; по реформированию и устройству гусарских и ландмилицких полков; по устройству артиллерийского и инженерного кадетского корпуса; по пересмотру «всей армии воинских

штатов»; по выработке лучших типов обмундирования, вооружения и снаряжения; о переформировании всей кавалерии; об учреждении для армии магазинов; о содержании фортпостов; о постройке солдатских слобод и т.д.

В 1756 г. деятельность комиссии, вследствие начавшейся войны с Пруссией, постепенно ослабевает, а в 1759 г., по-видимому, совсем прекращается. Ввиду этого, далеко не все вопросы, предложенные на обсуждение комиссии, были окончательно рассмотрены; то же, что было комиссией разработано окончательно, за начавшимися военными действиями не могло быть полностью проведено в жизнь. Во всяком случае, следствием работ двух комиссий царствования Императрицы Елизаветы ко времени начала нашей войны с Пруссией в 1756 г. явились некоторые организационные изменения и введение в армию пехотного и кавалерийского уставов 1755 г.

В 1753 году Шуваловым была подана в Сенат записка «о военной науке».

В этой записке Шувалов, приняв за основание военные события из истории древних народов, требовал развития высшего специального военного образования в русской армии. Остановливаясь на истории Персии, Шувалов писал, что могущество ее было до тех пор, «пока военное искусство не пришло в пренебрежение». Греки, по мнению Шувалова, возвысились тоже благодаря военному искусству: «В то время, — вспоминает он, — когда персы предались неге, Леонид с 400 спартанцами удержал целую армию Ксеркса»; и дальше: «Рим был училище победителей и сия держава пребыла до тех пор в своем состоянии, пока правители оной признавали военную науку за основание их монархии и славы, за защиту целости государства и вольности» .

Свою экскурсию в область истории Шувалов в записке заканчивает словами Петра I: «Надеясь на мир, не надлежит ослабевать в военном деле, дабы с нами не так случилось, как с монархией греческой».

Указывая затем далее на пользу, которую может принести Шляхетский кадетский корпус, основанный Анной, и Морской корпус, основанный Елизаветой, Шувалов признает, однако, что у нас еще очень мало лиц, которые бы «трактовали бы военную науку», и считает, что для русской армии последняя нужна, «как разумная душа телу».

«Нам недостает, — заключает Шувалов, — теории и для этого учредить училище для военных наук, которому пристойнее в Шляхетском корпусе быть. Вместо профессоров искусных и довольно знающих военное дело военнотружущих определить, которым лекции давать, диссертации делать, экзаменировать и прочее».

К своей записке Шувалов приложил и программу «Военной науки о полевой службе, которой юношество основательно учиться может». Программа эта состоит из 159 вопросов стратегии, тактики, военной администрации, военной географии и топографии.

Основанием этой Шуваловской программы для теории военного искусства послужило сочинение гр. Тюрпен-де-Криссе «Опыт военного искусства», которое как раз в то время было переведено по приказанию Шувалова.

Таким образом, можно сказать, что уже во времена Елизаветы у нас явилось сознание необходимости иметь высшую военную школу, т.е. военную академию. Война, а затем перемена царствования помешали осуществлению этого проекта.

В общем, также нет оснований допустить, что офицеры эпохи Семилетней войны были худшего качества, чем в эпохи предыдущие.

Несмотря на блестящие победы русской армии, России не удалось сократить силы «скоропостижного Прусского короля». Однако победы эти не были совершенно бесплодными: силы Пруссии были крайне надорваны ими и это сказалось в царствование Екатерины, когда эта Великая Государыня, решая мировые политические вопросы в интересах России, находила возможным не особенно считаться с мнениями и желаниями Фридриха.

Но если политические результаты борьбы России с Пруссией при Елизавете и не привели к последствиям, соответствующим усилиям и успехам русской армии, то в специально военном отношении наше участие в Семилетней войне имеет громадное значение.

Во главе действующих армий в эту эпоху стояли генералы, которые служебный и боевой опыт получили в царствование Императрицы Анны. С другой стороны, война, веденная армией, руководимой генералами предшествовавшей эпохи, послужила школой для таких будущих деятелей, каковы Румянцев, Панин, Прозоровский, Суворов.

Таким образом, представляется возможным установить непрерывную преемственность боевой школы, основание которой было положено великим создателем нашей регулярной армии. Благодаря же этой преемственности боевой школы, у наших полководцев выработались общие черты, присущие только им и носящие национальный характер. Сюда прежде всего нужно отнести твердую веру наших полководцев в свою армию, затем понимание ими сущности военных явлений и особенно — боя, далее — свободное, нерутинное, нешаблонное и притом независимое от каких-либо иноземных образцов применение основ военного искусства, его теории на практике вполне

соответственно обстановке данной минуты в условиях непрестанного стремления к своей собственной цели и использования в полной мере современных технических средств.

Характерной чертой нашей стратегии в рассматриваемую эпоху была осторожность, которая являлась следствием, во-первых, стремления Конференции руководить операциями в ущерб «полной мочи» главнокомандующего, а во-вторых, полного подчинения нашей стратегии влиянию австрийской дипломатии.

Несмотря, однако, на такую осторожность, наши главнокомандующие нередко задаются смелыми, даже рискованными целями и не избегают боя даже при недостаточно выгодных для себя условиях.

В эту войну в значительной мере получили развитие стратегические действия массы легкой конницы впереди фронта армии, причем отличительными особенностями этих операций являются: независимость от тыла, быстрота налета отдельными партиями с разными целями, широкий фронт, в несколько раз превосходящий фронт армии, и значительно выдвинутый вперед район освещения местности конницей драгунского типа.

Наконец, в отношении стратегии необходимо отметить умелое и полезное сочетание, при довольствии армии, пользования местными средствами с процветавшей тогда в чистом виде магазинной системой.

Особенностью тактики русских войск в Семилетнюю войну является активно-оборонительный бой. Чисто наступательный бой в эту войну не получает достаточного развития. Это, как отчасти осторожность в стратегии, можно объяснить тем, что русские главнокомандующие имели противником войска, считавшиеся лучше всех других и нередко предводительствуемые гениальным полководцем-королем. Однако нужно заметить, что активность при обороне выказывала в то время только одна русская армия.

Затем в тактике наших войск в рассматриваемую эпоху необходимо подчеркнуть вполне свободное отношение к форме линейного боевого порядка, вследствие чего устраняются те или другие его неудобства: боевой порядок применяется к местности и к «неприятельским обращениям»; позиции не занимаются равномерно; осуществляется идея как частного, так и общего резервов; войска, не исключая и артиллерии, получают возможность маневрировать и, вследствие этого, проявлять в полной мере принцип взаимной выручки, достигаемый, между прочим, и действиями конницы на поле сражения.

Наконец, необходимо указать на проявленное еще раз в Семилетнюю войну классическое упорство русских войск и на то нравственное значение, которое имели победы наши над лучшими войсками, руководимыми лучшим полководцем. Эти победы несомненно укрепили уверенность наших войск в себе, подняли дух и дали пищу для нравственного

воздействия, при воспитании как на отдельных людей, так и на целые войсковые части, чем с таким успехом пользовались деятели следующей эпохи.

6. Эпоха Императрицы Екатерины II

На протяжении шестимесячного царствования Петра III армия приняла совсем другой вид; все в ней было переделано и притом без всякого уважения к давшим богатые результаты идеям Великого Петра и не считаясь с национальными особенностями русского народа.

Армия изменила одежду, приняв прусский вид; полки утратили свои территориальные названия, получив по немецкому образцу наименования по шефам; был введен прусский устав; все конно-гренадерские полки переформированы в кирасирские; первенствующее значение в армии получили иностранцы: принц Георг Голштинский, назначенный Председателем Военного Совета, сменившего конференцию, и принц Гольштейн-Бекский, назначенный начальником С.-Петербургской дивизии.

Для скорейшего распространения новых порядков в армии Император Петр III создал особую гвардию Голштинскую, комплектуемую исключительно людьми, не состоящими в числе подданных России. В этой новой гвардии Император хотел видеть учебные части, по образцу которых он желал пересоздать все полки русской армии, по мере их возвращения из-за границы.

Поспешная и своеобразная реформаторская деятельность Императора Петра III, возбуждив всеобщее неудовольствие его подданных, привела к печальным для него результатам: 28-го июня 1762 г. он счел себя вынужденным отречься от престола, передав его своей царственной супруге.

Через несколько дней после этого отречения, а именно 6-го июля, Петр III скончался.

Кратковременность царствования Петра III, стремительность водворения новых порядков, преимущественно внешний характер реформ и пребывание большей части армии вне пределов государства привели к тому, что новые положения не были полностью проведены в жизнь, усвоены армией и потому не имели большого практического значения, поселив лишь много недоразумений и внося большую путаницу в наше военное законодательство.

Лишь манифест 16-го февраля 1762 г., освобождавший дворянство от обязательной государственной службы, в том числе и военной, имел впоследствии большое значение, оказывая влияние на решение некоторых военных вопросов.

Вследствие изложенного царствование Императора Петра III с военной точки зрения не заслуживает того, чтобы на нем останавливались подробно...

27-го июня 1762 г. на престол вступила Императрица Екатерина II, и с этого дня, можно сказать, начинается наиболее блестящая, после петровской, эпоха в истории русского военного искусства; блестящая по двум причинам: во-первых, с точки зрения развития русского военного искусства и достижения им высокого уровня, проявившегося в различных отраслях военного дела в обширном смысле самого слова, и во-вторых, с точки зрения тех результатов, которые были достигнуты при помощи разумного приложения военного искусства в жизни, какими являлись: решение польского вопроса и громадный успех в деле борьбы с Турцией на пути к овладению существенно необходимыми проливами.

Какая же основная причина столь высокого развития в России военного искусства в эпоху, когда на престоле русских царей сидела женщина? — Прежде всего такой причиной является личность самой Императрицы Екатерина II, и во-вторых, — наличие соответствующих сотрудников, которые, однако, могли появиться, проявить себя и оказать определенное влияние лишь в атмосфере, созданной Екатериной.

Личные свойства Екатерины, оказавшие непосредственное влияние на ход развития в известном направлении военного искусства в России, следующие: во-первых, понимание России, русского дела, интересов России, ее исторических задач, свойств и характера русского народа, и отсюда — стремление следовать заветам Петра Великого и вести Россию по пути, указанному им.

Нужно заметить, что все преемники Петра I, вступая на престол и желая заручиться симпатиями и сочувствием общества и народа, торопились прежде всего заявить себя последователями Петра Великого. Особенно это касалось военного дела: Анна через 2–3 месяца после вступления на престол, учреждая комиссию для «исправления многих не порядков и помешательств, явившихся и происходивших в армии после смерти Петра Великого», указала этой комиссии, «чтобы учиненное от Петра Великого учреждение крепко содержать». Так же сделала и Елизавета, которая, совершенно не интересуясь до 1755 г. военными делами и вряд ли зная, в каком они находятся положении, тотчас после вступления на престол повелевает «экзерциции и барабанному бою быть, как при Петре I». Даже Петр III в одном из первых своих манифестов обещал царствовать в духе Петра Великого, что в военных кругах, в связи с тем, что на престоле после долгого перерыва явился Государь, а не Государыня, вызвало большое удовольствие, впрочем, как известно, не надолго.

Однако никто из Государей после Петра не понимал так идей его, не понимал сущности Петровской деятельности, ее пользы и необходимости следовать ей, как Екатерина II, а потому никто так, как она, не только не говорил о них, но и действительно не следовал им.

Второй отличительной чертой Императрицы являлось то, что она сама выразила следующими словами: «Крупные и решительные успехи достигаются только дружными усилиями всех... а кто умнее, тому и книги в руки...» Другими словами, Екатерина отлично понимала всю пользу и необходимость в деле управления того, что можно выразить одним словом «доверие».

Екатерина отлично понимала, что только при доверии возможно проявление и развитие инициативы, самостоятельности, а значит, и высшее проявление плодотворной деятельности. Однако она сама говорила: «А кто умнее, тому и книги в руки». Другими словами, доверие должно оказывать не всякому, «а тому, кто умнее», кто сумеет разумно и с толком воспользоваться этим доверием. Таким образом, сознавая, что только усилия всех приведут к крупным и решительным успехам, что книги должно отдать в руки тому, кто умнее, Екатерина должна была уметь выбирать этих более умных. И она действительно умела делать это, что и составляет третье ее личное свойство, которое способствовало, может быть, больше, чем какое-нибудь другое, расцвету военного искусства у нас в России в эпоху ее царствования.

Широкое право, не на словах только данное Екатериной, проявлять в военном деле частный почин, несомненно должно было способствовать проявлению и развитию способности в этом отношении, а это, в связи с умением Екатерины отличать и выбирать людей, обуславливало наличие военных талантов, которые дружными усилиями и подняли военное дело у нас во второй половине XVIII столетия до большой высоты, с которой может равняться только эпоха Петра I.

В век Екатерины появилось действительно много талантливых военных людей, к которым нужно причислить Захара Чернышева, Петра Панина, князя Репнина, Н.Салтыкова, Зейсмана, Понятовского, Кретникова, Каменского, Сем. Воронцова, Завадовского, Голенищева-Кутузова, но из среды которых особенно выделялись своими способностями и талантами фельдмаршалы: Румянцев, Потемкин и Суворов.

Каждый из только что названных фельдмаршалов имел свои характерные особенности, которые и положили особый отпечаток на их деятельность, влияющую в том или ином отношении на русское военное искусство и поставившую последнее на столь высокую ступень.

Кн. Григорий Александрович Потемкин-Таврический, с детства готовившийся к духовному званию, при восшествии на престол Екатерины II был вахмистром в конной гвардии. Вскоре, однако, он выделился своими особенностями, проявленными сначала в качестве строевого офицера в первой Турецкой войне, в которой он с 1769 г. по 1774 г. из секунд-ротмистров дослужился до генерал-аншефа и генерал-адъютанта. Назначенный в 1774 г. вице-президентом Военной Коллегии, Потемкин проявил громадный организаторский и военно-административный талант, который выказался еще в более широких размерах, когда в 1784 г. он был сделан президентом Военной Коллегии. Организационно-административная деятельность Потемкина и составляет его главную заслугу, ставя его в первые ряды военных деятелей Екатерининского царствования и оказывая громадное влияние в самом положительном смысле на наше военное искусство того времени. Не останавливаясь подробно на этой деятельности, необходимо указать, однако: 1) на значительное увеличение Потемкиным драгунской, а также и легкой конницы; 2) на формирование егерских батальонов, и 3) на заботу его о солдате, об улучшении его жизненной обстановки и поднятии его нравственного духа. Частыми инспекторскими смотрами и постоянным личным наблюдением Потемкин стремился к тому, чтобы солдат был сыт, хорошо одет и, по возможности, удобно помещен на квартире. Он преследовал побои и жестокие наказания, заботился о здоровье солдат, обратил особенное внимание на состояние госпиталей, писал для них инструкции, комплектовал их лучшими докторами. Он отменил пудрение головы, плетение кос, букли; одел солдат просто, покойно и красиво.

В деле подготовки войск Потемкин также проводил вполне здравые мысли и вводил меры, способствовавшие выработке как хороших отдельных солдат, так и вполне подготовленных в боевом отношении частей войск. При обучении строю Потемкин требовал простоты и свободы при стойке, в ружейных приемах и на марше; особенно налегал он на обучение «скорому заряду и верному прикладу»; коннице рекомендовал быстроту и силу удара, требовал построение в две шеренги; настаивал на том, что в атаку войска должны ходить «вихрем», настойчиво проводил ту мысль, что каждому солдату следует внушить «дух военный и любовь между собою, дабы при всяком случае друг другу помогали и не выдавали в деле». По мнению Потемкина, «похвальный *esprit du corps* нужнее всего в полку».

Во время военных действий его организаторский талант пролился еще с большей силой и пользой. Отличаясь громадной энергией и работоспособностью, Потемкин с изумительным искусством быстро формировал различные части, умея находить источники для комплектования.

Что касается боевой деятельности Потемкина, то она — гораздо ниже его деятельности организационной и административной, но, однако, не выделяясь в общем из среднего уровня, и она показывает, что Потемкин имел здравые суждения о военном деле и хорошо понимал его.

Граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский, сын Петровского дипломата и Анненского генерала, получил блестящее домашнее образование, которое закончил коротким пребыванием в Шляхетском кадетском корпусе и заграничным походом на Рейн, а главное — серьезным чтением, которого никогда не оставлял, даже в походах. Талант Румянцева, если, быть может, и не так ярок и блестящ, как талант Потемкина, но он гораздо глубже и многостороннее. Блестящие способности Румянцева проявились еще в Семилетнюю войну, особенно в Кольбергской операции 1761 г. Уже здесь он выказал талант полководца и организатора. Во время первой Турецкой войны 1769–1774 гг. поставленный во главе значительной армии, он показал, что обладает широким почином действий и понимает необходимость предоставить своим подчиненным, при исполнении данной им задачи, достаточную долю свободы действий. В эту войну Румянцев выказал громадный стратегический и тактический талант, что и имело следствием его блестящие победы над турками, давшие самой войне название Румянцевской, а Румянцеву — название Задунайского.

Независимо от этого Румянцев в эту войну плодотворно работал над развитием боевого воспитания и обучения войск, утверждением разумной дисциплины и выработкой соответствующего внутреннего порядка в войсках. В общем, Румянцев оставил почти во всех отделах русского военного искусства или классические образцы, или руководящие мысли, которые и были им сведены в кратких положениях, удобных для понимания всех начальников, в «общие правила искусства воинского», не касаясь ни «времен», ни «случаев» их применения, по разносторонности своего таланта, благодаря которому он внес много нового в основы русской стратегии, тактики и военной администрации, Румянцев более всех других позднейших полководцев приближается к Петру Великому.

Выше других, по силе таланта и значению для русской армии, среди деятелей Екатерининской эпохи стоит Суворов.

Вовсе не готовясь с детства к военной службе, добросовестно отслужив затем 9 лет нижним чином в Л.-гв. Семеновском полку, Суворов на 24-м году жизни был произведен в офицеры в то время, когда люди его круга в эти года были уже генералами. Столь медленное движение по службе в начале военной карьеры, однако, нисколько не повредило ему в дальнейшем; напротив, дав ему возможность узнать душу и сердце русского солдата при

содействии его гения и высокого образования, достигнутого постоянным чтением, оно послужило только к вящему возвеличению Суворова и в результате имело последствием глубокое влияние его на деятельность русских войск и на самобытное развитие русского военного искусства, которое в это время достигло высокой степени своего состояния и проявление которого ныне мы видим только тогда, когда следуют бессмертным заветам гениального чудака.

Суворов дал величайшие образцы стратегии и тактики, действуя против всевозможных противников на различных театрах войны при разнообразнейшей обстановке; не был он также чужд организаторской и военно-административной деятельности, в которой заявил себя далеко недюжинным талантом. Однако величие и значение Суворова главным образом не в этом. То и другое зиждется прежде всего на его военно-воспитательной системе, на его системе одиночного обучения и боевой подготовке целых частей.

Вникая в сущность Суворовского воспитания, его средств для развития нравственного элемента в мирное время, возбуждения его на высшую степень в бою, нетрудно заметить, что Суворов, как никто, достиг великой цели прежде всего потому, что понял те причины, которые еще задолго до Петра I всегда вызывали русского воина на высшую самоотверженность. Эти причины — преданность вере, Царю, отечеству и бесповоротное следование в бою за начальником, заботившимся о нем, умевшим не щадить себя для блага дела, умевшим дать личный пример.

Обладая гениальным умом, Суворов познал, что в этих нравственных основах вся сущность успеха боевого дела, и резко, как никто, выдвинул вперед все, способствующее развитию этих нравственных начал, — оригинально воспитал сам себя в том же духе и самое главное — всегда, в особенности в бою, служил войскам личным примером. Этот личный пример во всем с неотразимой силой действовал на Суворовских солдат, и никто даже из наиболее видных деятелей Екатерининского времени, как Потемкин и Румянцев, не имел на войска такого влияния, как Суворов, и не достигал с теми войсками подобных результатов. Они только направляли дело, но, сравнительно с Суворовым, были все-таки далеки от солдат; Суворов же с ними составлял одно целое.

Таким образом, Потемкин, Румянцев и Суворов, возвышаясь своими талантами и способностями над уровнем всех военных деятелей царствования Екатерины II, среди которых было очень много людей заурядных, отличались по своим особенностям, что и проявилось в преимущественном характере их деятельности. Но как бы ни были различны по своим особенностям названные три фельдмаршала, идеи, возросшие на почве широкого доверия, распространялись в армии, которая прониклась ими и стала способной выделить из

своей среды людей, могущих проявить самодеятельность и частную инициативу, благодаря которым, собственно говоря, и были достигнуты блестящие военные успехи Екатерининского времени...

Приступая к тому, чтобы в армии «что можно, еще лучше постановить», Екатерина прежде всего обращается к главным выдающимся участникам Семилетней войны и спрашивает их мнения относительно предстоящих реформ, преимущественно относительно изменений строя и главных военно-административных законов Елизаветинского времени, вызываемых опытом указанной войны. Вслед за тем из тех же лиц в конце 1762 г., согласно докладу фельдмаршала Салтыкова, была образована комиссия для обсуждения реформ по военному ведомству по обширной программе, составленной тем же фельдмаршалом и касавшейся всех отделов военного искусства.

Для руководства этой комиссией Екатерина дала ей инструкцию, которая состояла из 33 пунктов и которая, требуя известных усовершенствований, указывала, что комиссия при своих работах не должна была колебать «старого основания», т.е. Петровских идей и начал.

Относительно организации войск комиссия 1762 г. прежде всего высказала основное положение, по которому признавала более полезным иметь «малую армию, но исправную, чем многочисленную на бумаге, но которая многим недостаточна», так как, по мнению комиссии, «сила войска состоит не в многом числе оно, но от содержания его в дисциплине, от хорошего научения и верности»...

Подводя итоги организационной деятельности царствования Екатерины II, необходимо отметить следующее:

1) Общая численность армии, в силу необходимости и не без усилий, с 330000 возрастает до 500000 чел., считая, в том числе, и гарнизонные войска.

2) В организации встречаются совершенно самобытные образцы, резко отличавшие нашу армию от современных ей европейских, как то: а) развитие егерей; б) значительное увеличение конницы; в) развитие легкого типа конницы по преимуществу; г) принятие организации артиллерии, служащей непосредственным переходом к постоянной организации как в мирное, так и в военное время; д) усиление поселенных войск, принявших на себя оборону южных и восточных границ взамен уничтоженной ландмилиции; е) своеобразная организация гарнизонных войск, вполне отвечающая их назначению и природе.

В общем, деятели Екатерининского царствования, не подчиняясь слепо образцам Западной Европы, сохраняя начала, завещанные Петром, стремились использовать те средства, которые могла предоставить им Россия. Отсюда своеобразная, но согласованная с местными и боевыми условиями организация армии...

До царствования Императрицы Екатерины II в русской армии не было прочной организации крупных тактических подразделений выше полка.

Правда, и при Императрице Анне, и при Императрице Елизавете армия еще в мирное время подразделялась на дивизии, но это не были тактические подразделения, а административно-хозяйственные, организация которых основывалась не на боевых, тактических требованиях, а на условиях расположения войск на определенном пространстве Империи. Крупные тактические единицы формировались только в военное время и только тогда старшие войсковые начальники получали назначения, знакомились с войсками, а войска узнавали их.

Естественно, что при таких условиях крайне затруднялись боевая подготовка войск и управление ими, особенно в военное время; это же в свою очередь не могло не отражаться вредно на результатах боевых действий войск.

Воинская комиссия 1762 года в связи с поставленной ей задачей распределить по «командам» генералов признала необходимым установить в армии постоянные крупные подразделения.

В результате, по докладу Военной Коллегии, в 1768 г. армия в мирное время была распределена на 8 дивизий и 3 охранных корпуса, и согласно с этим распределением была расположена на неперменных квартирах.

В 1775 году число дивизий было увеличено до 11. Дивизии представляли собой соединение всех родов войск и были не одинакового состава, а именно; от 8 до 20 батальонов и от 10 до 50 эскадронов. Промежуточных подразделений между отдельными частями войск и дивизиями не существовало. Военная Коллегия, однако, не останавливается только на организации дивизий. В своем докладе 1768 г. она указывает и на вероятную группировку сил при войне на том или другом фронте, т.е. делает первую попытку по распределению войск еще в мирное время на будущие действующие армии, причем намечает таких армий три.

Эти общие соображения Военной Коллегии, относящиеся к 1768 г., получили более полное развитие и законченность в проектах Румянцева и Потемкина, выработанных ими, каждым отдельно, в период между первой и второй Турецкими войнами.

По идее, оба проекта одинаковы: оба считают необходимым распределение войск в мирное время на армии сообразно данным политической обстановки: сила, состав, соотношение различных родов оружия, даже подготовка войск в тех или других армиях должны подчиняться свойствам и характеру вероятного противника, особенностям местности того театра, на котором данной армии предстоит действовать.

При этом обеспечение соответствующей подготовки войск и изучение «оборотов» противника для каждой армии достигалось назначением еще в мирное время ответственного лица — инспектора, принимающего с объявлением войны звание главнокомандующего.

В частности, однако, оба проекта организации армии различны, как различны отправные соображения, принятые их составителями.

Румянцев признавал необходимым не ломать уже установившегося распределения армии на дивизии, ее расписания на непрременные квартиры. Проектируемая им центральная армия, «резервная», представляла в его глазах средство для введения поправок за данную политическую обстановку, позволяя усиливать до желаемых пределов ту или другую из прочих трех передовых армий: «Поморскую» — на севере, «Южную» — на юге и «Низовую» — на юго-востоке.

Потемкин принимал за основание то взаимное положение держав, которое сложилось в 1785 г., когда появился его проект. К этой переменчивой данной он и приурочивает распределение войск по трем армиям, их своеобразный состав, их назначения и задачи.

Ни тот, ни другой проект, впрочем, не получили осуществления. Этому помешала начавшаяся вторая Турецкая война, которая привлекла на южную границу значительно большие силы, чем предполагали Румянцев и Потемкин.

Образование дивизий несомненно должно было оказать влияние на большую боевую готовность армии, лучшую и однообразную ее подготовку, потому что командующими этими дивизиями были назначены все наиболее выдающиеся генералы, привлеченные, в противность прежним обычаям, и в мирное время к службе и к жизни войск.

Нужно, однако, сказать, что отсутствие в мирное время высших строевых соединений, представляющих собой более крупные, чем полк, тактические единицы, имело следствием то, что прочность и боевая пригодность армии обуславливались главным образом прочностью, так сказать, элементарных единиц, какими являлись полки.

Вследствие этого, особенное значение приобретают те основания, которые были положены в дело управления полком.

В 1764 и 1766 гг. воинской комиссией для этой цели были изданы «инструкции пехотного и конного полка полковнику». В своем всеподданнейшем докладе от 17-го ноября 1764 г. воинская комиссия говорит, что издание таких инструкций является необходимым, «чтобы каждый полковник ведал точно, в чем его главнейшая состоит должность»...

Организация войск в военное время состояла в том, что входившие в состав действующих армий войска делились на части, называемые безразлично иногда дивизиями, иногда корпусами различного состава в зависимости от обстоятельств, причем дивизии

мирного времени не сохраняли своего состава, территориального наименования и своих командующих в мирное время генералов. Дивизии составлялись из бригад одного и того же рода войск. По положению, в каждой бригаде должно было находиться два полка, но на практике это соблюдалось далеко не всегда.

Независимо от этих крупных организмов в составе действующих армий во всех боевых расписаниях встречается особый легкий корпус как наследие Петровской организации, но в рассматриваемую эпоху так называемый корволант приобретает большее значение, как по своей численности, так и по важности боевых задач, возлагаемых на него.

Корволант в войны рассматриваемой эпохи представляет вполне самостоятельный отряд из трех родов войск, действующий впереди на флангах армии с самыми решительными последствиями...

Относительно сроков службы нижних чинов необходимо отметить, что в это царствование окончательно устанавливается как общее правило 25-летний срок службы, на чем раньше нельзя было остановиться по непреодолимым препятствиям для вполне обеспеченного устройства быта отставных солдат, терявших связь с населением, из которого были взяты. Для всех вновь привлеченных к отбыванию воинской повинности элементов срок службы был установлен сокращенный, в 15 лет.

В 1788 г. Потемкин поднимал вопрос о переходе во всей армии к 15-летней службе, однако пока это оказалось невыполнимым...

Военная комиссия 1762 года обратила внимание на неудовлетворительное состояние квартирмейстерской части и предложила организовать ее на совершенно новых началах и в более широких рамках. При этом комиссия предложила даже изменить самое название квартирмейстерской части, наименовав ее генеральным штабом, который, по мысли комиссии, должен был являться отдельным учреждением, единым корпусом.

В 1763 г., согласно предложению Воинской комиссии, был действительно образован генеральный штаб со строго определенным кругом деятельности. Вместе с тем были приняты меры и для внешнего объединения офицеров генерального штаба, для чего, между прочим, им в 1764 г. было дано особое обмундирование и снаряжение. Для направления деятельности генерального штаба и его руководства постановлено было иметь особого начальника, состоящего при центральном военном управлении. Таким начальником решено было сделать вице-президента Военной Коллегии.

На обязанности вновь образованного генерального штаба возлагалось: 1) разработка в мирное время данных для боевой деятельности войск, 2) подготовка офицеров к службе генерального штаба в военное время, и 3) картографические работы.

Таким образом, впервые генеральному штабу вменялось в обязанность в мирное время заниматься работами по подготовке к войне.

Состав офицеров генерального штаба был установлен соответственно с потребностями трех армий, на которые делились наши войска, и поэтому был увеличен с 13 на 40. Большая часть из этих офицеров находилась при армиях, а остальные — при Военной Коллегии или, вернее, при ее чертежной.

Так как начальником генерального штаба являлся вице-президент Военной Коллегии, который в то же время ведал и секретной экспедицией, то служба офицеров генерального штаба все больше и больше связывалась с этой экспедицией, которая ведала все секретные распоряжения по движению войск и по сбору корпусов и отрядов для операций.

Однако, несмотря на некоторую упорядоченность организации генерального штаба, в действительности офицеры его все еще были отчуждены, как и прежде, от значительной части прямых своих обязанностей, особенно в военное время. Происходило это потому, что в сущности говоря, как и прежде, не было такого лица, которое организовало бы специальную подготовку офицеров генерального штаба, определяло бы их обязанности и слило бы их с войсками, приведя последние к сознанию важности службы генерального штаба. Вследствие этого генеральный штаб долго еще не мог подняться на необходимую высоту. Так продолжалось до 1769 г., когда на русскую службу был принят генерал Бауер.

Генерал Бауер раньше служил в прусских войсках, в 1762 г. в армии Фридриха Великого был генерал-квартирмейстером, участвовал во многих сражениях и делах, был умный, сведущий и энергичный человек.

В том же 1770 г. Бауер вошел с представлением о необходимости реформировать наш генеральный штаб. Сущность его предложений сводилась к следующему: 1) увеличить число низших чинов, дабы можно было их постепенно готовить к службе генерального штаба; 2) увеличить содержание офицеров генерального штаба по сравнению со строевыми офицерами, что признавалось необходимым для покрытия их расходов, какие им приходится производить при частых командировках на съемки и рекогносцировки для изучения позиций и т.п.; 3) учредить колонновожатых унтер-офицерского звания.

В соответствии с предложениями Бауера в 1772 г. были утверждены: новый штат и новое положение о генеральном штабе.

Главным начальником генерального штаба остался Бауер со званием генерал-квартирмейстера, которое он носил только один, подчиняясь генералу, главноприсутствующему в Военной Коллегии.

В состав генерального штаба входили: 2 генерал-квартирмейстер-лейтенанта, 13 обер-квартирмейстеров, 24 дивизионных квартирмейстера и 60 колонновожатых унтер-офицерского звания. Последние являлись рабочей силой для генерального штаба и должны были служить источником его укомплектования.

Согласно новому положению о корпусе генерального штаба, генерал-квартирмейстер в мирное время должен был находиться при Военной Коллегии и наблюдать, чтобы все чины генерального штаба «обращались в упражнении, сходном с их должностью, и старались приобретению лучшего познания всего того, что к оной принадлежит».

Для этого офицерам генерального штаба постоянно давали работу по черчению и снятию планов, им читались лекции. То же делалось и относительно колонновожатых как будущих офицеров генерального штаба.

В военное время генерал-квартирмейстер, находясь при действующей армии, должен был представлять в Военную Коллегию: 1) «планы» с обозначением на них всех военных действий, а также и всех лагерей и путей, по которым шли войска, и 2) «военные примечания» к этим планам, т.е. соответственные описания. Те же обязанности возлагались и на офицеров генерального штаба, находящихся в отделе при корпусах и отрядах.

Таким образом, Бауер является первым устройтеlem нашего генерального штаба. Он стремился к образованию не большого, но отборного корпуса генерального штаба, назначенного для вождения войск в военное время и для подготовки в мирное время всякого рода необходимых к тому сведений.

При таком положении вещей наш генеральный штаб при самом своем образовании являлся особым корпусом, отдельным учреждением. Его начальник был не только руководителем, но и блюстителем его интересов. Отсюда создалось: независимость генерального штаба, лучшее служебное положение, большая обеспеченность в смысле содержания. Все это подняло против Бауера неудовольствие как в военном обществе, так и в среде придворных партий. Это неудовольствие росло тем более, что Бауер был иностранец, к тому же в высшей степени самолюбивый и неспособный поступаться своими правами.

В результате явились постоянные столкновения со старшими строевыми начальниками, которые повлекли за собой потерю Бауером влияния. Неустойчивое его положение сейчас же неблагоприятно отразилось на состоянии генерального штаба, который стал приходить в расстройство. В 1783 г. Бауер умер, и дело пошло еще хуже...

В век Екатерины обращали внимание не только на обучение, но также и на воспитание войск. Как сама Екатерина, так и выдающиеся деятели ее эпохи придавали громадное значение воспитанию армии, занимались им и достигали в этом отношении

блестящих результатов. С уверенностью можно сказать, что только соединение рационального обучения с соответственным воспитанием принесло у нас в царствование Императрицы Екатерины II те поразительные боевые результаты, о которых свидетельствует история. И здесь во главе шел почин свыше, проявившийся в «полковничьей инструкции», которая восстанавливала некоторые из забытых в армии идей и постановлений Петра Великого, касающихся воспитания. В этой «полковничьей инструкции», между прочим, говорится, что необходимо «объяснять солдату силу и содержание воинского артикула, уставов и приказов, а паче что до солдата касается изъяснять должность службы и требуемую от солдата неустрашимую храбрость и что никакие страхи и трудности храбрость и верность российских солдат никогда поколебать не могли, в которых число и он принят».

Далее, в инструкции указывалось, что солдатам должно быть внушено, что «солдат именем и чином от всех прежних его званий преимуществует».

Затем инструкция, обязывая полковых и ротных командиров заботиться о подготовке хорошего солдата, указывает и путь к этому, а именно: нравственное воспитание личности и дисциплина, основанием которой должны служить чинопочитание, сознательное отношение к воинскому долгу и развитие нравственных побуждений, на первом плане которых ставится честолюбие.

Эти идеи были выдвинуты еще Петром Великим и личным его примером, и его законоположениями.

Те же идеи инструкции вполне самостоятельно и независимо проводил в жизнь Румянцев, который на первый план также выдвинул меры, способствующие развитию нравственного элемента: «Высшее развитие воинского долга, строгая, но сознательная дисциплина — не за страх только, а за совесть, утверждающая между командиром и подчиненными взаимное доверие; непосредственная работа офицеров для приведения нижних чинов в приличное военным людям состояние»; строгие требования гарнизонной и внутренней службы.

Из школы Румянцева выходит целый ряд видных деятелей, которые разносят его идеи повсюду. К числу таких, наиболее выдающихся, деятелей относится Воронцов, которого инструкция ротному командиру, по верности воспитательных идей, по широте взгляда, заботливости и участливому отношению к солдату напоминает законоположения второй половины XIX столетия.

Потемкин начал свою службу также под руководством Румянцева, его работа на военно-воспитательном поприще выделяется своими требованиями.

Но выше всех в этом отношении необходимо поставить Суворова. Его воспитательная система покоилась на тех же основаниях. Выступив одновременно с выходом инструкции и с проявлением деятельности Румянцева, Суворов постепенно развивал те же великие начала от времени командования им Суздальским полком в течение 30 лет, и в конце концов постепенно создал целую законченную систему, принявшую определенную форму и направление. Однако об этой системе можно судить главным образом только по результатам, достигаемым ее применением.

Восстановить точно последовательный ход развития и даже конечные формы системы в полном их объеме, за недостатком материала, является совершенно невозможным, но сущность Суворовской системы, ее принципы восстановить можно.

Суворов был высоко образованным человеком, не только с военной, но и общей точки зрения, чего достиг постоянным чтением и стремлением к самоусовершенствованию и самообразованию.

Обладая широким образованием, Суворов в основу воспитания русского солдата как бойца положил философские начала: свойства человека вообще, свойства русского человека в частности — его национальные особенности — и свойства явлений войны — главным образом боя.

Исходя из того, что человек обладает свойствами, из которых одни для войны весьма пригодны (решительность, храбрость, презрение к опасности, находчивость, сила воли, бодрость духа, умение подчиняться и повелевать), и свойствами, для этой цели непригодными (чувство самосохранения, инертность, вялость, трусость, нерешительность), Суворов целью воспитания солдата и ставит развивать первые и заглушать вторые. С другой стороны, по мнению Суворова, основным условием военного успеха является смелость и решительность во всяком случае. Но чтобы быть смелым и решительным, необходимо не бояться опасности, а самый верный и прямой путь для этого — не выжидать ее, а идти ей навстречу. Суворов этого строго и держался. Отсюда и его наступательные тенденции не только с точки зрения наивыгоднейшего образа действий, но и с точки зрения воспитания.

Чтобы наступление было решительным, а только такое и приводит к положительным результатам, необходимо, во-первых, чтобы войска ничто не могло озадачить, чтобы они были уверены в своей силе и не допускали бы мысли, что могут быть побиты, и во-вторых, чтобы наступление заканчивалось бы непременно ударом. Для достижения первого Суворов приучает свои войска к неожиданностям. Отсюда его преследование неясных, уклончивых и неопределенных ответов на самые неожиданные и иногда нелепые вопросы,

соответствующим образом веденные учения и требования твердого усвоения всего, что солдату нужно знать.

Что касается удара в штыки, то он требует сильной воли, которая и развивается упражнениями в мирное время. Здесь на помощь Суворову приходит свойство русского человека, так как штык и действие штыком присущи особенностям нашей национальности. Но развитию наступательных тенденций мешает общее всем людям чувство самосохранения. Чтобы противодействовать ему, Суворов пользуется особенностями русского человека, а именно: его религиозностью, его любовью и преданностью Государю, преданностью родине, гордостью своей национальностью и честолюбием. Отсюда его постоянный призыв к молитве, обращение к Богу, постоянные напоминания о матушке Царице, повторение его любимейшей поговорки: «Помилуй Бог, мы — русские» и его афоризм, что «каждый солдат может быть генералом»...

Строгая дисциплина; постоянная деятельность; соблюдение опрятности и чистоты как вернейший залог здоровья; молодцеватый вид как внешнее проявление уверенности в себе солдата дополняют перечень тех начал, на которых построил Суворов свою систему воспитания солдата, не знавшего, пройдя его школу, ничего невозможного ни в степях и равнинах Кубани и Дуная, ни перед валами Измаила и Праги, ни на горных высях Швейцарии.

Чтобы получить полное представление о боевой подготовке войск в эпоху Екатерины, необходимо ознакомиться с боевыми порядками нашей армии того времени и с образом ее действий, — короче говоря, — с ее тактикой,

Могущественнейшим фактором, который преимущественно влиял на тактику русской армии во вторую половину XVIII столетия, были многочисленные войны. То направление, которое под их влиянием было принято в этом отделе военного искусства, слишком далеко уклонилось от принципов, намеченных уставом, и тех боевых приемов и порядков ведения боя, которые в данное время являлись общими для всех западноевропейских армий.

То было время безусловного господства линейной тактики, связанного с поклонением Фридриху и прусской армии, и наши уставы 1763 г. были изданы под сильным влиянием того и другого.

Между тем, линейная тактика не отвечала всем случаям, она не являлась пригодною тогда, когда противником были войска, не знавшие развернутого строя, маневрирования, учащенной стрельбы, предпочитавшие массовое построение, стремительную атаку, удар холодным оружием, как турки, с которыми нам главным образом приходилось в эту эпоху воевать, решая очередные политические вопросы.

Царствование Императрицы Екатерины II представляет во всемирной истории весьма редкий пример проявления у одного народа одновременно двух военных гениев, двух великих полководцев, проявляющих свою деятельность на протяжении 25–30 лет, к каковым должны быть причислены Румянцев и Суворов.

В военной истории всех времен и народов великих полководцев насчитывают всего десять, а причисляя к ним Румянцева — одиннадцать, из которых на долю русских приходится три, и из них два жили и действовали в царствование Великой Екатерины.

Уже из одного этого становится ясным то значение, которое имеет, с военной точки зрения, это царствование, и не только для нас, русских.

Эти два великие полководца вместе со многими другими талантливыми генералами, которые явились продуктом общего направления в это царствование и среди которых в первые ряды нужно поставить Потемкина, Вейсмана, Прозоровского, Ник. Репнина, Петра Панина и некоторых других, оставили нам великое богатство в военном искусстве, более значительное, чем богатства в этой области других народов, не исключая и французов, имевших Наполеона.

Это богатство представляет собой неисчерпаемый источник данных для решения всех вопросов истинного военного искусства, основанного на природе явлений и вещей.

Это богатство свидетельствует, что русская военная мысль в XVIII веке, особенно в вопросах тактики, шла впереди всех идей этой области других народов, а факты боевой деятельности армий данной эпохи показывают, что когда применение указанных мыслей на практике шло у нас в соответствии с национальными особенностями истинного народного духа, то результаты получались поразительные, для других народов положительно невозможные.

Вследствие этого эпоха Императрицы Екатерины II ярко показывает, что мы в нашем прошлом можем найти громадный материал для решения положительно всех вопросов военного дела не только с точки зрения принципиальной, теоретической, но что важнее — с точки зрения практической, применения принципов к делу, притом в условиях даже современных нам требований, несмотря на то, что средства технические в несравненной степени изменились, усовершенствовались.

Эта же эпоха весьма наглядно свидетельствует, что в военном деле первенствующее значение имеет нравственный элемент, но проявляемый не только в личной храбрости отдельных бойцов и начальников всех степеней, а в том высшем его состоянии, когда общее руководящее направление дает возможность свободно развивать и использовать умственные и волевые способности каждого в пределах разумного частного почина.

В связи с этим, эпоха Екатерины больше, чем какая-либо другая, доказывает, что наиболее производительное использование принципов военного искусства в какой бы то ни было обстановке прежде всего и больше всего зависит от людей, а еще больше — от человека.

Таково значение эпохи Императрицы Екатерины II в широкой, обобщающей оценке.

Переходя к оценке более частной, необходимо прежде всего отметить, что в эту эпоху главным образом и преимущественно развиваются идеи и начала мудрого Преобразователя нашей вооруженной силы, Великого Петра. При этом мысли и деяния Румянцева больше, чем других, служили причиной развития нашего военного дела в эту эпоху по отмеченному пути.

Вследствие этого особенностями русской стратегии того времени являются активность, энергичное наступление, неуклонное преследование своей цели в условиях учитывания всех данных постоянно изменяющейся тактики — наступательные бои с решительной целью, причем решение всегда искалось на флангах при демонстрации с фронта и при последующем преследовании.

К этому нужно добавить, что наши полководцы царствования Императрицы Екатерины II всегда правильно устанавливали идею боя, всегда к полю сражения сосредотачивали возможно больше сил и постоянно стремились к нанесению противнику всеокрушающего удара. В тактике они точно так же, как в стратегии, настойчиво преследовали свою собственную цель, стремились подчинить себе волю противника, сохраняя за собой свободу действий и инициативу, искусно пользовались для этого маневром и существовавшими техническими средствами, но в то же время Екатерининские военачальники придавали весьма большое значение удару холодным оружием как последнему акту боя, который должен окончательно сломить волю противника.

Наконец, нужно отметить, что лучшие генералы данной эпохи всегда свои операции обеспечивали в отношениях — как боевом, так и хозяйственном.

В общем, царствование Екатерины II, с точки зрения эволюции русского военного искусства, является эпохой, в которой постепенно вырабатываются идеи глубокой тактики и в которой эти идеи тотчас же проводятся в жизнь. В связи с этим данная эпоха может характеризоваться такой, в которой получили у нас полное и правильное развитие на практике вопросы обучения и воспитания войск, основанных на самодеятельности и самостоятельности начальствующих лиц всех степеней в пределах, соответствующих их служебному положению.

7. Эпоха Императора Павла I

Почти никогда перемена на Русском Престоле не вела за собой таких изменений в жизни России вообще и в жизни русской армии в особенности, как восшествие на Престол, после смерти Екатерины II, Императора Павла I, последовавшее 6-го ноября 1796 г.

Умственный и нравственный склад Павла I, в связи с обстоятельствами его жизни до восшествия на Престол, обуславливали как резкость перемены направления, так и характер нового курса. К тому же, необыкновенная по своим особенностям деятельность в царствование Императрицы Екатерины по самой природе вещей неминуемо должна была смениться реакцией, почва для которой, надо сознаться, была чрезвычайно благоприятна.

Умственный и нравственный склад Павла I вытекал прежде всего из условий его рождения, весьма метко определенных профессором П.И.Ковалевским: он был сыном Петра III, который отличался хилостью тела и слабостью духа, представляя значительную душевную неуравновешенность, неустойчивость и преобладание низших страстей над высокими умственными интересами. Напротив, мать его, Екатерина II, была женщина, несомненно, физически мощная и умственно гениальная.

В 1774 году Цесаревич Павел представил Императрице записку под заглавием «Рассуждение о государстве вообще относительно числа войск, потребного для защиты оного и касательно обороны всех пределов».

Эта записка представляла собой не что иное, как жестокую критику царствования, начавшегося в 1762 г. Очевидно, поэтому, что этим Павел, в глазах Екатерины, окончательно уронил свою политическую правоспособность. И Екатерина, всегда руководившаяся прежде всего интересами государства и признававшая в данном случае невозможным переубедить сына, окончательно решила отстранить его от дел. Отозваться хорошо на Павле это, конечно, не могло: он еще более замкнулся в себе, на все смотрел сквозь темные стекла; раздражительность и подозрительность его усиливались.

В 1793 г. женился сын Павла, Александр. Это радостное событие для отца было тягостно для Павла. Опасность лишиться Престола возникла с большой силой. Павел стал проявлять крайнюю несдержанность. Гнев его против Императрицы дошел до того, что сначала он не хотел даже присутствовать при бракосочетании сына. Все это заставило Екатерину сильно призадуматься, и она, ссылаясь на нервы и неспособность Павла, окончательно решила устранить его от Престола и передать Престол старшему сыну его, Александру. Но вскоре наступившая кратковременная болезнь Императрицы свела в могилу Великую Екатерину, и 6-го ноября 1796 г. Павел стал Русским Императором, получившим

то, чего он так болезненно ждал в течение свыше 30 лет — неограниченную власть, которая в дальнейшем послужила новым источником его странностей и бедствий для России.

Относительно этого историк Екатерины, известный Бильбасов, говорит: «Все странности и безумные деяния должно отнести к несчастному сочетанию личных свойств с неограниченной властью, доставшейся ему по наследству. Упрямый, невоздержанный, он, став самодержцем, искренно был убежден, что весь мир существует единственно для его желаний, капризов, прихотей. Он потерял способность правильно мыслить, стал действовать как самодур, и до последней минуты был ослеплен своей властью, ей только доверял, на нее только опирался».

Из этой подробной характеристики Павла до его вступления на Престол можно уже заключить и о характере преобразований Императора Павла во всех отраслях государственного устройства, и о тех причинах, которые придали преобразованиям именно такой характер.

Очевидно, что на военных преобразованиях Павла должны были отразиться изложенные особенности его характера. Но при рассмотрении военных реформ Павла необходимо обратить внимание на одну существенную черту его характера, это именно: на его страсть к военному делу, его милитаризм, который, однако, по тем или другим причинам, получил весьма одностороннее направление. Для нас это тем более важно, что направление это порывало со славным прошлым нашей армии, порывало с заветами Петра I и Екатерины II, порывало с основами русского военного искусства, покоившегося на глубоком понимании нашими полководцами природы войны, значения в ней человека, особенностей русского воина, причем этот разрыв со старым был настолько решителен, новые идеи настолько разнились по существу от прежних, что военные реформы Павла затормозили правильное развитие русского военного искусства более чем на 50 лет. Нужен был Севастопольский погром, чтобы вновь обернуться на допавловскую эпоху, но и теперь еще мы не можем отрешиться окончательно от посеянного в армии Павлом, да и от Павловского слепого преклонения перед «немцами»...

В 1774 г. взгляды и убеждения Павла относительно военного дела уже окончательно сформировались и не без содействия братьев Паниных были изложены им в упомянутом выше и поданном Императрице рассуждении. Это рассуждение Павел начинает с объяснения, что Российской Империи необходим покой. Рисуя далее картину бедственного положения Империи, Павел приходит к заключению, что России следовало отказаться от наступательных войн и устроить всю военную систему государства для обороны. С этой целью Великий Князь предлагал покрыть Россию чем-то вроде военных поселений. Зато

признавалось необходимым внести строгую регламентацию в военном деле и для этого дать войскам подробнейшие штаты, уставы, инструкции и «предписать всем, начиная от фельдмаршала и кончая рядовым, все то, что должно им делать; тогда можно на них взыскивать, если что-нибудь будет упущено».

Введением строжайшей подчиненности, по мнению Павла Петровича, была бы достигнута цель, чтобы «никто от фельдмаршала до солдата не мог извиниться недоразумением, начиная о мундирных вещах, кончая о строе».

Когда же благодаря введению по всему государству строгой централизации, вследствие которой все, и фельдмаршал, и солдат, должны были бы испрашивать особые Высочайшие разрешения на каждый случай, непредвиденный инструкцией, то, как писал Цесаревич, «через такое ограничивание все будут несравненно довольнее и охотнее к службе, потому что не будут страдать и видеть себя подчиненными прихотям и неистовствам частных командиров, которые всем сим сквернят службу и вместо приохачивания удаляют всех от ней».

Как видно, уже в это время идеи и взгляды Павла совершенно разнились от Екатерининских. Нельзя при этом, однако, не заметить, что это до некоторой степени обуславливалось действительными недостатками военной системы Екатерины, при которой командиры полков являлись почти полновластными во всех отношениях распорядителями своих частей, ненаправляемыми и неконтролируемыми свыше, вследствие чего, конечно, в связи с низким общим нравственным развитием общества того времени, естественно, возникали злоупотребления как в распоряжении людьми, так и особенно — материальной частью...

Относительно увлечения Павла всем тем, что он видел в Берлине, один из исследователей того времени пишет: «В Пруссии все шло как бы по волшебству с математической точностью: король из своего Сан-Суси командовал и государством, и армией, и все второстепенные исполнители были не более, как лица придаточные. Стройность, порядок, единообразие, строгая подчиненность производили какое-то обаятельное влияние на тех, кто пристальнее не вглядывался в дело; и если вся Европа считала себя счастливой, подражая до последних мелочей всем прусским учреждениям, то можно ли обвинять Павла Петровича за то, что он сделался восторженным поклонником Фридриха II и приписывал только ненормальному положению России, где женщина была на троне, что мы вели свои дела путем своеобразным, не только не следуя за общим потоком подражательности пруссакам, но даже с пренебрежением смотрели на обезьянство всей Европы».

С 1776 г. в Павле окончательно окрепли пруссофильские убеждения и окрепли настолько, что Екатерине приходилось считаться с ними, как с непреодолимым препятствием.

Следующим существенным этапом в деле развития идей о военных порядках и стремления провести эти идеи в жизнь для Павла явилось пожалование ему в 1783 г. Гатчины. С этого времени начинается так называемый Гатчинский период в жизни Цесаревича, который является последней, окончательной подготовкой его перед вступлением на Престол.

Вынужденное удаление от Двора, постоянное недовольство на него, жажда деятельности, без возможности приложить эту деятельность к делам государственным заставили Павла с особой энергией заняться устройством своего нового поместья. Здесь, вдали от Двора матери, Павел Петрович создал постепенно в малом виде ту своеобразную Гатчинскую Россию, которая представлялась ему в будущем единственно достойным образцом для всей Империи.

Особенно же внимание Павлом было обращено на создание собственной, по прусскому образцу, армии, которая должна была служить прообразом будущей русской армии, начиная от одежды и кончая обучением и организацией.

И так как в действительности с восшествием на Престол Павла его гатчинские войска послужили образцом для всей русской армии, то они имеют громадное значение в истории русского военного искусства...

Отстраненный от всяких государственных дел, недоверчивый, подозрительный, окруженный людьми невысокого нравственного уровня, но раболепно служившими ему, проведя в таких условиях свыше 15-ти лет, естественно, Павел выработал в себе особые взгляды, особые убеждения, в справедливости которых его утверждало уже то, что они были совершенно противоположны идеям Екатерининского режима, впоследствии, когда Павел вступил на Престол, он, не вникнув в обстановку во всей ее совокупности, все свои Гатчинские взгляды перенес на Россию и на ее 500000-ную армию.

Этим объясняется то, что тотчас же по вступлении на Престол он захотел в одно мгновение ока все и везде переделать на свой гатчинский лад. Армия должна была первой выдержать натиск Павловских реформ.

Личный характер Павла, как источник, и свойства и особенности Гатчинских войск, как орудие, вполне определяют и характер Павловских реформ. Вот почему, ознакомившись подробно с тем и другим, нет надобности, рассматривая Павловские реформы, останавливаться на них подробно.

В соответствии со взглядами Императора Павла, высказанными им в еще бытность его наследником в упоминаемой выше записке его 1774 г., а также ввиду намерения Павла держаться мирной политики и желанья приблизить русскую армию к прусскому образцу прежде всего было решено уменьшить численность армии.

Предпринятые весьма скоро по вступлении на Престол Императора Павла, вследствие этого, реформы привели к следующему:

По закону 29-го ноября 1796 г. все полки были приведены в однообразный двухбатальонный состав, что сразу уменьшало армию на 24 батальона. Затем все полевые батальоны обращены в пехотные полки; число егерей уменьшено на две трети, что достигнуто обращением 43 существовавших егерских батальонов в 20, сравнительно слабого состава; из всех прежних гарнизонных частей были созданы 38 гарнизонных мушкетерских батальонов.

Теперь именно уменьшение армии производится за счет главным образом егерских и вообще легких войск. А между тем уже и в Европе вслед за Россией, начиная с 1792 г., на первый план выдвигается стрелковый бой, требующий пехоты, обученной по-егерски. Таким образом, при Екатерине мы, будучи вполне самобытными и совершенно самостоятельными, в области тактики шли впереди Европы, но лишь стоило нам только, отрешившись от самостоятельности, обратиться к подражанию, как мы сразу отставали в этой области, ища идеалов во Фридриховской армии и в принципах линейкой тактики...

Закон 29 ноября 1796 г., реорганизовавший армию при Павле, повлек за собой полное крушение всех реформ Екатерины относительно организации конницы: карабинеры, конноегеря и легко-конные полки исчезают, а на место их вновь появляются кирасиры и притом кирасиры по прусскому образцу. Вместе с тем число полков конницы сокращается на 11, что уменьшает общую численность конницы с 63 т. до 42 т., т.е. на одну треть, а организация ее получает полное подобие современной организации прусской конницы по родам и по соотношению между ними. Вместе с тем исчезают конные ополченные части на юге, что знаменует собой уничтожение кадров, которые при необходимости являлись богатым источником для создания новых частей, увеличивающих численность конницы.

Наряду с этим, однако, число полков, выставляемых различными казачьими войсками, увеличивается до 47, и таким образом хотя несколько восполняется недостаток в регулярной коннице, явившийся следствием реформ нового царствования.

Но если реформы Императора Павла в деле реорганизации армии неблагоприятно отразились на пехоте и коннице, то совершенно нельзя сказать того же относительно артиллерии. Напротив, здесь был принят целый ряд вполне разумных реформ, которые в

конечном результате приводили к улучшению и развитию организации и совершенствованию артиллерии как отдельного рода войск. Достигалось это, во-первых, тем, что была установлена более тесная связь артиллерии с другими родами войск, и, во-вторых, тем, что, соединив материальную часть артиллерии с личным составом и фурштадтом, образовали впервые строевые артиллерийские части...

Подобно артиллерии и инженерные войска многим обязаны реформам Императора Павла.

В 1797 г. были сформированы: а) две понтонные роты, по 200 человек каждая, с 8 депо по 50 понтонов, и б) пионерный полк, в составе 10 рот пионер и 2 роты сапер-минер, по 150 человек в каждой.

Этим формированием строевых инженерных частей Император Павел положил прочное основание инженерным войскам у нас.

Существовавшие при Екатерине дивизии были уничтожены. По уставу 29-го ноября 1796 г. вместо дивизии установлены были инспекции, которые представляли собою территориальные округа, включающие все роды полевых войск и войска гарнизонные.

Таким образом, в этом отношении вернулись к доекатерининским дивизиям с той, однако, существенной разницей, что власть над таким территориальным округом, над инспекцией, не была объединена в одном лице, а находилась в руках трех инспекторов. Один из инспекторов был для пехоты, другой для кавалерии и третий — для артиллерии, причем первые два были особые для каждой инспекции, а третий — для всей артиллерии...

В каждый полк были назначены шефы из числа генералов, не получивших назначения инспекторов.

Обязанности шефов были совершенно те же, что и прежних командиров полков; права же их были значительно меньше прежних командирских.

Наряду с шефами полков были и командиры полков, которые совершенно не имели никакой власти и никаких прав и в противоположность предыдущему царствованию совершенно потеряли всякое значение, являясь только заместителем шефа в его отсутствие, что особенно часто бывало в военное время.

В связи с установлением шефов была принята еще одна неудачная мера, а именно: полки, не исключая и гвардейских, начиная с 1796 г., взамен Петровских территориальных названий, постепенно стали называться по фамилиям шефов. Эта реформа имела два крупных неудобства: во-первых, в отношении организационном, так как постоянная перемена наименований полков порождала сильную путаницу, и во-вторых, в отношении нравственной стороны, так как при этом боевые заслуги полка и вся его доблестная служба

при перемене названия как бы забывалась и поддержание славных традиций полка делалось затруднительным.

Впрочем, на нравственную сторону в то печальное время обращали мало внимания. Недаром Аракчеев позволял себе перед строем старых заслуженных полков их покрытые славою победоносные знамена называть Екатерининскими юбками...

При Екатерине в этом отношении была полная децентрализация. Главнокомандующие армиями пользовались большими правами по устройству войск, обучению, хозяйству, квартированию, производству в чины (до полковника), увольнению в отпуск, в отставку и по переводам.

Император Павел такие права Главнокомандующих считал началом всего зла и все это уничтожил в первые же дни своего царствования.

Его система в этом отношении была совершенною противоположностью системе Екатерины. У него начальники наблюдают, инспектируют, отвечают, но прав и власти никаких не имеют. Павел хотел все знать и решать сам. К нему поступают все донесения непосредственно от полков, и он лично распоряжается по всем крупным и мелким делам.

Все управление армией, в сущности говоря, сосредоточивается в кабинете у Павла; генерал-адъютант, его секретари, он сам, — все посылают приказания непосредственно инспекторам, шефам, командирам полков, даже начальникам отдельных небольших команд. И все это потому, что он считал возможным всей армией управлять так, как гатчинским отрядом...

В общем, чрезмерная централизация, начальствующий состав обезличивается; начинают бояться пользоваться своими ничтожными правами и стремятся только угодить стоящим выше. Отсюда все внимание обращается на мелочи, а за ними упускается общее направление да, кроме того, все стараются выполнить эти мелочи, не стремясь достигнуть наилучших результатов в важнейшем — в боевой подготовке войск. При таких условиях центральный орган управления армией, Военная Коллегия, теряет все свое значение, хотя по внешности она, казалось бы, еще более, чем в конце царствования Екатерины, объединяет центральное управление, так как к ней присоединяются артиллерия, провиантская и комиссариатская экспедиции.

В сущности говоря, непосредственным руководителем Военной Коллегии является сам Император, и этим несомненно усиливается единоличное начало в управлении, так что здесь как бы идут по следам Потемкина, чем несомненно в значительной степени подготавливается переход к министерской системе...

При общем направлении реформ Павла, конечно, не мог оставаться без перемены генеральный штаб, тем более что он к началу царствования Павла был в расстройстве. Действительно, уже через неделю по восшествии на Престол, а именно: 13 ноября, генеральный штаб был уничтожен; чины его переведены в строй, а карты, планы и все дела переданы ген.-адъют. Кушелеву, под начальством которого постепенно образовалась Свита Е.И.В. по квартирмейстерской части...

В противоположность предшествующей эпохе, в армии развились грубость и унижение личности. Обращение старших с младшими, особенно с нижними чинами, стало жестоким. Наложение взысканий не регулировалось никаким законом и, всецело завися от усмотрения прибегающего к нему, часто не соответствовало степени и важности вины.

Примеры такому наложению взысканий подавал сам Император, которому с особенным усердием следовали гатчинцы, нередко при этом прибегая вслед за Аракчеевым к вырыванию усов у своих подчиненных и собственноручному их избиванию палками.

При таких условиях лучшее достояние Екатерининской армии, давшее столько блестящих и искусных побед, — частный почин, самостоятельность и самодеятельность — были сведены на нет. Взамен их укоренилось требование слепого, нерассуждающего повиновения и безусловного исполнения без малейшего нарушения устава, который несомненно, однако, не мог предусмотреть всю бесконечно разнообразную обстановку действительности.

Все это приводило к тому, что здоровые духовные основы в армии подрывались, нравственный элемент в деле боевой подготовки армии не выдвигался на подобающее ему место, высокий дух армии мало-помалу исчезал.

Этому способствовал также целый ряд мер, которые умаляли выдающиеся заслуги славных боевых деятелей предшествовавшего царствования, выдвигали в первые ряды военачальников людей бездарных, непросвещенных, не имеющих за собой никаких действительных заслуг, роняли служебное человеческое достоинство не только нижних чинов, но и офицеров и даже генералов.

К таким мерам нужно отнести следующие:

В первый же год царствования Императора Павла I во время глубокого мира семь генералов были произведены в фельдмаршалы. Желание дать каждому полку шефа в генеральском чине повело за собой большое производство в этот чин, причем при назначении шефов фельдмаршалы были поставлены в общий список генералов, получая такое же назначение шефами, как и только что произведенные в генеральский чин гатчинцы.

Суворов по этому поводу писал: «Фельдмаршалы кассированы без прослуг в общем генералитете... В Москве я безгласен и для декорации величества».

Массе лиц из гатчинцев были пожалованы ордена без всяких видимых заслуг с их стороны.

Наказание арестом даже генералов применялось крайне широко за малейшие чисто формальные нарушения в несении службы.

Нередко за ничтожные провинности офицеры и генералы исключались со службы, причем соответствующие приказы редактировались в крайне обидных и даже оскорбительных для увольняемых выражениях.

Все это подрывало уважение к наградам, роняло чинопочитание, расшатывало дисциплину, ставило в первые ряды армии людей, совершенно незаслуживающих этого, и в то же время обесценивало людей, действительно выдающихся.

В общем же все это поселило в армии нравственную расшатанность, повлекло за собой подавление духовной стороны, что при отсутствии разумного обучения, основанного на боевых требованиях, обращало армию в совершенно негодное боевое средство и делало ее игрушкой, годной лишь для плацпарадов, разводов и вахтпарадов...

В царствование Императора Павла была сделана вторая, после Петра III, попытка в развитии русского военного искусства свернуть на чуждый нам путь заимствований с Запада.

Но если при Петре III эта попытка, к счастью, не имела успеха, то, к сожалению, новый опыт на этом ложном пути, повторенный сыном Петра III, Императором Павлом, имел другие результаты.

Такой успех деятельности в том же направлении сына, по отношению с таковой же отца, зависел от личности Императора Павла, во всех отношениях стоявшей выше Петра III, затем от большей продолжительности его царствования и, наконец, от заблаговременной подготовки как самого реформатора, так и реформ.

По сравнению с предыдущей блестящей эпохой царствования Великой Екатерины, эпоха Императора Павла характеризуется полным отказом от начал, служивших основанием в различных отраслях государственной деятельности предшествующего царствования, а именно, самостоятельности, самодеятельности и частного почина, — и культивирования как раз обратного направления.

Хронологическая близость двух эпох со столь противоположными направлениями неминуемо должна была повлечь за собой некоторую двойственность в характере деятельности различных частей государственной машины царствования Императора Павла и в результатах этой деятельности.

Несомненно, что такая двойственность отмечается и в военной деле, в состоянии и развитии русского военного искусства в эту эпоху.

Эта двойственность сказывается в том, что, с одной стороны, устанавливается новая система в организации вооруженной силы, а главное, в деле обучения и воспитания армии, без всякого уважения к системе предыдущего царствования и к боевому опыту всей нашей предшествующей истории, с другой же стороны, на царствование Императора Павла выпадает блестящая боевая деятельность Суворова, дающая высочайшие положительные образцы русского военного искусства.

Отмеченная двойственность и видимое несоответствие между мирной жизнью армии и ее боевой деятельностью не содержит, однако, в себе противоречия.

Суворов — это отзвук блестящего царствования Великой Екатерины, его боевая деятельность и такая же деятельность армии, ему подчиненной, независимо от его гения результат системы предшествующего царствования, системы, положительные результаты которой проявились, несмотря на крайне неблагоприятные для этого условия.

В деяниях Суворова сказались, таким образом, живучесть и жизненность системы Екатерины, несмотря на некоторые ее недостатки.

Эти свойства Екатерининской системы не могли, однако, помешать народжению и развитию иной системы, основанной на совершенно других началах, которые в глазах ее создателей и почитателей будто бы имели также за собою историческое право на существование.

Гений Суворова, его необычайная боевая деятельность, его военное искусство чисто русского характера не могли не произвести впечатление на увлекающегося и нервного Императора Павла, не могли не захватить его, обладающего пылкою и благородною душою.

И вот он, будучи носителем начала сосредоточения всей власти и всей направляющей деятельности в своих руках, отрицая малейшую самостоятельность кого бы то ни было в ведении дел, говорит Суворову: «Веди войну, как знаешь» и «...предоставляю на совершенное распоряжение Ваше частные и случайные предприятия, коих издали предписывать не можно, а должно поручить искусству Главнокомандующего, что я и делаю, не предписывая посему Вам ничего...»

Но Суворов был один. По отношению же других военачальников Император Павел крепко держался своей системы, что было тем легче, что большая часть их не участвовала в военных действиях и могла в командуемых ими войсках без всяких препятствий насаждать вахтпарадные фокусы.

С окончанием же войны с Францией и последовавшей вскоре вслед за тем смертью Суворова уже не было ничего, что могло бы сдерживать Императора Павла в этом отношении, и, таким образом, создались весьма благоприятные условия для развития и укрепления в армии плацпарадных требований, которые в конце концов привели к убеждению, что «война портит войска».

Однако смерть Императора Павла, когда еще были живы впечатления от Итальянского и Швейцарского походов Суворова, когда многие из генералов, участвовавших в этих походах, еще не сошли со сцены, были полны воспринятых от Суворова уроков и носили в себе отблеск славы великого полководца, когда, являясь учениками «российских войск победоносца», они представляли собою драгоценнейшее хранилище заветов чудесного старца, помешала на первых порах широкому и быстрому распространению и укреплению системы преемника Великой Екатерины.

Вследствие этого на первый взгляд может казаться, что все отмеченные выше отрицательные начала системы Императора Павла, составляющие характерные черты и в Павловских военных реформах, как будто по тем или иным причинам не имели вредного влияния на ход развития русского военного искусства. Такое мнение находит себе, казалось бы, подтверждение и в блестящей деятельности многих наших генералов в войнах царствования Императора Александра I с французами, со шведами и с турками, в проявлении некоторыми генералами в этих войсках высокого военного искусства, а нашими войсками тех высоких качеств, которыми отличалась армия Екатерины, воспитанная на принципах разумного патриотизма, уважения к человеческому достоинству каждого, проникнутая наступательными тенденциями и духом самостоятельности, самодеятельности и частного почина.

Однако глубоко заложенные основы Павловского режима были указанными выше условиями только несколько заглушены, придавлены, но не задавлены совершенно, не вырваны с корнем.

Они притаились среди благоприятной для их развития обстановки, но при этом настолько сохранили живучесть и силу, что стоило только несколько измениться обстановке, и они пышно расцвели, властно наложив свою тяжелую руку на весь ход развития у нас военного искусства не только в ближайшее время, но и на продолжение многих лет в будущем.

Смерть одних сподвижников Суворова, измена, под давлением личных интересов, его заветам другими, продолжительный мир после почти непрерывных до 1814 года войн, изменение душевного настроения державного вождя армии, наличность военных деятелей,

желавших использовать для своих целей новое настроение носителя верховной власти, — таковы те обстоятельства, которые создали благодатную почву для развития, а затем и окончательного утверждения начал военной системы Императора Павла, заставив забыть заветы Екатерины, Суворова, Румянцева, Потемкина и других наших талантливых генералов славного царствования.

Появление этих обстоятельств, а потому и развитие и укрепление в армии указанных начал относятся к эпохе, следующей за царствованием Императора Павла. Но зарождение этих начал всецело должно быть отнесено, как уже было сказано выше, к эпохе Императора Павла, и в этом ее главное значение.

Значение это тем более велико, что начала Павловской системы, логически развиваясь, привели в конце концов Россию к Севастополю в 1854–55 гг. и жестоко откликнулись в нашей последней войне с Японией в 1904–1905 гг.

Но, кроме указанного значения в истории русского военного искусства, эпоха Императора Павла с военной точки зрения обладала еще и чрезвычайной поучительностью для наших дней: она наглядно показывает, что на развитие военного искусства большое влияние способны оказать не боевой опыт, научно отработанный, не боевая деятельность армии в лице всех ее представителей, научно изученная, а мирная практика, опирающаяся на начала, или не имевшие ничего общего с боевою практикой, или с течением времени настолько отошедшие от последней, что совершенно потеряли внутреннюю, идейную связь с ней.

Опасность такого преобладающего влияния мирной практики, основывающейся на боевом опыте, тем более велика, что, как показывает изучение эпохи Императора Павла, при этом развитие военного искусства неминуемо направляется по неправильному пути.

Отсюда непреложный вывод, что в деле боевой подготовки армии необходимо, помня засасывающее влияние системы, созданной в мирное время, помимо боевого опыта, всеми мерами остерегаться увлечений такой плацпарадной системой и руководствоваться научно разработанными данными боевого опыта и притом приобретенного на всем протяжении отечественной истории.

8. Эпоха Императора Александра I

Помимо общего сознания невозможности продолжения Павловского режима, душившего все живое, помимо влияния личности преемника Павла, Императора Александра I, на военное дело в России в первой четверти XIX столетия должны были повлиять и

события, совершавшиеся на Западе. Эти события, среди которых первое место занимает естественное следствие Великой Французской революции — появление Наполеона, с одной стороны заставили Россию, не без желания ее руководителей, принять более деятельное и более широкое участие в мировой жизни народов, а с другой стороны, вследствие этого вступить в борьбу с гениальнейшим полководцем, ярко и могуче проведенным в жизнь основные неизменные начала военного искусства и давшим для проявления этих начал совершеннейшие формы, наилучше отвечающие их духу.

Борьба с Наполеоном, конечно, не могла не отразиться на состоянии нашего военного искусства. Особенности его способа ведения войны заставили нас вспомнить другого великого мастера военного дела — Суворова. Эти воспоминания, в связи с заимствованиями в военном деле у современных французов, и привели к тому, что мало-помалу в Павловские мертвые формы стал вливаться новый дух, близкий духу Суворова, а с течением времени к этому духу разумной творческой свободы стали постепенно и удачно подыскивать соответствующие формы, которые не сковывали бы его.

Но недолго продолжалось торжество духа. Изменения, под тем или другим влиянием, в характере верховного вождя русского народа и русской армии обусловили изменение в относительном и правильно уравновешенном положении между духом и формой и в результате — перевес сковывающей формы над свободным духом.

С этим господством формы Россия и наше военное искусство перешли и в следующую эпоху и, находя себе оправдание в событиях 14-го декабря 1825 года, пышно и вполне логично развивались во все следующее царствование, пока, наконец, севастопольский погром не заставил всех, начиная с Верховного кормчего русского государственного корабля, признать ошибочность господствовавшего донныне режима.

В связи с постепенным переходом от одного направления к другому в военном деле, в широком смысле этого слова, эпоха Императора Александра I может быть разделена на три периода:

Первый период от 1801 до 1805 года. В этот период хотя и проводятся реформы, и даже в духе Екатерины II, но в общем русская армия живет еще идеями Павловского режима, от которого отказаться сразу, конечно, не может. В результате — Аустерлиц, который является, таким образом, искупительной жертвой Павловской системы.

Второй период — от 1805 до 1815 года. В этот именно период происходит знакомство с Наполеоновским военным искусством, знакомство, сначала исключительно практическое, на горьком опыте Аустерлица и кампании 1806–1807 гг., а потом и на основании изучения его деятельности в связи с деятельностью Суворова путем литературным, научно-

теоретическим. В результате — Отечественная война с ее центральным событием, Бородинским сражением.

Наконец, третий период — с 1815 по 1825 г. Этот период знаменуется в общегосударственной жизни России реакцией, влиянием на эту жизнь Священного Союза, мистицизмом Александра I, боязнью перед проявлением какого-нибудь либерального движения, проявлением в том или другом виде духа. Отсюда, как следствие, чтобы избежать этого проявления духа, перенесение центра тяжести на форму, а затем — незаметно-излишнее увлечение формой. Увлечься же было нетрудно: ведь только 15–20 лет тому назад форма неограниченно господствовала над духом. В военном деле это сказалось воцарением парадности, шагистики и всякого рода формализма. На внутреннее содержание обращалось мало внимания; стала господствовать блестящая внешность, которой приносилась в жертву сущность дела. В результате как вполне логичное, естественное и неизбежное следствие, называемое Николаевское время с Севастополем включительно...

Для реформирования устройства Вооруженных сил Император Александр I, дав своими первыми преобразованиями доказательство желания вернуться к временам своей великой бабушки и установив, так сказать, тон преобразованиям, в конце концов обратился к испытанному уже у нас способу выработки военных реформ и указом 24-го июня 1801 года им была учреждена «Воинская Комиссия для рассматривания положения войск и устройства оных».

Причины, вызвавшие образование комиссии, в названном указе пояснены были так: «Рассматривая настоящее положение государственных расходов и приведение их в равновесие с доходами, желая приобрести способы к народному облегчению, нашли мы, между прочим, что суммы, на содержание воинских сел отпускаемые, при уменьшении количества войска с исхода 1796 года весьма возвысились. Для приведения сей части в надлежащую соразмерность и для положения потому средств к содержанию войск, удобнейших и с выгодами казны сообразнейших, признали мы за благо учредить Воинскую Комиссию»...

Определенно указывалось, что армия предназначается для «внешней обороны и сохранения внутренней тишины»; вследствие этого при определении численности армии требовалось принять в соображение «положение границ других держав и пространство Империи».

Эта идея о численности армии несомненно являлась следствием, быть может, пока и бессознательного стремления к более широкому участию России в мировой жизни народов, а

с другой стороны, — следствием усложнения внутренней жизни государства и иностранного влияния на эту жизнь.

Определение числа войск различных родов должно было основываться на «силе соседей», местном положении государства, т.е. на физических свойствах страны, им занимаемой, на свойствах народа и «на способах внутреннего содержания», т.е. на средствах страны...

Руководящие основания при пересмотре организационных и хозяйственных вопросов армии сводились к тому, что вопросы эти должны были решаться в зависимости: во-первых, от боевой готовности армии для решения вероятнейших внешних задач государства; во-вторых, от свойств и средств своей страны, не исключая и свойства народа, ее населяющего, и в-третьих, при условии наименьшей стоимости ее содержания...

Если вспомнить, что в последнее время своего царствования Император Павел готовился к войне с Англией, для чего на границе было сосредоточено три армии, заключающие в себе половину полевых войск; если принять во внимание, что содержание этих трех сосредоточенных армий не могло не стоить дорого, то станет ясным, почему первым вопросом, которым занялась Комиссия, было «отращение стесненного расположения войск», что, конечно, явилось возможным вследствие отказа Александра I от внешней политики своего отца.

Уже через 10 дней после образования Воинской Комиссии было составлено ею расписание, по которому все войска были распределены по 14 существовавшим инспекциям. Состав инспекций по этому расписанию отличался чрезвычайным разнообразием, что мотивировалось Комиссией отчасти политическими и стратегическими соображениями — необходимостью удобного и скорейшего формирования на различных фронтах соответствующих армий, но самое главное: во-первых, тем, чтобы «просторнейшим размещением» сократить расходы на продовольствие, во-вторых, чтобы «дать способ освежить полевые войска», расположив их в роты по деревням, оставя в городах лишь штабы полков...

При вступлении на престол Императора Александра I у нас тактических соединений выше полка не было, но вся армия была разделена на 14 инспекций, в состав которых входили войска всех родов и которые составляли не что иное, как территориальные округа, однако, не находящиеся под начальством одного лица, облеченного строго определенными обязанностями, правами и ответственностью.

Таким образом, по-видимому, за целое столетие существования регулярной армии в России еще не успели проникнуться необходимостью иметь, в целях тактических, боевых,

стройную систему организации, основанную на постепенном соединении в руках одного начальника, облеченного соответствующей властью, мелких тактических единиц одного рода войск в более крупные и единиц разного рода войск — вполне самостоятельные.

Однако, в начале XIX столетия у нас сознавалась необходимость принятия мер уже и в мирное время к тому, чтобы с открытием военных действий возможно было формировать соответствующие боевым задачам армии, корпуса, отряды и т.п.

В этих видах были составлены заблаговременно особые распределения всех частей войск по предполагаемым армиям, и войска были расположены по инспекциям соответственно этим распределениям, причем, очевидно, число и относительный состав войск в различных инспекциях были не одинаковы.

В основу распределения войск по инспекциям была положена современная политическая обстановка, которая в начале царствования Александра I его сотрудникам рисовалась в следующем виде:

Полагали, что наиболее вероятными в ближайшем будущем нашими противниками явятся турки и союзные им шведы; что же касается прочих государств, то держались того мнения, что вмешательство других держав хотя и возможно, но Англия и Фракия, Пруссия и Австрия будут друг другу противодействовать. Кроме того, полагали возможным постоянные враждебные действия против России со стороны «татарских народов, живущих за Кубанью и в Кавказских горах».

Ввиду этого считали необходимым быть готовыми к войне с Портой и Швецией и в то же время иметь постоянно «надежное охранение всех линий и границ, дабы и они, в случае таковой войны, не только не оставались обнаженными от войск, но еще и тогда составляли бы знатный обсервационный корпус для наблюдения за движениями других соседственных держав», преимущественно, конечно, Австрии и Пруссии. Во всяком случае, хотя и считали невероятным, чтобы «возгорелось нечаянно три войны разом, ибо война с сильной державой рождает обыкновенно союз с другой», — но полагали крайне необходимым «иметь исправные резервы для непредвиденных случаев».

События 1805 года заставили нас принять самое деятельное участие в коалиционной войне против империи, руководимой гениальным полководцем. То положение, которое занял Император Александр в коалиции, направленной против Франции, вынудило Россию в 1805 году выставить для военных действий громадное по тому времени число войск, которое в соответствии с предстоявшими боевыми задачами должно было так или иначе быть организованным.

Нет ничего, поэтому, удивительного в том, что такой авторитет, как генерал Леер, одной из главных причин ужасной неудачи русской армии под Аустерлицем считает капитальные промахи против основных начал организации, промахи, за которые мы заплатили позором поражения, гибелью около 20000 человек и потерю 131 орудий.

От современников также не ускользнула эта важная причина погрома русской армии 20-го ноября 1805 года.

Импровизация в минуту необходимости, отсутствие органической связи между начальниками и подчиненными всех степеней, отсутствие связи между различными родами войск, случайность и разнообразие в составе и силе различных соединений — таковы, по мнению современников и последующих исследователей, главные недостатки организации армий, корпусов, колонн и отрядов в войну 1805 года.

Весьма естественно поэтому, что почти тотчас после Аустерлицкого сражения стали раздаваться голоса против какой бы то ни было импровизации в тактических соединениях и что «войска не на инспекции, но на дивизии, части и бригады (нужно) разделить». Основанием для этого указывалось, что в этом случае «больше бдений будет и сии же генералы беспрестанно будут находиться при войсках и о состоянии во всех частях совершенно знать, следовательно, не только все недостатки видеть, но и способности каждого открывать». Это же считалось полезным и даже необходимым потому, что «генералу весьма множество дел настоит, сколько до начатия кампании, так и во время оной исправить и приуготовить, чего он один, как бы искусен ни был, не может успеть исполнениями, а должно препоручать под ним состоящим офицерам, избирая ко всякому правлению по способностям, но буде он их не знает, то какой же успех может быть, ибо не каждый на всякое употребление может быть полезен».

В этих словах ясно сказывается сознание необходимости иметь постоянные войсковые соединения и более тесную связь между начальниками и подчиненными, но на этом не останавливались современники, обсуждая вопрос о крупных тактических соединениях. Они говорили: «Если уже армия Вашего Императорского Величества будет разделена на дивизии, части и бригады, то и надлежит, смотря по краю и обстоятельствам, при каждой дивизии иметь парк артиллерии со всеми к ним принадлежностями и разным войскам принадлежащих чинов, как то: по квартирмейстерской, по инженерной, по провиантской, комиссариатской, медицинской». Здесь твердо указывается, что высшие соединения должны быть постоянны, должны по составу быть вполне самостоятельны и что между различными родами войск, входящих в состав дивизий, должна существовать самая тесная связь.

Помимо всего прочего выгоды такого состава дивизий видели еще и в том, что в этом случае «если бы и неожиданное движение последовало, то вся дивизия без остатка выступает или как благоугодно будет, но генералам будут известны войска, а офицерам и солдатам они». Другими словами, здесь указывается, что только при постоянных и самостоятельных соединениях возможно достигнуть того, чтобы во всех случаях солдаты знали своих начальников и наоборот. Нельзя не признать, что в приводимых словах заключаются почти все требования, которые должны быть проявлены в рациональной организации тактических соединений различных категорий.

Все приведенные слова взяты из всеподданнейшей докладной записки неизвестного лица в 1805 году. Очевидно, однако, что лицо это имело правильный взгляд на организационные вопросы, что могло явиться следствием только глубокого понимания сущности военного дела и широкого знакомства с ним. Несомненно, также, что это лицо близко стояло к правительственным кругам того времени, имело там влияние и пользовалось авторитетом, так как в том же 1805 году, еще когда армия не вернулась даже в свои пределы, началась реорганизация армии на основаниях, высказанных упомянутым неизвестным лицом: 29-го декабря 1805 года, т.е. еще во время «обратного марша», полки, принимавшие участие в кампании этого года, т.е. больше половины полевых войск, были расписаны на семь корпусов с выделением их из инспекций. В начале же февраля 1806 года было «учинено» первое расписание войск на дивизии.

Сначала было образовано 13 дивизий. При этом дивизии состояли из всех родов и даже видов войск и были в этом отношении весьма разнообразного состава, однако каждая из дивизий была силой около 20000 человек и состояла из 6–7 пехотных полков, трех кавалерийских, двух казачьих и одной артиллерийской бригады.

К некоторым дивизиям, кроме того, были прибавлены понтонные роты.

Придав такой состав дивизии, создавали постоянную единицу высшего порядка, достаточно сильную и самостоятельную, при условии такой связи между различными родами войск.

К концу 1807 года число дивизий было доведено до 22, включая и Гвардию, как 1-ю дивизию, и кроме того, продолжали еще существовать две инспекции.

Но если дивизии не имели подразделений вниз, то ввиду возможных в скором времени военных действий против тех же французов и турок дивизии были сведены в корпуса, а затем и в армии: Днестровскую, состоявшую сначала из 5, а потом — из 3 корпусов и предназначавшуюся, под начальством Михельсона, для действий против Турции, и армию, находившуюся на западной границе и получившую впоследствии название

Заграничной. Эта армия состояла сначала из 8 дивизий, разделенных на 2 совершенно самостоятельных корпуса (Бенигсена и Бугсгевдена), силой каждый в 4 дивизии. Впоследствии к ней был присоединен еще один корпус (Эссена 1), выделенный, в составе 2 дивизий, из Днестровской армии. С прибытием этого третьего корпуса начальствование над всеми тремя корпусами Заграничной армии было объединено в руках одного Главнокомандующего.

В 1808 году для действий против Финляндии был сформирован корпус гр. Бугсгевдена, состоявший сначала из 3, а потом из 4 дивизий.

Таким образом, соединениями выше дивизий были корпуса и армии, которые являлись вполне удобоуправляемыми. Только дивизии, будучи по силе и составу совершенно самостоятельными, были недостаточно удобоуправляемыми: они состояли из 11—12 отдельных частей, несоединенных между собой в промежуточные войсковые единицы.

С такой организацией русская армия отбыла вторую Французскую войну (1806-1807 гг.); Финляндскую войну (1808—1809 гг.) и часть Турецкой войны 1806—1812 гг. Лишь приготовления к третьей Французской войне (1812 г.) заставили русскую армию, на основании обширного боевого опыта, вновь изменять свою организацию.

Крупные указанные выше недостатки в организации высших тактических соединений заставили после богатого опыта войны 1806—08 гг. пересмотреть этот вопрос в видах лучшего его решения, поэтому прежде всего из дивизий была выделена кавалерия, которая после нескольких изменений в 1812 году была организована следующим образом:

Все 8 армейских кирасирских полков, а также Кавалергардский Конный полки составили две кирасирских дивизии, по 5 полков в каждой, все же армейские кавалерийские полки, существовавшие к тому времени, были сведены в 8 кавалерийских дивизий, по 6 полков каждая. Только в одной дивизии было 7 полков. Кроме того, из запасных и резервных эскадронов было сформировано 8 дивизий.

Следующей организационной мерой было создание как в пехоте, так и в кавалерии таких постоянных соединений, которые делали бы дивизии удобоуправляемыми. Для этого необходимо было создать строевую единицу, промежуточную между дивизией и полком. Такой единицей и в пехоте, и в коннице явилась бригада. Сначала бригады были одинакового состава, и только к концу 1811 года пришли к сознанию необходимости иметь бригады одинакового состава и сводить их в дивизии в одинаковом числе. Таким образом, к этому времени в пехоте установился состав бригады в два полка, а дивизии, как общее правило, в три бригады (одна дивизия состояла из двух, две — из одной и одна — из четырех бригад)...

Таким образом, в сущности говоря, перед войной 1812 года были уничтожены все существенные недостатки организации дивизий, и они явились довольно сильными и вполне удобоуправляемыми; включение же в состав пехотных дивизий артиллерии обеспечивало столь необходимую для них взаимную связь как в деле подготовки, так и при боевых действиях.

Однако как бы ни была совершенна организация дивизий в рассматриваемую эпоху, уже нельзя было на ней остановиться. Причиной этого была значительная численность армий, предназначавшихся для боевых операций; с другой же стороны, пехотные дивизии при новой организации являлись не вполне самостоятельными, так как они не имели в своем составе кавалерии. Нужно было создать соединение из нескольких дивизий и хотя бы некоторого количества конницы. Такой единицей явился корпус. Поэтому у нас, начиная с 1810 года, стали формировать пехотные и кавалерийские корпуса. Нормальный состав пехотного корпуса был: две пехотные дивизии, полк легкой кавалерии (в качестве дивизионной) и одна конная артиллерийская рота.

По тем же причинам, по которым дивизии сводились в корпуса, некоторое число корпусов, действующих на одном театре войны по определенному стратегическому заданию, сводили в действующие армии, которым, сверх того, придавали отдельными единицами кавалерийские дивизии, получившие название резервных кавалерийских корпусов.

Таким образом, перед началом третьей Французской войны из 13 дивизий, с их сводным гренадерскими батальонами, сосредоточенных на западной границе, было образовано 8 пехотных корпусов, к которым присоединено было 4 резервных кавалерийских корпуса и два казачьих отряда, которые по аналогии могли считать также корпусами.

Все эти корпуса были распределены на две западные армии: первая состояла из 6 пехотных корпусов, 3 кавалерийских и одного казачьего, а вторая — из двух пехотных корпусов, одного кавалерийского и одного казачьего. Кроме того, была сформирована еще третья резервная обсервационная армия для действий на юге. Эта армия состояла из трех пехотных корпусов и одного кавалерийского.

Рассматривая состав армии, необходимо отметить, что по большому числу единиц, составлявших 1 западную армию, она являлась достаточно удобоуправляемой.

В общем, однако, нужно сказать, что ко времени Отечественной войны организация высших тактических соединений у нас получила постоянство и достаточную устойчивость и основывалась на разумных новациях, требующих от этих единиц удобоуправляемости и необходимой для каждой из них самостоятельности.

После войны 1812 года организация высших тактических соединений оставалась прежней: в пехоте полки по два были сведены в бригады, причем в состав каждой бригады входили однородные полки или гренадерские, или карабинерные, или пехотные, или егерские, бригады по три сводились в дивизии, причем гренадерские дивизии были по две бригады гренадерских и по одной карабинерной, а в прочих дивизиях — по две пехотных бригады и по одной егерской; дивизии, по две или по три, сведены были в пехотные корпуса; всего было дивизий: две гренадерских, три гренадерских и 25 пехотных, которые составили корпуса, один гренадерский, 7 пехотных и три отдельных: Кавказский, Финляндский и Литовский. Кроме того, первая гренадерская дивизия и третьи батальоны большей части полков пехоты составляли отдельный корпус военных поселений...

Из изложенного видно, что организация высших тактических соединений, резко выступив на путь разумных мероприятий почти тотчас же после Аустерлицкого погрома, после войны 1812 года широко и смело изменяется на вполне рациональных началах: образуются в каждом роде войск постоянные устойчивые тактические соединения, удобоуправляемые и на первых степенях состоящие не только из одного рода войск, но даже из одного вида различных родов и притом в одинаковом числе. В результате к концу эпохи появляются в каждом роде войск дивизии.

Однако на этом система организации высших тактических соединений не останавливается: дивизии соединяются в корпуса, которые являются первыми соединениями, состоящими из всех родов войск.

Такая организация сделала корпуса самостоятельными и удобоуправляемыми при условии отсутствия неблагоприятной обстановки воспитания и обучения различных родов войск и установления тесной связи между ними еще в мирное время. Кроме таких корпусов, состоящих из всех родов войск, из кавалерийских дивизий формировались специальные кавалерийские корпуса. Но и на этом организация не останавливалась; корпуса (за исключением нескольких отдельных, Кавказского, Финляндского, Литовского) еще в мирное время сведены были в две армии сообразно вероятным военным действиям на западе и на юге. Во главе армии стояли лица с соответствующими штабами, которые в военное время должны были стать командующими действующими армиями...

Преобразования в армии, произведенные в промежуток между первой и второй Французскими войнами, увеличили численность армии всего на 60 000 чел.

Подготовка к третьей Французской войне 1812 года заставила прибегнуть к усиленным мерам для увеличения численности армии и особенно егерских войск, развития которых повелительно требовали новые условия ведения войны и боя.

В результате действительная потребность, ввиду надвигавшейся грандиозной борьбы с Наполеоном, в значительном усилении армии повлекла за собою, наряду с формированием новых частей обычным путем, уничтожение для тех же целей весьма полезных рекрутских депо и необходимых запасных частей и, усилив армию на 18 пехотных и 8 кавалерийских дивизий, вновь оставила на весу вопрос о пополнении убыли в людях и лошадях в военное время в действующих частях.

В пехоте была принята однообразная и притом с тактической точки зрения наиболее выгодная трехбатальонная организация полка; впрочем, в поход полки выступали в составе 2 батальонов, а к концу царствования Императора Александра I в сущности большинство полков обратились в двухбатальонные, отдав третьи батальоны в поселенные войска.

Полки в пехоте в начале эпохи были сделаны более однородными с точки зрения соединения в одном полку пехоты различных видов, но вскоре в этом отношении вернулись к старому.

Состав батальонов установился окончательно в 4 роты.

Численность роты и полка увеличились.

Наконец, в пехоте необходимо отметить появление нового ее вида, карабинер, которые, впрочем, по существу ничем не отличались от егерей...

В отношении гарнизонных войск прежде всего было изменено назначение их возложением на них роли запасных войск. В соответствии с этим была урегулирована и их организация. Впоследствии, однако, обратив часть гарнизонных войск на образование новых полевых войск, лишили первых какого бы то ни было боевого значения, сведя их к роли конвойных и караульных команд.

В царствование Императора Александра I была сделана еще одна попытка создать правильно организованные запасные войска. Однако попытка эта, как и в предшествовавшие царствования, не увенчалась успехом.

В это же царствование впервые появляются резервные войска, получившие, однако, это название не по задачам, которые на них предполагалось возлагать, а по способу их формирования.

Вследствие этого войска эти не имели самостоятельного значения и по обстоятельствам тогдашнего времени вскоре слились с полевыми войсками.

Национальные войска в эту эпоху, получив сначала некоторое развитие, вскоре большей своей частью сливаются с регулярными войсками.

В отношении нерегулярных войск прежде всего необходимо указать на изменение взгляда на их значение с точки зрения боевых задач, которые на них могут быть возложены;

затем было урегулировано несение ими службы; и вообще в жизнь и деятельность всех казачьих войск было внесено больше порядка.

В это же царствование впервые был поднят вопрос о постоянной и притом вполне рациональной организации высших тактических соединений. Но в рассматриваемую эпоху этот вопрос не только был поднят, но рядом последовательных и постепенных мер и решен в положительном смысле.

Наконец, нельзя не отметить попытку создать рекрутские депо, в которых производилась бы первоначальная подготовка рекрут, предназначенных в соответствующие войсковые части. Однако необходимость значительного увеличения числа войск для борьбы с Наполеоном привела к уничтожению рекрутских депо, просуществовавших всего только три года...

Рекрутская повинность для населения была крайне тяжела. Эти видно из того, что в сравнении с предшествующей эпохой численность населения, несущего рекрутскую повинность, увеличилась с 16 млн. до 16 ½ млн., а численность армии за это время увеличилась в 2 ½ раза. В общем, в 18 рекрутских наборов, произведенных в рассматриваемую эпоху, население выставило без малого 2 млн. рекрут. Такое напряжение населения в отношении выполнения рекрутской повинности, конечно, прежде всего и главным образом зависело от почти непрерывных войн царствования Александра I.

Правительство сознавало всю тяжесть рекрутской повинности для населения, но поставленное в необходимость содержать в полной готовности громадную армию, оно не могло уменьшить того притока живой силы от населения, который только и давал возможность иметь такую армию.

Однако, чтобы хотя несколько облегчить население, правительство прибегло к следующим мерам: во-первых, к замене части рекрут так называемыми кантонистами, во-вторых, — образованию милиции и ополчения, и в-третьих, — к образованию военных поселений.

Еще при Петре Великом при гарнизонных полках и батальонах были образованы для обучения солдатских детей грамоте и мастерствам гарнизонные школы.

Согласно Высочайшему Указу 1732 года, в гарнизонные школы должны были приниматься «служилых чинов (в том числе и офицеров не из шляхетства) дети родившихся во время действительной службы отцов их». После же окончания школы они должны были идти в военную службу, «чтобы в сборе с народа рекрут замена быть не могла».

В гарнизонные школы принимались дети от 7 до 15 лет. В школах обучали: «словесной и письменной науке, пению, солдатской экзерциции, арифметике, артиллерийской и инженерной науке».

«Рассуждая, чтобы впредь в рекрутских наборах с государства могло быть подспорье и служилых людей дети шатаясь не пропадали», Сенат в 1732 году постановил, чтобы во все гарнизонные школы принимались дети и сверх общего штатного числа в 4000.

В последующее время, ничего не изменяя в организации и в характере назначения и деятельности гарнизонных школ, правительство усиленно принимало различные меры, чтобы школы «содержались в добром порядке и смотре и комплекте, дабы для армии от оных плод был, а особливо по определению в писари, слесари и в прочие тому подобные чины и через то рекрутам некоторая замена». При таких условиях число солдатских детей в гарнизонных школах постоянно все более и более возрастало: в 1758 году их было 6000, в 1763 — около 9000, в 1765 — свыше 10000.

С 1774 года, кроме солдатских детей, в гарнизонные школы разрешено было принимать и детей бедных дворян в числе 1000.

В 1797 году общее число школьников во всех гарнизонах доходило уже до 12000 человек...

Однако с положением 1797 года школы солдатских детей просуществовали недолго. В 1798 году они, согласно воле Императора Павла, обратились в отделения основанного им в Гатчине Императорского Сиротского дома. Сам Сиротский дом делился на два отделения: одно для детей дворян и всех штаб- и обер-офицеров, преимущественно тех, «кои скончали дни, служа отечеству». Принятые дети получали название кадет. Прием был неограниченный, но раньше 11-ти лет дети не принимались.

Кадеты обучались Закону Божьему, русскому и немецкому языкам, арифметике, геометрии, артиллерии, фортификации, тактике, рисованию, истории и географии и по окончании курса наук выпускались в армию юнкерами, а оказавшие особенно блестящие успехи в науках — офицерами.

Во 2-е отделение императорского Военно-Сиротского дома принимались «солдатские дети без разбора религии и не ограничивая их, а особливо сирот». Число их было неопределенно, а принимать велено, «сколько таковых найдется и принять возможно будет».

Содержание детей было на казенный счет, и они обучались «Закону Божьему, российскому чтению и письму, и арифметике». После учения этих предметов воспитанники переводились в ремесленный класс, где и обучались «всеми, что к пользе войск служить может, как то: портному, сапожному, башмачному, седельному, кузнечному, слесарному,

ружейному, кожевенному, каретному и малярному мастерствам и искусствам по усмотренным склонностям, того же, по способности — музыке на духовых инструментах и барабанному бою».

По достижении 18-ти лет солдатские дети отсылались в полки, при этом именно в те, где служат их отцы или родственники вообще.

В 1798 году всего кантонистов в Военно-Сиротских отделениях числилось около 17000 человек, из которых 9,75 тыс. находилось в отделениях, а 7,25 тыс. воспитывалось у родственников...

К 1812 году военных кантонистов в Сиротских отделениях состояло почти 39000 человек.

В последующие годы число это быстро росло, и к 1816 году кантонистов было уже с лишком 57000 человек, а к 1822 году — 65000 чел., да в войсках кантонистов было с лишком 22000 человек, а всего 87,5 тыс. человек.

После передачи военных кантонистов в ведение графа Аракчеева общее число их быстро возрастает, так как военными кантонистами стали считаться и мужского пола дети коренных жителей округов военных поселений. В 1825 году кантонистов было: в Сиротских отделениях — 61000 чел. и в войсках — около 93000, а всего 154000 человек...

События 1805 и 1806 годов, приведшие к поражению Австрии и к полному разгрому Пруссии, заставили Императора Александра I озаботиться такими средствами, которые давали бы возможность не только «повсюду и мгновенно» подкреплять регулярную армию, но и представлять неприятелю на каждом шагу непреодолимые силы», если бы последний ворвался в пределы России. Таким средством считали образование милиции.

Всего предполагалось собрать 612000 милиции.

Каждая из большей части губерний (милицию не ставили западные пограничные губернии и из внутренних наиболее отдаленные) должна была поставить определенное число милиционеров, которые составляли губернское земское войско. Все губернии, обязанные поставить милицию, были соединены в 7 областей. Губернские милиции каждой области составляли областное земское войско.

Милицию обязаны были выставлять дворяне, казенные селения и мещанство. На счет этих лиц и учреждений милиционеры должны были быть одеты и вооружены по возможности огнестрельным оружием.

Однако признавалось достаточным, чтобы ружьями была вооружена лишь 1/4–1/5 часть милиционеров. При этом указывалось, что милиционеры должны стремиться строиться в 4–5 шеренг, чтобы вся первая шеренга имела на вооружении ружья.

Возраст милиционеров определен был от 17 до 50 лет. Назначенные в милицию люди, «доколе не будут сдвинуты с мест своих, должны оставаться в своих селениях и, пребывая в крестьянском их быту, исправят все те повинности, коими они обязаны по земскому и волостному их управлению, исключая дней, которые будут назначены для военных упражнений». Обучение милиции, как предназначенной лишь для охраны границ, должно было ограничиваться только первоначальными понятиями военного дела. Однако на стрельбу обращалось особенное внимание, и обучение ей требовалось для всех милиционеров, даже для тех, которые не имели ружей.

Население с большим одушевлением и усердием принялось создавать милиции.

Однако явилось немало принципиальных противников ее. Одним из таких противников по этому поводу были высказаны следующие соображения:

«Полезной для государства милиция не может быть сочтена, так как теперь от воина требуется уже не то, что требовалось раньше, до появления огнестрельного оружия: тогда в войне ценилась сила, ловкость; по появлении же огнестрельного оружия большое значение приобретает мгновенное и точное исполнение требований вождя. Ратники, один раз в неделю обучаемые, не приобретут привычки к строевому порядку и повиновению, так как на это нужно значительное время. В милиции характер ремесленника или земледельца будет уничтожать характер военного человека...

Не полезна милиция и в отношении политическом. Характер россиянина таков, что его может воспламенить самая безделица. Кулачные бои, праздничные скопища свидетельствуют, что часто шутки оканчиваются смертоубийством. Незначительное происшествие скопляет на улице народ, пристающий к той или другой стороне; одно слово, вовремя употребленное и защиты или мести требующее, взволнует и вмиг согласит многие сотни.

С такой чертой в свойстве народном можно ли допустить соединения толпищ и вооружить их без всякого понятия подчиненности? От буйства их могут удержать только регулярные войска, а последние будут заняты борьбой с неприятелем.

Опасна милиция и возможностью появления среди ее такой головы, которая, видя себя вне зависимости от регулярного войска, постарается дойти до полной независимости. История дает факт, что безграмотный донской казак собрал себе сообщников, возмутил народ и потрясал государство. А теперь мятежный и предприимчивый, а может быть и более просвещенный ум не встречает ли для себя уже готовых 600000 человек и в такое благоприятное время, когда регулярные войска заняты борьбой с неприятелем?

Возможно также, что некоторые неудачники в жизни попустят на злодейства, в особенности в это время, когда хищник французской власти действует всеми путями коварства и ухищрения. Он наверное дорого бы заплатил за то, чтобы внутри России завести скопища, а ныне они открываются, и притом вооруженные. Стоит ему только дожидаться некоторого преуспевания в победах над нашими регулярными силами и бросить искру раздора внутрь государства, тогда все погибло.

На государственном хозяйстве существование милиции отзовется также невыгодно: отнимая 600000 человек от земли, государство, если предположить, что каждый из этих людей мог бы в год производить 10 четвертей хлеба, ценой по 5 рублей за четверть, третья будет ежегодно по 30 мил. рублей, 600000 человек, не производя ничего полезного, становятся предметом издержек: цены на хлеб подымутся».

Таким образом, по словам автора цитируемой записки, принятое средство для борьбы с противником, милиция — плохая мера.

Были и другие противники милиции, которые указывали главным образом на то, что образование 600000 милиции весьма вредно отзовется в будущем на хозяйственной части государства.

Несомненно, что мнения, высказываемые против милиции, не остались без влияния на правительственные меры в деле устройства милиции. В результате, не без влияния наших успехов при Пултуске и Эйлау, решено было «для подкрепления российских армий вооружить и приготовить к движению одну третью часть ополчения». Эта третья часть составила так называемую подвижную или служащую милицию; остальные же люди, предназначавшиеся в милицию, были только на учете; оставаясь в прежнем состоянии: всего предполагалось собрать 252000 милиции, которая и должна была быть в постоянной готовности двинуться по первому приказу.

Но не успели еще собрать всю оставляемую на службе милицию, уже 27-го сентября 1807 года было объявлено, что «совершившимся с Францией миром обстоятельства, подвигнувшие на сие временное ополчение, прошли». Вследствие этого существование земского войска, как такового, прекращалось, но вместе с тем решено было не производить очередного рекрутского набора, а явившийся вследствие войны некомплект пополнить собранными милиционерами. Всего таким образом использовано было 168000 милиционеров из 200000 уже собранных.

Однако идея о созыве ополчения не умерла. Уже в 1812 году вступление Наполеона в пределы России заставило вновь обратиться к этому средству увеличения Вооруженных сил, и 6-го июля был объявлен манифест, в котором было сказано, что «при всей твердой надежде

на храброе наше воинство, полагаем мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех».

Ополчение повелено было собрать из 16 центральных и северных губерний, которые составили три округа. Призыв касался только помещичьих крестьян. При этом было объявлено, что «вся, составляемая ныне внутренняя сила не есть милиция и рекрутский набор, но временное верных сынов России ополчение, устрояемое из предосторожности в подкрепление войскам и для надлежащего охранения отечества».

«Каждый из военачальников и воинов при новом звании своем сохраняет прежнее, даже не принуждается к перемене одежды и по прошествии надобности, т.е. по изгнании неприятеля из земли нашей, всяк возвратится с честью и славой в первобытное свое состояние к прежним своим обязанностям». Образовавшееся на таких основаниях ополчение достигло численности в 310500 человек.

Первыми составились и первыми же приняли участие в военных действиях Смоленское и Московское ополчения. Некоторые ополчения участвовали в заграничном походе 1813 года, но уже в марте этого года начался роспуск ополчений, который постепенно и производился до октября 1814 года.

Третьей мерой для облегчения населению тяжести рекрутских наборов и для удешевления государству содержания армии послужили так называемые военные поселения.

Создание милиции и ополчений в необходимую минуту являлось экстренной, исключительной мерой, принимаемой не столько для облегчения народу отбывания воинской повинности, сколько необходимостью быстрого и с наименьшими расходами для казны увеличения в критическое время Вооруженных сил. Мерой, специально предпринятой для облегчения населению тяжести рекрутских наборов, а потому мерой постоянной, рассчитанной на обычное течение жизни, являлось создание так называемых военных поселений. Создавая эти поселения, очевидно, полагали в то же время этим удешевить для государства содержание вооруженной силы...

Несомненно, что сокращение срока службы сильно изменило бы указанные условия в более благоприятную сторону. И действительно, в 1810 году в соединенном заседании двух департаментов Государственного Совета, Военного в Гражданских и Духовных дел, был решен вопрос о сокращении срока службы нижних чинов до 15-ти лет с тем, чтобы по окончании их отставные нижние чины возвращались бы в состояние казенных или помещичьих крестьян по принадлежности.

Однако по различным причинам, из которых первое место принадлежит почти непрерывным войнам в царствование Императора Александра I, это решение Государственного Совета не было проведено в жизнь. Приходилось прибегнуть к другим средствам. Сначала в этих целях внесли некоторое улучшение в производство рекрутских наборов, для чего создали рекрутские депо для приобретения рекрутами «навыка к жизни солдатской». Однако эта мера, увеличивая собой численность армий, увеличивала тем и тяжесть рекрутской повинности, а также и расходы казны; в стремлении же сделать легким для человека период военной службы являлась полумерой, так как хотя в рекрутских депо рекруты и втягивались в службу, но тоска по родине у них все же оставалась. На остальные же условия образование рекрутских депо никакого влияния не имело.

Уничтожить в рекрутах тоску по родине при всех прочих условиях можно было только посредством отдачи рекрут на службу в части войск, расположенные на их родине, что неминуемо приводило к системе территориального комплектования войск, однако, только при условии перемещения войск в районы намеченных источников комплектования. Таким образом, пришли к идее поселить войска в известных местностях, закрепив вместе с тем за военным ведомством жителей этих местностей или округов поселения.

Однако одним таким поселением если и уничтожалась возможность возникновения в рекрутах тоски по родине, то при наличии долгого срока службы не уничтожало в них беспокойства за свое будущее по окончании службы. Настоятельная необходимость водворить в нижних чинах спокойствие за это будущее, в связи с состоявшимся уже решением о поселении войск, и привела к идее дать возможность солдату во время самой службы вести сельское хозяйство и тем улучшать свой быт в настоящем и созидать себе благополучное будущее.

При проведении в жизнь этой идеи являлось необходимым не только выбрать постоянные квартиры для войск, но и установить систему выработки из войск особого военно-земледельческого сословия. При таком решении вопроса представлялось возможным рассчитывать, по достижении благосостояния в поселенных войсках, что они в состоянии будут сами поддерживать свое существование, т.е. расходы на армию сильно сократятся. Вместе с тем, это должно было привести к тому, что большая часть населения России получила бы полное освобождение от воинской повинности.

Первые шаги по проведению в жизнь идеи поселенных войск относятся к 1810 году, когда было избрано место для поселения запасного батальона Елецкого пехотного полка. В 1811 году батальон этот был поселен в Бобылицком старостве Могилевской губернии.

Война 1812 года приостановила дальнейшее развитие идеи устройства поселенных войск; однако эта идея не была забыта; напротив, при первой возможности ее стремились осуществить в возможно широких размерах. Однако приступить к новым поселениям явилось возможным только в 1816 году и только пехотных частей; кавалерийские же части впервые были поселены только в 1817 году. Лишь в этом году и был издан указ о «непреложном намерении дать каждому полку свою оседлость в известном округе земли и определить на укомплектование оного единственно самих жителей сего округа»...

С 1818 года военные поселения получили весьма широкое развитие, которое в конце концов должно было, как рассчитывали, привести к следующему:

1) Совершенно прекратить в мирное время существование рекрутской повинности.

2) Установить строго территориальную систему комплектования, освобождающую все, находящееся вне округов военных поселений, население в мирное время от воинской повинности, а лицам, несущим военную службу, дающую возможность не покидать из-за нее родину.

3) Посредством дарования оседлости воинам, улучшить быт их, дав им душевное спокойствие насчет того времени, когда и лета, и силы не позволят нести службы; для чинов же, выступающих в поход, благоприятное разрешение вопроса о призрении жен и детей и о сохранении их имущества.

Кроме того, вводя военные поселения, рассчитывали сократить издержки казны на содержание армии.

Как ни казалась заманчивой по своим последствиям идея военных поселений, однако далеко не все относились к ней сочувственно. Во главе лиц, несочувствующих ей, необходимо поставить такое компетентное лицо, каким являлся генерал-фельдмаршал князь Барклай-де-Толли.

Относительно предположения системой военных поселений дать воинам свою оседлость, водворить в них душевное спокойствие насчет того времени, когда лета и силы не позволят нести службу, и улучшить их быт и состояние, Барклай возражал, что всего этого можно достигнуть только тогда, когда земледельцу будет дана совершенная свобода действовать в своем хозяйстве и распоряжаться вполне по своему усмотрению своим временем и когда у него будет полная уверенность в том, что оседлость и приобретенное трудами имущество останется непременно потомственным наследством в его роду и что никакое самовластие не может поселянина лишить этих прав.

Между тем, в военных поселениях, как они проектировались, всего этого не будет, так как всем будет распоряжаться начальство.

Затем, если офицеры будут поселены, то они будут обращать более внимания на хозяйство и заставлять на себя работать военных поселян.

Быть одновременно хорошим солдатом и хорошим же хлебопашцем, по мнению Барклая, невозможно: работа хлебопашца несомненно убьет воинский дух в людях и в результате поселенцы из хороших солдат превратятся в дурных хлебопашцев.

Кроме этих главных причин, заставлявших Барклая высказываться против военных поселений, был еще целый ряд других, более второстепенных, вследствие которых, однако, по его мнению, не представлялось возможным достигнуть предположений относительно улучшения быта в настоящем и обеспечения существования в будущем нижних чинов.

Не признавал Барклай также и того, что учреждение военных поселений может уменьшить расходы казны на содержание армии. Это мнение он основывал на том, что, во-первых, устройство поселений обойдется очень дорого, а во-вторых, у свободных от поселения жителей в губернии земские повинности возрастут, отчего увеличатся недоимки в казенных податях.

Но никакие мнения кого бы то ни было, высказываемые против поселений, не помешали графу Аракчееву расширить их на раз уже принятых началах, и к концу царствования Императора Александра I в отдельном корпусе военных поселений числилось по списку: 28 генералов, 3650 штаб- и обер-офицеров, 15561 унтер-офицеров, 131706 рядовых, 2335 музыкантов и 5661 нестроевых нижних чинов. Военных кантонистов (детей военных поселян) в это время при поселенных войсках было 154062 чел., а инвалидов — 7628 чел.

Несмотря, однако, на такое развитие военных поселений за восьмилетнее их существование, уже в это время с очевидностью обнаружилось к концу этого периода, что они не могут принести ожидавшейся от них пользы...

Неверность идеи поселений становится ясной из следующих слов одного из современников: «Естественно ли, чтобы коренные жители и дети их позабыли когда-нибудь выгоды прежней независимой жизни, соединявшей в себе благосостояние и удовольствие с правом неприкосновенной собственности; выгоды, замененные ныне горестною уверенностью остаться навек солдатами и навек в неволе, и тогда как все крестьяне сделаются свободными и таким образом все вообще сословия и каждый в особенности член оных будут иметь право избирать для себя род жизни, то справедливо ли лишить сего права одних военных поселян и их подвергнуть исключительно общей для граждан обязанности защищать отечество».

Что касается способов проведения в жизнь идеи о военных поселениях, то достаточно вспомнить, что это дело всецело находилось в руках Аракчеева.

Нет достаточных оснований сомневаться в том, что при устройстве военных поселений Аракчеев руководился бы чем-нибудь другим, кроме глубокого убеждения в пользе их. Но черствый, слишком прямолинейный, с узким кругозором, совершенно неспособный к проявлению лучших душевных качеств, Аракчеев с неумолимой жестокостью проводил в жизнь идею поселений, совершенно не задумываясь над тем, насколько она отвечает духовному складу и характеру русского народа. Обращая внимание лишь на внешность, с неумолимой строгостью требуя выполнения им же составленных правил, Аракчеев сразу восстановил народ против поселений, тем более, что эти правила сами по себе шли вразрез с бытовыми его привычками. Невозможность располагать будущностью своих детей и пользоваться своим имуществом, требование брить бороды, прививать оспу, запрещение вступать в брак без разрешения начальства, масса разных работ, производимых не на себя, множество расходов, вызываемых требованиями начальства, клонящимися лишь к улучшению внешней, показной стороны жизни, все это заставляло крестьян крайне недружелюбно относиться к военным поселениям и в такой форме выражать свой протест против них, что для водворения порядка нередко приходилось прибегать к вооруженной силе.

Военные поселения были также вредны и с точки зрения экономической: устройство их стоило дорого, поддерживать их в первоначальном виде также стоило не дешево, тем более, что поселенные войска содержать себя не могли.

Наконец, образование особой замкнутой военной касты было несправедливо по отношению лиц, входивших не по своей доброй воле в нее, и невыгодно для государства в политическом отношении.

Однако, несмотря на все отрицательные стороны, поселения существовали не только в течение всей рассматриваемой эпохи, но еще и следующей и даже перешли в царствование Императора Александра II, поддерживаемые причинами, не зависящими от них...

Все меры, принимавшиеся в царствование Императора Александра I для комплектования армии офицерами, в конечном результате привели к следующему: ежегодный выпуск офицеров из военно-учебных заведений доходил до 700 чел., из которых две трети поступало в гвардию, в артиллерию и в инженерные части, а одна треть — на укомплектование армейских полков, что составляло около одной пятой части убыли.

Таким образом, четыре пятых убыли в армейских полках должно было пополняться из другого источника. Таким источником являлись вольнопределяющиеся из дворян и из

выслужившихся разночинцев. Общий низкий уровень образования в стране и отсутствие достаточного числа общеобразовательных учебных заведений приводили к тому, что все вообще вольноопределяющиеся, а особенно из разночинцев, не отличались достаточной образованностью. Вольноопределяющиеся из разночинцев к тому же не обладали высоким нравственным уровнем и в военную службу шли обыкновенно не по призванию или способностям, а с единственной целью обеспечить себе средства к жизни...

При вступлении на престол Александра I высшее управление военно-сухопутными силами Империи сосредоточивалось в Военной Коллегии. Высшее же строевое управление собственно войсками принадлежало генерал-инспекторам, которые в то же время обыкновенно были военными губернаторами и ведали местное военное управление.

Кроме Военной Коллегии к составу центрального военного управления принадлежала Военно-Походная Его Величества Канцелярия, во главе которой стоял генерал-адъютант, передававший Военной Коллегии, а иногда и непосредственно войсковым начальникам различных степеней повеления Верховной власти.

Недостатками такой системы высшего управления армией, принимая во внимание ее частности, необходимо признать: единовременное действие двух начал — единоличного и коллегиального, несогласованных между собой; путаницу в распределении дел; излишнее раздробление; отсутствие единства в деятельности различных отраслей управления, имевшее последствием постоянные недоразумения, столкновения между отдельными учреждениями; недостаток правильных руководящих административных принципов в управлении. Несомненно, что эти недостатки вносили в дело управления армией большой беспорядок.

Видя неудовлетворительное состояние государственного устройства, Александр I тотчас после своего вступления на престол решил изменить его. При этом он желал дать России такую форму управления, которая устанавливала бы более тесную связь между Верховной властью и высшими исполнительными органами, подчиненными непосредственно Верховной власти и перед нею ответственными.

Результатом этого желания Государя явилось выработанное в особом «неофициальном комитете» учреждение министерств, которое было обнародовано манифестом 8-го сентября 1802 года...

Министру военно-сухопутных сил непосредственно подчинялась Военная Коллегия, которая при министре являлась совещательным органом; исполнительная же власть принадлежала исключительно министру. Ему делались представления о всех решительно делах.

Если министр на основании прав, ему предоставленных, не мог разрешить какого-нибудь дела, то он входил с мотивированным всеподданнейшим докладом. Таким образом, устанавливалось непрерывное общение Верховной власти с министром; при этом министр мог входить к Государю с представлением законопроектов.

Через четыре дня после обнародования «учреждения министерств», а именно: 12-го сентября 1802 года последовал указ о назначении министров, причем министром военно-сухопутных сил был назначен вице-президент Военной Коллегии, генерал от инфантерии Сергей Кузьмич Вязьмитинов.

Таким образом, было учреждено министерство военно-сухопутных сил, впоследствии переименованное в Военное министерство...

На генерала Вязьмитинова выпала очень тяжелая задача усовершенствования органов управления армией. Эта задача усложнялась еще более тем, что ему одновременно с этим приходилось, в зависимости от политической обстановки того времени, заниматься увеличением и усовершенствованием Вооруженных сил.

Генерал Вязьмитинов отличался многолетней разносторонней опытностью, превосходным знанием нужд армии и всего административного строя.

Поставленный в необходимость на первых же порах упорядочить производство дел по управлению военно-сухопутными силами, генерал Вязьмитинов прежде всего учреждает департамент министра военно-сухопутных сил, который являлся его личной канцелярией и вместе с тем посредствующим органом между Военной Коллегией и министром...

Через год после восшествия на престол Александр I учредил министерство, вследствие чего коллегиальное начало, господствовавшее в учреждениях XVIII столетия, должно было уступить первое место единоличному началу.

Военное управление более какого-либо другого должно было вступить на путь реформ в этом направлении.

Однако столь коренное преобразование в управлении, как переход от коллегиальной системы к министерской, естественно не могло совершиться вдруг; необходима была продолжительная подготовка всех органов управления к восприятию новых начал, необходимо было время на основательную разработку новых коренных законов. И вот в течение почти 10 лет после учреждения министерств еще должна работать Военная Коллегия, но уже не в роли самостоятельного органа, а лишь как исполнительница указаний министра.

Наконец, только в 1812 г. производится полное переустройство центрального военного управления. Коллегиальное начало исчезает совершенно, оставаясь лишь в виде совещательного, но уже не исполнительного органа при министре в виде Совета министра.

Образование Военного министерства 1812 года явилось законоположением относительно устройства центрального военного управления, сохранившегося в своих главнейших чертах до настоящего времени. Впрочем, причины частного характера побудили Императора Александра I в 1815 г. несколько видоизменить его, учредив контроль над хозяйственной деятельностью Военного министра, в лице начальника Главного Штаба Его Императорского Величества.

Устройство составных частей центрального военного управления, при этом, однако, не изменилось и осталось в том виде, в каком было дано генералом Барклаем-де-Толли.

Несовершенство нового порядка управления при посредстве Главного Штаба сказалось тотчас же, так как явилась масса трений во взаимных отношениях Начальника Штаба Его Величества, который являлся инициатором всех мероприятий и имел личный доклад у Государя, не будучи ответственным за хозяйство, и Военного министра, который являлся исполнителем всех мероприятий, был хозяином армии и ответственным за ее хозяйство, но был лишен личного доклада у Государя...

Несомненно, что лучшей школой для строевой и полевой, т.е. вообще говоря, боевой подготовки войск является война. И в этом отношении русские войска царствования Императора Александра I были в наиболее благоприятных условиях: первая большая война этого царствования (война 1805 г.) началась на 4-й год после восшествия на престол Императора Александра I, и затем большие войны продолжались непрерывно в течение 10 лет. Самые войны, с точки зрения их значения как школы, велись русской армией в самых благоприятных условиях.

Война 1805 г. началась всего лишь 5 лет после бессмертных походов Суворова в Италии и Швейцарии, когда еще в рядах армии находились его ученики и последователи, всецело проникнутые и вдохновенным учением и на практике познавшие всю его разумность, целесообразность и соответствие с природою войны. Даже в массе нижних чинов было еще много участников славных деяний нашего великого полководца, по справедливости заслуживших от него название «чудо-богатыри».

Непрерывность последующих войн, тянувшихся на протяжении многих лет, дала возможность наиболее талантливым ученикам Суворова выдвинуться постепенно на первенствующие и руководящие места в армии и тем самым поддерживать в ней заветы своего учителя и способы его ведения войны. Это тем более было возможно, что данные,

наиболее влияющие на приемы действий, а именно: технические усовершенствования оружия, способов передвижения и сношений на расстоянии, почти совершенно не изменялись со времени Суворова и не изменялись и за все время войн царствования Александра I.

Новой данной в этом отношении в значительной части войн явился только иной противник в лице гениального Императора французов, который, пользуясь старыми средствами, дал новые приемы ведения войны и боя, влив эти приемы в совершенные, наиболее соответствующие природе вещей формы, причем на указанные приемы и формы в значительной степени влияло то обстоятельство, что Наполеон как на театре войны, так и на поле сражения стремился сосредоточивать возможно больше сил.

Отмеченная данная, заставлявшая наших полководцев действовать «под мечом строгого противника», могла только способствовать усовершенствованию самих военачальников и дать им в руки могучее образовательное и воспитательное средство для надлежащей боевой подготовки их войск.

Другим обстоятельством, сильно способствующим подготовке, несомненно являлось большое разнообразие театров военных действий, на которых пришлось воевать русской армии в царствование Александра I, и не меньшее разнообразие неприятеля по его свойствам и особенностям ведения войны: холмы Среднего Дуная и Моравии, болота и леса Польши и старой Пруссии, озера и леса Финляндии, лед Ботнического залива, знойные степи Молдавии и Валахии и низменности нижнего Дуная — таковы театры войн Императора Александра I; французы, шведы, финляндцы, турки, наконец, «двадцать языков» Западной Европы — вот враги, с которыми пришлось иметь дело русской армии в указанные войны.

Но кроме непосредственного влияния на боевую подготовку войск боевого опыта, этот опыт имеет еще на указанную подготовку косвенное, однако, не менее сильное влияние.

Боевой опыт, преломляясь в субъективных особенностях лиц, его испытавших или только его изучивших, заставляет их делать из этого опыта заключения и выводы, приводящие к теоретическим поучениям на будущее относительно приемов ведения боевых действий. Эти поучения и являются материалом для заблаговременной боевой подготовки войск в ближайшей будущей войне.

В периоды малого развития военной науки и литературы такие поучения находят себе место лишь в уставах, наставлениях и инструкциях, издаваемых правительственной властью или иногда тем или другим из старших войсковых начальников, на обязанности и ответственности которых лежит образование и воспитание войск...

Военной науки у нас в царствование Императора Александра I почти совершенно еще не было, военная литература только что начиналась, а потому естественно, что для ознакомления с боевой подготовкой войск названного царствования необходимо прежде всего изучить изданные в течение его уставы и наставления.

При изучении русского военного искусства в эпоху царствования Александра I это тем более необходимо, что после великих войн этого царствования, окончившихся в 1815 г., наступил длинный период мира, который при особых условиях его протекания, зависящих главным образом от изменений в нравственном облике Императора Александра I, привел к довольно своеобразной точке зрения как на истекший богатый боевой опыт первой половины царствования, так и на то направление, в котором должна была вестись, на основании этого опыта, боевая подготовка войск к будущим войнам.

Уставы, изданные при Елизавете, не оказали никакого влияния на боевую деятельность войск в войну этого царствования, Семилетнюю. Еще меньше связи между строевыми уставами царствования Екатерины II и деятельностью войск на полях Турции и Польши под начальством Румянцева, Суворова и других выдающихся военачальников славного царствования. Уставы Павла тоже еще не были усвоены войсками, когда им пришлось под начальством Суворова бить французов в долинах и горах Италии и Швейцарии.

Таким образом, и в эту эпоху, непосредственно предшествовавшую эпохе Александра I, связи между уставами и боевой деятельностью войск не было.

Вместе с этим необходимо отметить, что все уставы указанных трех царствований всецело были проникнуты идеями линейной тактики, и в этом отношении значительно отставали от жизни и от практики наших полководцев. Это особенно относится к эпохам Екатерины II и Павла I. Таланты Панина, Вейсмана, Потемкина, Ферзена, Кутузова и гений Румянцева и Суворова, показав второстепенное значение для боевого успеха форм строя и преимущественное влияние морального элемента, сумели внести в линейные формы такие поправки, которые парализовали во многом их сковывающее влияние. И эти поправки были сделаны у нас так рано и так решительно, что в этом отношении первенство безусловно принадлежит нам. Между тем, мы видим такое, на первый взгляд, странное явление, что руководители военного дела новой эпохи в этом отношении вначале руководствуются не опытом, полученным в боях, а той ложной теорией, которой проникнуты были наши Елизаветинские, Екатерининские и Павловские уставы. Когда же этим деятелям пришлось на практике пострадать от противника, проникнутого новым духом, то обновления стали искать не в нашем славном и разумном прошлом, а будто бы в новом — наших противников.

Произошло это потому, что мы забыли это прошлое; оно не было совершенно разработано у нас в литературе, между тем, в Западной Европе можно было по этому поводу найти богатую военную литературу с готовыми выводами, а настоящее, в лице Наполеона, давало чувствительные уроки за приверженность к своим старым уставам, не имеющим ничего общего с деятельностью войск, руководимых нашими полководцами.

Если к этому прибавим, что Император Александр I получил военное воспитание под непосредственным руководством отца, Павла I, и притом без всякого вмешательства со стороны бабки, Екатерины II, то станет вполне естественным, что даже имея намерение реформировать армию в Екатерининском духе, Александр I в началах, положенных в основу боевой подготовки армии, придерживался старых уставов, а затем, когда воочию представилась необходимость изменить эти уставы, то новые начала не сразу завоевали себе в них место.

Первые четыре года царствования Александра I прошли в мире. Это обстоятельство, в связи с изложенным выше, привело к тому, что в это время армия руководствовалась в обиходе своей жизни и военной подготовке Павловскими уставами. Впрочем, новое издание в 1804 г. Устава Воинского 1716 г. показывает, что войска нуждались в этом уставе, по-видимому, главным образом в его отделах, трактующих о полевой и гарнизонной службе.

Обученная по Павловским уставам, наша армия первый боевой опыт в царствование Александра I имела в 1805 г. при столкновении с французами. Результатом этого столкновения явился Аустерлиц, где боевой порядок нашей армии был чисто линейный. Результат Аустерлица известен. Вполне естественно, что Аустерлиц должен был оказать влияние на дальнейший ход развития наших строевых уставов. Это влияние главнейшим образом выразилось во введении в наши пехотные уставы многочисленных колонн, в постановлениях о тщательном обучении пехоты прицельной стрельбе в во введении у нас рассыпного строя. Однако новые понятия вытеснили прежние не сразу, в новых уставах, изданных при Александре I, нетрудно заметить некоторую двойственность, являющуюся отражением борьбы новых начал со старыми и выражающуюся в различного рода компромиссах.

Чтобы осветить те соображения, которые были положены в основание наших уставов в царствование Императора Александра I, необходимо ознакомиться с одним сочинением, изданным в то время, по-видимому, с целью распространить в нашей военной среде понятия, считавшиеся правильными во мнении лиц, стоявших во главе нашего военного управления. Сочинение это не было вполне самостоятельно. Но в 1772 г. в Лондоне вышло на французском языке сочинение французского офицера Гибера под названием «Опыт

генеральной тактики с указанием на недействительное состояние политики и военной науки в Европе и с описанием Франции в политическом и военном отношениях». Сочинение это состояло из двух томов: первый том носил название «Элементарная тактика» а второй — «Высшая тактика».

Из этого сочинения, по Высочайшему повелению, подполковник Хатов составил компиляцию, состоящую из двух частей. Первая часть под названием «Опыт начальной тактики» была издана в 1807 г., а вторая часть под названием «Опыт высшей тактики» была издана в 1810 г.

Часть статей «Опыта начальной тактики» составляла дословный перевод с некоторыми пропусками первого тома сочинения Гибера; некоторая же часть статей была написана самостоятельно на основании боевых действий русских войск.

«Опыт высшей тактики» в значительно меньшей степени придерживался соответствующей части сочинения Гибера; здесь встречались даже самостоятельные основные мысли...

В общем, в «Опыте тактики», изданном в 1807–1810 гг. и являющимся первым более или менее оригинальным трудом в этой области у нас, необходимо отметить: правильное понимание свойств отдельных родов войск; внимание к одиночной подготовке солдата; придание особенного значения огню, но без умаления значения штыкового удара; правильное указание назначения различных родов войск, отсюда правильные указания для их употребления; признание линейного боевого порядка, осуждение идеи о нормальном боевом порядке, годном на все случаи, напротив, указание на необходимость изменять боевой порядок в зависимости от обстоятельств; стремление ввести в линейный порядок поправки, данные еще Суворовым, построение батальонов в боевом порядке с интервалами второй линии в колоннах, что давало ему гибкость и устойчивость; узаконение идеи резерва в требование прикрытия флангов. Хотя относительно резерва необходимо отметить указание, что пехота его назначалась только для прикрытия отступления. В этом сказалось недоверие к умению войск маневрировать.

От частных начальников «Опыт высшей тактики» требовал инициативы, особенно от кавалерийских.

Таким образом, взгляды «Опыта тактики» являлись во многом вполне разумными, но в отношении боевых порядков была какая-то двойственность: по-видимому, не было силы духа порвать с линейной тактикой, хотя ясно понимали необходимость в ней тех изменений, которые Суворов ввел уже на практике.

На этих-то началах, которыми был проникнут «Опыт тактики», и были основаны уставы, изданные вновь в эпоху царствования Александра I.

Впрочем, многие мысли, высказанные в этом сочинении, не только проповедывались у нас уже давно лучшими Екатерининскими генералами, но и были проведены в жизнь, приложены на деле; сюда нужно отнести мысли о важности одиночного обучения, важности прицельной стрельбы, вреде обучения войск слишком сложным и непригодным на войне построениям и движениям, о важности учебных лагерей и производства маневров в боевой обстановке и т.п.; с другой стороны, не все, что признавалось разумным «Опытом тактики», было введено у нас в уставы. К тому же, первые изменения в пехотном строевом уставе были произведены еще до появления «Опыта тактики», однако после войны 1805 г. Изменения эти, между прочим, свидетельствовали о том, что у нас начали уже отрешаться от взглядов на непреложное значение длинных линий в боевом расположении войск.

Под влиянием этих изменений наша армия в 1807 г. в сражения при Прейсиш-Эйлау, при построении боевого порядка отступает от чисто линейного порядка и вторую линию строит в колоннах. Об этом затем говорилось в «Опыте тактики», причем даже делалась ссылка на указанное сражение. Затем начал выработываться новый пехотный устав уже после издания «Опыта элементарной тактики»...

Торжественное обещание Императора Александра I в день восшествия на престол, что при нем будет все, как при Бабушке, обязывало в дело воспитания и обучения войск внести что-то новое по сравнению с предыдущим царствованием; с другой стороны, военная школа отца и наследственные черты характера требовали, чтобы это новое ничем или, по крайней мере, очень малым отличалось от только что пережитого.

И вот в результате первые годы царствования Императора Александра I в отношении воспитания и обучения войск явились неукоснительным продолжением предыдущего царствования с той, однако, разницей, что не было прежних жестокостей; приемы обращения с людьми сделались мягче.

Как бы обязавшись сделать свое царствование продолжением Екатерининского, Император Александр I вновь определил всех исключенных и отставленных в предыдущее царствование Екатерининских деятелей. Однако он относился к ним недружелюбно, неискренно, в нем сильно жили Гатчинские традиции, и иностранцы в сердце Императора занимали гораздо больше места, чем те, которые являлись представителями чисто русских начал и боевых традиций русской армии, так пышно расцветших в славный Екатерининский век.

Насколько сильно сказывалось такое направление, видно из следующих слов современника, адмирала Шишкова: «Все, чего при ней (Екатерине II) не было и что в подражание пруссакам введено после нее, осталось ненарушимым; те же по военной службе приказы, те же дневные производства, отставки, мелочные наблюдения, вахтпарады, экзерцицгаузы, шлагбаумы и пр., та же раздача орденов лекарям и монахам. Одним словом, Павлово царствование, хотя и не с той строгостью, но с подобными же иностранцам подражаниями и нововведениями еще продолжалось».

В результате — принятие на службу громадного числа иностранцев, которые влияли и на боевую подготовку войск, и на их оперативную деятельность.

По-прежнему царит вахтпарад, господствуя над всеми средствами специальной подготовки войск, по-прежнему в этой подготовке наибольшее внимание было обращено на шагистику, ружейные приемы, хождение длинными линиями со строгим равнением и т.п. плацпарадные фокусы, ничего общего не имеющие с боевыми потребностями. Настойчиво повторявшееся в допавловские времена требование, чтобы войска в мирное время обучались тому, что нужно в военное время, по-прежнему оставалось забытым.

Сам Император Александр I являлся горячим последователем плацпарадных идей, придавая им первенствующее значение и всюду выдвигая их на первый план.

Эти взгляды настолько вошли в плоть и кровь Александра, его убеждения в этом отношении были настолько тверды, он так верил в спасительность подобных идей, наконец, все это так соответствовало его натуре, настолько поглощало и удовлетворяло его, что даже тотчас после долговременного периода войн, от 1805 до 1814 г. включительно, он не мог отрешиться от «мелкостей» военной службы и никакие боевые заслуги доблестных войсковых частей не могли уравновесить мелкие упущения во внешнем их виде и недостатки в прохождении церемониальным маршем, и т.п.

Так, в начале 1813 г. пропуская мимо себя один из полков, покрывших себя славой в только что окончившуюся войну, Император Александр I выразил полку большое неудовольствие за то, что «мундиры в полку были подержанные, в заплатках; офицеры сбивались с ноги; кивера у многих были солдатские». О боевых же подвигах этого полка Император Александр I и не вспомнил, и они не послужили полку обстоятельством, смягчавшим указанные провинности.

В 1814 г. при таких же обстоятельствах Император Александр I сердился на гусарские полки за то, что на киверах у нижних чинов султаны были недостаточно прямые, а на артиллерию — за то, что, по его выражению, «у исправного извозчика сбруя на лошадях лучше».

В 1815 же году при вступлении наших войск в Париж во время церемониального марша некоторые части сбились с ноги, и за это полковые командиры были арестованы.

Естественно, что в десятилетний период западных войн личное влияние на армию Императора Александра I значительно ослабевало; к тому же и условия и обстановка боевых действий решительно не способствовали развитию шагистики, ружистики и парадомании.

Наряду с этим война в силу неизбежной своей природы повелительно выдвинула на арену деятельности русских вождей школы Суворова, а не Павла.

Проникнутые заветами своего бессмертного учителя, на практике познав всю силу и мощь его учения, благоговевая перед его памятью, эти вожди не только сами проявили большое военное искусство и тот высокий моральный дух, который позволил им сметь бороться с величайшим гением войны, но и сумели внушить подчиненным им войскам наилучшие способы борьбы с искусным противником и воодушевить их до высшей степени проявления ими нравственного напряжения, более чего-либо способствующего окончательной победе.

И в русской армии в период с 1805 г. по 1815 г. со всей силой проявлялись те ее качества, которыми она была богата в дни Екатерины, которые привели ее к победам на Ларге, Кагуле, под Измаилом, в долинах Италии и на высях Швейцарии и которые не успели совершенно исчезнуть под настойчивым и тяжелым режимом преемника гениальной русской императрицы из немок.

Вот почему после Аустерлица русская армия имела Бородино и после занятия французами Москвы она с бою взяла Париж.

Но с окончанием войны исчезли те обстоятельства, которые являлись препятствиями для плацпарадной муштровки армии и для укрепления идей парадомании.

С другой стороны, перемены в нравственном настроении Государя и в его характере дали в это же время господство природным его качествам и свойствам над привитыми к нему искусственным воспитанием. И в результате с окончанием больших войн, протекавших с 1805 по 1815 г., Гатчинский режим восторжествовал окончательно и стал господствовать безраздельно, с течением времени все больше и больше приближаясь к идеалу, начертанному Императором Павлом, и даже во многом превосходя его...

Возможность, хотя и после больших усилий, достигнуть наглядных результатов в выучке войск и блеснуть ими перед начальством и даже самим Государем, все большее и большее усвоение Императором Александром I мысли о необходимости вести обучение армии именно в этом направлении, выдвижение на должности командиров полков лишь лиц, особенно проникшихся теми же взглядами и искусившихся в проведении этих взглядов в

жизнь, привели к постепенному увлечению ими, с течением времени перешедшему в чрезмерную крайность.

Этому способствовало также и то обстоятельство, что во главе этого направления стоял Аракчеев, требованиям которого вскоре подчинился и такой боевой генерал, каким был Барклай.

В результате войны вскоре забыли, от офицеров стали требовать не боевых качеств, а экзерцирмейстерства и фронтовой службы; вследствие этого большая часть офицеров, участвовавших в Наполеоновских войнах, ушли, и в армии стал нарождаться новый тип офицеров, которые меньше всего думали о своей боевой подготовке, а всю жизнь полагали на изучение уставных мелочей, считая, что верхом совершенства подготовки является хорошая выправка, ширина и твердость шага, единообразие и красота одежды, чистота равнения и неподвижность ружей при маршировке и что ими достигнуто все, если им удастся провести свои части церемониальным маршем мимо Государя.

В деле обучения установились требования красоты фронта до акробатства, высшим щегольством для строевых офицеров и старших начальников стало глубокое изучение ремешков, правил вытягивания носков, равнения шеренг и выделывание ружейных приемов. При гвардии был учрежден учебный батальон из людей, собранных со всех пехотных полков. В этом батальоне уравнивали стойку и ружейные приемы и затем людей его рассылали по полкам для образца.

В конце концов порядки, заведенные в армии Императором Павлом, не только не исчезли, как на то можно было надеяться в начале царствования Императора Александра I и чему, казалось, должны были содействовать непрерывные десятилетия Наполеоновских войн, но они получили еще большее развитие и увлечение ими достигло таких размеров, что далеко оставило за собою то, что делалось при Императоре Павле.

Даже деятели царствования Императора Павла, всецело оправдывающие режим, установленный им в армии и искренно исповедовавшие его необходимость и полезность, и те в конце концов должны были признать, что Император Александр I, следуя в этом отношении по стопам отца, перешел границы и впал в ничем не объяснимую крайность.

Так, Цесаревич Великий Князь Константин Павлович в 1817 г. писал: «Ныне завелась во фронте такая танцевальная наука, что и толку не дашь... Я более 20 лет служу и могу правду сказать, даже во время покойного Государя был из первых офицеров во фронте, а ныне так перемудрили, что и не найдешься».

В другой раз по тому же поводу Цесаревич Константин Павлович выразился так: «Читая в записке об ученьях, сделанным ошибкам замечания, основанные на уставе, скажу,

что уже так перемудрили у нас устав частыми переменами, что не только затвердить оный не могут молодые офицеры, но и старые сделаются рекрутами, и я скажу, что я сам даже по себе вижу».

Но особенно ярко установившиеся в армии порядки относительно обучения Великий Князь Константин Павлович подчеркивает в следующих словах: «Я теперь таких мыслей о гвардии, что ее столько учат и даже за десять дней приготавливают приказами, как проходит колоннами, что вели Гвардию стать на руки ногами вверх, а головою вниз и маршировать, так промаршируют, и немудрено: как не научиться всему — есть у вас в числе главнокомандующих танцмейстеры, фехтмейстеры, пожалуй, и Франкони завелся»...

До такого состояния армия была доведена постоянным и настойчивым проведением в жизнь после Наполеоновских войн идей и взглядов, зародившихся, вопреки богатому боевому опыту и славным традициям времен Петра I и Екатерины II, в царствование Императора Павла I и пышно расцветших под благосклонным покровительством искренно им преданного и верившего в их спасительность Императора Александра I.

Плоды таких порядков пришлось пожинать армии уже в следующее царствование...

В области воспитательного воздействия в армии со времени вступления на престол Императора Александра I воскрес дух славного Екатерининского царствования, пробудились заветы Румянцева и Суворова. Достаточно было одного обещания молодого Императора, что при нем будет все, как при Бабушке, достаточно было одной-двух реформ в духе Великой Екатерины, чтобы в армии не только установился несколько иной режим, чем тот, который был в предшествующее царствование, но чтобы и возникли в этом отношении в армии надежды, гораздо более широкие, чем те, которые соответствовали почти вынужденному обстоятельствами обещанию Императора Александра I и его скромным начинаниям в деле реформирования армии в первые годы его царствования.

Но хотя надеждам этим и не пришлось осуществиться вполне, тем не менее с 1801 г. старые традиции стали понемногу оживать и в рядах армии вновь установился тот дух, то направление этих отношений между начальствующими лицами и подчиненными им, которые являлись наилучшим средством, способным пробудить в душе и сердце офицеров и солдат армии те чувства и те нравственные побуждения, которые являются результатом воспитания и без которых армия является мертвым организмом, неспособным на высокий порыв, на служение долгу, на проявление в высшей мере чувства взаимной выручки, на готовность положить жизнь свою за то, что свято верно сыну родины, на все то, что, одним словом, возбуждает стремление к победе, чего бы эта победа ни стоила.

И этот поворот под благодетельным, казалось бы, покровительством Императора Александра I от режима его сурового отца к традициям его премудрой Бабки должен был совершиться тем скорее и тем полнее, что среди вождей армии было немало прошедших службу в золотой век Екатерины под руководством Румянцева, Суворова и других лучших генералов этой незабвенной эпохи, а в рядах армии находилось еще много офицеров и нижних чинов, начавших службу при матушке-царице и получивших воспитание в школе гениальных наших вождей ее славного царствования.

В армии стала устанавливаться простота, приветливость и доступность начальников всех степеней по отношению к своим подчиненным разных рангов; начальствующие лица стали бережно относиться к самолюбию своих подначальных, не изводили их мелочами, словом и примером воспитывали их на высоком сознании долга и благородства.

Результаты такого положения вещей сказались очень скоро: в каждом чине армии стало развиваться чувство собственного достоинства, благородной гордости, исчез постоянный страх наказания; в армии крепло чувство взаимной поддержки, пробудилась гордость своими недавними победами, свидетелями которых были их пострадавшие в бою знамена, которые теперь никто уже не смел называть Екатерининскими юбками. Армия стремилась на войну, она была для нее делом желательным, и опасности и невзгоды походов не страшили никого.

В 1805 году начались большие войны царствования Императора Александра I, которые почти непрерывно продолжались десять лет. Воодушевляемая высокими идеалами борьбы с врагом за царя, веру, за целостность, честь и достоинство своей родины, армия перестала нуждаться в каком-либо внешнем воспитательном воздействии. Сама война являлась для массы армии в ее целом школой, еще более воспитательной, чем образовательной. Все дело теперь было в вождях, которые должны были своим благодетельным нравственным влиянием поддерживать в своих подчиненных тот святой огонь, который заставляет каждого «живот свой положить за други своя». И вожди того времени, питомцы Суворова, оказались на высоте своего назначения, тем более, что Аракчеев, недавно вызванный из своего вынужденного уединения, еще не получил преобладающего значения и всецело был поглощен порученным ему делом организации артиллерии. Предводительствуемая такими вождями армия была в общем безупречна в области моральной и, конечно, не отсутствие должной воспитанности армии привело ее к неудачам под Аустерлицем и под Фридрихсборгом.

Напротив, высокий дух армий после тяжелых неудач, повлекших за собою обидный для России Тильзитский договор и пассивную подчиненность Императора Александра I

политике Наполеона, доказывает, что в ней высоко стояло самосознание и было сильно развито чувство национализма, являющееся результатом высокой моральной культуры, как следствия продолжительного и глубокого воспитания, основанного на развитии высших нравственных стремлений.

В жизни это настроение реально вылилось в чувство мщениа, которое охватило все слои армии и которое настолько овладело ею, что все не разделявшие этого чувства, а таких, по свидетельству современников, было очень мало, считались отверженными, трусами и признавались даже изменниками. С другой стороны, эти чувства, являвшиеся тем воспитательным ферментом, который воздействовал соответствующим образом на моральное настроение армии, были настолько сильны, что ни успехи наши в Финляндии, закончившиеся почетным для нас миром в Або, ни победа над турками, обещавшая нам выгодный мир с Портой Оттоманской, не могли ослабить чувства мщениа к французам и желания отомстить им за позор Тильзитского мира.

Напротив, эти успехи, в связи с живыми воспоминаниями о недавних удачах наших при Пултуске, Прейсиш-Эйлау и Гейльсберге, где французы не могли считать себя победителями, и с более давними воспоминаниями о бесспорных блестящих победах над теми же французами Суворова, поднимали воинственное настроение в армии.

Этот подъем в армии, отвечавший высшим стремлениям человеческого духа, как результата воспитания вообще и военного — в частности, был так привлекателен и так захватывал, что передавался всему обществу. Всюду только и были разговоры о желании борьбы с французами; везде высказывалась надежда на успех; везде говорили о необходимости восстановить поруганное достоинство и затуманенную славу России: удалившиеся из военной службы вновь вступали в нее; военная молодежь стремилась соответствующим чтением пополнить свои знания по военному искусству.

Прочность такого настроения, показывающая солидность основания, на котором оно покоилось, и жизненность источников, которыми оно питалось, позволила ему не ослабевать в течение нескольких лет и сохраниться до тех пор, пока не назрела новая борьба с Наполеоном, на этот раз борьба не на жизнь, а на смерть.

Показателем того направления, которого как бы в ответ на настроение армии в это время держались наши лучшие генералы в деле воспитания войск, может служить составленное Барклаем-де-Толли и разосланное им в войска перед самым началом войны 1812 г. «Наставление господам пехотным офицерам в день сражения».

Наставление это, составленное под сильным влиянием Суворовских заветов, содержало в себе ряд нравственных советов, сущность которых сводится к следующему:

офицер должен заботиться о здоровье и пище солдата, потому что от последнего можно требовать много тогда, когда он видит заботливость начальника. Перед боем надлежит напоминать обязанности долга и присяги и разъяснять солдату, что от него требуется. Никто и никогда не мог устоять против русского штыка, и потому неприятель, как бы ни был он силен, быстр и смел, не страшен.

Офицеру и солдату воспрещается говорить то, что может устроить товарищей.

Офицер, сказавший громко: «Нас отрезают», должен быть в тот же день выгнан из общества офицеров, а солдат — прогнан сквозь строй.

Храбрый никогда не может быть отрезан. Откуда бы ни зашел неприятель, повернуться к нему грудью, идти на него и разбить. Упрямство и неустрашимость больше выиграли сражений, нежели таланты и все искусство.

Война 1812 г. в области воспитания не могла внести никаких новых оснований, напротив, — все обстоятельства этой войны в полной их совокупности, включая сюда и обстановку, предшествующую открытию военных действий, и условия ведения самой войны и характер вождей, стоявших в разные периоды войны во главе армии, и отношение всех слоев русского народа к этой борьбе с Наполеоном — все это естественно могло только развить те нравственные устои, которые являлись источником, воспитательно влиявшим на армию, укрепить то святое настроение, которое давало армии неиссякаемую моральную силу, приведшую в конце концов к полной победе над гениальным корсиканцем.

Но вот ценою невероятных усилий неприятель изгнан из священных пределов русской земли, потом и кровью русского солдата восстановлены немецкие империи, королевства и разного ранга княжества. Победоносная армия вернулась под родной кров. Казалось, она доказала, что, пройдя тяжелую школу продолжительной победоносной войны, она достаточно обучена и воспитана и что в будущем потребуется лишь поддержание тех боевых традиций, которые, имея корни еще в Петровских победах, были недавно освежены на полях Красного, Смоленска, Бородина, Малоярославца, Вязьмы, Лейпцига и под стенами Парижа.

Но обстановка не благоприятствовала этому. С возвращением армии домой по окончании Наполеоновских войн, в которых русская армия получила полное удовлетворение не только за Аустерлиц и Фридланд, но и за Москву, в ней несомненно наступила некоторая реакция, в значительной мере ослабившая то воинственное воодушевление, которым она была полна перед войной, получившей наименование Отечественной и перешедшей в войну за освобождение Германии.

Два обстоятельства сильно способствовали этому: во-первых, многие офицеры, побывав за границей и познакомившись с иным, чем у нас, социальным, общественным и политическим строем и иными взглядами на все это, чем те, которые господствовали у нас, стали критически относиться к родным порядкам, усвоили пренебрежительный взгляд на все свое; патриотизм их принял своеобразное направление, воодушевление, питаемое воспоминаниями славного прошлого, исчезло, и они занялись политикой преимущественно перед задачами воспитания и обучения солдата, к которым призывал их долг и которые после победоносных войн были легко достижимы.

С другой стороны, и в Императоре Александре I, верховном вожде армии, события Наполеоновских войн и последующие за ними вызвали резкое изменение в характере, сильно отразившееся на его отношениях к армии и потому чрезвычайно повлиявшее на ее жизнь, обучение и воспитание.

Пресыщенность первенствующим положением, разочарование в признательности людей и народов, в связи с пробудившимся мистицизмом, повлекли за собою отказ Императора Александра I от прежних политических и социальных идеалов, пробудили в нем увлечение тем, чем единственно он увлекался искренно, — военною службою, но не высшей ее стороной, а мелочами, не сущностью ее, а лишь только формой.

Это, как уже указывалось, повлекло за собою сначала восстановление, а затем и дальнейшее развитие в армии порядков предшествовавшего царствования. При этом отсутствие усидчивости у Императора Александра I и его постоянная манера передавать приведение в исполнение своей мысли в руки других — привели к постепенной передаче всего относящегося к армии в руки преданного ему и раболепно выполнявшего все его мысли и желания Аракчеева, который и старался мало-помалу насадить в армии Гатчинский режим.

Таким образом, явилось несоответствие между настроением офицеров, т.е. учителей и воспитателей армии, и стремлениями руководящих сфер, и вполне естественно, что чем резче сказывалось отмеченное настроение, тем суровее проявлялась система Императора Александра I и ее выполнение Аракчеевым.

В армии водворился суровый педантизм, слишком прямолинейное отношение к требованиям службы и полная отчужденность между начальствующими и их подчиненными.

В конечном результате, в армии установилась отмеченная выше система обучения, при которой совершенно не было места какому-либо воспитанию; последнее заменялось только лишь чисто внешней дрессировкой, средствами которой являлись: розга, прогнание сквозь строй и вообще в широких размерах телесное наказание всех видов.

Правда, в первое время старые боевые генералы восставали против такого ненормального положения вещей, указывая иные приемы обучения и иной характер отношения начальствующих лиц к своим подчиненным. Барклай-де-Толли делал это в своих инструкциях, даваемых 1-й армии, а Витгенштейн — в своих приказах по 2-й армии, но вскоре их авторитетные голоса были заглушены скрипучим, но могучим (поддержкой Государя) голосом всемогущего сначала барона, а затем — графа Аракчеева.

Результаты такого воспитательного воздействия на массу армии были еще более отрицательны, чем плоды господствовавшей в то время системы обучения, но считаться с этим пришлось уже преемнику Александра Благословенного...

1909–1913 гг.

ИСТОЧНИКИ:

Баиов А. История военного искусства как наука. — С.-Пб., 1912.

Баиов А. Курс истории Русского Военного Искусства. — С.-Пб., 1909–1913. — Выпуски I–VII.

АРМИЯ ДВОРЯНСКОЙ РОССИИ

А. Верховский

...Дух армии не есть что-либо оторванное от всей совокупности жизни народа. Наоборот, это — производная экономических, социальных и политических сил, которые определяют всю жизнь народа. Вся моя работа стремится эту мысль показать на развитии военного искусства в России. Но этим путем мы далеко не исчерпываем вопроса психологии масс на поле сражения, материализм, прямолинейно распространяемый иногда на область этики, никогда не даст ключа к пониманию подвига бойца, отдающего свою жизнь за победу, благо тех, кого он считает своими. Эти блага являются благами обычно чисто материального порядка, иногда в скрытой, а иногда и в явной форме, но для бойца на поле сражения это высший идеализм, на который способен человек на земле. Люди, идущие на риск смерти на поле сражения, отдают свое высшее благо — жизнь. Если мы хотим победы, мы должны знать, как сделать, чтобы в массах торжествовало это высшее «человеческое», готовность жертвы собой за идею, готовность поступиться своими высшими интересами за благо коллектива, часть которого он составляет.

Таким образом, вырастая из одного источника, две силы армии — ее материальные средства и силы ее духа, так тесно связанные между собой, составляют для организатора победы две разных задачи, подобно тому, как начальнику на поле сражения приходится управлять разными родами войск, действуя для этого различными средствами. Так и здесь, организация духа армии есть одна наиважнейших задач военачальника. Этот вопрос — организация духа армии, наряду с организацией материальных сил ее, были целью излагаемой здесь работы...

I. Эпоха Петра I

Конец XVII и начало XVIII века были в истории нашего народа страшной порой перелома, подобной периоду нашествия татар, периоду Куликовской битвы и тяжелым дням Смутного времени. Это была пора, когда решалась судьба независимости государства и самого существования русского народа.

Освобождение от татарской неволи, создание своей новой государственности в тяжелой, почти не прекращавшейся борьбе довело наш народ до крайнего истощения; раскинутый на беспредельной равнине, в дремучих, бесконечных лесах России он жил почти исключительно натуральным хозяйством, продуктов которого едва хватало на поддержание

жизни. Торговля была слабо развита; попытки насадить фабрично-заводскую промышленность успеха не имели. Об интенсификации сельского хозяйства не думали совершенно. Между тем на этой слабой экономической базе приходилось создавать большую и дорого стоившую армию, необходимую в той напряженной борьбе, которую наши предки вели на всех фронтах. На юге — с татарами и турками, постепенно захватывавшими весь берег Черного моря; на севере — со шведами, которые оттеснили нас от берегов Балтийского моря, и на западе — с поляками, которые не только отрезали области, заселенные русский народом, но при первой возможности, как это было в дни великой смуты, стремились к полному порабощению России. В этой борьбе нужны были средства, и средства немалые; страна, производительные силы которой были очень невелики, не могла справиться с стоявшими перед ней задачами и задыхалась под непосильным бременем налогов и повинностей. Центральные области пустыли, «тяглые людишки» бежали на «вольные» места на Дон, в низовья Волги, в Сибирь. Между тем созданная с таким трудом военная сила милиционного характера, справлявшаяся с грехом пополам с татарами, оказывалась бессильной при столкновении с государствами Запада, Польшей и Швецией, владевших какими-то новыми, неизвестными нашим предкам, средствами войн, а именно — регулярной армией, т.е. армией дисциплинированной и способной к организованным, одновременным действиям на поле сражения. Наша вооруженная сила не могла совершенно противостоять их удару...

Дворяне, составлявшие главную массу армии, были в управлении страной маловлиятельной группой, так как дворянство не сознавало своей связи с государственностью. В донесении Посошкова мы видим и материальное состояние войска, ярко отражающее экономическую разруху страны, и его обучение, а главное, его психологию, чрезвычайно далекую от сознания общности своих интересов с целями войн и стремление выйти из опасности, как только к тому представлялась возможность. Дворяне в рядах ополчения боярской России чувствовали себя чужими.

Правда, была попытка перейти к новым формам вооруженной, к регулярной настоящей армии. Под руководством иностранных офицеров у нас стали формироваться солдатские полки. Но формы новой армии, в которые вливался старый дух антигражданственности населения, — приводили к тому, что солдатские полки дрались не лучше дворянских ополчений, солдатские же полки, составленные целиком из иностранцев, как это было под Клушиным в 1610 г., просто перебежали на сторону врага.

В борьбе с внешними врагами и разрухой все идеи, все организационные формы, которые были известны в современной жизни, были испробованы боярской Россией. Старая

Россия исчерпала себя вполне. Русская жизнь, как пишет историк Кавелин, «развила все начала, которые в ней скрывались, все типы, в которых непосредственно воплощались эти начала. Она сделала все, что могла и, окончив, прекратилась». Соловьев следит за тем, как естественно развивалось у наших предков сознание своей политической слабости, умственной отсталости, экономического бессилия; как постоянно стремились лучшие люди к общению с Западом и как крепло в русском обществе сознание необходимости перемен...

Лучшие люди страны видели совершенно ясно, что нам необходимо перейти к какой-то новой, более совершенной форме государственной жизни, которая, во-первых, давала бы нам возможность противостоять в вооруженной борьбе нашим западным соседям, во-вторых, которая давала бы возможность стране выносить те расходы, которые вызывались потребностями самообороны, и иметь в своем распоряжении все необходимые для войны средства и материалы — ружья и пушки прежде всего; наконец, в-третьих, которые уврачевали бы недуги нашей жизни, с одной стороны, бедность, а с другой — страшную грубость нравов, беспросветную темноту, полное бесправие и угнетение низших высшими. Вопросы самообороны и тесно связанные с ней вопросы внутренней экономической жизни властно стояли перед нашей страной, и предки наши, глядя на пример Запада, видели, как это может быть исправлено. Такие люди, как царь Алексей Михайлович, бояре Матвеев, Ордын-Нащокин, Голицын, даже раньше их Борис Годунов и Грозный царь Иван, тянулись на Запад в поисках спасения. Глядя теперь на эту пору нашей истории, видим ясно, что страна, выросшая под сильнейшим влиянием Востока как в области экономической, жившая почти исключительно натуральным хозяйством, так и в области политической, с ее абсолютной непререкаемой, божественной властью монарха и полным бесправием подданных, а отсюда с совершенно подавленной самодеятельностью граждан во всех, в том числе и экономической, областях, такая страна, при столкновении со странами Запада, с их богатейшими средствами, создаваемыми зарождающейся фабрично-заводской промышленностью и широко развитой самодеятельностью в широких слоях населения, с их государственной дисциплиной, в таком столкновении перед Россией лежало два пути: либо потеря государственной независимости и обращение в колонию, как это случилось с Индией, Африкой и первобытными народами Америки, либо решительный выход на путь европейской культуры и цивилизации.

Мы ясно понимаем, что смена внешних форм жизни не решает вопроса. Солдатские полки иноземного строя были несколько сильнее поместных ополчений милиционного характера старой России в борьбе с татарами, но они также не могли выдерживать натиск польской и шведской пехоты. Внешние формы сильны лишь духом, который их проникает, а

новый дух могут влить только новые люди. Таким образом, Россия стояла перед вопросом о необходимости замены людей, руководивших всей жизнью страны. Их должны были заменить люди, способные понять новые требования жизни, проникнуться ими и быть готовыми выдержать страшную борьбу внешнюю и внутреннюю, которая совершенно неизбежно должна была стать перед ними.

Нужно добавить, что в той страшной борьбе, которая предстояла России, нужно было иметь людей, которые не только прониклись сознанием превосходства новых идей, но еще и срослись с ними на жизнь и на смерть. Гибель идеи была бы их гибелью. Торжество идеи открывало бы им дорогу к счастью и довольству. Новые идеи в жизни требуют людей, кровью с ними спаянных, иначе они восторжествовать не могут, ибо не будет той силы в их проведении, без которой будет половинчатость, колебания в ту минуту, когда нужны хоть и не самые лучшие, хоть и задевающие чужие интересы, но решительные действия...

Характерно отметить, что и стрелецкие полки, и дворянское ополчение были наиболее дешевым видом вооруженной силы. Те и другие фактически несли службу и находились на иждивении государства лишь небольшой промежуток времени, первые год, вторые только во время войны; остальное же время они сами заботились о поддержании собственного существования земледелием, ремеслом и «торговлишкой». Это войско было войском экономически слабого народа. Действительной силой, по современным понятиям, была постоянная регулярная армия, находившаяся все время на службе, но и на содержании государства, ибо армия, нанимаемая лишь на время войны, доказала свою несостоятельность и даже опасность для страны во время 30-летней войны. Военная нужда в хорошей армии и отсюда потребность в больших средствах на это в значительной мере определяла необходимость для России перехода от натурального хозяйства к более совершенным экономическим формам. Итак, борьба за существование в военной сфере настоятельно требовала решительного перехода к новым формам военной силы, а в сфере всей государственной жизни — к новым формам хозяйства, чтобы дать материальную опору этой новой военной организации. Социальный переворот, сделавший возможными все эти реформы, начался мелкими, казалось, столкновениями в среде господствующего класса — свержением придворной партии Милославских, поддерживавших правительницу Софью, и торжеством партии Нарышкиных, выдвигавших царевича Петра и его мать (Нарышкину, смоленскую дворянку родом). Петр взошел на престол, опираясь уже на новую группу людей — на среднее и мелкое дворянство, среди лучших передовых людей которого западные идеи были чрезвычайно популярны; в них он нашел преданных ему людей, готовых идти за новым знаменем, готовых оторваться от старины, многочисленных и вместе

с тем способных поддерживать и проводить реформы, которые одни только могли дать России необходимые силы в ее борьбе за существование. Найдя с первых шагов своей жизни опору в потешных конюхах, комплектовавшихся из мелкопоместных московских и провинциальных дворян, а то и вовсе «худых» людей, Петр в своей титанической борьбе оперся именно на них; то, что было спасением страны, то для этих новых людей был выход к власти, влиянию и богатству (крупнейшими предпринимателями и купцами развертывавшейся новой экономической жизни стали именно новые «именитые» люди). Интересы страны и интересы этой новой группы совпадали в этот период, и в этом была их сила.

Ни заговоры, ни страшные крестьянские бунты, доходившие от Астрахани до Тамбовской губернии, не могли сбросить новых властителей жизни, решавших основные задачи, лежавшие перед страной в ее целом. Связанные пролитой кровью, они шли на все, не стесняясь никакими средствами, лишь бы они приводили к цели. Страшен человек, которому некуда отступить. «Пред ним или смерть или победа».

Однако наши тогдашние соседи хорошо понимали, что выход России на путь европейской культуры может быть им чрезвычайно опасен. Поэтому все меры принимались к тому, чтобы Россия осталась в своем полудиком состоянии. Петр однажды сказал: «Все народы особенно старались не допустить нас до света разума во всем, особенно в военном деле. Но они проглядели, точно у них в глазах помутилось». Петр лично поехал за границу и понял, что единственный путь поднять благосостояние страны, а с ним вместе и ее обороноспособность, лежит в поднятии производительности народного труда, направив его с помощью технических знаний на разработку нетронутых естественных богатств. Это одно только могло дать возможность усилить государственные тяготы, лежавшие на народе, и перейти от дешевого войска — дворянской милиции и стрельцов, к дорого стоившей регулярной армии. Но так как иностранцы, а особенно шведы, стали нам в этом поперек дороги, то на пути к европейской цивилизации новые хозяева жизни были поставлены лицом к лицу с необходимостью внешней войны.

По мнению историка Ключевского, «война привела его и до конца жизни толкала к реформам», «но сказывалось неестественное соединение взаимно противодействующих сил, война оставалась тормозом реформ, а реформы затягивали войну, вызывая глухое народное противодействие и открытые мятежи, мешавшие собрать народные силы для окончательного удара врагу»...

Война требовала войска и средства. И вот мы видим решительную реформационную деятельность. Дворянство, защищавшее свое право на жизнь, пошло лично и на всю жизнь на

военную службу. То, что старый правящий класс сделать не мог, то смогли сделать люди, работавшие с силой отчаяния и создавшие аппарат принуждения еще невиданной в России силы. Они смогли поставить дворянство на пожизненную службу в армию и гражданское управление. Преображенцы, семеновцы и конница комплектовались полностью из дворян, служивших в этих частях и офицерами, и рядовыми. В остальной армии дворяне служили офицерами, проходя военную науку рядовыми в гвардейских полках. То, что в старой армии было дополнительной мерой для усиления численного состава войск, — призыв даточных, — то в новой армии стало основой для укомплектования рядов армейских полков солдатами. Рекрутская повинность, где каждые 20 дворов должны были ставить по одному солдату на пожизненную службу, стала основой комплектования армии. Стрельцы были уничтожены силой оружия — штыками преображенцев и семеновцев. Таким образом, новый политический строй вызвал полную перестройку всей военной системы. Бояре, опираясь на наемников-стрельцов, выводили против внешнего врага дворянскую милицию, лишь иногда усиливаемую рекрутами от остальных классов населения. Регулярная, постоянная армия была лишь в зародыше. Петр и дворянство перенесли опору на гвардию и конницу, где дворяне служили лично и всю жизнь. Главная же масса армии составлялась из полков, где дворяне составляли только аппарат управления, командный состав, а вся сила были рекруты, по-старому даточные от населения, преимущественно крестьян. Стрельцы и дворянская милиция были уничтожены совершенно, а боярство осталось лишь в виде потерявших всякое влияние групп или частично примкнуло к новому течению жизни...

Таким образом, условия, в которых формировалась новая армия, характеризуются:

1) Сменой правящей группы, истреблением старой вооруженной силы, тяжелой внутренней борьбой, отличавшейся от революции только тем, что народные массы остались в стороне от переворота, отсутствием единства понимания необходимости и полезности реформы в русском мыслящем обществе и сильнейшем пассивном и активном сопротивлении крестьянства.

2) Появлением новой сильной, правящей группы — дворянства, кровью связавшей себя с новым строем, глубоко верившей в то, что их деятельность отвечает интересам всего народа, и действовавшей с несокрушимой энергией людей, за спиной которых стоит угроза смерти.

3) Рядом с формированием новой вооруженной силы шла полная перестройка всей жизни. Россия втягивалась в сферу влияния торгового капитала Европы. Насаждалась промышленность, одновременно с этим перестраивался весь аппарат управления и закреплялись отношения классов. Дворянство закрепощалось на службу государству,

крестьяне на службу дворянам. Вся страна напрягалась в мощном усилии для защиты своей независимости и возможности идти по новым путям к экономическому благосостоянию...

Цель военного искусства нам ясна — это победа. Но мало того. Победа может быть достигнута такой ценой, что она, как победа Пирра над римлянами, по числу жертв и усилий будет равноценна поражению. Поэтому, как учил Петр, «победу надо искать малым трудом и малой кровью». В этом искусство. Для того, чтобы этого достичь, нужно прежде всего, как учил еще грек Ксенофонт, — «обеспечить себе свободу действий». Только в этом случае вы примете или дадите бой, когда это будет для вас выгодно; вы нападете на врага тогда, когда будете для этого достаточно сильны и нападете в такое время и в месте, где победа дается легко. Наконец, вся война на $\frac{3}{4}$ слагается из моральных элементов и только на $\frac{1}{4}$ из материальных. Люди военные, вдумчиво пережившие 1917 год, поняли на нашем примере, что такое психология армии. Военное искусство состоит в том, чтобы развить эти духовные силы и, опираясь на них, добиваться победы...

Изучая борьбу России начала XVIII в., пусть каждый из вас поставит себя в обстановку после Нарвского поражения. Войско было построено по всем правилам тогдашней науки. С наилучшими из наличных генералов армия была выведена на поле сражения, обучена, вооружена и разбита в первом же бою. Что делать? Датчане, разбитые Карлом XII, уже заключили мир. Не следовало ли то же сделать и нам, принимая во внимание, что внутренняя обстановка в стране была далеко не твердая; если же и продолжать войну, то не следовало ли отказаться от всех новшеств, придуманных иностранцами, — тем более, что во время боя иностранные офицеры перебежали к неприятелю, — и вернуться к своей «родной старине», о чем кричала вся тогдашняя Русь?

Какие военные меры принять немедленно для защиты границ?

Вот вопросы, которые надлежит решить каждому, прежде чем изучать, как поступил Петр.

Прежде всего посмотрим, как же он оценил значение этого тяжелого поражения? «Спасибо брату Карлу, — сказал Петр, — будет время, и мы ему отплатим за уроки». В своем «журнале» Петр пишет: «Шведы под Нарвой над нашими войсками викторию получили бесспорно, но... единым словом сказать можно, все то дело яко младенческое играние было, а искусство ниже вида... Но когда мы сие несчастье, или, лучше сказать, великое счастье под Нарвой получили, то неволя ленность отогнала, и к трудолюбию и искусству день и ночь принадлежать принудила, войну вести уже с опасением и искусством велела».

А неволя была страшная. Все они: и Петр, и Меншиков, и Апраксин, и гвардейцы, знали, что в случае поражения во внешней, так же, как и во внутренней войне, их ждет одно — плаха на Красной площади в Москве.

Этот аргумент был в их представлении не последним и входил слагающим во все их соображения, определяя ту бешеную энергию, которую они сумели развить в нищей, голодной стране, не выплачивающей налогов, разбегавшейся от тяготы повинностей, с ее бездорожьем, темнотой, непониманием — чего и зачем от нее требуют. Но они с нечеловеческой энергией молодого организма, борющегося за свое существование, с прекрасным знанием борьбы за Россию в руках, втягивая в свои ряды всех новых людей, готовых бороться под их знаменем, из старого боярства, из крестьян, купцов и приказных, вели борьбу, организовывали, строили, собирали, усмиряли мятежи и после Нарвы меньше всего думали о сдаче...

Таким образом, основное решение после поражения было, несмотря на тяжесть неудачи, продолжать борьбу и воссоздать вооруженную силу. С восстановлением материальной силы справились относительно легко, но как было сделать армию боеспособной, сделать ее, как говорил Петр, такой, чтобы двинуть ее «не под лапу, а в самую пасть неприятеля»? Как сделать ее, употребляя слово того же Петра, «бесконфузной»? Ведь, казалось, все, что требовали современная военная наука и практика Запада, было исполнено, когда собирались в поход к Нарве, и обучены, и одеты по-иностранному, и командовали иностранцы, а под первым натиском армия разбежалась. И Петр понял, что армии не хватило души, или, кто не любит этого слова, — психологической спайки. Того невесомого, незримого, что составляет $\frac{3}{4}$ ее силы. Материально армия может быть вполне обучена и сформирована, но этого мало. Армия или выполняет все, чему ее научили, т.е. стреляет, маневрирует, атакует, оставаясь в руке своих начальников, или же не выдерживает страха смерти, в глаза которой нужно смотреть, и разбегается, спасая свою жизнь. Вот в чем суть. Сможет ли солдат, смотря на страшное лицо стоящей перед ним смерти, выполнять то, чему его учили, и то, что ему приказывали, или же он будет искать спасения в бегстве. Только что сформированная регулярная русская армия не выдержала напряжения боя и побежала, стихийно, панически, спасаясь от смерти на поле сражения и погибая от паники в реке; но бежала, проигрывая сражение. Труднейшей задачей было — вдохнуть в эту армию то, что я называю «душу живую», и в этом направлении началась огромная работа воспитания армии, — работа, в которой наши предки пошли своим оригинальным, совершенно самобытным путем. В то время, как армии Западной Европы все внимание сосредоточивали на муштровке солдат, стремясь страхом наказания и верной смерти в тылу под рукой палача

сделать солдата послушным механическим орудием в руках начальника, в нашей армии, кроме систематического обучения и утверждения созданного ранее аппарата принуждения, началось еще воспитание духа в войсках. В армиях Западной Европы при внешнем парадном блеске «дух и дисциплина войск представляли самое печальное явление. Везде жалобы о падении истинной военной доблести, грабежи, дезертирство и трусость... Самые тяжелые наказания не в силах исправить эти недостатки, пустившие глубокие корни и проистекавшие из состава войск, управления ими и быта». В то время, как в вербованных армиях Запада с солдатом обращались, как со скотиной, петровский офицер подошел к нему не только с учением, не только со строгостью, но и как человек к человеку. В этом заключалась особенность нашего военного искусства XVIII века, причина всего, блеск наших побед и решительных успехов всех войн Петра и Екатерины. И в этом я вижу неотъемлемую принадлежность всякой армии, вышедшей из социального переворота, революции, гражданской войны. Ей необходимо опереться на сознание масс. Действительно, в страшную минуту смертельной опасности в душе бойцов происходит жестокая борьба чувства долга и стремления спастись во что бы то ни стало. Сократ, который простым рядовым участвовал в войнах своих родных Афин с персами, оставил много ценнейших наблюдений за психологией войск. Он сказал между прочим: для того, чтобы победить, начальник должен сделать солдата счастливым. В этом великая неумирающая правда. Мы знаем другой лозунг — «солдат должен бояться палки капрала больше, чем пули врага». Это — основа воспитания прусской вербованной армии Фридриха Великого, всех вербованных армий современной Европы.

Первая правда — это правда граждан. В ней воины привыкли видеть какую-то великую ценность, которой угрожает опасность, привыкли считать, что эта ценность бесконечно дороже их жизни, и в таких условиях, в минуту борьбы в их сердце есть твердая точка опоры для борьбы с чувством самосохранения. Нет разлагающего вопроса: к чему? — который позволяет человеку поддаться своей слабости, оправдывает ее. В сердце и уме войска должна жить идея простая, ясная, понятная каждому, за которую он идет на смерть. Не материальные блага каждого отдельного человека способны сделать его счастливым перед смертью, ибо лучше потерять все и остаться живыми, и с точки зрения узкого себялюбия прав был унтер-офицер на параде в Риге в 1917 году, который ответил Керенскому: «Зачем мне земля и воля, если я буду убит». Но идея, переросшая личное счастье, но, конечно, прочно вросшая корнями в экономические условия жизни масс, по форме же большая, красивая идея может сделать людей способными на самоотвержение, броситься вперед и увлечь за собой остальных.

Все было в царской армии 1917 г. Но под влиянием все нараставшего разрыва между требованиями, предъявлявшимися правительством, и основным сознанием народа и осознанным им интересами, идея, во имя которой можно было драться — умерла. А с ней умерла и армия. Конечно, масса всегда неустойчива, в ней рядом с героем есть трус, которому никакая идея не дорога и который способен только бежать. Этим людей может удержать в рядах только страх наказания, страх верной смерти в тылу. Но думать, что можно одной «палкой капрала» достичь результатов, конечно, невозможно.

Именно так и стал вопрос в армии Петра. Дворянство, взявшее власть в свои руки, верило глубоко, что, сражаясь за власть и свое личное благосостояние, оно борется одновременно и за интересы всего народа, за «отечество», и эта идея воодушевляла его на тяжелые жертвы. Отдавая свой приказ перед Полтавской битвой, Петр выражал лучшее мечтание, наиболее светлые взгляды своих современников, положенные в основу воспитания войск: «Воины, — писал он, — пришел час, который решит судьбы отечества. Вы не помышляйте, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество, за православную веру и церковь... Имейте перед собой в сражении правду и Бога, вашего защитника, а о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россия в славе и благоденствии для благосостояния вашего». Объезжая полки перед битвой, Петр говорил: «Порадейте же, то товарищи, вера, церковь и отечество этого от вас требует».

Петру I принадлежит заслуга первой попытки дать своей бесформенной и беспредельной власти нравственно-политическое определение. Твердя в своих указах о государственном интересе, как о высшем и безусловном двигателе всякой работы, всякой деятельности, он сак себя ставил в подчиненное положение этим интересам, благу России. Он требовал службы себе, как главному носителю этой идеи, как первому работнику своего народа. Нужно отметить, что идеи, на которых хотят построить воспитание массы, должны быть живыми в данный период, т.е. находить отклик в тех реальных жизненных интересах, которыми живет масса. Бог, царь и родина — были лозунги начала XVIII века.

Эти лозунги, как видно, тесно связаны со всей экономической и социальной жизнью того дня, выражали живую идеологию современности, они были бесконечно выше блага отдельного человека, охватывая как счастье одного только человека, так и счастье всех. На этом строилось воспитание армии...

Итак, воспитание массы армии строилось, с одной стороны, на развитии сознания важности цели, за которую шла борьба, в стремлении поднять человеческое достоинство в солдате, сближая его с его начальником-офицером, а с другой стороны, на сурово военной дисциплине, карающей тех, кто не проникнется готовностью пожертвовать своими

эгоистическими побуждениями — общей пользе государства. Характерно, что, как воспитание массы, с перенесением опоры на представления, уже осознанные, а, с другой стороны, силы, чтобы осуществить принуждение, всегда были принадлежностью молодых армий, выраставших в пламени гражданской войны, и это давало им всегда необычайный прирост силы.

Не меньшее внимание Петр уделял командному составу. Он ясно видел, что только армия, которая уверена в своем искусстве и действительно знает свое дело, только такая армия способна к победе. Поэтому в офицеры допускались только те дворяне, которые прослужили установленный срок солдатом и «с фундамента солдатского дела знают». Воинский устав 1716 года прямо определяет: «Шляхетству российскому иной способ не остается в офицеры происходить, кроме что служить в гвардии». И, действительно, гвардейские полки обратились в командные курсы, где рядовыми служили дворяне, подготавливаясь к производству в офицеры в армейские полки. Они жили в казарме, несли караулы, получали солдатский паек и в бою дрались рядовыми в своих полках. В то же время это были части — основная опора как во внешней, так и во внутренней борьбе. Но дворянство не было в эту эпоху замкнутой группой. Решительный перевес был дан службе над породой. Дорога к офицерскому званию была открыта всем, и обер-офицер, какой бы он ни был «породы», имел первое место перед бесчиновным дворянином. (Интересно отметить, что дворян было всего 15 тысяч человек. Таким образом, организующая группа, вынесшая на своих плечах перестройку жизни всего 14-миллионного народа, была так ничтожна по своей численности).

Особо внимательно относился Петр к развитию самодеятельности среди своего командного состава. Всякий, кто становится к большой работе, знает, какое огромное значение имеет участие, активное сотрудничество всех — коллективная работа. В нашем военном деле, при строгом соблюдении дисциплины, при ясном сознании необходимости все усилия направлять к единой поставленной приказом цели, самодеятельность имеет решающее значение. Блестящим развитием самодеятельности объясняются успехи немцев в войнах последнего времени. Армия, в которой развита и воспитана самодеятельность, может быть уподоблена живому организму, в то время, как армия без самодеятельности — это лишь мертвый механизм, способный действовать лишь при особых искусственных условиях, которых на войне создать нельзя. Это — паровоз, выпущенный с рельс на вспаханное поле.

Но самодеятельность может развиваться лишь там, где есть импульсы к деятельности. Их нет у наемника, нет у забитого автомата, но она может быть и есть у гражданина, защищающего дорогое ему достояние. Таковы были новые люди России, которые сами

грудью стали защищать свое новое государство. Но, конечно, воспитать самодеятельность, сделать из нее организующий фактор в один день нельзя. Старая Русь, с ее азиатским укладом, принесенным к нам татарами, еще цепко держала в руках наших предков. Со свойственной Петру решительностью, он требует от своих командиров «рассуждения под страхом жестокого наказания», ибо, как дальше говорит регламент, «порядки писаны, но времен и случаев нет»...

Таким образом, воспитывая командный состав своей классной армии в тот исторический момент, когда этот класс еще только формировался, Петр определенно стремился втянуть туда все ценное, сильное, готовое идти с новой Россией, что было тогда на горизонте. В офицеры выходил дворянин, если он знал свое дело, но доступ туда был открыт каждому «настоящему» человеку. Знание дела для начальника (понимая под этим, конечно, не теоретическое знание, а знание и умение) было решающим фактором. Но рядом со знанием Петр воспитывал в своих птенцах другой великий двигатель на войне — самодеятельность, о которой армии современной Западной Европы еще и не мечтали, ибо армия Петра была в значительной мере армией революции...

Краткий очерк той огромной работы, которая была проделана Петром и его сподвижниками после Нарвской неудачи, позволяет нам остановиться на следующих главных приемах, которыми они пользовались при воссоздании армии.

1) Глубоко продуманная военная система, опирающаяся, с одной стороны, на реальные, живые силы той группы организаторов, класса, который наиболее тесно связывал свои интересы с интересами всего государственного соединения, а с другой стороны, — с мнением, взглядами и верованием масс. Первое давало организационный аппарат — гвардию, как точку опоры и источник комплектования офицерами, — командный состав для всей армии и конные полки; второе давало единство настроения, связывающее всю постройку прочным цементом — духа. Ко времени поражения под Нарвой Петру удалось организовать лишь аппарат управления, механически организовавший армию; после поражения он перенес опору и на психологию народной массы, организуя уже не только ее материальные, но, что много важнее, ее духовные силы.

2) Организация духовных сил армии осуществлялась путем постепенного и планомерно проводимого воспитания, в котором, впервые в истории Европы, к солдату, к бойцу обратились как к человеку, открыв ему дорогу к офицерскому званию и апеллируя к его лучшим, человеческим сторонам его духа, к сознанию долга перед обществом, отечеством, готовности к подвигу в борьбе за него и т.п. Эти методы поднятия

боеспособности армии были полной противоположностью палочной дисциплине армии современной Европы.

3) Особое внимание уделял Петр воспитанию своего командного состава, воспитывая в нем людей, способных решаться, полных самостоятельности и готовности принять на себя ответственность и верных своему долгу. Он считал и требовал от своих офицеров знания своего дела, давая прямой перевес знанию над породой, ясно видя, что для победы нужны таланты, нужны сильные люди; втянутые в его новую армию, они станут более верными сторонниками новой России, чем дворяне по крови, но старые духом, а еще хуже знающие дела люди, которые по незнанию погубят то дело, которое им будет доверено.

4) Техника той поры была слаба, потери сравнительно невелики, поэтому возможность в казарме держать постоянную армию и длительным воспитанием в казарме и на войне облегчала дело воспитания в армии тех идей, которые были нужны для сплочения войск. При том состоянии техники можно было не заботиться о том, насколько эти идеи поняты и усвоены всей массой народа. Можно было лишь заботиться о воспитании и обучении армии, а не всего народа.

В боевой подготовке армии Петром особенно обращает внимание необходимость строгой выучки, тренировка масс в стройных движениях, а особого внимания заслуживает обучение предпочтительно наступательным действиям, прием обучения армии настоящей борьбе с мелкими частями врага, обучая их военному делу на войне, но там, где слабость врага исключала опасность поражения, наоборот, где победы, хотя и мелкие, приучали войска верить в себя. Отметим сейчас же, что воспитание в духе той или другой идеи возможно в том лишь случае, если ему соответствует и вполне с ним согласована определенная система обучения, с тем, чтобы определенно создаваемое настроение немедленно закреплялось в твердых, механических приемах, которые своим ритмом направляли весь уклад мышления в ту же сторону, в которую направлено воспитание войск. Без этих двух тесно согласованных сторон одного дела создания армии сделать боеспособное войско нельзя...

Полководец должен сделать своих солдат «счастливыми», если он хочет добиться победы. Петр перед боем объехал свои полки, беседовал с солдатами, с командным составом, напоминал о том, за что они борются, напоминал о тех победах, которые уже были ими достигнуты над шведами. Он будил у них веру в себя; наконец он отдал приказ, в котором напоминал простые, всем знакомые, привычные идеи, на которых было построено все воспитание армии: «Имейте перед собою правду и Бога, защитника вашего, а о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога. Жила бы только Россия для благоденствия вашего».

Этот приказ представляется мне чрезвычайно важным вот в каком отношении. Вы видите прежде всего, что каждому солдату, каждому командиру внушается мысль, что он борется не за чьи-то чужие интересы, не за своего государя даже, не за тот или другой класс (дворянство), (что все-таки объективно было так), что они борются за благосостояние всей страны, всего народа (которое в известной мере совпадало с классовыми интересами дворян), и в том числе за свое собственное счастье, за то, что в широких массах называлось «отечеством». И вот в тяжелую минуту, когда перед каждым бойцом стояла смерть, Петр выдвигал, гипнотизировал, сосредоточивал всю мысль на том, что цель, во имя которой воины шли, была выше смерти и дороже жизни каждого отдельного человека.

Это удар по психологии войск, у которых в решающую минуту внимание приковывается к великим, быть может, мало понятным, именно поэтому мистически важным целям от поражающего ужаса смерти и сосредоточивают на той идее, которая должна победить.

Это один из приемов, который каждый из вождей, понимающих сердце человеческое, применяет, чтобы вести свои войска к победе.

Краткий очерк формирования армии, вписавший в русскую историю Полтаву, показывает, что создать новую армию в хаосе никому не ясных внутренних отношений зарождавшейся новой жизни мог только новый властвующий класс, каким тогда были дворяне, проявившие крупный организационный талант как в личности самого царя, так и в коллективном творчестве целого класса; несмотря на то, что сознание своих собственных классовых интересов было не только неясно всему классу, а лишь его наиболее сильной и яркой верхушке, эта верхушка, спаянная кровью убитых врагов, без пути отступления, имея перед собой «смерть или победу», дала такую меру самоотвержения, проявила такие подвиги, такую готовность лично идти на все опасности борьбы вне и внутри страны, что увлекла за собой колеблющиеся элементы и действительно создала из всего сильного, талантливого, готового учиться группу командиров и вождей, которая от нарвского погрома привела армию к полной «виктории» (победе). Этот пример заставляет признать, что в известной исторической обстановке такой выход, какой избрал Петр и который сейчас снова избрали преемники упавшего дворянства, этот путь действительно может создать армию, способную победить. Отмечаем, как близко, до деталей схема создания Петровской армии подходит к нашей.

Но укажем на один фактор, представляющийся мне чрезвычайно важным. Действительно формирующееся в процессе борьбы дворянство взяло на себя роль организаторов, и оно за это получило и политическую власть и богатство, но оно победило в

борьбе потому, что сумело ответить на действительные нужды широких и влиятельных слоев населения (торговый капитал), с одной стороны, а с другой — сумело опереться на психологию народной массы, являясь выразителем тех чаяний и верований (общественное мнение масс), которые к этому времени имелись налицо.

Именно в этом задача организатора. Взять те элементы, материальные и моральные, которые имеются в жизни, и на них создавать ту организацию, которая нужна по ходу истории.

Нужно только, чтобы в решающую минуту организаторы умели и были готовы поставить свою голову на карту. И это «птенцы гнезда Петрова» делали и не раз и не два: и в боях со стрельцами, и восстаниями внутри, и в страшных боях со шведами.

Умение создать аппарат управления армии, вовлекая в борьбу все сильное, талантливое, независимо от «породы», открывая широко двери каждому, кто готов был примкнуть не словом, но делом, и жизнью к борьбе новой армии, опереться и развить действительно имеющиеся силы масс и в решающую минуту пойти на жертву собой — вот задача организаторов армии, выполненная дворянством в начале XVIII века и приведшая к полной победе в Северной войне, которая ясно указывает нам, что в методах, принятых в нашей борьбе, может быть признано верным и что может быть усовершенствовано.

Изучая эпоху Петра и его деятельность, мы должны будем с глубоким вниманием остановиться на впервые понятом в Европе воспитании армии. Объясняется это тем, что армии Европы выросли, опираясь на силу исторических традиций, тогда как у нас, в обстановке государственного переворота, величайших тягот, упавших на плечи массам и, как результат их, грозных движений, всякое требование, всякую форму нужно было психологически построить так, чтобы она нашла отклик в общественном мнении массы и была ею принята. Вот почему воспитание армии носит такой ярко выраженный человеческий характер...

Твердой рукой проводилась в Петровской армии дисциплина. И в этом в русской жизни не было ничего нового. Татарское иго, сломав анархическое самовольство удельного периода, научило русский народ повиноваться, быть может, сделав его более покорным, чем это было нужно. Но что было величайшим новшеством, это — требование самостоятельности, проявление инициативы, о которой в Западной Европе стали лишь говорить в XIX веке. Уже тогда, в век гладкоствольного, медленно стреляющего оружия, в армии появился спрос на «коллективное» творчество, на творческое участие в работе всех от мала до велика. Не меньшее значение придавалось уже тогда знанию дела, как ни просто оно было по сравнению с его состоянием в наши дни. Петр ясно видел, что победы можно иногда

добиться и без военного знания, но лишь случайно и с огромными потерями; если же ценить жизни и усилия, если хочешь победы «малым трудом и малой кровью», то здесь нужно знание и умение, и это требование мы видим в его армии везде сверху донизу. Техника современного оружия, наносившего сравнительно небольшие потери, упрощала это обучение. Укомплектования, вливаясь в ряды, успевали обучиться всему, что нужно, а потребность в них была не настолько велика, чтобы страна не умела их выполнить...

Действительно, до Петра в России не было регулярной армии; до Петра в старом военном искусстве не было понимания необходимости поддержки боя из глубины, идеи резервов; до Петра никто не знал сомкнутых укреплений на поле сражения. Если вы вспомните творения великого полководца Франции, то, отдавая приказ к бою, направляя своих генералов, он в заключение говорил: «А затем, господа, я рекомендую здравый смысл».

Вот то, что мы должны принять, как вывод, из всего того, что мы изучали. Прежде всего, необходимо иметь здравый смысл. Мы должны усвоить себе полную свободу взгляда, отбросить всякие закостенелые формы, рутину, связавшую нас по рукам и ногам. К разрешению каждого вопроса мы должны подходить с простым здравым смыслом, мы должны выяснить цель, которая стоит перед нами, и реальное соотношение сил, при котором эту цель мы будем достигать. Наполеон говорил: «На войне обстановка повелевает», и, действительно, реальное соотношение сил позволяет делать выводы, как в данной обстановке легче всего достичь нашу цель, доводя свое решение с холодной решимостью до конца, как бы тяжело это ни казалось, ибо если в нашей мысли мы оторвемся от логики мысли, то на поле сражения такой логический разрыв неизбежно кончается поражением. Давайте проследим эту мысль в Петровской работе. Посмотрим, как оценивал Петр реальное соотношение сил. Как он определял его. Прежде всего, к учету бралась численность, вооружение, обученность его армии и численность армии шведов. Все ли это? Нет, не все. Тут входит еще ряд множителей. Если возьмете мемуары Наполеона, то там прочтете, что $\frac{3}{4}$ это психология и только $\frac{1}{4}$ — материальная сторона. И вот посмотрите, как внимательно присматривается Петр к этой стороне дела. Если численность армии легко определить, то как узнать величину этих сил духа, которые на $\frac{3}{4}$ определяют силу армии; их можно определить только точным учетом жизненного опыта. А это можно сделать в действии. Петр послал свою армию под Нарву. Под Нарвой армия потерпела поражение. Петр понял необходимость что-то сделать с армией для того, чтобы она стала боеспособной. Началась большая работа внутри армии, направленная, с одной стороны, на обучение, на совершенствование материальной стороны дела, а с другой стороны, работа над психологией армии,

направленная на то, чтобы создать единый дух в войсках, чтобы связать командира с солдатами, чтобы связать командный состав и армию в одно психологическое целое, которое на поле сражения может дать максимум сил.

Работа шла пять лет, все время сопровождаясь боевой школой. Армию пробуют в боях под Нотербургом, Гумельсгофом и снова под Нарвой. Опыт кончился удачей, казалось, что силы выросли, что их можно более смело вывести на главный театр военных действий и дать генеральное сражение шведам. Вы видите, как внимательно следит великий полководец за ростом своей военной силы. Он учитывает каждую данную, которая позволяет так или иначе ему самому смотреть на свое войско и войску самому смотреть на свои силы, верить или не верить в себя. Но если в боях на второстепенных участках, с малыми силами врага, он действует со всей решимостью — наступательно, то, сходясь с самим Карлом, его действия носят весьма осторожный характер. Он вывел в 1705 году армию под Гродно, но первое же столкновение с неприятелем показало, что оценка сил преувеличена; все усилия пришлось направить на спасение живой силы. И ему удалось искусным маневром вывести армию из-под удара. Снова началась работа над обучением, комплектованием, воспитанием войск, а когда он увидел, что работа его дала результаты, что армия сделала еще мало по пути развития, он сейчас же направил ее на испытание, выдвинув под командой Меншикова часть сил под Калиш и одержал победу. В следующем году работа продолжалась, и Петр снова решил искать боя с врагом. Но если под Калишем было решительно веденное наступление, то в новом столкновении с главными силами врага под Головчиным была оборона на укрепленной позиции. Армия потерпела неудачу, но ее успешно вывели из боя, и опять Петр продолжил свою созидательную работу, учтя реальное соотношение сил: он пользовался каждым случаем, чтобы армию воспитать в бою, совершенствовать ее и главное — дать ей веру в себя. Эта работа дала результат: первая серьезная победа над частью главной армии шведов была одержана под Доброй, вторая — под Лесной.

Это является определенным показателем сил армии. Одновременно медленная, но верная, истощавшая силы врага деятельность, не давая ему разбить себя в генеральном сражении, втягивая его в бесконечные болота, леса и поля нашей страны, используя глубину театра войны. Петр постепенно ослаблял врага постоянными нападениями, и когда в результате этой 9-летней работы соотношение сил стало выгодным для нас, Петр решил вывести свою армию на поле сражения под Полтавой, добить истощенного врага и окончательно решить судьбу своего войска и своей страны.

Вот вывод, который представляет для нас глубокий интерес в истории Петровской эпохи, это умение ценить реальное соотношение сил, внимательно присмотреться к тому, что

именно было нам по средствам. И то, что ему было по средствам, то Петр и делал. С теоретической точки зрения наступление выгоднее обороны. И Петр это знал. Он так и воспитывал свою армию. Но Петр понимал, что реальное соотношение сил было против него, и он, терпеливо выигрывая время, выжидая соответствующей минуты, принимал всевозможные меры к тому, чтобы усилить себя и ослабить врага, пока нарастание внутренних и внешних сил не достигло такой степени, что он мог с полным правом пойти в решительный бой под Полтавой.

Другой принцип, на котором мы со вниманием остановимся, это планомерность всей войны и каждой операции, где все действия, все бои связаны единой руководящей идеей, твердо и гибко проводимой от начала до конца. Благодаря этому, несмотря на превосходство сил врага, инициатива действий почти все время оставалась в руках Петра, приведя его к Полтавской победе...

II. Эпоха Суворова

Именем нашего великого полководца, тонкого мастера военного дела и знатока человеческой души, я хочу назвать эпоху расцвета военного искусства нашей старой армии. Особо благоприятные условия внешней и внутренней обстановки сделали его появление возможным, вызвали Суворова на историческую сцену. Но с его смертью новые потрясения борьбы с французской революцией сохранили еще на некоторое время условия, поддерживавшие военное искусство на его прежней высоте, несмотря на то, что действовали уже его ученики и сподвижники, далеко уступавшие ему в даровании. Это особенно интересно потому, что направление внутренней политики в промежутке между его смертью в 1799 г. и 1812 г. сделало все, чтобы подавить, уничтожить идеи и методы Суворова. Но на войне «обстановка повелевает», и люди не смогли нарушить то, что властно требовала жизнь.

Длинный период войн царствования Екатерины и «Отечественная война» 1812 года, разделенные коротким временем павловской реакции (с военной точки зрения; с политической точки зрения можно говорить лишь об ее усилении), представляют собой в истории военного искусства России крайне интересный период расцвета, после которого длительный период «аракчеевщины» кажется особенно тяжелым, особенно беспросветным. Эта пора расцвета наиболее ярко характеризуется деятельностью Суворова и созданной им школы военачальников. Она наполнена славой его побед, возвышенным духом его ученья, всем его ярким, благородным образом вождя, никогда ни в радости, ни в горе не порывавшим со своими офицерами и солдатами, делившим их трудную жизнь, опасность

боя, обожаемого своим войском и никогда не жалевшего себя, своей жизни в трудную минуту. Обаяние личности Суворова и его духовная связь с армией будут всегда для военного человека его заветной мечтой...

Мы можем сказать, что при равной технике побеждает более сильный духом. Мы можем сказать, что при равных духовных силах побеждает тот, в чьих руках более сильная техника. Еще не значит, что при более слабой технике дух обязательно будет подавлен; духовные силы могут дать такой перевес даже слабым технически, что победа останется за ним. Такова история всех победоносных войн революции — французской, английской, голландской и т.д. Видите, насколько этот вопрос для нас злободневен. И вот именно эту мысль о превосходном значении духовных факторов в борьбе, о довлеющей роли психологии на поле сражения нужно знать и верить в великие силы духа. Не забывая развития техники, мы должны обратить внимание на воспитание духа, сосредоточить на этом наши главные усилия, развить, организовать и обосновать на этом нашу победу.

С этой точки зрения я хочу обратить ваше внимание на эпоху Суворова. Вы увидите там много такого, что давно пережито нами: в технике там кремневое ружье, в области воспитания духа там лозунг «за веру, царя и отечество». То и другое отошли в вечность, что-то вечное, не знающее времени, было живо в эту пору, и именно это характеризовало всю суворовскую полосу истории нашей армии и также всю деятельность великого «русских войск победоносца». Этот полководец не знал ни одного поражения, строил всю силу своей армии на психологических факторах, изучение методов использования которых и представляет наибольший интерес с точки зрения военного искусства...

Из малоизвестной, полудикой Московии Россия превратилась в европейское государство, с влиянием на ход европейской политики, — государство, ставшее на путь европейской культуры и цивилизации. Вы видели, что в результате большой и определенной внутренней работы среди дворянства оно достигло единодушия и путем единодушных усилий стало полноправным хозяином России, внутренняя и внешняя опасность заставила его требовать чрезвычайных усилий от населения, но заключение мира положило конец напряжению, а вместе с ним уменьшились необходимые жертвы, которые население приносило в борьбе, а вместе с тем разрядилось недовольство, нараставшее внутри страны, которое выражалось бесконечными заговорами и бунтами. Началось успокоение, победители почтили на лаврах и... принялись делить добычу. Различные течения внутри формировавшегося господствующего класса, боярство, которое сохранило недовольство новыми порядками, иноземцы, которые были привлечены во время войны как техники, но сохраняли свое положение и после нее, все эти группы вели ожесточенную внутреннюю

борьбу, правда, не имевшую в итоге большого политического значения, ибо каждый раз, когда та или иная общественная группа пробовала повернуть руль государственного корабля не в ту сторону, которая отвечала интересам главной массы среднего и мелкого дворянства, а также вышедших при Петре новых людей, так сейчас появлялись на сцену Семеновский и Преображенский полки, где дворяне по-прежнему служили лично, и силою их штыков политика направлялась туда, куда было угодно этому «новому хозяину жизни». Все склонялись перед вооруженной силой, олицетворявшей волю «новой России».

Эта внутренняя борьба сказалась чрезвычайно тяжело на вооруженной силе страны. Распри внутри господствующего класса неизбежно ведут к нарушению доверия, столь необходимого внутри армии. В ход были пущены сыск, пытки, суровый аппарат принуждения. В Петербурге достаточно было крикнуть на улице: «слово и дело», как сейчас же полиция по первому доносу брала человека, подвергала допросу с пристрастием, т.е. попросту мучила в застенке, с целью узнать имена воображаемых и настоящих заговорщиков. Это вопрос политики, но он тотчас же отражается на армии, как давление пара в котле на работе поршней.

Раз нет единства в государственной работе, нет единства и в армии, а раз нет духовного единства в армии, его стремятся подменить внешним безмолвием, слепой исполнительностью, и армейская политика склоняется в сторону вкоренения палочной дисциплины всеми возможными способами. В армии получают значение не люди таланта, богатые знаниями, а люди, готовые проводить эту гнусную политику «убивания духа». Лучшими исполнителями такого рода задания являлись иностранцы, особенно немцы, не связанные с Россией, презиравшие наш народ. Без особых знаний, без традиции, без любви к стране эти люди проводили в стране и армии линию, о которой я здесь говорю. Если вы прочтете переходный период от Петра до Екатерины, то увидите ряд выдвинувшихся деятелей-немцев. Вспомните Бироновщину, Миниха, Левенвольда, Голшгинцев и т.п. Это была одна из самых тяжелых страниц нашей истории. Благодаря этому мы видим упадок во всех областях армейской жизни, упадок военного искусства, дисциплины и самого духа армии. Этот период характеризуется двумя основными течениями, влиявшими на весь ход русской жизни. С одной стороны, дворянство, стоявшее с ружьем в руках в рядах гвардии и заполнявшее все ячейки аппарата управления страной — боролось за свое освобождение от государственных повинностей. Внешняя опасность, столь сильная во время Северной войны, была ликвидирована, внутри государства господство дворянства никем не оспаривалось, и дворяне стремились облегчить себе возможные повинности, которые возложила на них страшная борьба петровской поры. Сверх этого дворянство кристаллизуется в замкнутую

группу, в которую доступ для людей, выдвинувшихся на службе, все больше и больше затруднялся, нарушая основной принцип, по которому Петр формировал новый класс организаторов. Он основывался на личных качествах человека, давая перевес службе над породой. Но, захватив власть, они стремились ограничить число привилегированных лиц в стране, увеличивая в то же время свои привилегии. Дворяне замкнулись от всех остальных сословий, они утвердили за собой исключительное право покупать земли, населенные крестьянами, они потребовали и получили право отпусков и льготы по службе. В 1727 году двум третям офицерства разрешили вернуться в свои поместья. В 1732 году был устроен шляхетский (дворянский) кадетский корпус, в котором дворяне могли получать военное образование и офицерский чин без прохождения тяжелой службы в рядах войск. В 1730 году служба, возлагаемая на дворянство, была из пожизненной сокращена до 25 лет. В 1760 году дворяне получили дешевый государственный кредит. В 1765 году Петр III объявил указ о «дворянской вольности», по которому дворяне освобождались от обязательной службы государству, и, наконец, Екатерина внесла прочную организацию в дворянское сословие. Раньше дворянство, находясь в полках и на службе, в этом постоянном общении находило свою организацию, когда же за дворянством было закреплено право жить в своем поместье, то возникла надобность организации по губерниям и уездам на местах, что и было сделано Екатериной созданием дворянских собраний, предводителей дворянства и выборных от дворян на различные должности и передачей фактического управления страной в руки выборных от дворян. Это первая характерная черта политики дворян после победы.

Вторая характерная черта заключается в том, что, освобождаясь сами, дворяне стремились к увеличению своей власти над крестьянством. Когда при Петре I закреплялась, создавалась известная зависимость крестьян от помещиков, то это делалось с целью дать возможность дворянам служить государству. Но по мере того, как дворянство освобождалось от службы, крестьянство, наоборот, становилось все более и более зависимым от помещиков. И в царствование Екатерины эта зависимость сделалась максимальной. Фактически крестьяне стали в положение вещи или рабочего скота. При Петре крестьянство приводилось к присяге наравне с остальными слоями общества. Елизавета этого уже не позволила, а при Екатерине каждый дворянин мог торговать крестьянами, как он хотел, продавать их без земли, порознь, разъединяя семьи и т.д. Эта вторая линия представляет для нас огромный интерес, особенно с военной точки зрения. Посошков, современник Петра, писал: «Крестьяне повинны помещику, поскольку помещик повинен государю». Ко времени Екатерины повинность помещиков государю отпала, зависимость же крестьян от помещиков, наоборот, возросла, так что положение крестьян в

государстве потеряло даже и тень справедливости и стало явной, неприкрытой формой эксплуатации одного класса другим. Вот почва, на которой выросло страшное крестьянское восстание Пугачева. Историю его вы изучите более подробно в ином месте. Нас же, военных людей, интересует вот что: лозунги, с которыми двигались народные массы при восстании, находили отклик в рядах регулярной армии, которая была двинута на усмирение восставших. Как во времена великой французской революции лозунги восстания проникали через стены казармы, через все кордоны в сердце солдата и заставляли его перейти на сторону восставших. Вместе с этими солдатами переходил часто и командный состав, как это было, например, в Симбирске и Саратове. Также к восставшим примкнули и уральские рабочие, привезшие с собой артиллерию и умение стрелять из пушек.

Движение Пугачева развивалось с необычайной силой; им была захвачена Казань, он двигался к Тамбову, т.е. весь юго-восток был объят восстанием, помещиков убивали и уничтожали поместья. Как это отразилось на армии? Перед грозной опасностью господствующий класс должен был забыть свои внутренние ссоры. Дворянство должно было обратить все силы на борьбу и для этого объединиться в организацию с единым руководящим центром. В эту пору внутри офицерства — дворян — создается единство и развивается то доверие, которого в предшествующую эпоху не было. Командный состав соединился перед лицом общего врага и мог больше доверять друг другу, чем в то время, когда его силы тратились в борьбе за власть в придворных интригах. Начальник мог быть уверен, что если тот или другой подчиненный совершает ошибку или если его постигает неудача, то в этом виновна не его злая воля, а несчастное стечение обстоятельств. Вследствие всего этого в армии среди командного состава снова явилась возможность выбирать людей не в зависимости от принадлежности к той или другой группе, к Бирону, Семеновскому полку, Левенвольду или еще кому-нибудь, а появилась возможность выбирать людей с военным талантом, не разбираясь в том, что он думает по другим вопросам, которые сразу стали второстепенными. Господствующий класс слился более или менее в одну семью, выдвинув монархическую власть — полновластного рулевого в опасном фарватере, а внутри класса появилась более здоровая, с нашей точки зрения, атмосфера, позволявшая выбирать людей независимо от всего остального. В эти дни впервые в армии был провозглашен лозунг, что «армия должна быть вне политики». Почему это так? Очень просто, потому что сильная верховная власть была единственным спасением интересов дворян.

Следствием этой обстановки было то, что целый ряд талантливых людей выдвинулся в это время. Я могу назвать крупные имена Суворова, Потемкина, Румянцева, Панина, Репнина, Салтыкова, Каменского и т.д. Из рядов армии выдвинулись ученики Суворова —

Багратион, Кутузов, Платов, Тучков, Раевский и т.д., имена, хорошо известные в последующей эпохе борьбы с Наполеоном в начале XIX века. Лозунгом того времени, высказанным Екатериной по военному делу, была фраза, что «крупные успехи достигаются только силами всех: а кто умней, тому и книги в руки». Вот как великая умница, сидевшая силой штыков гвардии на нашем престоле, Екатерина II формулировала основную мысль нашей военной политики.

Если вы посмотрите через все времена и народы, то увидите, что этот лозунг был осуществлен всегда в период расцвета военного искусства. Посмотрите, что значит этот лозунг. Этот лозунг означает, что победа достигается не одним командиром, что победа достигается усилиями всех от мала до велика; мысль эта выдвигает необходимость привлечь к работе каждого человека, дать широкое поле самостоятельности для каждого, но все эти условия связать руководящей волей и умом. И тот, кто умней, тому и книги в руки.

Другим следствием, чрезвычайно интересным для нас, военных людей, было отношение офицера к солдату. Вы помните, как Петр относился к солдату. Он учил, что офицер для солдата — отец, а солдаты — дети. Петр настаивал, чтобы офицер работал вместе с солдатом, наблюдая и поощряя его. В эпоху Северной войны, когда нужно было, при угрозе внешней опасности, добиться внутреннего единства, Петр выдвинул лозунги, связавшие офицера и солдата общностью борьбы за общее отечество. Но когда внешняя опасность исчезла, тогда это было забыто. Вместо простого петровского устава стали привозить иностранные «строевые фокусы», началось избиение солдат, воровство солдатских пайков, — словом, все те непорядки, которые всегда бывают в пору, когда народные массы не контролируют своих правителей. Но когда эта опасность выросла в гораздо большей мере, чем это было в пору Петра, например, во время восстания Пугачева, тогда пришлось вспомнить заветы, которые выдвигал основатель нашей регулярной армии, и тогда возродилась система воспитания, создавшая нам армию невиданной в Европе силы...

В ту пору, о которой я буду рассказывать, с 1767 года по 1796 г., т.е. за 28 лет, Россия вела 2 войны с Турцией, 3 раза воевала за передел Польши между нами и соседями и один раз со Швецией для обеспечения нашей северной границы. Это ли не поле для развития военных талантов. Вот обстановка, в которой разворачивается блестящая пора нашего военного искусства — пора, которую можно назвать эпохой Суворова.

Таковы в общих чертах основные моменты, которые характеризуют обстановку, в которой наше военное искусство могло развиваться в столь блестящие формы, как взятие Измаила, польский и итальянский походы. Его определяют, прежде всего, сплоченность и однородность интересов внутри правящего класса, определявшие взаимное доверие

отдельных его представителей в стране и армии, позволявшие сосредоточивать свое внимание при выборе начальника на его дарованиях (ибо его преданность делу была обеспечена), не стесняясь в этом выборе и, вдобавок, имея возможность опереться на его самостоятельность, ибо импульсы, толкавшие нас на боевую работу, со времени петровского переворота успели, с одной стороны, кристаллизироваться в совершенно определенные формы, а с другой стороны, принцип добровольчества в службе дворян, осуществимый при более трудном положении класса внутри страны, позволял иметь в армии только тех, кому военное дело было по сердцу, кто в нем видел свое призвание.

С другой стороны, освобождение дворян от обязательной службы в войсках заставило перейти в комплектование армии и гвардии к рекрутской повинности. Это повлекло за собой уменьшение политического влияния гвардии, потерявшей постепенно значение главного политического орудия, каким она была в начале и середине XVIII века; но в то же время правительство было вынуждено опереться на идеи и верования народа, ставшего основным ядром армии. Суворовская эпоха характеризуется перенесением опоры на сознание масс как во внешней, так и во внутренней борьбе. Характерно и заслуживает особого внимания, что даже во внутренней борьбе господствующий класс мог опереться на тот же лозунг — «Бог, царь и отечество», который был такой сильной базой в постройке армии для внешней войны. Исследование этого вопроса влияния этих идей на массы лежит вне пределов моего курса, но отметить мы их должны. Суворовская армия опиралась на общественное мнение большинства нации, понимаемой в старом смысле этого слова. И сила этого мнения была настолько велика, что когда Пугачев поднимал восстание против помещиков, то и он вынужден был звать людей во имя «Бога, царя и отечества». Священник был в его стане видной и почетной фигурой, и сам он принял звание царское. Жизнь в эту пору еще не создала ни новых идей, ни новых лозунгов, и построение армии на этой психологической базе находилось в очень легких и благоприятных условиях.

Таким образом, те идеи, которые зародились в «огне и буре» петровского переворота, получили к эпохе, когда Суворов выступил на историческую арену в качестве идейного вождя русской армии, ясные и яркие формы, а возникший в этом перевороте класс приобрел единство, внутреннюю спайку и проникся сознанием своих интересов. В то же время государственная идея, выражавшаяся в лозунге «Бог, царь и отечество», объединила огромное большинство народа, представляя твердую базу для организации психологии войск.

Наравне с той психологической обстановкой, которая создается соотношением сил в стране, чрезвычайно серьезным фактором, определяющим формы военного искусства,

является оружие, шире — техника данной эпохи. В военном искусстве успех связан в такой же мере со средствами борьбы, при посредстве которых ведется война и бой, в какой мере экономическая и политическая жизнь связана с теми средствами производства, которыми люди располагают в данную эпоху.

Оружие было почти то же кремневое ружье, как и в петровской армии, стрелявшее хорошо на 100 шагов и плохо на 300, причем войска с собой носили 30–40 патронов и возили в войсковом запасе 20–30 штук на человека в полковых фурах. Стало быть, стрелку было обеспечено до 50 выстрелов. Артиллерия стреляла хорошо картечью на 300 шагов, а ядрами — до 1000 шагов, но, падая на землю, ядра рикошетировали и могли наносить поражение на расстояние до полутора верст.

Вот оружие того времени. Сила его была такова, что, стоя на месте и ведя самый сильный огонь, пехота и артиллерия не могли быть уверены, что противник не сможет до них дойти. Убить всех атакующих за короткое время прохождения 300 шагов было практически невозможно. Когда вы сейчас стоите с хорошо поставленным пулеметом и ведете покойный, выдержанный огонь, то уверены, что ни один неприятель до вас не дойдет: вы успеете всех убить. Конечно, при условии, если сердце пулеметчика бьется ровно, если он не трусит и не разбрасывает огонь зря. Не то было в эпоху Суворова. Решительно веденная атака всегда доходила до врага.

Страх, а не физическая невозможность обычно останавливала атакующего. Поэтому раз удалось на практике убедить войско, что сила огня невелика, то войска будут понимать, что кратчайший путь к победе, это — стремительная атака.

В смысле потерь сила оружия определялась следующими цифрами. Для укомплектования армии за время с 1767 года, когда началась первая турецкая война, и до 1795 года, т.е. за 28 лет, было взято в общей сложности у населения около ½ миллиона рекрут, причем армия к началу екатерининской поры имела около 250000 человек, а к концу — около 500000 человек, т.е. потери за все время были настолько невелики по сравнению с нашей эпохой, что никогда целая рота или полк не выходили из строя. Укомплектование вливалось в ряды войск и принимало в себя его воспитание, его идеи, его настроение. Наиболее крупным по своим потерям сражением этой эпохи было сражение Елизаветы Петровны с немцами под Цорндорфом. Наша армия потеряла около 50 %, причем на этом сражении была лишь небольшая часть всей вооруженной силы (50 т. чел.). Так что потери, которые войска несли на поле сражения, были настолько сравнительно невелики, что укомплектование, влившееся в ряды, воспринимало те идеи, те взгляды и те методы, которые господствовали в армии. Сверх того, при малых потерях и малых укомплектованиях можно

было сделать службу солдата длительной — 25 и больше лет, и тем совершенно оторвать его от населения. Эта особенность имела для нас большую практическую ценность. Благодаря таким свойствам оружия в эту эпоху вы могли взять из населения некоторое количество рекрут, поместить их в казарме, затем детально разработанной системой воспитать их, привить те идеи, которые были нужны в то время. Если эта кучка людей, взятая в армию, была хорошо накормлена, хорошо напоена, одета, обута, если она не чувствовала себя постоянно оскорбляемой, если чувство справедливости резко не нарушалось, то с этой группой людей вы могли делать все, что угодно. Их можно было воспитать так, что они с чувством полной своей правоты пошли бы на подавление восстания своих отцов и братьев, как это случилось во время Пугачевского бунта. Вот что такое казарменное воспитание, вот то, чего можно было достигнуть настойчивой работой над человеком в казарменных условиях. В тех же случаях, когда были нарушаемы основные положения воспитания, т.е. когда солдата оставляли голодным, холодным, когда его оскорбляли незаслуженно, на него не обращали внимания, а еще хуже, когда к нему относились с презрением, на что особенно были падки офицеры из немцев, этого наш солдат не выносил. Я могу вам привести один разительный пример в этом отношении. В эпоху крепостного права в одном поволжском поместье был управляющим немец; когда крестьянин, бывало, в чем-нибудь провинится, то управляющий, вместо порки, сажал его посреди села на стул и привязывал ниткой к стулу. Дело кончилось тем, что крестьяне убили этого управляющего. Когда их спросили, за что они это сделали, то в ответ они сказали: «Что я, птица, что меня за ногу привязывать?» Наш народ прощает резкость, если она только идет от сердца, срыву, но не прощает насмешки и издевательства. Поэтому, когда немецкие полководцы, в типе Миниха, вели солдат на Пугачева и издевались над ними, то войска вместе с офицерами переходили на сторону восставших. Но, как общее правило, соответствующим воспитанием при соответствующем укладе жизни можно было иметь войска, настроенные так, как это нужно было для решения внешних и внутренних задач, независимо от настроения, которое в это время господствовало в народных массах. Тем более легко было, однако, вести дело подготовки армии, если пользоваться той внешней общностью лозунгов, которая тогда соединяла все классы России. Таким образом, свойства современного оружия как нельзя более облегчали работу командного состава по воспитанию армии (организации ее духа), ибо не было нужды распространять свою работу на все население страны. Усилия должны были, как и в петровскую пору, сосредоточиться на небольшой части народа — армии, где бойцы служили почти всю жизнь и где потери никогда не были настолько велики, чтобы влившиеся укомплектования могли нарушить цельность мировоззрения чести. Вся задача, подобно

тому, как это было при Петре, но в гораздо более легких условиях сложившейся исторически традиции, состояла в том, чтобы обучить и воспитать армию. В этом суворовская пора резко расходится с нашим временем.

На лекциях о Петре мы беседовали о том, что дворянство, выдвинувшееся в эту пору, как организатор и руководитель русской жизни, было глубоко убеждено, и это убеждение являлось его силой, что дворяне являются творцами жизни всего народа, защищают интересы всей России. Сейчас нам это может показаться странным, как люди, владевшие крепостными, усмирявшие взбунтовавшихся пугачевцев, как они могли себе это представлять. Не задачей истории военного искусства является углубляться в этот вопрос, но я считаю себя обязанным сказать, что это было так; тогдашнее офицерство черпало нравственные силы из этого источника. Оно было убеждено, что, идя на смерть, оно выполняет основную задачу России, что оно жертвует собой во имя высокой идеи, во имя того ценного, что им казалось более дорого, чем жизнь человеческая. Эти мысли, впервые появившиеся при Петре, были тем импульсом, который двигал наш командный состав и на войне и в мирное время при подготовке армии. Живая мысль была ключом, и из рядов войск выдвинулся не только целый ряд крупных полководцев, но и организаторов. Наиболее крупным из них нужно признать Потемкина. Оставляя в стороне темную сторону его биографии, и беря его таким, каким его знала армия, мы должны сказать, что это был большой русский человек, с большим сердцем, со светлым умом, один из тех людей, которые интуитивно чувствуют настроение масс; он понимал, чего хотел солдат, куда тянуло его сердце, как оно билось, о чем думала «серая» масса. Посмотрите его реформы...

Человек, уходивший по рекрутскому набору, умирал для жизни, как покойника провожали его родные. Вот почему реформа Потемкина была направлена для упорядочения и облегчения наборов. До Потемкина рекрутские наборы носили характер случайный и поэтому особенно тяжелый. Из одних районов люди брались на службу каждый год, а другие районы оставались незатронутыми. Целый ряд районов — Украина, Белоруссия — не давали рекрутов совершенно. Потемкин постарался упорядочить этот вопрос, чтобы по отношению к каждому округу была проявлена по возможности справедливость разверстки и очереди давать рекрутов. Он распространил повинность и на Украину, и на Белоруссию, стараясь облегчить службу в коренных русских губерниях. Затем Потемкин одел солдата красиво и просто. Это кажется мелочью — одеть солдата — не все ли равно, как он одет? Но Потемкин снял с него прусский мундир, который стягивал его поперек живота, снял гетры, стеснявшие ноги, букли, которые надо было зачесывать с такими трудами, и одел солдата в простую широкую, свободную одежду. Он написал простой устав, без хитростей, без

замысловатостей. В промежутке между Петром и Екатериной считалось, что солдат должен прежде всего уметь выкидывать «артикулы» ружьем (ружейные приемы). Потемкин понял, что только тот может побеждать на поле сражения, кто не смотрит на оружие, как на орудие истязания...

Потемкин хотел, чтобы солдат своим простым сердцем пошел за своим начальником, а для этого нужно это золотое сердце солдата к себе привязать. Он понимал, что целесообразность и простота ученья — это одно из мощных средств для достижения успеха воспитания, а затем и победы на поле сражения.

Солдатскую науку Потемкин старался упростить, не требуя излишней «звучности» и отделки ружейных приемов, Потемкин требовал, чтобы «ногу не били». Между тем до войны 1914–1918 года лучшие части нашей армии считали лишь того хорошим солдатом, кто умел твердо ставить ногу, и когда шел хорошо обученный полк, то кругом земля гудела. Если мерный шаг в ногу очень полезен, ибо стройность движения, одновременность его создает в массе уверенность в солидарности, сознания обученности, — словом, содействует возникновению чувства мощи, хорошо знакомого каждому, кто служил в хорошей части, то чрезмерное увлечение муштрой только забивает людей. Потемкин, который понимал настроение войск, знал, что если освободить солдата от требований, ненужных в бою, то это верный путь привлечь сердце солдата. Надо требовать то, что необходимо для победы, а ненужные детали должны быть отброшены. Затем Потемкин старался воспитать войска в духе наступательной тактики. Он учил войска ходить «вихрем» в атаку, маневрируя колоннами, уметь быстро разворачивать ряды для открытия огня. Это было впервые применено в боях с турками. Потемкин, составляя устав, подчеркивал необходимость наступательного духа и умения маневрировать. Самым решительным образом Потемкин восставал против «коснения фронта». Это все живая жизнь, и теперь эти указания ценны и для нас; вы сейчас можете выйти в запасный полк и увидите, как там «хлопают ногой» и заботятся о «коснении фронта». И вот человек, который понимал, что это неважно, а что есть что-то другое, о чем должно позаботиться, и это — дух войск и умение маневрировать.

Вот в кратких словах те основные идеи, которые в нашей армии выдвигались вперед к тому моменту, когда на арену выступил наш великий полководец Александр Васильевич Суворов. Выдающиеся люди нашей армии после пугачевского восстания снова стали понимать, что нужно строить армию, учитывая психологию солдатской массы и психологию офицера. Политическая же обстановка и свойства современной техники позволяли, как я пытался это показать, это сделать. В этой обстановке и создалась суворовская «наука

побеждать», в которой многое будет жить до тех пор, пока придется строить войско и вести его к победе...

В ту пору, в эпоху Суворова, как вы помните, живыми идеями народных масс, вокруг которых группировалось общественное мнение широких слоев народа, были: «вера, царь и отечество». И вот основная работа Суворова была направлена на распространение, популяризацию этих, тогда понятных солдатской массе идей. Как далеко мы ни отошли от того времени, от мыслей и чувств, которые воодушевляли тогда войска, но мы все же можем судить о влиянии, которое они имели на массу. Человек, который шел на смерть, знал, что ему и после смерти «там» будет хорошо, так как он идет в бой за веру, за «дом святой Богородицы». Суворов говорил: «Убьют, что на пенсию с полным пансионом, останешься живым, тому честь и слава!» Религиозный фанатизм часто бывал цементом, которым в истории человечества не раз талантливые вожди, как, например, араб Магомет или турок Сулейман Великолепный, сплачивали свои армии; они давали солдату, шедшему на смерть, счастье и спокойствие перед лицом смерти...

Вся система воспитания Суворова построена, как на базе, на развитии и углублении ясного основания, за что борется воин. Второе, что для нас чрезвычайно интересно, это стремление Суворова добиться, чтобы каждый человек, каждая часть верили в себя, в свои силы. Представьте себе двух человек, из которых один не верен в себе, нерешителен; он слаб, так как не знает, справится ли он с опасностью, которая стоит перед ним. Человек даже с очень большим умом: способный к глубокому анализу всех трудностей, которые перед ним вырастают, слаб, если у него нет уверенности в своих силах, в себе, в способности преодолеть их. Возьмите другого человека, он может быть ограниченным и менее сильным, но если он верит в себя и готов на все, то из этих двух победит, или, по крайней мере, имеет больше шансов на нее тот, кто верит в себя. Лозунг Суворова: «На себя надежность — основание храбрости», — есть также одна из основ суворовского воспитания...

Вы помните то пренебрежение, с которым Западная Европа относилась к России, с которым образованные классы относились к простому человеку, даже как мы сами смотрели на себя: «Где уж нам, что уж». А за границей говорили: «Эти русские свиньи» и прочие «неприятные» слова. Суворов никогда не относился с презрением к своим подчиненным. Человек может ошибаться, может быть охвачен случайным малодушием, но основной его посылкой было: «Мы русские, и потому с нами Бог». Лишь бы была вера в себя, а остальное приложится. Когда он приезжал в часть, роту, полк, если он замечал какие-нибудь недостатки, то вместо того, чтобы, как это делают обыкновенно суровые начальники, «пушить» и кричать, вселяя в часть мнение, что она плоха, Суворов, наоборот, делал вид, что

он дремлет, и в таком дремотном состоянии проезжал мимо провинившейся части, не делая выговора; потом, призвав командира, с глазу на глаз выговаривал ему все, что думал и требовал. Это показывает, как Суворов берег самолюбие части. Если же он находил состояние части удовлетворительным, то он говорил, уезжая: «Вся ваша рота, весь ваш полк — чудо-богатыри. Спасибо, утешили старика!»...

Чувство чести — это следующий фактор, на котором Суворов строил воспитание армии. Главное условие — это твердость духа в войсках, готовность погибнуть, но не бежать, не уронить своей чести. Если вы вспомните одиночного бойца, скажем, рыцарской поры, то увидите высокое воспитание чувства чести у рыцаря. Рыцарь, который побежал перед неприятелем, потерял свою честь, такому человеку нельзя было больше показаться перед лицом своих сограждан, он был посрамлен, он был осмеян, он умирал гражданской смертью...

Немаловажным фактором в деле воспитания войска Суворов считал воздействие на честолюбие бойцов. Можно считать честолюбие одним из отрицательных свойств духа, но Суворов развивал в войсках ясное сознание, за что они борются, веру в себя, чувство долга, чести; он сверх этого стремился воздействовать на командный состав, открывая достойнейшим быструю дорогу наверх, к влиянию и славе, увлекая в его ряды наиболее подготовленных и законченных людей из солдатской массы. Это умение опереться на естественное чувство самолюбия характерно не только для Суворова, но для всех великих полководцев, всех армий, перед которыми стояли большие задачи. «Каждый солдат в ранце своем носит фельдмаршальский жезл». Этот же принцип стремился выдвинуть и Суворов. В те времена можно было в 26–30 лет от роду сделаться генералом.

Наше тогдашнее войско характеризуется еще совершенно особенным отношением к солдату. Вспомните, что в ту эпоху в Западной Европе за малейший проступок солдата гнали сквозь строй, били шпичрутенами. И в нашей армии применялись суровые наказания, но только для дезертиров и для лиц, нарушавших основные требования дисциплины. То, что мне придется вам рассказать об эпохе Николая I, это несравнимо с тем, что было в войсках Суворова. Суворов учил своих офицеров, что нужно прежде всего воспитать уважение солдата к самому себе. В наставлениях того времени для ротных командиров говорится: солдат есть звание почетное, рядовой солдат носил ту же форму, которую носил и фельдмаршал, и ему внушалась мысль, которой Суворов особенно дорожил, которую защищал затем Драгомиров, что солдат должен уважать самого себя. На солдата возлагается важная обязанность защищать государство, он жертвовал за Россию своей жизнью, тем заслуживал общее уважение. Часовой на посту был лицом неприкосновенным. Мало того, на

грубое слово он мог ответить обидчику ударом штыка. Эти факты надо оценивать с точки зрения того времени, отношение к солдату тогда и теперь нельзя сравнивать. Ведь солдат был крепостной, а офицер барин. Крепостной был вещью своего господина, которую он мог продать, купить, проиграть в карты и за малейшую провинность запороть насмерть.

Я хочу остановить ваше внимание еще на одном вопросе. Необходимость дисциплины тогда была совершенно очевидна, об этом долго говорить не приходилось. Воспитание дисциплины, созданное всем укладом русской жизни, начатое при Петре, продолжалось и при Суворове. Субординация и тогда была основой военного дела. Но что особенно характерно для Суворова, — это стремление развить самодеятельность. В Западной Европе о развитии самодеятельности стали говорить только с половины девятнадцатого века, у нас разговоры о ней возобновились только после русско-японской войны. Но эта мысль была настолько очевидна Суворову, как и Петру, что все воспитание его армии было построено на развитии самодеятельности. Суворов прямо говорил, каждый воин должен понимать свой маневр: «Ближнему на месте виднее. Я говорю направо, он видит налево, меня не слушать». 3 мая 1799 года он отдал приказ: «Местный в его близости по обстоятельствам лучше судит, нежели отдаленный, он проникает в ежечасные перемены, их течения и направляет свои поступки по правилам воинским». В то время, когда на Западе за малейшее отступление от приказа отдавали под суд и гнали сквозь строй, в это время фельдмаршал русской армии учил: «Если ближнему виднее, то меня не слушать, делать так, как обстановка на месте велит».

Вот основные задачи, которые Суворов ставил при воспитании войск. Теперь перейдем к вопросам обучения. В ту пору в Европе еще господствовал взгляд, что тот главнокомандующий может считаться мастером военного искусства, который одержал победу без единого сражения. Верхом искусства считалось занять такие укрепленные позиции в тылу противника, которые неприятель не мог бы взять и был бы вынужден к отступлению. Так должны были поступать генералы вербованной армии, у которых даже после удачных боев дезертировали тысячи солдат. Иначе обстояло дело у нас, где имелась совершенно отличная от Европы политическая база для армии.

Суворов и его друзья в то время могли выдвинуть все великое значение наступательного боя. До нас сохранился завет Суворова: «Ничего, кроме наступательного». В наши дни, для нашей армии с ее особыми качествами, этот завет Суворова особенно значителен. Ничего, кроме наступательного. Этому он учил, на этом строил воспитание, теперь посмотрите, как он построил всю систему обучения в наступательном духе...

Конница рубит лишь в спину убегающего врага. Суворов это понимал и приучал своих людей к виду конной атаки, и люди начинали верить в себя и не бояться никакой конницы. Этот метод применим и к нашей армии и в наше время. Если вы приучите войска к виду скачущей конницы и покажете, что выстрел успеет раньше сразить всадника, чем конница сможет доскакать, то такая пехота кавалерии никогда бояться не будет. Этот прием Суворов часто применял при обучении своих войск.

Чрезвычайно интересна самая система обучения Суворовым его войск. Почти 150 лет прошло с тех пор, как Суворова нет, но и сейчас и в дореволюционной нашей армии можно было зачастую видеть, как дядька учил молодого солдата: поворот направо, поворот налево, учебный шаг, заученные ответы. Суворов категорически был против такой системы обучения. Он разделял обучение на две части и обучал сначала одиночного бойца и затем целую часть; он считал, что только тогда можно сделать хорошую часть, когда боец действительно хорошо подготовлен, потому одиночное обучение, то, что называлось рекрутской школой, он строго отделял от обучения и сколачивания части...

Чтобы закончить очерк суворовской науки, необходимо еще одно замечание. Вы помните, что ружье в то время стреляло на 100 шагов со скоростью 1–2 выстрелов в минуту; попасть в цель было довольно трудно, и Суворов справедливо говорил: «Пуля дура, штык молодец, пуля может обмишуриться, штык никогда». И вот начальник, который знал, что «пуля дура, штык молодец», вводил «систематическое обучение прицельной стрельбе и заставлял солдата выпускать не менее 30 пуль в год так, чтобы каждый солдат понимал, чего можно требовать от своего ружья. Он воспитывал войско в наступательном духе, учил их атаке и в то же время обучал войско стрелять для того, чтобы даже несовершенную технику того времени можно было использовать полностью. Вот та система, при посредстве которой русские солдаты превратились действительно в «чудо-богатырей», не знавших поражения.

О Суворове сохранилась масса анекдотов. Это был большой чудака, который прекрасно понимал психологию масс. Он прекрасно знал, что масса легче усваивает то, что ударит ее по воображению. Часто он применял странные способы, чтобы внушить ту или другую мысль. Так, он желал привить войскам нелюбовь к отступлению, и для этого прибегал к ряду воспитательных мер. Например, стоит часть, кто-нибудь случайно вылез вперед. Нужно выровнять строй. Обычно выравнивают, осаживая назад того, кто вылез вперед. Суворов никогда этого не делал и не позволял делать. Один человек выдвинулся вперед, по этому одному человеку выравнивалась вся часть, иногда целая дивизия. Ни один человек, ни целая дивизия не могли отступить, никогда, ни при каком случае, не было никаких упражнений, никаких обучений на отступление...

Вот в коротких словах та система воспитания, которая на базе, созданной народной психологией, на настроениях правящего класса и состоянии техники, организовала духовные силы нашей армии и создала ту страшную силу, про которую Наполеон, столкнувшийся с ней, воскликнул однажды в восхищении: «Русского солдата мало убить, надо прийти и повалить». Армия, опиравшаяся на силу исторической традиции, организованная тонким психологом, понимавшим, как никто, душу массы, оказалась той силой в Европе, которая одна только могла победить полки французской революции и которая долго еще, даже внутренне разлагаясь сама, была опорой всей европейской реакции.

Методы и приемы, которыми это было достигнуто, были, действительно, замечательны, мы видим прежде всего дисциплину, опирающуюся на широкую базу сознания масс, не забывая необходимого момента насилия, мы видим, как внимание массы фиксируется на лозунге, взятом из глубины народного верования, создавая каждому бойцу, даже в момент величайшего напряжения, в смертной опасности яркую точку, красивую веру, что смерть его нужна, что она не будет забыта, что даже после смерти его ждет блаженство.

Сила армии поднималась постоянным ростом веры в себя, веры в свою мощь, настойчивым обучением технике военного дела, втягиванием в трудности боевой жизни. Выдвигались и воспитывались свойства, повышавшие боеспособность войск: чувство чести в офицере, чувство долга во всех. Сила армии опиралась не только на покорную исполнительность масс, организуемых единой волей вождя, но на самодеятельность, на знание дела, на частный почин каждого. Немаловажное отношение к психологии войск имеет отношение командира и массы, и тесная духовная связь между ними, переходящая в трудную минуту, перед лицом смерти, в боевое товарищество офицера и солдата, сплывает полки, давая командному составу силы и возможность действительно руководить боем, не теряя управления даже в самые трудные минуты.

Наконец, все, кто изучал военное дело, знают, какую психологическую силу имеет наступление; как вращение поддерживает волчок, стоящий на одной ножке, так наступательный порыв поддерживает дух войска в самые трудные минуты, когда душевное равновесие колеблется. Тот, кто хочет взять от своих войск максимум сил, должен приучить их к наступлению. Именно в этом и воспитывались наши войска. И армия народа, еще 100 лет тому назад пережившая позор столбовского мира со шведами и взятия Смоленска поляками, обратилась в армию «чудо-богатырей», первую армию тогдашней Европы.

Таким образом, суть суворовского воспитания заключалась в том, что он стремился развить человека в человеке, готовность жертвовать собой во имя идеи. Он стремился опереться на активные стороны духа человека, разбудить его самодеятельность, веру в себя,

честь и долг и направить их в нужном направлении. Идеализм, сознательность, активность были главные силы, действие которых он стремился вызвать.

В его обучении мы видим прежде всего глубокое уважение к наступательному образу действия — способу, к которому всегда прибегал сильный духом. Его уважение к наступлению выразалось в том, что он учил войско наступать, учил по приемам и отдельного человека и целые дивизии, учил по приемам на плацу и в поле боя с тем, чтобы в самой технике наступательного боя не было ничего нового и войскам в бою оставалось лишь повторить то, что они хорошо разучивали в мирной обстановке.

Отметим также, что, как ни слаба была техника современного оружия, Суворов глубоко понимал ее значение и стремился взять от нее все, что она могла дать.

Глазомер, быстрота и натиск были его любимой формулой на каждом учении. Посмотрим теперь, как этот мастер и тонкий психолог-воспитатель, умевший, как никто создать вооруженную силу, как он вел эту силу на театре войны и поле сражения... Отечественная война отделена от эпохи, когда непосредственно действовал Суворов, резкой чертой реакционной — в военном смысле слова — деятельности Павла I, впервые выдвинувшего на историческую сцену Аракчеева; но по духу, по тому, что виднейшие деятели 1812 г. были учениками и соратниками Суворова, по той блестящей деятельности, которую они развернули, особенно в области проявления инициативы и наступательного порыва, я считаю, что 1812 г. является, несомненно, частью суворовской эпохи. Эта кампания является интереснейшим, с военной точки зрения, эпизодом в длинной цепи борьбы армий, живущих силами исторической традиции, в данном случае армии русского дворянства, достигшей своего расцвета, и армии, рожденной в пламени гражданской войны, — армии французской революции.

Отечественная война в истории нашей вооруженной силы была последней страницей суворовской эпохи, когда здоровые жизненные течения, выработанные в этот век блестящих военных деятелей, столкнулись с течениями, принесенными к нам из Пруссии политиками, искавшими способа сделать из армии слепое и послушное орудие для целей гражданской войны. Кроме того, в военную жизнь этой поры вплелось еще третье течение: передовые люди нашей армии были невольно захвачены мощным размахом военного творчества, славой титанической борьбы, которую в это время вела французская армия, выдвинувшая целый ряд выдающихся вождей, выдвинувшая Наполеона.

Изучая эту эпоху, мы видим три совершенно определенные группировки в армии. Мы имели суворовскую школу начальников с такими людьми, как Кутузов, Багратион, Раевский, Платов, Тучков, Дохтуров и др. Эта школа командного состава, воспитанная в войнах с

турками, поляками, в итальянском и швейцарском походах, была, прежде всего, проникнута ясным пониманием русской действительности и армии, любила солдата, верила в силы России. В ней жил яркий дух суворовского, стремительного наступления, готовности идти на риск, на жертву, понимание, что такое самодеятельность и умение применять ее. С другой стороны, мы имели сторонников немецкой доктрины, методизма, прусской палки и муштры: Аракчеев, Шварц, Пфуль, Винцегероде, Армфельд и ряд других подобных им недоброй памяти начальников, жалких академиков, говоря словами Суворова, на войне зачастую трусов, каким был Аракчеев, бесовестных зверей и мучителей солдата в мирное время, которые во фридриховской палке капрала видели весь смысл военного дела. Наконец, в лице таких людей, как Барклай-де-Толли, Ермолов и др., мы имели 3-ю школу военных людей, находившихся под влиянием французского военного искусства. К этому же течению принадлежал и основатель нашего генерального штаба — Волконский. Вот те три основных течения, которые наметились в русской армии после убийства императора Павла, бывшего ярким сторонником немецких идей и проводником их в русскую армию...

Поражение под Аустерлицем заставило немецкое течение и влияние несколько потускнеть, но — увы! — «аракчеевщина» имела слишком глубокие корни в политической структуре нашей страны, и немцы были только отеснены, но не уничтожены ни Аустерлицем, ни даже Иеной, где знаменитая фридриховская армия рассыпалась, как карточный домик, под ударом армии, созданной жизненными силами Великой революции, мы увидим, что дальше, что даже самый план войны 1812 г. был составлен офицером прусского генерального штаба Пфулем, перешедшим на нашу службу, — план, не приведший нас к полной катастрофе только потому, что исключительная доблесть войск и командиров сумела спасти армию из того тяжелого положения, в которое ее поставило, ошибочно построенное на предвзятой идее, стратегическое развертывание.

Рядом с немецким влиянием, под впечатлением громовых побед французов, мы стали многое заимствовать и у французов; но не только слава побед должна была влиять на наших военных; во Франции в эту пору совершался перелом в области военного искусства, а именно, переход от линейной тактики — тактики, составлявшей неразрывную принадлежность вербованной армии, где нет и не может быть доверия к рядовому бойцу, к глубокой тактике; впервые проблески ее мы можем усмотреть в борьбе Соединенных Штатов Америки за свою независимость, но полный и яркий расцвет ее имел место во французской армии Великой революции.

Под французским влиянием мы также отказались от линейной тактики и приняли, во-первых, глубокое построение из цепей и поддерживающих их резервов, и, главное,

ознакомились и приняли идеи глубокой тактики, дающей возможность наиболее полного и глубокого применения принципа частной победы на поле сражения.

Не менее интересный перелом произошел в системе нашего управления войсками в мирное время, где коллегиальная система была заменена единоличным управлением военным министерством...

Соотношение сил в начале кампании 1812 г. было настолько не в нашу пользу, что, казалось, полное поражение должно ожидать Россию. Мы имели всего 240000 человек против 600000 французских и союзных им войск. Но Россия, подчеркиваю, в ее целом, как правители, так и трудовые массы, не хотели быть покоренными. Татарское иго и Смутное время научили нас, что независимость есть величайшее благо, и Россия, согласная терпеть рабство огромной части населения внутри, пошла на величайшие жертвы для сохранения внешней своей независимости. И вот началась борьба, казавшаяся, быть может, такой же безнадежной сначала, как борьба с татарским нашествием или со шведами...

Быть может, ни один другой бой в нашей истории, кроме Куликовского побоища, не дает примера такого потрясающей силы сопротивления и удивительной самодеятельности всего командного состава. К концу боя мы потеряли 40000 человек, т.е. около 40% армии, французы потеряли 30000 человек. Благодаря плохой службе генерального штаба весь наш артиллерийский резерв, около 300 орудий, поставленный у села Псарева, был забыт, и лихой начальник этого резерва генерал Кутайсов, выехавший лично на разведку, был убит, а с его смертью об орудиях забыли и вспомнили только на следующий день.

В результате дня наша армия по всему фронту отошла назад от половины до полутора верст, но вполне сохранила боеспособность и порядок и настолько была в руках своих начальников, что стоял даже вопрос о продолжении боя на 27 августа.

Только выяснившиеся страшные потери заставили Кутузова принять решение: отходить. Сопротивление нашей армии в этот день было настолько велико, что Наполеон, потеряв свыше 25 % состава своей армии, приказал из предосторожности отвести войска на ночь с захваченных русских позиций назад к Шевардину. Поле сражения на ночь было очищено обеими сторонами.

Когда ночью «считать мы стали раны, товарищей считать», т.е. Кутузов пришел к заключению, что дальше бороться нельзя, без риска потери всей армии, что надо отступать...

Наполеон занял Москву, разместился со свитой в кремлевских дворцах, а население подожгло Москву с 4 сторон и оставило город в таком виде на произвол врагу. Такого примера история еще не знала. В этом положении прошел месяц. Из 800000 чел. французской армии, перешедшей Неман, в Москву прибыло не более 100000 человек,

которые каждый день таяли все более и более, разбегаясь на грабежи и дезертируя. Между тем Кутузов отвел в тарутинский лагерь 80000 человек, которые каждый день усиливались прибывавшими подкреплениями. В то же время характер и значение нашествия иностранцев определялся для широких масс народа все яснее и яснее; они усваивали его так, как я излагал это в начале этого очерка, и народные массы сами вставали на защиту страны, образуя партизанские отряды; народное восстание совершенно подрывало работу коммуникационной линии французов. Мелкие отряды уничтожались, фуражиров и дезертиров убивали. Положение французов становилось очень тяжелым. Великая армия таяла, в то время, как наши войска становились сильнее день ото дня, находя опору во всех слоях и классах России. В октябре месяце настал переломный момент, который ожидали Барклай и Кутузов. Наша армия стала в действительности и начала сознавать, что она сильнее французов. В конце октября Кутузов впервые попробовал перейти в наступление: под Тарутиным атаковал авангард Мюрата, захватив пленных и оружие. С этого момента начинается катастрофа у Наполеона...

Мне хочется обратить ваше внимание еще на один очень красивый пример частного почина, имевший место во время операции под Малым Ярославцем. Когда Наполеон начал наступление по Калужской дороге, то наперерез ему, для того, чтобы дать время сосредоточиться всей армии, в качестве авангарда был послан корпус Дохтурова. Но, давая задачу, Кутузов неправильно указал ему направление движения, в результате чего корпус Дохтурова шел навстречу Наполеону, и его удар не мог привести к тем результатам, которые от него ждал Кутузов. Из доклада партизана Долохова Дохтурову удалось точно сориентироваться в обстановке и узнать о действительном направлении движения Наполеона. Не ожидая никаких новых приказаний, Дохтуров, по собственному почину, переменял направление движения своего корпуса; ему действительно удалось до прибытия Наполеона занять Малый Ярославец и задержать настолько, что наша армия успела подойти и окончательно остановить движение французов на юг. Французы были вынуждены в результате этого маневра повернуть на старый путь, по которому пришли, — на Смоленскую дорогу. После ряда тяжелых боев, в тяжелом зимнем походе — параллельным преследованием наша армия вытеснила французов за пределы России, а в течение 13-го, 14-го и 15-го годов окончательно довела до конца свою задачу полного уничтожения Наполеона...

После грандиозной борьбы, в которой создалась армия дворянской России, наибольший интерес для исследователя представляет суворовская эпоха, эпоха расцвета нашей дореволюционной армии, совпавшая с борьбой, которую Россия выдержала с

французской революцией. Психология нашей армии базировалась в это время уже на силах исторической традиции, национализме, и наша армия стала той главной силой, при помощи которой европейская реакция уничтожила французскую армию, выросшую в пламени гражданской войны, и подавила самые остатки революции. Характерно, что в предшествующий из рассматриваемых периодов — петровский, наша армия, сама вышедшая из социального переворота, до известной степени армия революции, сумела выполнить свои исторические задачи и победила твердую армию шведов, армию национальную, сильную своими традициями. Попробуем остановиться с большим вниманием на этом вопросе и установить причины такой победы русской армии над французской.

Мы установили прежде всего, что ко времени появления Суворова на исторической арене государственный порядок окончательно закрепился, и господство дворянства, замкнувшегося в своей среде, приняло твердые, определенные формы. Кроме того, начавшееся в народных массах, но еще не захватившее лучшие части дворянства движение заставило его сплотиться вокруг общего знамени — престола. Наконец, в представлении широких масс еще не было иной концепции государственного устройства, кроме того, который выражался лозунгом — «Бог, царь и отечество»; «недостатки механизма» этого строя народные массы чувствовали, стремились их исправить, часто даже кровавыми восстаниями, но сама идея в ту эпоху все же сохраняла все свое обаяние.

Это внутреннее единство всего народа, охватывавшее все классы, характеризующее эту эпоху, — я говорю, конечно, об основных линиях, а не о деталях, иногда очень существенных, — было той базой, на которой строилась мощь нашей вооруженной силы суворовской поры и расцвет нашего военного искусства. Характеризуя обстановку с военной точки зрения, нельзя не отметить влияния целого ряда победоносных войн, создавших традицию военной славы, укреплявших части, создававших авторитет командному составу и оправдывавших тот ряд недочетов, который неизбежен в каждой армии.

Посмотрите, как эта обстановка влияла на силу армии. Идейное единство и боевая традиция победы давала войску удивительную силу духа, твердость и базу для прочнейшей дисциплины, опиравшейся хотя, быть может, не вполне осознанно, на самые глубокие основы духа бойца. Внешним выражением этой твердости являлись начальники и вожди этой армии, комплектуемые во всей среде командного состава по преданности делу и по личным достоинствам, а не по партийной принадлежности, ибо дворянство, господствующий класс был духовно един и партий в эту пору в армии почти нельзя было наметить. Мы видим во главе армии людей такой силы духа, как Суворов под Требией, Измаилом и в Швейцарском походе, как Багратион под Шенграбеном и Бородиным, или Кутузов в

Тарутине и Филях. Легко действовать вождем, когда он чувствует, что в нем, как в фокусе, сосредоточивается воля к победе сотен тысяч бойцов его армии. Дух армии был опорой вождем, и сила духа вождей давала выход, выявляя настроение массы, часто неявно осознанное даже ею самою. (Это та часть мнений Толстого о жизни, которая представляется мне глубоко верной).

Отметим, однако, что дворяне — командный состав, организаторы армии, были в этот момент действительно первыми, лучшими солдатами, дававшими личный пример в каждой трудной минуте похода и боя.

Нельзя перечислить имена генералов, сложивших свои головы или раненных на поле брани; Суворов, Кутузов, Багратион, Каменский, Тучков видели смерть в каждом бою. В одном Бородинском бою было убито и ранено 22 генерала на нашей стороне; войска чувствовали их присутствие в трудные минуты, привыкли верить не только их искусству, но и их товарищеской солидарности перед опасностью, перед смертью.

В этой обстановке и выросла та школа воспитания и вождения армии, которая сделала ее первой силой современной Европы. Опора на сильные стороны человеческого духа, сознание целей борьбы, чувства долга, чести, самостоятельности, не оставляя без внимания честолюбия, эти факторы создавали нравственную мощь армии, давая возможность вождем с таким совершенным боевым аппаратом создавать блестящие образцы военного искусства.

Явный учет реального соотношения сил, активность, частный почин, умение воздержаться при невыгодной обстановке и, наоборот, поставить все на карту, когда шансы победить имелись налицо, понимание превосходства наступательного образа действий и умение рядом чисто технических приемов (как то: темп работы, обучение наступательному бою), внимательной подготовкой операции, в которую вовлечены все, от мала до велика, организовать дух армии, соединить все ее сильные стороны и нейтрализовать слабые — все эти приемы, которые в своем кратком курсе я мог только наметить, давали неизменно победу нашим знаменам. На этой общей обстановке выявился талант Суворова, по размаху, настроениям и тенденциям он, несомненно, творец новых форм, а не борец лагеря реакции, каким он был по рождению и воспитанию. И эти-то стороны делают его деятельность особенно интересной нам, перед которыми стоит задача создания новой армии.

До тех пор, пока люди будут вынуждены вооруженной силой отстаивать свою точку зрения, часто свое право на жизнь, до тех пор Суворов, великий мастер войны, его заветы, его примеры будут служить незабываемой школой военачальникам, особенно тем, которым приходится иметь дело с русским офицером и солдатом. И отметим, что в той обстановке внешней и внутренней политики идеи Суворова, явившиеся синтезом, наиболее ярким

выражением опыта и настроения эпохи, имели целую обширную группу единомышленников в армии и учеников после его смерти. Прежде всего, суворовская школа, развивая идеи, положенные в основу нашей армии еще Петром, выявила, что главное на войне есть дух человека, который в окончательном итоге решает победу или поражение. Несмотря на то, что Суворов и его друзья жили в эпоху наивысшего расцвета крепостного права, что уже и в то время немецкая школа проводила в нашей армии взгляд на солдата, как на животное, пушечное мясо, наша армия, наоборот, строила силу своих «чудо-богатырей», воспитывая, развивая человека в человеке. Суворов стремился дать солдату ясное понимание высокой цели, во имя которой он вел на смерть, стремился дать ему идеал, более дорогой, чем жизнь. Он внушал ему веру в себя, он стремился создать ему человеческие условия жизни и сблизить его с офицером в тесном боевом сотрудничестве, подавая сам пример простоты жизни, братского, гуманного отношения к подчиненным. В воспитании же командного состава он проводил еще одну идею — развитие самостоятельности, частного почина.

Отметим, что все эти идеи совершенно не были знакомы современным армиям Европы, в этом отношении Суворов и наша армия опередили Европу без малого на столетия. Эти идеи, путем особой системы приемов, особой техникой, он сумел сделать жизненными, такими, что каждый рядовой начальник, пользуясь ими, обучая таким способом войска, мог добиться нужных делу результатов, воспитания духа войск. В этом еще мало понятый секрет его науки. В этом, мне кажется, суть, главная основа его деятельности.

Другая идея, которая проникает всю школу Суворова, это явное, исключительное предпочтение, которое Суворов отдавал, а с ним и основное течение среди его современников, сотрудников, учеников, наступлению в стратегии и тактике. В наступательном духе шло все обучение и воспитание армии, в наступлении были проведены все лучшие походы, одержаны наиболее громкие победы этой эпохи как против турок и поляков, так и против лучшей армии современной Европы, армии французской революции. Стремительное наступление, не останавливающееся ни перед какими преградами и опасностями, захватывавшее в своем бешеном темпе свою армию, даже союзников, таких, как австрийцы, вносявшие смятение в психику врагов, не представлявших себе возможности ни такой быстроты движения, ни такого напора.

Но наступление Суворова не было безрассудным, неосмотрительным наступлением «во что бы то ни стало»; это не было «бегство вперед», но при всей своей стремительности оно было всегда строго методическим, в наполеоновском смысле этого слова, с новым учетом реального соотношения сил, выбором важнейшего объекта действий и направления операционной линии, готовностью в решающую минуту, а не тогда, когда в этом не было

никакой надобности, все поставить на карту, готовностью риска и постоянной заботой обеспечения своей коммуникации. В тактике его наступления были всегда наступлением, технически разученным, образом действий, известным войскам, который он преподавая своим войскам в поле, по приемам, разучивая его технику во всех подробностях.

Все это, не только рассказанное на словах, но и подтвержденное всей его боевой деятельностью, в которой он не знал ни одного поражения, составляет для каждого военного «науку побеждать», изучение которой оплатится сторицей в трудные минуты решения на войне, в бою.

Совокупность всех этих данных дала нам победу над армией французской революции, а именно духовное единство всего народа, без различия классов, жизненность господствующего класса, тесно дававшего талантливых организаторов и самоотверженных вождей, примыкавшего в своей идеологии, в своих действиях к тому, как сложилось в то время народное мнение; расходясь объективно с интересами народа, дворянство действовало в направлении, субъективно признаваемом правильным общественным мнением большинства народа, выделив блестящий по военному таланту, твердости духа и способности к частному почину командный состав, умевший технически правильно разрешать вопросы, вернее сказать, разрешать их с наименьшим числом ошибок.

Эти данные создали армию такой мощи, что все силы, которые могла сосредоточить французская революция к этому времени, были недостаточны, чтобы ей противостоять. Это нам нужно ясно понимать, ибо именно эти сильные стороны составляют теперь силы армии главного нашего врага на континенте — Франции, от столкновения с которым будет, вероятно, зависеть в окончательном итоге судьба русской революции. И для того, чтобы устоять в этой борьбе, которая неизбежно нам предстоит, нам нужно внимательно изучить борьбу армии Суворова с армией Великой французской революции. Быть может, выводы мои не всем покажутся убедительными. Я хочу лишь, чтобы на факты, сохраненные нам историей, каждый будущий офицер ген. штаба обратил серьезное внимание и учел их, обдумал самостоятельно и составил свое мнение.

III. Эпоха Аракчеева

Страна росла экономически. Она естественно искала новых форм, которые и в экономической, и в политической области дали бы выход и организовали нарождавшиеся силы. Но дворянство, не находившее в себе силы стать во главе этого движения, пошло по обычной дороге отживающих классов. Вместо эволюции, оно обратилось к реакции. А

реакция в политической области всей своей тяжестью обрушивается на живую мысль страны. Реакции страшнее всего, чтобы народные массы не поняли «то, что есть». Реакция поэтому вынуждена бороться со всем и со всеми, кто несет искру света массам, кто может повлиять на изменение сознания, общественного мнения трудовых элементов страны, работа которых в том лишь случае может благополучно присваиваться классом организаторов, если народ не понимает, не осознает явной несправедливости совершающегося присвоения продуктов его труда. Поэтому всякий, кто думает, кто пробует решать «проклятые вопросы» — того власть в такую эпоху должна преследовать. Власть обрушивается как на одну из областей живой мысли и на умственную работу армии, так, задумавшись над устройством победоносной армии, серьезный вдумчивый человек невольно придет к пониманию той политической обстановки в ее целом, ибо в армии, как в фокусе увеличительного стекла, перекрещиваются все нити политических влияний данного государства. В этом суть всего, что будет рассказано дальше. Для ясного понимания последующей эпохи необходимо остановить ваше внимание на тех 2 задачах, которые неизбежно лежат в основе тех соображений при создании силы и в согласовании которых, я бы сказал, на $\frac{3}{4}$ лежит возможность для армии стать оружием, совершенным с военной точки зрения. Во-первых, на военную силу всегда возлагается задача победы во внешней борьбе, например — борьба русского народа, в дружном взаимодействии всех классов, против татарского ига; во-вторых, для разрешения силой оружия задач управления страной в целях сохранения власти как господствующего класса, обычно считающего себя выразителем интересов большинства народа, для подавления, например, восстания Пугачева. В этом задача армии. В те исторические периоды, которые мы разбирали до сих пор, в особенности эпоха Петра, а затем и эпоха Суворова, мы видим, что эти две задачи совпадали, что дворянство той поры фактически осуществляло те задачи, которые стояли перед всем народом, вводя Россию в цикл стран европейской культуры, с одной стороны, и с другой — распространяя владения России до остзейских границ, и потому как во внешней борьбе, так и во внутренней, против групп, подрывающих силы страны в стремлении к этим задачам, в дворянстве не было раскола. Армия была вся насквозь проникнута одними взглядами и стремлениями. Но это единство общим ходом развития России и примером французской революции нарушилось, и Павел I был внешним выразителем этого нового момента в нашей истории. В понимании жизни различных групп дворянства произошел резкий раскол. Политика этого императора выявила его с полной наглядностью. С одной стороны, мы видим серьезные крестьянские волнения, которые произвели большое впечатление на господствующий класс. С другой стороны, твердое решение дворян в их большинстве

поддерживать прежнюю линию, имевшую в виду осуществление выгод только господствующего класса. Император Павел пытался установить некоторое равновесие этих противоречивых интересов, тем более, что разнузданность дворянства доходила до крайних пределов. В армии, например, дворянам, разорившимся от роскоши придворной жизни, давали полки для поправки дел, как тогда говорили, «на кормление». Но этого мало. Дворянская вольница при Екатерине, бывшая бесконтрольным хозяином в стране, вела государственную, а следовательно, и военную тактику приемами и методами феодальной анархии, где вся власть или большая часть ее — была «на местах» и где общегосударственный план работы, необходимо требующий централизации управления, был неосуществим.

Для установления новых организованных форм и нового равновесия классов Павел искал точку опоры вне каждой из основных общественных групп, дворян и крестьян, а в новой, им создаваемой армии. История Павла есть попытка одного человека, не опираясь на определенные общественные группы, перестроить общий порядок в государстве и в армии, с целью поднять благосостояние государства и упорядочить отношения в стране. Эта исходная точка зрения, с которой интересно подойти к деятельности Павла Первого.

Император Павел принадлежал, по-своему, тоже к оппозиции, но видел путь к исправлению недочетов нашей тогдашней жизни не через развитие общественности, раскрепощение народа и широкие либеральные реформы, а в модном тогда порядке так называемого «просвещенного абсолютизма». Подобно тому, как Петр в свое время создал себе опору для нового направления политики в лице преобразенцев и семеновцев и с помощью этой опоры перевернул весь ход государственной жизни, так же и Павел мечтал изменить ход русской жизни, опираясь на штыки, и с этой целью сформировал Гатчинский корпус из людей, выброшенных из жизни, без связей, без имущества, привязанных к одному лишь императору и готовых творить его волю. И с этим войском он пошел против беспорядков и злоупотреблений дворянства. На какие же силы, сверх своего корпуса, он мог опираться? Несомненно, его реформам могли сочувствовать народные массы, но опереться на них он, по целому ряду причин, не мог. И действительно, народ в современном состоянии его развития и сознания был способен лишь на «пугачевщину», а не на организованное движение, а французская революция показала ему, что может быть даже в случае, если у народа находится организующий класс такой силы, каким была французская буржуазия. К опоре на массы Павел поэтому относился недоброжелательно; но улучшить быт народа можно было за счет помещиков. Отсюда трагическое положение царя, воодушевленного, быть может, лучшими намерениями, но бессильного. Когда вы начинаете изучать

царствование Павла I с этой точки зрения, то вам становится понятным крайне нервное, даже истерическое состояние, которое овладевало им и росло все более и более, по мере того, как ему становилась ясной бесплодность его попытки...

Действительно, для того, чтобы осуществлять свои идеи и опираться на армию помимо дворянства, нужно было, чтобы армия была совершенно безгласным и бессловесным орудием. Если бы офицерство этой армии стало думать, то армия работала бы лишь на пользу дворянства; если бы стали бродить свободные мысли в солдатских головах, то армия быстро пошла бы против дворян. Павел не хотел компромисса: улучшить положение народа, но в то же время не освобождать его от крепостной зависимости; дворянство же должно было, по его мысли, поступиться рядом своих привилегий; единственным способом для того, чтобы это осуществить, нужно было, чтобы армия была в его руках орудием без воли, без мысли, исполнявшим все предсказания своего монарха беспрекословно, и при помощи армии заставить всю остальную Россию исполнять его волю. Отсюда видно, как политические силы проходят в самые тончайшие отношения в армии и как они определяют создание того или другого типа войск и самое воспитание армии. Если сравнить это с тем, что в эту эпоху делали Суворов, Потемкин, а ранее того Петр, которые стремились влиянием на лучшие стороны духа и человека развить в солдате и офицере сознание, самостоятельность, установить тесную связь солдата с офицером, воодушевив их одной и той же идеей борьбы за отечество, то разница покажется страшно резкой. С той высокой ступени развития, на которую армия была поднята, ее сбрасывали назад, стремясь человека обратить в мертвую машину. Политические идеи, которые Павел хотел осуществить, заставили его принять иные формы организации армии. Екатерина Вторая, опираясь на дворянство, могла верить своим фельдмаршалам, а атмосфера доверия проходила через всю армейскую работу. Павел не мог относиться к тем, которыми он себя окружил, ни с доверием, ни даже с уважением, ибо, создавая армию на началах, мною отмеченных, он был вынужден набирать людей, потерявших социальную базу, по большей части, с бору и с сосенки, без мысли, без воли и совести. Именно такие люди, по отзывам современников, и составляли гатчинские войска. Мы должны, однако, отметить в этих мерах большую историческую правду в том смысле, что таким путем Павел стремился сделать из армии тот точно работающий аппарат, централизованный и точный, которым должна быть армия. И если бы в его распоряжении была мощная группа организаторов, которая приняла бы эти идеи как свои, стала воплощать их по влечению своего убеждения, то централизация принесла бы всю пользу, которую от нее вправе были ждать, не внося искажения в военную жизнь, в боевые качества армии. Но такая группа могла бы создаться, если бы имелся новый общественный слой, новый класс, на

который он мог бы опираться, интересы которого он мог бы выражать. Но этого не было, и Павел вынужден был строить новую армию насильно, против общественного мнения тех слоев — дворянства и крестьян, — из которых он создавал армию. Насилием же армии сделать нельзя так же, как нельзя ее сделать и без применения насилия. Нужно лишь, чтобы для большинства это было выражение его воли, его сознания и насилия над меньшинством. Таким образом, вместо того, чтобы опереться на тот или другой класс, Павел был вынужден для разрешения проблемы классовых отношений тем способом, который представился ему наилучшим, опереться на небольшую группу случайных, им самим созданных людей. Я думаю, что каждому из вас ясно, насколько это было невозможно и к каким тяжелым кризисам должно вести. Прежде всего это повело к резкой ломке в армии. Вместо развития самостоятельности, в самой армии начала вводиться жесточайшая палочная дисциплина, т.е. то, что делали в свое время Миних, Бирон, голштинцы и др. Началось выматывание войска на бессмысленных учениях, вахт-парадах, караулах, церемониальных маршах. Войско обучалось целый день всевозможным фокусам шагистики и ружейных приемов. На все это требовалось так много времени, что в распоряжении солдат и офицеров для размышления и сна оставалось только 5–6 часов, все остальное время войско тратило на занятия. Добивались невероятной точности в движениях, равнения; даже обычный шаг человека в 1 аршин был отменен и заменен шагом в $\frac{3}{4}$ аршина, ибо на таком шагу легче равняться и легче проделывать манипуляции и артикулы; в нашей армии начиналась аракчеевщина, влияние которой вы ощущали еще на полях сражений в Галиции и под Варшавой и которая, к сожалению, не умерла с революцией. Аракчеев появился в гатчинском войске маленьким, скромным офицером, но качества его, как идеальной живой машины, жестокого, неутомимого, исполнительного до мелочей и по-собачьи преданного своему монарху, быстро выдвинули его; он сделался комендантом Гатчины, а с воцарением Павла сделался учителем Суворова и его «чудо-богатырей». Эта личность настолько важная в истории нашей армии, настолько интересна с точки зрения военного искусства, что на ней необходимо остановиться. Аракчеев был человек неглупый, энергичный, готовый работать как машина, но совершенно презиравший человеческую личность и жестокий до того, что ему случалось на ученьи вырывать гренадерам усы; это был человек, в котором не было ничего человеческого, но исполнитель это был блестящий, из преданности монарху он готов был исполнить все, что угодно. В дальнейшем затронем вопрос о военных поселениях. Аракчеев был убежденный противник этой меры, но по императорскому указу и против своего убеждения он осуществлял их. С появлением Аракчеева в гатчинских войсках фридриховская система обучения получала талантливую исполнителя и была проведена

полностью, создав кадр командного состава, который потом, с опытом гатчинского вахтпарада, пошел переучивать и, в конце концов, к 1854 году переучил победителей Ларги, Рымника и Праги.

Вот в кратких чертах то направление воспитания, которое было введено Павлом в гатчинских войсках; окруженный маленькой кучкой созданных им «гатчинцев», Павел взошел на престол и немедленно приступил к реформе армии. Свободные кафтаны екатерининской поры были сменены одеждой и обувью прусского образца. Все стало переделываться на немецкий лад. Солдат одели в лосиные штаны, заплели им косы, смазали их жиром, надели шпаги, торчавшие крайне неудобно и в сторону, прицепили букли и присыпали их мукой. Когда Суворову пришлось одеться в этот наряд, то старик пришел в полное неистовство и демонстративно на глазах императора высмеивал и новую форму, и новые порядки.

Действительно, можно себе представить, какое впечатление должна была произвести вся эта система в армии. Одновременно император Павел предпринял ряд реформ, улучшивших положение крестьян. Он сократил обязательную работу крестьян до 3 дней в неделю, запретил продавать крестьян, как животных, в розницу, сохранив продажу душ только вместе с участком земли, на котором они жили. Под влиянием этих реформ в дворянстве росло недовольство, оно захватывало офицерство — дворян — в армии и особенно в гвардии, и Павел должен был усилить свое давление на екатерининскую армию, выбрасывая из нее талантливых, но самостоятельных военачальников. Суворов вскоре оказался в опале и был выслан в село Кончанское, под надзор полиции, где он пел на клиросе и звонил в колокола. Ближайшие сослуживцы Суворова были арестованы и отстранены от всякого участия в государственных делах. Целые полки, чем-либо не нравившиеся Павлу или Аракчееву, иногда прямо с парада (Конный полк) высылались в Сибирь. Армия екатерининской поры подвергалась жестокому гонению. Вы помните блестящую плеяду военных людей этой эпохи. Я стремился обратить ваше внимание на то, что сила армии нашей была построена на большой индивидуальной работе всего командного состава и даже отчасти солдатской массы. Это была работа всего коллектива армии. Взаимное доверие всех сверху и донизу было основой этой системы. Но раз политические причины разорвали нежные нити доверия в армейской среде, то с ней и вся работа остановилась; действительно, 7 фельдмаршалов, 300 генералов и штаб-офицеров на армию в 400000 человек должны были оставить службу. Вся самодеятельность искоренялась Павлом...

Но, во всяком случае, вместо единой воли, сосредоточения власти, Павел, полный недоверия к своей армии, стремился все обезличить, лишить влияния, сохраняя лишь за

собой право карать и миловать. В России, говорил он, «только тот человек, с которым я говорю, и до тех пор, пока я с ним говорю». Вся самодеятельность была отнята у командиров, у них осталось только исполнение тех требований, которые ставил император в своих многоречивых приказах и уставах. Все сводилось к одной-единственной цели — обезличить войско, сделать его послушным орудием воли своего императора...

Мы видим, что характерной чертой зарождавшегося аракчеевского режима было недоверие ко всем, и к офицеру, и к солдату. Политическая обстановка властно диктовала такое направление работы в армии. Действительно, тот разрыв, который уже давно существовал между классами в России, который временно забывался перед лицом общей опасности, постепенно с упрочением положения России стал все громче и громче давать о себе знать — восстаниями и обнищанием крестьянской массы, с одной стороны, и нараставшими роскошью, самодурством, развратом, всевозможными беспорядками в господствующем классе — с другой. Такое поведение господствующего класса, забывшего свою историческую роль организатора и постепенно обращавшегося начисто в эксплуататоров народа, новый император хотел исправить, восстановить нарушенное равновесие, опираясь на созданную им армию — армию, стоявшую в безвоздушной сфере, вне классов, не связанную ни с какими общественными группами.

Штыками можно завоевать царство, но опираться на них нельзя. И это правило Павел почувствовал в своей деятельности, увидев, что он никому доверять не может. Исключительный пример в истории — попытки построить армию, не давая в ней никому ни тени власти. Ни в полку, ни в инспекции, нигде и никто не был хозяином. Все были безвольными исполнителями воли Петербурга. Конечно, в суворовской армии были недочеты, случалось, что гвардейские офицеры гуляли по столице с муфтой в руках и собачкой на ленте. Но и умирать, и побеждать они умели, а зарождавшийся режим придавил в армии волю к победе, самодеятельность и начал разрушать ее настолько, что под Аустерлицем французам не потребовалось большого труда, чтобы нанести нам тяжкое поражение.

Короткое пятилетнее царствование Павла резко прорвало естественный ход развития армии, оно не могло, конечно, разрушить столь быстро результаты почти 25-летней солдатской деятельности Суворова, Румянцева и Потемкина. Поэтому и в 1799 году в Италии и Швейцарии, где сам престарелый фельдмаршал руководил военными действиями, где была спета лебединая песнь его боевой деятельности, и в 1812 г., когда национальный подъем охватил армию от мала до велика, мы почти не видим влияния «аракчеевщины». Но в тех кампаниях, когда не было этих мощных факторов, как, например, в войнах 1805–1806–

1807 г., мертвенный дух разложения начинает охватывать командный аппарат и часто, сравнивая два таких близких периода, как 1799 и 1805 или 1807 и 1812 г., мы не можем понять, в чем лежит причина наших неудач, поразительной инертности, бесталанности наших действий под Аустерлицем, Эйлау и Фридландом. Мне думается, что ее надо искать именно в этом начавшемся убивании живого духа в армии, которое составляет глубокую основу нарождавшейся аракчеевщины.

Прерванная первыми годами царствования Александра I и периодом тяжелых войн 1805–1815 г., войн, закончившихся небывалым успехом 1812 г., уничтожением Наполеона, «аракчеевщина» возродилась и расцвела вновь; тут-то она приняла свои вполне развившиеся формы, когда период войн кончился, опасность внешнего врага прекратилась и государственной власти можно было сосредоточить свое внимание целиком на вопросах внутренней политики...

Когда были решены внешние задачи и армия возвратилась назад победительницей, освободившей народ от нашествия двенадцати языков, то выдвинулись снова задачи внутренней борьбы, где дворянство имело свои цели, далеко не совпадавшие с задачами всего народа. Но армия вернулась, побывав в Германии, где такую крупную роль сыграло общественное движение, где многие виднейшие военные были членами общества «Тугенбурга», которое дало толчок к целому ряду крупных реформ в Германии. Армия побывала также и во Франции, где идеи Великой французской революции были живы в умах лучших людей. Все это не могло остаться без влияния на русское офицерство, включавшее в это время весь цвет русского мыслящего общества, по преимуществу дворян. Целый ряд молодых офицеров стал учить солдат грамоте, были устроены «ланкастерские» (взаимного обучения) школы чтения и письма. В Петербурге и Москве возник целый ряд различных военных школ, поставивших себе целью изучение военного искусства и обучение офицеров для службы в генеральном штабе. Начал издаваться первый военно-научный журнал, и появились первые научные работы на военные темы русских авторов. В армии началось умственное движение, в которое была втянута вся лучшая молодежь того времени. Таким образом, влияние эпохи войн начала XIX века было весьма благотворно и сулило яркий расцвет нашей вооруженной силе. Но умственная работа в одной какой-либо области, в данном случае военной, не может ограничиться ею.

Разбуженная мысль начинает искать ответа на все вопросы, из-за границы армия принесла запас политических идей, дававших огромную пищу уму, в особенности в столкновении с теми противоречиями, которыми была полна русская жизнь. В среде офицерства возникли кружки чисто политического характера, объединявшие сторонников

«освободительных» идей, протестантов, не мирившихся с насилием и неправдой господствующего класса (к которому они принадлежали по рождению, а также имущественному положению) и требовавших раскрепощения крестьян в первую голову. Полковник Пестель, князя Трубецкой, Волконский, дворяне Бестужев, Каховский, Рылеев и другие стояли во главе этого движения; гвардейская молодежь Петрограда почти вся целиком была втянута в общество движения, известное потом под названием «декабристов», вот, боясь этого движения в армии, оглядываясь на примеры Италии, Испании и Португалии того времени, где военные заговоры играли такую крупную роль, руководящие политические круги снова отдали армию во власть Аракчеева, с целью убить в ней мысль, сделать ее снова послушным орудием внутренней политики. Снова начались гонения на военных людей и, как пишет ген. Киселев, видный деятель времени Николая I, один из немногих сторонников освобождения крестьян, «Георгиевские кавалеры были выброшены из армии и пошли торговать в винных лавках, а их место заняли штукмейстеры павловских времен, которые армию, которая составляла гордость России, зажали в тесные клещи, убив в ней дух». Началось повторение того, что я рисовал вам в эпоху кратковременного царствования Павла, когда в первый раз появился Аракчеев, но мероприятия эти еще усилились и стали еще более жестоки. Политика реакции ворвалась в армию для того, чтобы во имя порабощения всего народа убить дух в армии, а с ним неизбежно и военное искусство в нашей армии. Но, конечно, после тех подвигов, которые армия совершила, и после того, что она видела, такой поворот безнаказанно пройти не мог; лучшие люди нашей армии, воодушевленные идеями, составлявшими духовное богатство всего современного человечества, — идеями свободы, равенства и братства, отданные под власть и расправу Аракчееву, прониклись духом протеста и стали мечтать, — кружок Южного общества с Пестелем во главе, — об установлении республиканского строя и казни императорской семьи; другие кружки, как, например, Северное общество, с Рылеевым, Каховским и Калошиным во главе, в Петербурге, так далеко не шли, но возмущение во всех рядах гвардии и армии было очень велико. Все это имело следствием бунты в войсках (Семеновский полк) и кончилось вооруженным восстанием на юге и в Петербурге на Сенатской площади, в декабре 1825 года. Восстание декабристов было подавлено, политическую сторону этого движения и причины его подавления вы изучите в другом месте, здесь же нас интересует только военная сторона дела. Мы можем относиться к этому движению так или иначе, но несомненно одно, что декабристы были лучшие люди того времени, и люди, стоя в рядах армии, одержавшей победу над Наполеоном, лучше, чем кто бы то ни было, понимали, что режим, введенный в армию, не может удовлетворять прежде всего их, военных людей, ибо такой режим делал

армию небоеспособной. В поисках средств изменить такой порядок в армии они быстро поняли, что корни его лежат в самом строе крепостной России. Поэтому мне не кажется удивительным, что военные люди первыми вышли с оружием в руках бороться за новый порядок. Именно армия, воспитанная в суворовском духе, в духе частного почина, любви к наступлению, где больше всего нужно участие широкой, творческой самодеятельности, живого духа всех входящих в ее состав, именно военные люди того времени должны были ранее всего почувствовать резкий перелом с 15 года, когда все живое в армии изгонялось, когда в армии наступила пора мертвой реакции, которую настоящий военный человек не мог вынести, так как она убивала армию как боевую силу.

Восстание декабристов, которое они не сумели, или, вернее, не захотели опереть на широкие народные массы, было жестоко подавлено. Ссылки, аресты и казни нанесли тяжелый удар всему освободительному движению — по дороге — нашей армии. Все, что было в ней живого, светлого, выдвинутого войной на первое место, было теперь раздавлено; их заменили флигельманы и дрельмейстеры Аракчеева; устраивались военные поселения, где люди были обезличены до того, что должны были в один и тот же час вставать, ложиться, сеять, пахать и Богу молиться.

Нам с военной точки зрения важен один момент: раз правительство защищало интересы дворянства в ущерб всем остальным группам и классам и с этой целью оно учило и воспитывало армию, то армия победителей должна была обратиться в полицейскую машину. Убивание личности в армии приводит прежде всего к тому, что воспитание армии строится на принципе: «исполнять не рассуждая». Этот лозунг сделался господствующим. Нужно отметить весьма важный факт, что внутренние политические условия, определившие новую линию поведения по отношению к армии, развернулись после 1815 года далеко за пределы России...

Для полноты обстановки, в которой развилась наша армия той поры, я должен вам отметить еще некоторые факты, которые чрезвычайно интересны для понимания дальнейшей истории нашего военного искусства. Первым из них является все более и более усиливающееся влияние в нашей русской жизни немецкого дворянства. Причина этого заключалась в том, что дворянство не имело поддержки у себя внутри страны; враждебный лагерь начинался у самого порога феодального общества, ибо нарождавшаяся буржуазия и интеллигенция были во враждебном стане; волей-неволей русскому дворянству приходилось искать союзников за границей, и этот союзник был найден в лице такой же феодальной группы прусского юнкерства с подобными же классовыми интересами и задачами. Мостиком между ними были наши остзейские бароны, которые представляли собою плоть от

плоти и кровь от крови прусских дворян. Живя в России, эти люди с нескрываемым презрением относились ко всему русскому. Они прямо говорили, что они служат своему сюзеру, русскому императору, но ничего не хотят иметь общего с Россией. Но за свою верную службу этому императору они требовали дорогую плату в виде денежных наград и, что еще хуже, — влияния на весь ход русской жизни. Если вы посмотрите борьбу правительства с освободительным движением, то увидите, какую важную роль сыграло остзейское дворянство. Бенкендорф, первый шеф жандармов, Шварц, вызвавший восстание семеновцев, Рененкампф и Меллер, усмирители Сибири, Мин, Риман и пр. Всех этих людей остзейское дворянство дало правительству царя, на которое император должен был опираться в борьбе со своим народом. Влияние немцев было настолько велико в нашей армии, что Ермолов, один из выдающихся героев войны 12 года, начальник штаба I армии, командир корпуса в 14 году, во главе своих войск первым вошедший в Париж, спрошенный императором, какой он хочет награды, со злой иронией просил о производстве его в немцы.

И действительно, немцы были наиболее подходящим орудием для устройства государства так, как его понимал Николай I. Он считал, что вся жизнь страны, особенно армия, должна направиться по методам Фридриха Великого, в духе централизации, доведенной до мельчайших потребностей, руководимой приказами, исходящими от царя. Все строилось на слепой дисциплине без малейшего допуска проявления самостоятельности, справедливо считавшейся первым шагом в свободной мысли, за которой следовала критика, там уже недалеко было и до революции. Мы видим, как путем палочной дисциплины у людей отбивали охоту думать, искать какой-нибудь выход из того положения, которое создалось. Этот способ убивания духа и был причиной, в окончательном итоге, определившим тот военный развал, то падение военного искусства, с которым нам придется столкнуться не только при изучении севастопольской кампании, но и всех войн XIX и начала XX века.

Нужно отметить, однако, одну сторону «Аракчеевского» режима, без понимания которого, конечно, подвиги наших войск, нашего солдата и офицера под Севастополем, так величественно просто описанные Толстым в его Севастопольских очерках, останутся непонятными. Муштра строилась на той же твердой базе сознания народных масс, верящих, что «царь, Бог и родина» есть то великое и святое, ради чего каждый обязан жить и умереть. Именно в эту пору создан известный анекдот о том, как император Александр I и Прусский король поспорили, чей солдат лучше, и как русский гренадер по первому слову бросился к окну комнаты, бывшей в 3 этажа, чтобы прыгнуть из него и был лишь удержан за фалды Александром, в то время как пруссак попросил сначала разрешения съездить домой и

проститься с женой. У нашего солдата той поры жены не было. Он служил 25 лет, и в течение 25 лет шла его обработка; причем всех сопротивлявшихся безжалостно раздавливали, покорных награждали. Наконец, бесконечными строевыми учениями вырабатывалась та подсознательная дисциплина, которая дает такую власть начальнику над подчиненным в бою и которая отличает войско регулярное от дезорганизованной толпы людей.

Вот те 3 стороны воспитания Аракчеевского солдата, которые сделали из него ту страшную, правда, пассивную силу, о которую разбились все усилия англо-французов под Севастополем...

В результате развития самостоятельности мы видим огромный прогресс техники в Западной Европе; рядом с быстрым развитием заводской промышленности шло и развитие военной техники. Ибо состояние военной техники есть прямое отражение общего состояния технических сил и средств в стране.

Армии Франции и Англии к этому времени были уже вооружены штуцерами, т.е. нарезными ружьями, стрелявшими на 1200 шагов, в то время, как наше кремневое ружье, служившее, главным образом, для делания ружейных приемов, а не для стрельбы, с развинченными для звучности винтами и гайками, било всего на 600 шагов. Это было первое крупное преимущество, которое позволяло пехоте неприятеля вести сильный и меткий ружейный огонь на 600–1000 шагов, в то время как наши войска должны были молчать. Такое техническое преимущество не могло, конечно, сыграть решающую роль в победе или поражении, ибо решительные войска могли подойти на 100 шагов и сравнять свой недочет быстротой наступления, но, несомненно, во время этого сближения потери были велики и этими потерями оплачивался недостаток в технической подготовке. Слабость техники всегда оплачивается ценой личных потерь и личной крови. Новое оружие, которым были вооружены наши враги, провозвестник машинного оружия наших дней, стало наносить потери, совершенно несоизмеримые с потерями прежних боев, и потребовало подачи на театр военных действий такого количества укомплектования, на которое наша военная система не была рассчитана. Новое оружие было причиной, которая вызвала к жизни реформы Милютина в армии и содействовала общей перестройке жизни в царствование Александра II...

Я не указал еще одно важное обстоятельство, что наша армия, несмотря на весь гнет, давление на человеческую личность, все-таки хранила в недрах своих высокие традиции суворовской и петровской поры. Это явление заслуживает нашего исключительного внимания.

Как это понять? Мне думается, что мы имеем здесь дело с одним из тех, мало выясненных явлений психологии масс, когда под влиянием инерции мысли в массах старые, традиционно создавшиеся идеи передаются из поколения в поколение, долго спустя после того, как они потеряли свои жизненные нормы, в реальных интересах народа. Но сила этого состояния сознания, общественного мнения масс такова, что подчиняясь ему, люди легче идут на смерть, чем на разрыв со старой психологией. Так, как мы определяли дух армии, ее отношение к внешним впечатлениям и то, как она на них реагирует, так этот дух войск является главной действующей силой на поле сражения. И пока живет в войске такое состояние сознания — войско сильно. Несмотря на все неблагоприятные внешние условия, дух армии, ее готовность к самопожертвованию — высокий идеализм — остались прежними; в армии была внутренняя сила и спайка, которая поддерживала наши войска даже в самые тяжелые минуты поражения. Вы увидите, что несмотря на превосходство техники, на превосходство командования, превосходство численности войска врага, наши войска представляли такое мощное сплоченное целое, которое враги могли победить, но не могли разрушить окончательно, и наша армия так до конца войны и не потеряла способности к борьбе. Эту «живучесть» духа армии, а с другой стороны, и способы, которыми он поддерживался, мы должны отметить с особым вниманием. Мысль молчала, но дух был жив. Таковы были свойства вооруженной силы России, которые были выведены на театр военных действий в так называемой «восточной» войне 1854–1856 годов...

После расцвета нашего военного искусства начинается пора упадка, причем первый этап его знаменуется расстройством аппарата управления — расстройством командного состава, при сохранении в полной пока неприкосновенности духа армии.

Краткий очерк этой эпохи позволит нам установить несколько основных выводов, крайне интересных при изучении развития военного искусства.

Характерным в рассматриваемой эпохе является: 1) сплочение большей части господствующего класса вокруг императора, которого дворяне силой своего влияния, а то и просто устранения нежелательного представителя, делают выразителем своей дворянской политики; в эту эпоху растущего недовольства крестьян и кризиса на мировом хлебном рынке эта политика должна была быть твердой, решительной и щедро поддерживавшей дворян за счет государственного казначейства.

2) Крестьянство не забыло пугачевщину. Недовольство крепостным строем было налицо и нарастало, но не было организаторов этого движения, старые же лозунги, на которых строилась как наша государственная жизнь, так и армия, были еще жизненны. Лучшие представители дворянства и развивавшейся интеллигенции, понимавшие разрыв с

классом организаторов, постепенно формировали группу, враждебную правительству, и стремились к перемене государственного строя. Это вносило разложение в среду самого правящего класса и вынуждало его отнять доверие у своих агентов, которым были так сильны наши армии при Петре и Суворове.

Таким образом, обстановка, в которой жила армия Николаевской поры, характеризуется следующими факторами: твердая, мощная центральная власть, аппарат управления, лишенный инициативы, и масса, еще покорная в гипнозе старого воспитания, но с тлеющим пожаром недовольства внутри.

Между тем, выход в Западной Европе на историческую сцену буржуазии двинул мощным порывом развитие техники, 1) предъявившей все растущее требование на самостоятельность аппарата управления и 2) вовлекавшей в работу все большие и большие человеческие массы.

Первоначально политическая обстановка России не могла допустить, второе нарушало гипноз старых представлений, вырывая народные массы из привычной тишины деревни, втягивая ее в широкий круговорот жизни.

Таким образом, это противоречие неизбежно должно было и, как мы видели из короткого очерка севастопольской войны, действительно повело армию к поражению.

Севастопольская кампания была прямым выводом того безвременья, которое воцарилось в нашей стране и в армии после возвращения войск из Парижа, а в особенности после восстания декабристов. Режим Аракчеева, проводимый в полной мере и его преемниками, имел прямой задачей убить мысль офицера и солдата, как этот же режим ставил себе ту же задачу в стране. Силы реакции были велики, и эта задача была достигнута. Армия стала послушным орудием в борьбе со своим народом, но когда ее вывели на театр военных действий для борьбы с внешним врагом, ее несостоятельность выявилась полностью. Спавшая мысль, спавшая самостоятельность были первой причиной того, что технически мы оказались слабее противника. В армии, где нет живой военной мысли, не может быть ни командного состава, ни генерального штаба, способных проявить самостоятельность, знание дела и активность в борьбе с врагом, ибо именно эти качества и были тщательно искореняемы в мирное время. И в результате мы видим такое падение военного искусства, которое у нас после войн 1812–15 гг. кажется совершенно невозможным, совершенное неумение управлять войсками, организовать наступление и даже расположиться на оборонительной позиции. Я уже не говорю о службе генерального штаба — этой службе, можно сказать, у нас не было совершенно. Альма, Инкерман, Федюхины высоты — все эти бои, все стычки этой войны на Крымском участке, как и на всех остальных

театрах, за исключением отчасти Кавказа, рисовали унижительную картину паралича мысли и воли командного состава, поскольку они необходимы для оперативной работы. Ни ясного учета обстановки, ни смелого большого решения, плана действий, где основная идея осуществляла принцип частной победы, рисковала бы везде, кроме одной важнейшей точки, где сосредотачивались силы для главного удара. Все это отсутствовало в творчестве командного состава, выросшего из школы Аракчеева. Люди, подобранные им и воспитанные в его духе, отвечая основным запросам эпохи, иными быть не могли. Но мало того. Ведь бой и война суть явления коллективного творчества, где каждый начальник в сфере своей работы творит. Это стало особенно важно в эпоху, когда технические средства стали совершенствоваться и появился усиленный спрос на частный почин. Особенно хорошо это поняла и осуществила прусская армия этой поры; вчитайтесь в кампании 1866 и 1870 гг., веденные этой армией, вы увидите, насколько велико развитие самодеятельности. Но именно опасный для внутренней политики дух самодеятельности был особенно тщательно изгоняем из армии, и результаты этого мы видели в каждом бою. Если старшее командование не могло верно направить войска, то и самодеятельность младших начальников не была в состоянии исправить, сгладить ошибки командования. Чтобы уяснить себе правоту этой мысли, достаточно проследить постепенное введение в бой полка за полком под Инкерманом и при взятии Федюхиных высот, в то время, когда одновременный удар, несомненно, погнал бы слабого в первый момент неприятеля.

Немцы под Вертом и Шпихерном, слетавшиеся, как коршуны на добычу, на шум боя, показали, как много может дать самодеятельность на поле сражения, как она способствует сосредоточению сил к моменту атаки.

Итак, для нас ясно, насколько режим реакции, расхождения с объективно слагавшейся обстановкой в стране, разлад в самом господствующем классе разлагающе действует на аппарат управления в армии и к каким тяжелым последствиям он приводит в боевой армейской работе.

Но рядом с этим во всей этой войне мы должны констатировать удивительную твердость духа армии. В этом отношении армия не уступала войскам 1812 года, и перед этой загадкой исследователь невольно останавливается. Кн. Мещерский, известный консерватор, деятель времен Александра II и Александра III, в своих мемуарах пишет: «Неисчислимое множество личностей, полных героизма, высокого, сознательного, было продуктом великолепного николаевского царствования». Имея свою точку зрения о «великолепии» этого царствования, приведшего с военной точки зрения лишь к поражению Восточной войны, мы, тем не менее, должны ответить на этот вопрос. Почему же дух армии был так

высок, что даже великий писатель нашей земли Толстой в своих Севастопольских очерках отмечает солдата, как главного героя этой драмы. Для понимания этого явления нам нужно обратиться к области психологии. Этот случай, более чем какой-либо другой, дает яркий пример поразительного расхождения объективного и субъективного моментов в отношении к данному событию, и возможность такой разницы нам, военным людям, нужно знать и учитывать. Интересы крестьянской массы были объективно враждебны всему строю самодержавия и, естественно, этой войне, ничего ей не дававшей.

Между тем, не только старики-ветераны, но и ополченцы, вновь призванные, шли на смерть с удивительным героизмом за чуждые и враждебные им интересы. В этом сказывается страшная сила духовной инерции, с которой нужно очень и очень считаться. Под лозунгом «Бог, царь и родина» крестьянин боролся в полках Петра со шведами, под знаменами Александра I в 1812 г., отстаивая независимость страны (единодушно все классы) от несчастья, представлявшегося еще более тяжелым, чем внутренняя кабала, — от иностранного нашествия. Опираясь на эти настроения, организуя дух народа рядом суровых мер против инакомыслящих и усердно подбирая людей, способных без критики повторять лозунг победы 1812 года, правительство добилось сохранения цельности настроения не только в армии, но и в массе трудового народа. Если мы добавим, что солдат служил 25 лет, что он был целиком связан со своей казармой, где отупляющим режимом его умственные способности содержались в состоянии полуатрофированном, и что современная казарма очень заботилась о том, чтобы солдата хорошо накормить, одеть и обуть, то все станет понятным...

В окончательном итоге рассмотренный период с полной ясностью утверждает один важный для военного дела вывод для подготовки армии к будущей войне: одна доблесть войск, ясно проявившаяся хотя бы страшными потерями во всех боях рассмотренной войны, не может дать победу. Одна дисциплина, без самодеятельности и знания дела, никогда не приводит к успеху на войне и лишь способна привести к страшным потерям. Второй вывод: новое оружие у врагов заставило нас выдвинуть на театр военных действий до 2 миллионов людей. Это был уже переход к массовым армиям нового времени, определенным свойством нового оружия. Но такие массовые армии уже нельзя было поставить на ноги по рекрутской системе. Нужна была полная перестройка всей военной системы, и севастопольская неудача была прямой причиной реформ Александра II.

IV. Милютин и его время

Пережитые в Крымскую кампанию неудачи, страшные беспорядки, хищения в тылу и тяжелые потери, вызванные, главным образом, неумелым командованием, ни в армии, ни в стране даром не прошли. Если до войны и правящий класс, и народные массы так или иначе мирились с существующим порядком, и лишь небольшая кучка интеллигенции таила резкое неудовольствие государственным строем, то когда это положение привело к катастрофе, с ним перестали мириться: ибо организаторы не разрешили своей основной задачи защиты страны. Кто из вас был в Севастополе, тот, конечно, никогда не забудет страшную гору Братского кладбища, которая сверху донизу по всем дорожкам усеяна братскими безымянными могилами героев, павших в этой войне. Такие жертвы не проходят даром. Тяжесть перенесенных страданий будит человеческую мысль широких слоев народа, заставляет искать причину поражения. Поэтому, после войны 1856 года, закончившейся бесславным миром, лишившим нас господства на Черном море, мыслящая и действующая часть России, то, что принято называть общественным мнением, признала необходимым внести существенные перемены в нашу жизнь, как политическую, так и военную; снова, как в 1815 году, в армии мысль работала очень интенсивно. Если вы познакомитесь с документами того времени, обратите внимание на три докладные записки, поданные императору ген.-адъютантом Редигером, командиром гвардейского и гренадерского корпусов, т.е. человеком, который по своему положению являлся основной опорой всего и военного, и политического строя в нашей стране (командир лучших войск для внутренней борьбы — гвардии), вы увидите, что даже он видел и учел причины наших неудач и указывал на необходимость реформ. И вот Редигер, старик, бывший сам на войне и стоявший в центре всего военного управления, пишет одну за другой 3 докладных записки императору и в них совершенно неопровержимо устанавливает главную причину наших неудач: с одной стороны, отсутствие самостоятельности у всего командного состава сверху донизу, а с другой стороны, недостаток военных знаний. Он писал, что у нас в эту кампанию не было почти ни одного начальника, который бы был подготовлен к разрешению тех задач войны. Редигер считал, что причиной этого являлся тот убивающий мысль режим, который существовал в армии Николая I; конечно, внутренние причины, противоречие в самой основе армии ему едва ли были понятны, во всяком случае, он о них ничего не говорит в своих докладах, но уже тот факт, что командир гвардейского корпуса высказывает такие мысли, позволяет судить о том, что же думали в это время командир полка и поручик, непосредственно шедшие в бой и рисковавшие жизнью за вину военной безграмотности своих вождей.

Если вы возьмете военные записки, военные журналы и газеты того времени, то увидите в них отклик тех мыслей, которые волновали современников. Везде мысль сводилась к требованию реформы. Действительно, государственная и военная система в тяжелом испытании 1854–56 гг. доказала свою непригодность с полной очевидностью. Был слух, очень характерный, что даже сам Николай I, разочаровавшийся в работе всей жизни, кончил жизнь самоубийством; в действительности это было не так; но ввиду крушения всего государственного здания, которое он создал в течение целого 30-летнего своего царствования, такой слух казался правдоподобным.

Император Александр II вступил на престол с иными задачами, чем его отец; сам Николай завещал сыну прежде всего осуществление неисполненной им мысли об освобождении крестьян, ясно указав: «что он сдает ему команду не в добром порядке». Брат императора, Константин Николаевич, его жена и целый ряд выдающихся людей в самой верхушке правящего класса, как Ростовцев, братья Милютины и многие другие, сгруппировались после Севастопольской кампании в нечто подобное партии реформ. Они почувствовали опору в общественном мнении и прежде всего — в армии, и Александр II нашел возможным выдвинуть на пост военного министра 45-летнего Милютина, брата известного работника по освобождению крестьян, одного из наиболее искренних и честных людей этого полного борьбы и противоречий царствования. Милютин, именем которого мне хочется назвать всю эту пору в армии, учился в Московском университете, после чего поступил на военную службу; кончил затем Академию генерального штаба; был профессором этой академии по кафедре военной географии, которую он сам создал; был автором лучшего описания суворовских походов в Италии и Швейцарии в 1799 г., отмеченных не только у нас, но и в иностранной военной литературе; по его просьбе, он получил назначение на Кавказ начальником штаба армии и отличился там как личной храбростью, так и большими организаторскими способностями. Затем, как представитель молодой армии, глубоко почувствовавший унижение и боль севастопольского поражения, он был выдвинут на пост военного министра. В то время в общей политической жизни развивались так называемые «великие» реформы, гласный суд, освобождение крестьян, реформы в сфере народного образования и т.д., и Милютин, в составе правительства, был горячим сторонником переустройства нашей русской жизни. Так, он был защитником широкого народного образования против графа Толстого, министра народного просвещения. Это он создал первые в России высшие женские медицинские курсы. Он защищал гласный суд, со всеми гарантиями человеческой личности в суде, против графа Палена, министра юстиции, он боролся против Ланского, Валуева в деле освобождения крестьян и перемены

курса во внутренней политике, — словом, это был человек, который в лучшую пору своей деятельности своим влиянием стремился осуществить мечты и чаяния, выдвигаемые наиболее идеалистически настроенными кругами русского дворянства.

Вот что представлял собой Милютин, выдвинутый в этот момент к власти и делу реформ в армии, порожденных севастопольской войной. Главной потребностью было стремление, чтобы начальник снова стал человеком, а не машиной, чтобы в нем проснулась воля не только к слепому исполнению приказов и мертвой, палочной дисциплине, но и к творческой работе, к самодеятельности, без которой ни армия, ни народ жить не могут. Но если внешние задачи армии требовали именно такого направления, то задачи борьбы с внутренним врагом, наоборот, заставляли предъявлять к армии иные запросы. «Внутренний враг» в эту пору был весьма «силен», а реформы Александра II лишь очень мало смягчили противоречия классов. Если вы посмотрите даже на один из аргументов Александра II, благодаря которому ему удалось склонить наиболее реакционные части дворянства к освобождению крестьян, то таким аргументом была угроза, которая таилась в крестьянских массах, проявивших во время демобилизации 1856 года весьма много активности и усмиренных не без труда; массы сдержанно, спокойно ожидали результатов работ редакционных комиссий по освобождению крестьян, но современники чувствовали угрозу, скрываемую за этим спокойствием. Таким образом, если для разрешения задач внешней борьбы развитие самодеятельности в армии было необходимо, то эта же самодеятельность была очень опасна сохранением власти в руках дворянства в случае гражданской войны. Это сомнение заставляло откладывать осуществление реформы перехода к всеобщей воинской повинности. Крестьяне были освобождены в 1861 году, а реформа, совершенно разработанная к 1870 г., введена лишь в 1874 году, после поражения армии Франции пруссаками, развернувшими массы, взятые по всеобщей воинской повинности. С одной стороны, перед глазами был пример Пруссии, которая после поражения под Иеной в 1806 году ввела всеобщую воинскую повинность в 1813 г., с этой армией участвовала в борьбе за освобождение Германии с Наполеоном до 1815 г. Когда же понадобилась сила для подавления движения 1848 года, то, опираясь на офицерство, прусский король смог этой армией совершенно ликвидировать все попытки революции. Мало того, когда король под давлением народного движения в Берлине пошел на уступки, то гвардейское офицерство, чувствуя свои полки вполне у себя в руках, собранное королем в Потсдамском замке, встретило его таким резким выражением недовольства и требованием решительности в борьбе с революцией, что королю пришлось стать во главе контрреволюционного движения и дать войскам свободу действий в усмирении восставших — силой оружия. Армия

всеобщей воинской повинности, где главную массу составляли крестьяне, оказалась и в этом деле послушным и сильным орудием в руках государственной власти — прусского юнкерства. Всеобщая воинская повинность оказалась лишь внешней формой, которая может скрывать какое угодно содержание при соответственной обработке масс...

Реформы Милютин охватили три области военного дела. Первая основная реформа Милютин была проведена после его знаменитого доклада в 1862 году и касалась системы управления армией. Без коренного усовершенствования этого аппарата никакие меры в армии были невозможны. До этой реформы, как вы знаете, управление до самых мелочей носило строго централизованный характер; из военного министерства в Петербурге посылались приказы, подлежащие точному исполнению, исключавшие всякую самостоятельность на месте. Милютин же разделил Россию на 14 военных округов, вверив руководство как военными организационными, так и хозяйственными вопросами самостоятельности командующих войсками округов. В области строевой и тактической подготовки войск Милютин решил опереться на самостоятельность старших войсковых начальников, в особенности начальников дивизий, дав им соответствующие права в законодательном порядке. Умственная жизнь в армии закипела. Началось изучение стрельбы, бывшее ранее в забросе; появился интерес к военному делу. В эту пору начали свою военную и научную работу: Драгомиров, Леер, Масловский, Сухотин и др. выдающиеся военные ученые. Результат такого оживления мысли быстро сказался в армии, и если в Севастопольскую кампанию я не могу вам назвать ни одного имени начальника, который умел бы водить войска (не считая таковыми людей, которые сами умели умирать, как Корнилов и Нахимов), то в пору Милютин выдвигается целая плеяда выдающихся военных, таких, как Скобелев, Гурко, Черняев, Драгомиров, Радецкий и др., которые проявили большую самостоятельность, военный талант, понимание военного дела, умение руководить войсками на поле сражения и театре войны. Оживление жизни страны, выразившееся в раскрепощении армии, в пробуждении ее самостоятельности, тотчас же отразилось на ее боеспособности, значительно подняв качество ее командного состава и выдвинув целый ряд людей, правда, не очень длинный, которым можно было верить командование. К сожалению, вольный ветер недолго веял в армии. И хотя Милютин и остался военным министром, но реакция, охватившая страну вскоре после освобождения крестьян, быстро распространилась и на армию; начав думать по военным вопросам, армия стала думать и в области политической. Революционное движение проникло в ее ряды, и в борьбе с ним была снова подавлена всякая свободная мысль. Одно и другое тесно связано.

Другая реформа была по всеобщей воинской повинности. Потребность в массовых укомплектованиях, призываемых в ряды армии на время войны и освобождаемых в мирное время, была вполне осознана во время Крымской кампании, когда за три года было призвано свыше 2 миллионов рекрут и ополченцев, большую часть которых после мира 1856 года правительство распустило по домам. В 1874 году основной устав о воинской повинности был введен в действие. Призыву подлежали молодые люди всех сословий по достижении 21 года, и срок службы был определен в действующих войсках 6 лет, после чего военнообязанный зачислялся на 9 лет в запас; сверх этого еще 14 лет он числился в ополчении, и к 40 годам все его отношение к военной службе прекращалось. Таким образом, русская армия получила мощные контингенты укомплектования, из которых могла черпать людские запасы, отвечавшие новому характеру войны. Но вливая в армию на короткие сроки молодых людей, правительство сразу увидело опасность внесения в армию разложения. С одной стороны, для действия день ото дня совершенствовавшегося оружия был нужен все более развитой солдат, с другой стороны, во внутренней войне этот развитой стрелок мог легко понять, что цель, по которой его заставляют стрелять, есть, во-первых, его родные братья, отец, и, во-вторых, что он, взятый в войско лишь на время, вернется к себе же в деревню и на фабрику, и здесь его интересы вновь будут те же, тех же людей, в которых его заставляли стрелять, когда он был на призыве в войсках. В Германии очень легко вышли из этого положения. Школьный учитель Германии, воспитавшийся на идеях освободительной войны 1813 года, поддерживаемый общественным мнением всей Германии, всех классов (за исключением части рабочих), помнивших указы, пережитые страной во время оккупации страны Наполеоном, работая над воспитанием германского юношества, сосредоточил его внимание на идее внешней войны. Тот же лозунг «Бог, Царь и Родина», что и у нас, был проведен через школу в самую толщу народа, и солдат приходил в войска уже «воспитанным».

Но в России это было труднее. Классовые противоречия были сильнее; в воспоминании народа нашествие Наполеона, короткое и захватившее лишь маленькую часть страны, не создало твердой, национальной идеи. Наоборот, вся интеллигенция росла с уклоном к социализму, и подобрать школьного учителя для стомиллионной страны, способного воспитать массу в нужном направлении, не было возможности, несмотря на принятые правительством меры. Оно могло держать власть в руках, но не было в состоянии перестроить общественное мнение страны, ибо его политика шла вразрез с основным направлением развития жизни, прежде всего, с ростом техники.

Вот почему правительство, введя всеобщую воинскую повинность, было вынуждено обрушиться на народное образование, изгнав из него, с одной стороны, все живое, а с другой

стороны, позволяя учиться лишь привилегированным группам населения. Таким образом, в самой реформе было резкое, чреватое последствиями противоречие. Всеобщая повинность и нарезное оружие требовали всеобщего образования, и этого образования правительство дать не могло. Следовательно, всеобщая воинская повинность должна была неизбежно повести к понижению боеспособности армии. И если это еще не было замечено в 1877 году, то в 1904 и 1914–1917 гг. это стало очевидным.

Третья важнейшая реформа коснулась военного образования командного состава. До Милютин основой военного образования были корпуса, в которые мальчик поступал 10 лет и по прошествии 7–9 лет выходил в полк готовым офицером. Эти 9 лет жизни, когда из ребенка формируется человек, будущий офицер проводил, почти не выходя из стен корпуса, куда не долетала ни одна мысль из внешнего мира; в такой искусственной обстановке стремились сделать узковоенных людей, воспитанных в духе военной касты, таких, какие были нужны армии в аракчеевское время. С этой мыслью вам придется еще раз встретиться в истории нашей армии. Но Милютин считал, что настоящим вождем может быть только офицер-гражданин, всесторонне образованный, с ясным пониманием всех основных вопросов жизни; поэтому военные корпуса, как питомники кастового военного духа, были уничтожены и вместо них созданы военные гимназии, где военное дело преподавалось лишь в строго ограниченном размере, дабы внедрение военной муштры не исковеркало душу ребенка и не помешало общему развитию всех его душевных свойств; для военной же подготовки Милютин создал военные и юнкерские училища, которые из молодых людей со средним образованием сделали бы офицера. Вот та реформа Милютин, которая так резко оттеняет эту эпоху от поры Аракчеева и оттеняет ее тем, что основную опору Милютин стремился перенести на активные стороны человеческой души, на ее самостоятельность.

С таким воспитанием русская армия пошла в турецкую войну. Но торжество таких идей было короткое. Кто из вас изучал политическую историю, тот знает, что расцвет эпохи был очень кратковременным, через небольшой промежуток времени реакция снова вступила в свои права: министр внутренних дел Валуев цепко взял правление в свои руки, одна реформа за другой были сведены на нет.

Это сейчас же отразилось в армии, талантливые люди, как Скобелев, Черняев, оказались вытесненными из рядов армии. Черняев поехал добровольцем в Сербию, где руководил восстанием против турок, генерал Скобелев тоже оказался не у дел, а когда началась война 77-го года, он поехал также добровольцем в отряд Драгомирова. Черняев в нищете окончил свою жизнь, а Скобелев был отравлен в одном из московских ресторанов.

Милютин совершенно ясно понимал, что самодеятельность, столь необходимая при современном состоянии техники, можно получить от командного состава лишь при 2 условиях. Если в сердце у человека есть импульс к деятельности, если цели, за которые идет борьба, ему близки, дороже его жизни, а с другой стороны, если командный состав настолько образован, что его самодеятельность пойдет на пользу, а не во вред делу. Между тем, повинность крови дворянство несло далеко не так охотно, как в XVIII веке, когда оно было молодо, как класс, и полно готовности к подвигу. Дворянство давало в рассматриваемую пору лишь офицерство и гвардию, старший командный состав в остальные войска. Интересы остальной массы офицерства, комплектовавшейся по большей части в среде разночинцев и трудовой интеллигенции, не имели ничего общего с дворянским землевладением. Милютин хотел создать импульс для борьбы офицерства в идеалистической любви к родине и царю.

Но такой идеализм для сколько-нибудь крупной массы вырастает лишь при твердом согласовании с экономическими интересами.

Создать же эти импульсы милютинская школа не могла, но широкое образование будило мысль, и естественно было опасно для твердости армии, ибо образованный человек мог легко дать себе отчет в тех противоречиях, которыми он был окружен.

Поэтому, естественно, милютинские военные гимназии были скоро уничтожены, и военное министерство вернулось к кадетским корпусам, с их монастырским режимом, воспитывавшим узкого малообразованного офицера, с привитыми ему шаблонами вместо способности мыслить и обрывками заученных на память учебников вместо образования. Таким образом, вместо офицеров, потребных в современных условиях, военная школа давала лишь твердых исполнителей чужой воли. Но задачи внутренней политики этим осуществлялись.

Реформационная деятельность Милютина ярко отражает то противоречие различных течений, которыми была охвачена современная Россия. Жизнь с ее мощным прогрессом техники и организации настойчиво предъявляла свои права, но господствующий класс, который не мог подняться в уровень с жизнью, не хотел уступить своих прав и полагал, что он остановит жизнь. Для борьбы за свои привилегии он строил армию, и в то же время, как Милютин подходил к этой постройке, с целью создать войско, отвечающее требованиям жизни, требованиям современной войны, вся инерция правящего класса была сосредоточена на том, чтобы его реформы не повредили борьбе за свое положение с трудовыми массами и интеллигенцией, как это казалось тогда, стать во главе народного движения. Поэтому все разумные меры Милютина были исковерканы и искажены. Ему удалось создать внешние

формы современного войска, но по сути, по идеям, по воспитанию это был лишь ухудшенный сколок с армии Николая I...

Чем дальше, тем трагичнее для русского народа, а вместе и народов, вошедших в нашу общую государственность, развивалось расхождение интересов организаторов дворянства, как класса, с интересами широких трудящихся масс. В то время, как все новые и новые факторы, в особенности техника, открывали возможности благосостояния, ранее немислимые в России, — дворянство стремилось все упорнее к сохранению старых форм жизни, в которых только оно, не меняясь, могло сохранить свое господствующее место.

Поражение Севастополя создало такой сдвиг в общественном мнении как правящего класса, так и народной массы, что руководящие круги были вынуждены на время уступить и рядом реформ открыть поле для самостоятельности масс, но быстро все так или иначе было взято обратно, и Россия снова зажата в тисках реакции. Такой сдвиг произвел, однако, свой эффект. Антагонизм классов, придушенный при Николае I и незаметный на поверхности, в эпоху реформ Милютина тысячами трещин избородил отношения между массами и дворянством, дворянством и интеллигенцией и, наконец, внутри самого дворянства. Вместе с тем дворянство, как класс, вырождалось и все охотнее передавало тяжесть, сопряженную с его положением, на плечи тех слоев населения, которые оно могло за плату поставить на исполнение своих обязанностей.

Таким образом, развивающийся антагонизм классов и постепенное вырождение дворянства на фоне широко развившейся техники, требовавшей для разумного использования прежде всего таланта, самостоятельности масс и гражданского мира, вот обстановка, в которой вел свои реформы Милютин.

Можно себе представить, какие трудности представляло в такой обстановке найти идеи и лозунги, найти точки опоры для того, чтобы из этой массы людей, которая должна была стать под ружье, сделать организованное войско. Чувствовалось, что старые лозунги умирают, но новых в этой обстановке выдвинуть было невозможно. Единственным выходом было: сильным давлением на мысль, на образование затормозить развитие сознания в народе. Если сейчас победа революции настоятельно требует, чтобы народные массы стали думать, понимать, отдавать себе отчет в происходящем, то в ту пору спасение дворянства было в том, чтобы никто не понял того, что происходило в России.

Сильно действующее оружие поставило в ряды армии на короткие сроки значительную массу населения. Перевоспитать ее в армии было невозможно. Дать соответственное интересам дворянства воспитание народным массам было также немислимо, ибо дворянство было совершенно изолировано в стране и не могло найти

идейных сотрудников, как это было в Германии, для обработки психологии; оставалось после короткого, неудачного для правящего класса опыта реформ, вернуться к политике Николая I, политике полного порабощения мысли и убивания самостоятельности, в свою очередь, создавшей обстановку невозможности использовать технику ни в экономической жизни, ни в армии.

Этим же путем совершенно подрывалась возможность тесного товарищеского общения между солдатом и офицером, ибо нарушение общности целей борьбы, нарушение идейного активного сотрудничества, обращение солдата и офицера в манекенов исключало между ними возможность человеческих взаимоотношений, вырывало пропасть, перешагнуть которую могли очень немногие.

Раз не было самостоятельности, раз не было импульсов к работе, то естественно не было упорной, настойчивой работы по приобретению знаний; военное знание в армии стояло в зачаточном состоянии, вырождаясь зачастую на верхах военной науки в оторванную от жизни схоластику. Отсутствие знаний и самостоятельности сделало невозможным использование техники на войне и привело к тяжелым, мучительным неудачам Плевны, мучительным потому, что, несмотря на начавшееся разложение, дух армии был еще высок, и неумение командования привело лишь к тяжелым, ненужным жертвам.

Реформы Милютин, несмотря на короткое время, предоставленное для их полного и свободного развития, представляют огромный интерес для истории военного искусства. После Крымской кампании, выявившей полную невозможность управлять войсками на принципе одной слепой дисциплины и комплектовать армию по рекрутской системе, мы видим попытку Милютин разбудить самостоятельность в переходе ко всеобщей воинской повинности. То и другое дает нам новую армию, и армию, несомненно, в некотором отношении лучшую, чем армия Севастополя, ибо хоть и плохо, но она могла маневрировать и достигла крупных результатов там, где в 1854–1856 гг., например, Дунай остановил все наши наступательные попытки. Таким образом, оживление самостоятельности стало сейчас же давать свои плоды. Но в современной армии отдельные, даже очень талантливые люди ничего сделать не могут. Для победы нужно организованное свыше, но массовое творчество, самостоятельность всей армии сверху донизу. Этого в короткий период расцвета достичь было невозможно, и штурм Плевны, неумение учесть свойства нового оружия были результатом аракчеевского наследия в армии.

Тем не менее, мы видим, что самая основа армии, ее дух были тверды и живы в этот период, как в общем был еще тверд и жив в массах основной лозунг: «За веру, царя и отечество»; дисциплина в армии, значительно смягчившаяся со времени Крымской войны,

была хороша, сохраняя устойчивость армии и после плевненских неудач, и в страшных боях на Шипке, и при форсировании в декабрьскую стужу Балкан. Наступательный дух все так же был свойствен нашим войскам, как и раньше, но технически мы были не на высоте, особенно в смысле техники маневрирования на театре войны и после сражения. В этом вновь и вновь сказывалось тяжелое давление внутренней политики, стремившейся сделать из армии оружие для борьбы дворянского меньшинства с народной массой, недовольной результатами реформ Александра II.

V. Последний этап

Разрыв общественных связей, классовый антагонизм, задержка в экономическом развитии, подавленная самодеятельность, придавленное развитие масс — вот что характеризовало обстановку, в которой жила и боролась армия последние 40 лет своего существования (1878–1917).

Общие причины порождали в армии крайне тяжелые последствия для ее боеспособности. Отсутствие популярных лозунгов, которые объединяли бы офицера и солдата, создавало между ними пропасть, отмеченную многими исследователями, особенно иностранцами, создавая невозможность воспитания армии. С другой стороны, все больший и больший рост техники, усиление средств борьбы, массовый характер потерь, ими наносимый, появление машинного и скорострельного оружия повело к страшным, невиданным ранее потерям и потребовало вывода на театр войны — в ряды войск и учреждения, обслуживающие войска — всего взрослого мужского населения. Первый опыт этого рода был сделан в войне с Японией, где война на далекой окраине стоила нам свыше миллиона людей, посланных на поля Маньчжурии, и свыше 300 тыс. потерь. Первая мировая война заставила нас поднять размер призыва до чудовищной цифры в 18 миллионов, из которых 1½ миллиона были убиты, около 2 — искалечено и около 2 миллионов попало в плен. Объективная политическая обстановка в стране делала развитие техники борьбы неосуществимым, ибо дворянство, крепко держа власть в своих руках и делая известные уступки лишь торгово-промышленному капиталу, создавало обстановку, где импульсов для самодеятельности ни у начальника (по большей части не дворянина), ни у солдата (крестьянина или рабочего) не было. Субъективно эта правда долго не могла быть освоена. В январе 1905 г. солдаты стреляли в народ, а в 1914–1918 гг. на всех фронтах мы знаем примеры, где войска дрались с величайшим мужеством. Нужен был разгром армии в Манчжурии, чтобы дать первый толчок пробуждению сознания, а затем поражение Самсонова и Ранненкампа в В. Пруссии и всей армии в 1915 г. для того, чтобы

общественное мнение широких слоев народа и значительного большинства интеллигенции, даже буржуазии и части дворянства ясно сознавало, что дальнейшее сохранение дворянства — царской России — у власти поведет к неминуемой государственной катастрофе. С другой стороны, и руководящие круги правительства и дворянства сделали все для того, чтобы помочь этому уяснению, совершая одну за другой ошибки во всех областях управления — ошибки, которые армия окупала потом своей кровью (недостаток снарядов), причем развал верхов довел до форм циничного, неприкрытого разврата (Распутин).

Наступление Брусилова в Галиции, несмотря на выдающуюся смелость вождя, усилия и самоотвержение войск, не привело все же к существенным результатам, ибо один главнокомандующий и даже группа лиц не могли ничего больше сделать там, где была нужна массовая самодеятельность и где ее не было, вернее, где она была вытравлена усилием государственной власти в течение 40 с лишком лет. Это подорвало последние надежды на близкий и успешный конец и вызвало у армии, измученной нечеловеческими усилиями, которые она должна была дать в обстановке страшного технического превосходства у врага, желание покончить с войной, цели которой ей были непонятны и в которой для нее было реально лишь одно — возможность быть убитым или искалеченным.

Таким образом, ради своих эгоистических классовых целей дворянство поддерживало в стране порядок, тормозивший прогресс во всех областях и прежде всего сделавший невозможным полное экономическое развитие сил России, а в области военной создавший условия, в которых армия была обречена на поражение. Оружие и средства, которыми армия была вооружена, требовали для успеха наличия качеств, развитие которых означало конец господствующего дворянства, и оно предпочло поражению России и на экономическом и на военном фронте уступку хоть части своей государственной власти. Революция принесла заслуженное наказание классу, который, забыв свои исторические задачи организатора, использовал власть для эксплуатации народа, во вред интересам России.

Военное искусство этой тяжелой поры представляет жалкую картину падения. Бедность замысла, боязнь риска, неумение использовать выгоды принципа частной победы, боязнь маневра и боязнь основательная, ибо маневрировать без развития частного почина невозможно, и крайне слабое использование техники — вот что характеризует операции как японской, так и германской войн.

Мало того, руководство массовой армией и техникой с ее машинным действием потребовало новых организационных методов, умения сочетать дисциплину и самодеятельность, именно путем планомерной работы центров объединить и направить усилия и самодеятельность масс людей и технических средств. Эти методы оказались нам не

по плечу, и только к концу войны, к 1917 г., мы более или менее, и то далеко не везде, научились руководить массовой армией. Словом, причины классовой структуры России определили катастрофу как общую, так и военную и сделали революцию неизбежной, причем буржуазия, став у власти, лишь продолжала политику дворянства, отказавшись учесть психологию масс, их уровень понимания политической обстановки, жертвуя интересами России по требованию англо-французского капитала. Зная, что война продолжается за раздел мира между Германией и Англией, правительство не сделало ни одного шага, чтобы кончить войну. Этим предопределялась победа пролетарской революции в России, ибо подобно дворянству 200 лет тому назад пролетариат взял на себя руководство Россией в борьбе за существование, к которой Россия оказалась вынуждена.

Выводы

В чем с нашей военной точки зрения заключалось влияние всей жизни государства на силу армии? Каковы те требования, которые предъявляются организаторами военной силы, чтобы армия была способна побеждать? В области духа таких требований два. Первое — постройка военной психологии армии на лозунгах, принятых большинством страны. Я не вхожу в обсуждение, как и почему принятых, но утверждаю лишь, что базой духа армии должно быть общественное мнение большинства народной массы, дающих как рядовых бойцов, так и командный состав. Это единство мнений создает связь армии в одно целое, связывает командира и стрелка, оно дает базу для построения дисциплины, импульс для развития самодеятельности, которая, в свою очередь, создает обстановку, в которой армия начинает учиться и знать свое дело.

Единство духа может создаться в том лишь случае, если интересы организаторов совпадают с интересами масс. Причем это положение надо брать не объективно, но субъективно. Дворянство при Петре объективно было уже классом эксплуататоров, но при Петре и при Екатерине, и даже в 1812 году все же были обширные слои крестьянства, которые считали, что, несмотря на все невзгоды того строя, в котором они жили, иначе жизнь устроить нельзя, ибо тогда либо внешний враг нападает и еще худшую беду причинит (поляки в 1613 году, шведы в 1706 г., французы в 1812 г.), либо свой лихой человек сведет со свету, как в Смутное время. Словом, какое-то внутреннее психологическое равновесие в стране является тем фундаментом, на котором армия строится лучше всего. Наша борьба с французской революцией всецело подтверждает эту мысль.

Другое требование, которое предъявляется к организаторам в армии, — это — требование личного примера. В этом, с моей точки зрения, ярче всего сказывается жизненность господствующего класса. Народная масса своим трудом создавала организатору привилегированное положение, освобождая его от физического труда, но она без слов, быть может, требовала, чтобы в трудную минуту он был впереди. Петр под Лесной и Полтавой, Суворов, Багратион, все их сторонники были только лучшими в своей среде. Дворянство, создавая армию в период ее расцвета, лично стало в ряды войск и первым шло в бой на смерть. Идея была дороже жизни, и армия была армией победы. Но умирает доблесть в дворянстве. Все меньше и меньше хочет оно расстаться с жизнью, в которой ему создано привилегированное положение. Ряды офицерства заполняются случайным элементом, наемниками, лично не связанными с интересами класса, которых один только идеализм — «любовь к родине» должна была, по мнению организаторов армии, вести на подвиг. Но оторванный от почвы идеализм масс гибнет, если под ним нет материальной базы. Отдельные же, самые самоотверженные люди не могут решить победы. Один в поле не воин.

Таким образом, служение интересам масс и личный идеализм делали силу дворянства в первую пору их господства. Развитие эгоизма повело к разрыву с массами, нарушению единства духа, потере веры и авторитета вождей и крушению армии.

Установив эти положения, мы подходим к основному вопросу, который нас интересует. На протяжении нашей военной истории мы видим борьбу двух начал. Армии революции и армии реакции, духовные силы которых построены на базе твердых исторических традиций.

Мы видим, что вышедшая из социального переворота армия Петра разбивает шведов — ясно выраженную армию исторической традиции, а объективно для России бывшей армией реакции. Мы видим борьбу суворовской армии — исторической традиции, а объективно армии реакции — побеждающей армию французской революции, и, наконец, нашу армию в XIX веке, где реакция торжествовала, — терпящей почти одни только тяжелые неудачи. В чем же сила и слабость армии революции и армия реакции? Почему в одних случаях побеждала революционная сила, а в других торжествовали армии исторической традиции?

Ответить на этот вопрос, конечно, нельзя в пределах военной истории. Мы можем наметить лишь некоторые любопытные со своей точки зрения моменты. Мне представляется, что сила армий революции определяется прежде всего близостью командующего состава и массы, жизненностью идей войны и боя, взятых из самой практики, и огромной самодеятельностью, энергией комсостава и лучших представителей массы, причем аппарат

страшной силы принуждения тянет за передовыми бойцами всех остальных. Но рядом с этими сильными сторонами есть и крупные дефекты. Большая неустойчивость настроений массы, армия, приходящая от того, что нет идей, принятых и привоспитанных, ставших традиционно привычными, лежащими в подсознании масс. Каждая идея все время перерабатывается и под влиянием новых данных обстановки оценивается различно. Другая слабая сторона — это недостаток знаний у всей армии, особенно комсостава, и недостаток технических средств и подготовки.

Все это мы видим в Петровской и французской армии в первые годы после переворота, но мы видели, как постепенно те живые силы, которые выдвинул новый правящий класс, как они превозмогли все эти недостатки. Но почему же, победив, Петровская армия сумела закрепить положение нового класса в стране, а армия французской революции в конце концов была раздавлена и распущена?

Мне думается, что в Петровской армии была глубже понята суть и структура армии, те психологические принципы, на которых она строится, а именно: необходимость опереться на мнение массы, тесно связать начальника и подчиненного и, главное, что эта армия не вышла из своих границ для завоевательских целей, а обеспечив те цели борьбы за существование новой России, немедленно вернулась в свои пределы, в представлении соседей обратилась в армию, стремившуюся к порабощению их. В 1812 году мы видели ту страшную волну протеста, которую они вызвали в России и которой они были сломлены.

Таким образом, близость к массам, тесная связь с их психологией и скромность в момент победы — вот то, что дало Петру победу и отсутствие чего — с военной точки зрения — определило поражение армии французской революции.

Другим важнейшим фактором, определяющим состояние военного искусства, являются технические средства борьбы, которыми располагает армия. Они влияют на тактику, на стратегию, на организацию армии и на всю жизнь войска. Нужно сказать, — и такая мысль звучит парадоксально, — но крушение нашей старой армии в значительной мере объясняется тем, что на вооружении состояло машинное оружие. При вооружении кремневым оружием старый строй, вероятно, долго бы еще просуществовал. Изученный материал позволяет до известной степени ответить на этот вопрос.

Слабая техника в армии Петра и Суворова позволяла вести войну со сравнительно слабыми силами: 300000 при Петре и 500000 при Екатерине были взяты в период почти четверти века. В войне участвовала сравнительно небольшая часть населения, которую при длительной службе можно было перевоспитать, не обращая внимания на военную подготовку населения. Но развитие техники во 2 половине XIX века пошло усиленным

темпом; появилось нарезное оружие, которое сменилось автоматическим и скорострельным, и это повело к тому, что во время мировой войны все взрослое мужское население оказалось призванным под знамена. Если в петровскую пору в войне участвовали один человек из 12 взрослых мужчин, то машинное оружие сделало то, что вся народная масса была поднята и поставлена к лицу со смертью за цели, которые ей были непонятны. Таким образом, появление машинного оружия прежде всего сделало то, что правительство, действовавшее вразрез с основными интересами народных масс, оказалось вынужденным на них же опереться, да еще в самую тяжелую минуту и ожидая от них жертвы, которой оно вправе было ждать только от тех, кто был с ним связан не на жизнь, а на смерть, т.е. от дворян.

Но этим не ограничилось влияние роста техники. Мы видели, как все сложнее и сложнее становилось оружие, как все больше и больше самодеятельности требовало оно для того, чтобы с полным успехом быть примененным к делу. Умственное развитие, знание дела и способность к частному почину, который Петр и Суворов в армиях с кремневым ружьем требовали преимущественно от начальников, при появлении нарезного, а в особенности скорострельного пришлось потребовать от всех сверху и донизу. Толковый выстрел из 3-линейной винтовки потребовал иногда столько же самодеятельности, как применение 100-пушечной батареи. Мало того, если в суворовское время при линейном порядке самодеятельность частных начальников была очень полезной силой, то все же обычно, при правильной работе командования, вся масса командного состава должна была лишь точно подчиняться дисциплине. Начиная же с появления нарезного оружия и в особенности скорострельного она обратилась в обязанность обихода. Без самодеятельности всей армии, без строго организованной коллективной работы армия победить не может. Тот, кто не усвоит этого положения, тот не сможет подойти к пониманию современной войны и современной организации.

Таким образом, в то время, как политические причины все расширяли пропасть, лежавшую между дворянством и остальной Россией, разрывая единство настроений, вырывая у всей недворянской России импульсы к деятельности, техника вооруженной борьбы, наоборот, вовлекла все более и более широкие слои под ружье, требуя для успеха дела их самодеятельности. Именно эта коллизия, проявившаяся во всей жизни страны, была причиной, обрушившей старый отрой, открыв перед нами возможность создания новой жизни, где массы явятся сами хозяевами, где массовые импульсы коллективного действия станут главным двигателем жизни и где можно будет полностью использовать силу техники, опираясь на самодеятельность массы.

Этот параллельный процесс развития в политической обстановке классовых противоречий и рост техники определяли собой основной фон, на котором развивалась организационная подготовка армии, и боевая — руководство ею на войне.

Обратимся прежде всего к вопросу деятельности в области воспитания войск — в области организации духа.

Вся изученная нами история нашей старой армии с полной несомненностью убеждает нас в превосходстве духа над техникой. Победит, как писал Драгомиров, не тот, кто умнее, хитрее и лучше вооружен, а тот, кто больше хочет победить и кто меньше себя жалеет. Армия революции, которой некуда отступать, «смерть или победа», в этом смысле страшная сила.

Развивая технику, стремясь придать ее в возможно большем числе нашим войскам, не забудем отдать как можно больше усилий воспитанию армии, ныне, значит, всего народа, ибо именно прочное воспитание было той силой, которая решила нашу победу над армией французской революции. Не забудем, что надо организовать силы духа народа для войны. Эти силы нельзя создать, если их нет, если социальная и экономическая обстановка не дает массам импульсы для борьбы. Народные массы России в 1917 г. не видели, во имя чего они должны бороться с немцами, но они ясно поняли, почему им опасен приход в Москву Деникина, французов и англичан. И на базе реальных жизненных интересов, когда массам дано «за что воевать», создается определенное состояние сознания — дух армии, который является базой для организации победы. Ибо когда есть база, есть предпосылки, то надо их выявить массам, развить их понимание, и в психологии армии появится та устойчивость, которая им необходима в тяжелых кризисах боя. Но если такие силы духа есть, то они могут быть организованы даже в том случае, если силы эти невелики, как они фактически были невелики в армиях аракчеевской и милютинской поры. Но при очень больших силах они могут быть дезорганизованы, так, как они были дезорганизованы после петровского переворота. И тогда такую армию ожидает Нарва. Посмотрим же, к чему в этой области сводятся выводы нашей истории.

В эпоху расцвета наши вожди требовали, чтобы офицер и солдат ясно понимали, за что они идут в бой и на смерть, и эту идею должны полюбить больше жизни. «Воин должен идти на смерть счастливым», — эту идею мы видим в основе воспитательной системы нашей старой армии, систему, создавшую ее несокрушимую силу до тех пор, пока не умер основной лозунг, на котором она строилась: «За веру, царя и отечество», т.е. до тех пор, пока народ в его массе в 1904–1905 гг., 1914–1917 гг. не убедился в том, что организаторы, выдвигавшие этот лозунг, в действительности разошлись с тем, что было благо народа, и преследовали

лишь свои узкие классовые интересы. Но пока основной лозунг был жив в сознании масс, а это имело место весь тот период, который мы изучали, на нем отроилась сила нашей старой армии. Во имя этих, когда-то дорогих идеалов, начальник требовал поддержания дисциплины, требовал и сам шел на жертву собой в бою. Во имя этих идеалов начальник мог рассчитывать на коллективную поддержку всех, входивших в состав армии, он мог рассчитывать на их желание активно, от сердца, по мере сил и разума содействовать общему делу. Начальник мог рассчитывать на активную помощь, сотрудничество подчиненных, он мог опираться на активные стороны их духа, как это делали и Петр, и Суворов, и Скобелев. Даже тогда, когда внутренняя политическая борьба привела к подавлению личности в армии, и тогда этот лозунг объединял всю массу людей в один монолит, умиравший, но не сдававшийся.

Искусство заключалось в том, чтобы эта идея, действительно, проникла в сознание офицера и солдата. И до тех пор, пока офицер был дворянин, а в народной массе жили воспоминания о страшных днях внешних нашествий и внутренних смут, этот лозунг крепко держал войска под своим обаянием.

Но «скорострелка» в обстановке классовых противоречий внесла свое «разлагающее» влияние. Легко было подчинить влиянию этого лозунга людей, навсегда или надолго порвавших с жизнью (25-летняя служба), но когда пришлось поставить под ружье весь народ, с подготовкой в 3–4 месяца, то внутренний разлад выступал наружу, и революция восторжествовала. Таким образом, в наши дни можно строить армию лишь на базе интересов, осознанных массой, на лозунгах, живущих не в армии только, но и в массах народа, ибо в короткие сроки службы привить новые, чуждые их интересам и сознанию идеи невозможно, и без такой твердой базы сделать крепкую армию невозможно.

Таким образом, опыт старой армии, долгое время сильнейшей армии в Европе, ясно говорит, что сила армии — в проникновении ее простым, ясным каждому лозунгом — лозунгом, ярко отражающим основные интересы, которыми живет масса. На этом сознании растет дух армии, ее импульсы к действию, на нем строится дисциплина, он является главным фактором победы в бою, но в наши дни этот вопрос еще осложняется. Легко было идти на смерть Багратиону или Суворову, на которых было сосредоточено внимание армии. В ясном сознании целей борьбы шли они вперед, чувствуя, что «на миру и смерть красна», а в случае, если смерть минует их лично, вместе с победой их ждет и слава и награда. Честь была главным двигателем в ту пору, чего нельзя сказать о сотнях тысячах Ивановых и Петровых, смерть которых будет оплакана только их детьми, женой и матерью, а жизнь и победа лично принесет им, как они иногда ошибочно думают, лишь очень немного. Между

тем без активного участия этих сотен тысяч скромных, неизвестных людей победа невозможна, и неисчислимы несчастья свалятся на их голову, мы видим, что старые рыцарские лозунги Суворова, на которых можно строить психологию командного состава, не подойдут для массы бойцов сегодняшнего дня. И лишь высокая идея долга перед всем коллективом трудящихся — долга перед своей совестью, перед обществом в борьбе за светлое будущее всего общества, всего коллектива сможет двинуть в бой те массы, за счастье которых сейчас идет великая борьба.

Вспомним лишь и не будем упускать из виду, что подобно тому, как оружие стало оружием массового действия, так идеи воспитания армии Суворова и Петра, выросшие до той более высокой ступени, на которой стоит современное человечество, должны охватить весь народ, во всеобщей системе военного воспитания и обучения, ибо армия ныне может лишь внести наличные силы духа и техники, создать же их в скоротечности современной жизни нельзя.

В чем же конкретно может выражаться эта организация народного духа для войны? Опыт нашей истории учит нас, что массы должны:

1) Понимать цели, за которые они борются.

2) Понимать суть и смысл своего маневра, т.е. ясно видеть, зачем ее учат тому или другому.

3) В самом ходе обучения, в самом темпе работы подготовки видеть, воспринимать тот бодрый дух, который собирает все сильное в каждом человеке, отбрасывает слабое. Темп подготовки должен рождать бодрость, а бодрость — силу. В особенности должна воспитываться активность и наступательный дух.

4) Видеть результаты своей работы, видеть, что она совершенствуется, растет, и это давало бы веру в себя, в свою нарождающуюся мощь.

Существует мнение, выдвигаемое группой американских психологов, что при воспитании масс нет надобности заботиться об их умственном развитии, добиваться самостоятельности. Достаточно заучить ряд приемов, которые, перейдя в подсознательную область бойца, по команде начальников будут автоматически, несмотря на опасность, выполняться людьми. Наоборот, умственное развитие их принесет лишь вред, внося дух критики и подрывая дисциплину, — наша военная история ставит это мнение на свое место. Муштровка необходима; необходимы меры, делающими автоматическими важнейшие приемы, необходимые в опасности. Ибо в сфере огня, где поле сознания занято впечатлениями боя, люди выполняют лишь то, что привито им долгим воспитанием, что из области сознания перешло в подсознание и делается автоматически. Именно этим отличается

регулярное войско от случайного сборища людей. Толпа не имеет спайки. Войско сильно ей. Система приемов, воспроизводящих автоматизм, была одной из сторон суворовской школы. Но когда от его школы осталась только одна муштра, то армия постепенно в связи с ростом техники рассыпалась. Наоборот, сочетание: 1) того духовного воспитания, которое из лучших делает героев, а худшим указывает верный путь, и 2) простой, глубоко разумной и понятной войскам системы обучения — дает лучшие результаты, как то оказалось в боях суворовской эпохи...

Это активное стремление всего состава армии — принести посильную пользу общему делу, в бою и боевой работе всякого вида в нашей обстановке массовой техники, создает новый и крайне важный фактор победы, делающий армию сильной — это самодеятельность, частный почин, поставленный в нужные рамки дисциплиной, общей согласованной работой. Мы видели, как высоко ставили самодеятельность младших начальников Петр и Суворов, как много они дали в борьбе 1812 года и как тяжело сказывалось ее отсутствие в крымской и турецкой войне. Самодеятельность позволяет наилучшим образом применить к быстрой изменяющейся обстановке силы и средства (1712 г.), осуществить цель, поставленную свыше, изучить свойства новых факторов войны (1877 г.), найти способы, как их лучше всего применить и как с ними бороться. Но это драгоценное свойство армии создается лишь в обстановке внутреннего доверия, внутреннего мира среди командного состава, его совершенно нет там, где из армии хотят сделать орудие для борьбы со своим народом (аракчеевщина). Самодеятельность развивается в обстановке, где старший начальник внимательно учит армию, бережно относится к подчиненным, совершившим невольную ошибку, зная, что не ошибается тот, кто ничего не делает.

Таким образом, развитие самодеятельности, направляемой и организуемой свыше, составляет один из основных выводов прошлого: воспитание самодеятельности есть основная задача каждого начальника, работающего над созданием армии. Надо сказать, что эта мысль в нашей молодой армии еще не признана, и обязанностью каждого офицера генерального штаба является пропаганда ее так же, как уяснение идей и задач революции. Идея дисциплины проста и понятна. Она усвоена массами. В самодеятельности же многие, напуганные «властью на местах», до сих пор видят опасное своеволие, дезорганизующий, разрушающий процесс. Между тем уже история армии XVIII столетия указывает нам, какой мощной силой являлся почин частных начальников, а развитие техники в XIX веке, как я пытался показать, есть основной фактор, вызвавший на сцену самодеятельность масс. Воспитание самодеятельности, так отвечающее духу новой, вышедшей из революции России, должно стать такой же основой всеобщего воспитания народа, как и дисциплина.

Я полагал бы, что развитие самодеятельности должно быть построено на следующих основаниях:

1) Начальник ставит лишь цель и дает средства. Выбор способа действий составляет прерогативу подчиненного.

2) В случае ошибок или неудачи подчиненного как начальник, так и соседи по работе всеми способами поддерживают и помогают выйти из трудного положения, ни в коем случае не обрушиваясь на него карами, если только в его работе не было злой воли.

3) Если нет времени или возможности исполнить приказа начальника, а обстановка изменилась и требует быстрых действий, подчиненный имеет право действовать по собственному почину, имея в виду общую цель действий и не исполняя приказов, данных ранее и не соответствующих новой обстановке.

4) Нужно карать не того подчиненного, кто, увлекшись и действуя энергично, допускает ошибку, а того, кто бездействует, боясь взять на себя ответственность за свою самодеятельность...

Мы видим прежде всего, какое важное значение имеет глубокое, проникновенное знание войны и ее законов. Иногда кажется, что можно вести войну, не зная ее закона, но опыт XIX века, когда военная мысль была загнана, показывает нам на примерах севастопольской, турецкой, японской и мировой войны, что падение науки, связанное с умиранием господствующего класса, осуждает армию на поражение. Лишь серьезное, глубокое знание, не ремесленное только, а доходящее до самой сути вопроса, дает победу «малым трудом и малой кровью».

Наука укажет способы действий, превосходство наступательного образа действий, значение принципа сохранения почина действий в своих руках, принципа частной победы, внезапности, так ярко выявившихся в рассмотренных войнах XVIII века. Наука же укажет на великое, решающее значение характера у командного состава, без чего все эти прекрасные вещи, так часто наблюдаемые в период расцвета дворянской армии, совершенно не находят себе применения; только сильные духом люди, умеющие решаться, способные рисковать, могут побеждать. Иначе никакие «принципы» не помогут. Богатство такими характерами — сила армии революции. Нужно лишь искать их и выдвигать. Изучая военное искусство, невольно читатель задает себе вопрос, не есть ли военное искусство дело людей исключительно одаренных, недоступное среднему человеку. Но вывод нашей истории другой. Если армии нужен Петр и Суворов, то ей нужны те массы среднего и младшего командного состава, без которого они ничего сделать не смогут. И работа масс комсостава также должна быть искусна. Это искусство дается глубоким размышлением над своим

опытом, над историей и здравым смыслом. Таким образом, ничего сверхъестественного в военном искусстве нет. Нужна лишь разумная, твердая работа над самообразованием. А все остальное приложится. Я нарочно стараюсь в вопросах вождения избегать «рецептов». Военная наука не может сказать, где, когда и что именно нужно делать. Военная наука лишь указывает пути, направления и подготавливает работников, а что сделать — это дело искусства, дело здравого смысла каждого начальника на месте действий и глубокого изучения военной истории.

Я хочу еще обратить внимание на прием, который удивительно красочно проходит через всю нашу историю в ее лучшей поре, это умение оценить реальное соотношение сил. Достаточно изучить борьбу Петра с первоклассной армией современной Европы — шведской, Кутузова — с подавляющими силами, выдвинутыми Наполеоном, чтобы сразу понять, что именно этот холодный расчет заставил наших вождей отсрочить время решительного боя до тех пор, пока силы сравниваются. Посмотрите, так же действует и Суворов, останавливаясь в Бресте, и эта сдержанность людей, всей своей боевой жизнью доказавших, как высоко они ценят соотношение сил и что наступление во что бы то ни стало всегда лучший способ победить. Германские рабочие в марте 1921 года и мы под Варшавой ясно почувствовали, что бывают случаи, когда здравая оценка обстановки заставляет отсрочить решение с тем, чтобы выигранное таким путем время использовать для ослабления врага и усиления своих войск. Оценка эта, в которой видную роль играют духовные факторы, чрезвычайно трудно учитываемые, должна идти рядом боев, не доведенных до решения, где не поставлена на карту судьба всей вооруженной силы.

Таковы: Головино, Лесная, Бородино и т.д.; результаты давали возможность ясно учесть соотношение сил, и Петр, Меньшиков, Кутузов не задумывались прервать бой. В наших будущих боях с силами, подготовляемыми капиталистическим миром, силами, которые иногда могут быть значительно сильнейшими, особенно в области техники, этот прием должен быть разучен и понят, и как таковой, не вызывает разложения войск. Нужно, однако, и здесь же сказать, что в лучшую пору нашей истории мы не знали боев, не определенных по замыслу. Бой давался на уничтожение врага, и только вождь один, а не войска, давал оценку обстановке, решая, что делать дальше...

1922 г.

(Верховский А. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. — М., 1922).

Заключение

Отечественноведческая традиция в русской армии и ее современное измерение

Любовью, силой и трудом создавалась Россия. Скрепленное православной верой и самодержавной властью, российское государство стало Отечеством для многих народов. Любовь к родной земле помогла россиянам преодолеть не одно испытание. Она же явилась источником деятельного патриотизма, которому Н.Карамзин посвятил следующие слова: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения и потому не все люди имеют его...

Любовь к собственному благу производит в нас любовь к отечеству, а личное самолюбие — гордость народную, которая служит опорой патриотизма...

Я не смею думать, чтобы у нас в России было не много патриотов; но мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве — а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут...

Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости. Хорошо и должно учиться: но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником»¹.

По мнению другого замечательного русского человека — философа В.Соловьева — добродетель патриотизма образуют «ясное сознание своих обязанностей по отношению к Отечеству и верное их исполнение»².

Уже из этих определений видно, что патриотизм есть не только любовь, достоинство и долг по отношению к Отечеству, но и необходимость познания своей Родины в интересах ее совершенствования.

Знание истории при этом выступает краеугольным камнем патриотического сознания. Оно воспитывает, образовывает, укрепляет дух, ориентирует, указывает способы решения схожих задач, предостерегает от ошибок и т.д. «Едва ли есть другой такой народ, который мог бы оглянуться на прошедшее и получить от него столько пользы в настоящем, как мы, русские», — отмечал в свое время малоизвестный сегодня исследователь эпохи Петра I

¹ Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости // Вестник Европы, 1802. № 4. — С.59–61, 69.

² Энциклопедический словарь. — СПб., 1898. Т.ХХIII. — С.37.

Н.Г. Устрялов¹. Примеров верных действий на службе Отечеству (в том числе и на военном поприще) в нашей богатой истории более чем достаточно.

Русская история свидетельствует: Армия и Флот России были всегда сильны любовью к Отечеству. В лице офицерского корпуса, как правило, занимали государственно-патриотическую позицию, руководствовались общенациональными интересами страны. Защищали Россию от внутренних и внешних врагов. Обеспечивали решение почти всех ее исторических задач. «Главным образом работой русской армии создавалась Великая Россия, — к такому выводу пришел в своем трехтомном труде А.Н. Куропаткин².

Для патриотической армии Россия представляла особую ценность. Она являлась для нее государством-отечеством, плотью собственного существования. Родной землей, обильно политой кровью русского воина. Объектом защиты от врагов, стремящихся расчлениить и поработить Россию. Пока существовала армия — жива была Россия. Если удавалось разложить армию, то для страны наступали времена смут, междоусобиц, государственных катастроф. Русская история неоднократно подтверждала эту закономерность. Как, впрочем, и следующую оценку: «У России есть лишь два верных союзника — ее Армия и Флот» (Александр III).

Понимаемый таким образом долг перед Родиной обуславливал особую ответственность за ее защиту, необходимость познания России и самопознания армии. «Военное» отечествоведение (государствоведение) постепенно становилось предпосылкой поддержания патриотического духа армии, естественно-исторического функционирования всей российской военной системы, ее движения по истинному (неложному) пути. Начиная с XIX в., значительное развитие получила военная статистика — наука об «исследовании в данный момент сил и средств государства в военном отношении». В этой науке военная сила не сводилась только к войску или вооруженному народу, а рассматривалась как «совокупность всех средств и способов, необходимых в государстве для ведения войны, оборонительной или наступательной». Соответствующие военные знания приобретали государственное, политико-социологическое измерение³.

¹ См.: Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории. — СПб., 1836. — С. 2.

² Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. — СПб, 1910. Т.3. — С.222

³ См.: Милютин Д. Первые опыты военной статистики. — СПб., 1847. Кн. I. — С.52–54. Общее представление о военной статистике как отечествоведческой системе знаний могут также дать следующие книги: Военно-статистическое обозрение России. Составитель А. Макшеев. — СПб., 1867; Военно-статистический сборник. Вып. IV. Россия. Под. ред. Н.Обручева. — СПб., 1871; Золотарев А.М. Записки военной статистики России. Т.I, II. — СПб., 1894–1898 (второе издание); Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. — СПб., 1914 (к примеру); Снесарев А.Е. Военная география России. — СПб., 1910, и др.

Другие военные и морские науки также не носили узкоспециального характера. Из вида не упускался тот факт, что война и армия относятся к явлениям общественной жизни (и занимают особое место в русской истории), что первая из них является продолжением политики, а вторая — ее орудием, важным элементом государственной обороны. В уникальном «Сборнике государственных знаний» военная отрасль знаний была включена в круг государствоведения (целостной научной системы, исследующей различные стороны государственной жизни)¹.

С середины XIX века русская военная мысль самостоятельно (и не без противодействия) выходит на проблематику государственной и военной политики. В непосредственной связи с конкретной действительностью России изучаются война и мир, Вооруженные силы страны, военные и политические системы государств — вероятных противников. Появляются работы по военной истории и государственной обороне. Для каждого временного периода разрабатываются свои варианты военных реформ. Военная печать просто поражает разнообразием направлений и тем, отечествоведческой глубиной и качеством публикуемого материала².

В рамках военно-исторической науки отечествоведение складывалось первоначально из результатов анализа многочисленных войн России³. Впоследствии стали появляться теоретические разработки по истории русского военного искусства. Новая наука вбирала в себя историю войн. Накопленные военно-исторические знания и широкое (почти военно-политическое) понимание военного искусства как целесообразного устройства и эксплуатации сил и средств для достижения победы в войне (с. 92–93)⁴ позволили выделить и концептуально оформить историю русской военной силы⁵ (исходного элемента военного

¹ См.: Сборник государственных знаний. Под ред. В.П. Безобразова. Т. I–IV. — СПб., 1876–1878. Например, прекрасные статьи Г.А. Леера «Значение подготовки к войне вообще и подготовительных стратегических операций в особенности» (т. 2) и Я. Гребенщикова «Военная организация и статистика» (т. 7).

² В первой половине XIX века на территории Российской империи, а затем в русском зарубежье (эмиграции) издавались сотни военно-тематических газет и журналов, в которых писалось о прошлом и настоящем России и армии. О богатстве отечествоведческого содержания можно, например, узнать, для начала посмотрев: «Военный голос» (1906–1907 гг.); «Русский инвалид» (к примеру, за 1912 г.); «Армия и флот свободной России» (1917 г.); журналы: «Война и мир», «Военный сборник», «Морской сборник», «Офицерская жизнь», «Разведчик», «Часовой», «Военная быль» и др.

³ Наряду с многочисленными исследованиями конкретных войн имеются и общие работы: (Леер Г.А.) Обзор войн России...Кн. I–II. 1885–1896. Сборник военно-исторических материалов. — СПб., 1892–1910. Вып. I–XVI; Сухотин Н.Н. Война в истории русского мира. — СПб., 1898; История русских войн. Бесплатное приложение к журналу «Русский паломник». Вып. I–XII, 1916 г.

⁴ Страницы внутри текста здесь и далее указаны по настоящему изданию «Российского военного сборника».

⁵ См.: Русская военная сила. История развития военного дела от начала Руси до нашего времени. Изд. 2-е А.Е. Пирогова. — М., 1897. Т.1–2; Морской А. Военная мощь России. — Петроград, 1915. В качестве бесплатного приложения к «Военной энциклопедии» (1911–1914 гг.) издание не окончено — готовилась трехтомная «История развития русской военной силы».

искусства), а также создать соответствующие учебные курсы ¹. Перед Первой мировой войной появляется наконец первое (и последнее) научное издание истории русской армии и флота ². Но и оно осуществляется не самоцельно. Преследуется задача показать развитие военного дела, дать цельную картину состояния военного искусства на протяжении всего тысячелетнего существования России.

Вместе с тем непосредственно выдвигается и отечествоведческая цель:

«Знание своей родины, знание славной боевой деятельности армии и флота, создавших из маленького удельного княжества, окруженного со всех сторон мощными врагами, могучую Российскую Империю, которая занимает ныне площадь, равную 1/6 всей суши земного шара, столь же необходимо каждому образованному русскому, как знакомство его и с другими сторонами государственной жизни: промышленностью, политикой, торговлей, техникой, искусствами и т.п.

Только совокупность всех этих знаний явится правильной основой для здорового народного мировоззрения, для выработки таких понятий и взглядов, которые сознательно и инстинктивно всегда укажут верные пути к развитию и укреплению прирожденного чувства любви к родине и к воспитанию в каждом из нас веры в силы своего народа, своих армии и флота, являющихся ныне родными детьми нации, плотью от плоти и кровью от крови своего народа, со всеми его достоинствами и недостатками...

Раз не найдено еще верного средства устранить вооруженные столкновения народов, государству необходимо обеспечить себя надежной и верной охраной, что достигается лишь неустанным, подчас напряженным развитием Вооруженных сил его, под мощным покровительством которых только и могут нации мирно развиваться.

Жизнь современного значительного государства сложна, сложны и Вооруженные силы его; необходимо всегда иметь в виду, что в настоящее время нация тесно связана со своей армией и флотом; уже одна общеобязательная воинская повинность соединяет в себе почти все мужское население страны для единой цели — сберечь свое отечество; отсюда естественно, что все граждане страны, ее интеллигенция, в особенности, должны близко принимать к сердцу интересы своей армии и флота, жить с ними единой, тесной и дружной жизнью.

Вот почему необходимо знать историю своей армии и флота» ³.

¹ См.: Баиов А.К. Курс истории русского военного искусства. – СПб. 1909-1913. Вып. I–VII; Военная история. Курс военных и юнкерских училищ. Составители: М. Российский и С. Сухомлин. — СПб., 1905–1908. Ч. 1–4. Михеев С. История Русской Армии. — М., 1910–1911. Вып. I–V.

² История русской армии и флота. Роскошно иллюстрированное издание. — М., 1911–1913. Т. 1–15.

³ История русской армии и флота. Т. I. — С.5–6.

Собранная в данном Сборнике «история русской армии» представлена различными авторами. С. Кедрин видит в ней, как и во всей военной истории, фактор прогрессивного развития военного дела, один из первоисточников его развития. А. Редигер выводит из исторического очерка существующие принципы комплектования и организации русской военной силы. Для А. Баиова история русской армии — реальное доказательство существования Русского Национального Военного Искусства. А. Верховский рассматривает историю русской армии как часть политической истории идущей к гибели дворянской России; и все это в лекциях по истории военного искусства в России XVIII и XIX веков ¹. И даже эти отдельные работы позволяют прийти к следующим методологическим и практическим выводам:

1. Армия призвана «вооруженной рукою отстаивать интересы своего государства» (с. 35). История показывает, что все действия народов, в противоположность действиям отдельных людей, объясняются и регулируются только эгоистической любовью к своему Отечеству: следовательно, польза и выгода своего Отечества должны бы у нас стоять впереди всего ². Регулярная армия, созданная и руководимая Петром I, хорошо усвоила эту истину и создала из «дикой Московии» Российскую Империю, которую уважали и боялись европейские и азиатские соседи. Фактически весь XVIII век победоносная русская армия выступала инструментом самостоятельной национальной политики России.

В последующем положение резко изменилось, и она превратилась в орудие реализации чуждых народу мессианских идей («византийской» «панславистской», «тихоокеанской» и других). Силы народа тратились в непонятных для него и к тому же неудачных войнах (например, Крымская война 1853–1856 гг.; русско-японская война 1904–1905 гг.) Русская кровь неоднократно проливалась в интересах европейской политики (борьба с Наполеоном до и после 1812 года, поддержание Священного Союза, подавление восстаний и революций). И в Первую мировую войну Россия вступила неподготовленно, выполняя союзнические обязательства («большая военная программа» должна была быть выполнена только к 1917 году). Преждевременно начинала почти все кампании и операции ради спасения то Франции, то Италии, то Румынии. Находясь на грани революционного взрыва, она все старалась выполнить долг перед союзниками...

¹ Подобную задачу хотел решить А.Свечин. Всесторонне исследовав классово-культурные типы армий, эволюцию военного искусства, стратегию, он собирался в последующем написать капитальный труд по истории и основам развития русской армии. По вполне понятным политическим причинам замысел этот, к сожалению, не был выполнен.

² См.: Дмитриевский А. Пользуемся ли мы уроками истории? // Военный Сборник. 1915. № 9. — С.115.

2. Сложное российское государство требовало создания вооруженной силы, обеспечивающей как внутреннюю, так и внешнюю безопасность. Опасность заключалась в том, что две эти задачи решались характерной для Руси и России народной армией (и милиционной, и сменившая ее в 1699 году постоянная военная системы комплектовались на основе всеобщей воинской повинности). Такая армия была сильной в защите своего Отечества от внешнего врага. Как организация «вооруженного народа», она очень сильно зависела от состояния общества. Любые общественные изменения и потрясения отражались на настроении армии. В таком качестве ее нельзя было (без угрозы для стабильности государства) использовать для внутреннего управления страной и осуществления полицейских функций (что, тем не менее, делали все цари, начиная особенно с Павла I). В силу этой практики русская армия постепенно разлагалась как боевая сила.

Армия в России, как правило, никогда не играла самостоятельной политической роли, т.е. была в этом смысле вне политики. Это было связано не только с существованием самодержавия, но и народным характером армии. «...Постоянной народной и значительной числом армии, — отмечает А. Редигер, — совершенно не свойственна роль вершительницы внутренних судеб государства, и не известно ни одного исторического примера, когда бы армия в полной ее совокупности не оказалась лояльной по отношению законного правительства своего государства» (с. 44). При всей лояльности такая армия становится опасной для общества, когда превращается в многомиллионную систему «полчищ» или в вооруженную толпу. При отсутствии дисциплины, организованности и политической сознательности она способна поддержать любой государственный переворот, а также стать основной базой гражданской войны¹.

3. Главной целью существования военной силы считалась подготовка к войне и достижение в ней победы (не множеством побеждают, а разумом, умением, искусством, опаской, «малым трудом и малой кровью» (Петр I). Идеалом была боевая армия как мирного,

¹ Уже 29 октября Питирим Александрович Сорокин следующим образом определил смысл происходивших переворотов: «Опыт трех восстаний: бунта 3–5 июля, корниловщина и идущего к концу последнего мятежа большевиков, говорит нам, что Государство Российское попало в полосу преторианства. Этот факт является настоящим национальным бедствием. Само по себе сознательное участие армии в политической жизни, при ряде условий, явление допустимое. Но от такого сознательного участия до преторианства расстояние огромное. Если бы части нашей армии, особенно тыловые, действительно сознательно участвовали в политической жизни, то мы не имели бы ни одного из этих восстаний.

Между тем история каждого из них говорит нам, что ни о какой сознательности войск, вышедших на улицу по зову большевиков или Корнилова, не может быть и речи. Во всех трех мятежах огромная масса выступавших солдат не отдавала и не отдает себе отчета, во имя чего она выступала и выступает...

Такой «преторианский демократизм» есть возврат к временам варварства и далее терпим быть не может. Он развращает солдатские массы, он опасен стране, он уже вызвал тысячи невинных жертв, он превращает части армии из защитников Родины в банду заговорщиков, убийц и грабителей, наводящих ужас на своих сограждан. Он, наконец, вызывает такие преступления, которые позорят русскую революцию и всю

так и военного времени. Когда армия сражалась по «науке побеждать» Петра I и А.В. Суворова, она закладывала традиции победоносного войска¹. Как только стал преобладать гатчинский дух, «мирная» армия резко стала отличаться от «военной». Она перестала быть школой боевого опыта и начала проигрывать войны, в которых боевое качество и воинский дух как бы приобретались заново, но уже ценой подражаний, массовых потерь и большой кровью. После окончания войны (даже такой, как Отечественная 1812 года) боевые свойства вновь утрачивались в парадах, шагистике, мелочах службы, бюрократизации, хозяйственности и т.д. Лица, определявшие военную политику России с конца XVIII века, так и не пожелали прислушаться к совету непобежденного Суворова: «... Парады, разводы, большое к себе уважение... Помилуй Господи! ...да и это нужно, да вовремя, а нужней того знать вести войну, знать местность, уметь расчесть, не дать себя в обман, уметь бить, а битому быть не мудрено»².

4. В развитии русской армии отсутствовала историческая преемственность, что фактически исключало процесс ее эволюционного совершенствования и порождало многочисленные военные реформы, в свою очередь так и не доводимые до завершения. Традиционная милиционная армия Руси, постепенно улучшаемая во второй половине XVIII века за счет создания войск иноземного и русского строя, упраздняется решением Петра I. В последующем милиция существует в русской армии только как «государственное ополчение», созываемое во время войны, да и то в крайнем случае и без серьезной подготовки. Регулярная профессиональная армия, созданная в 1699 году (первый рекрутский набор), успешно воюет весь XVIII век. В Отечественной войне 1812 года она ярко проявляет себя в исторической, профессионально-милиционной форме, но затем утрачивает профессионализм и в середине XIX века приводит Россию к Севастопольскому разгрому (достигнув, кстати сказать, почти двухмиллионной численности). Кадровая постоянная армия 1874–1917 годов, созданная в результате реформ Д. Милютина, теряет постепенно лучшие черты как милиционной, так и профессиональной армий, превращается в плохо организованный «вооруженный народ», разлагается в ходе Первой мировой войны и революции 1917 года. Остается только сожалеть, что Россия так и не смогла сохранить и развить отвечающую ее условиям профессионально-милиционную военную систему.

революционную демократию...» — Цит. по: Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. — М.: ТЕРРА, 1992. — С.241–243.

¹ Первая, в несколько страниц, «наука побеждать» была сформирована Петром Великим. См.: Наука побеждать по правилам величайшего из монархов всероссийских Петра Первого, собственноручно писанным и подписанным от сего самодержца. — СПб., 1808.

² См.: Незнамов А. Боевая подготовка армии // Русский инвалид. 1912. № 106.

5. Русская армия всегда была сильна своими духовными силами, позволяющими в определенной степени компенсировать ее материальное отставание от Вооруженных сил других государств. В связи с этим организация духа армии требовала большого внимания. Основной лозунг армии «За Веру, Царя и Отечество» был выбран с учетом психологии народных и армейских масс. Изначальную суть его прекрасно выразил Петр I перед полтавским сражением: «Имейте в сражении перед очами вашими правду и Бога, поборающего за вас... а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благоденствия вашего»¹.

Высокий дух поддерживался верой в талантливых вождей, победами, религиозностью, сознательной дисциплиной, славным прошлым, традициями, творческой военной мыслью, «человечным» воспитанием, развитием инициативы и самостоятельности и т.д. Лучшие русские военачальники старались найти и использовать собственные военно-воспитательные системы, помогающие им достигать высоких боевых результатов (Петр I, Румянцев, Суворов, Скобелев, Драгомиров). Напротив, попытки внедрить в русскую армию муштру, обезличивание, механическую дисциплину, непродуманные заимствования неизбежно вели к угасанию и оскудению национального духа, а следовательно, к поражениям. Но и в этих условиях русский солдат показывал примеры героизма, духовную стойкость, традиционную храбрость, готовность к самопожертвованию. Он мог побеждать и умел умирать. Соответствовал характеристике Наполеона: «Русского солдата мало убить, надо еще его повалить!»

6. Регулярная армия изначально создавалась в России по «европейскому образцу» и по правилам европейской военной науки (наиболее прогрессивным в то время). Она училась у своих противников военному искусству, становясь первоклассной армией; одновременно приобретался собственный боевой опыт и уникальные принципы ведения войны. Совершенствование армии тем не менее традиционно шло на основе западной военной мысли и использования опыта иностранного военного строительства. Только в середине XIX века обращается внимание на изучение русского и национального военного искусства; появляются его теоретическое обобщение, происходит приступ к познанию не только прусской, но и собственной русской военной системы в интересах ее совершенствования. Творческая русская военная мысль представляет собой систему обширных знаний, способных обеспечить реформу армии на национальных основаниях и традициях (разумеется, и с учетом опыта других государств!), но время оказывается упущенным.

¹ Цит. по: Назаров А.М. Потешные. Роль их в прошлом и задачи в будущем. — Одесса, 1911. — С.84.

Наспех подреформированная (в очередной раз) петровская армия втягивается в мировую войну и революцию, не имея возможности изменить себя по существу. И уже расколовшись на «белых» и «красных», представители старой армии призывают к постоянному и упорному изучению как своей Родины, так и ее соседей, делая самый главный вывод: «МЫ ПРЕСТУПНО НЕ ЗНАЛИ РОССИИ В ЕЕ ЦЕЛОМ»¹.

Россия жила, живет и будет, видимо, жить в сложных исторических условиях. Пройдет немало времени, прежде чем гражданские институты власти и экономические факторы станут определять политическую мощь страны. До тех пор армия традиционно будет играть особую (и преувеличенную) роль в обеспечении престижа, статуса внутренней и внешней безопасности российского государства. От ее состояния, позиции и поведения во многом будет зависеть судьба Отечества (особенно в смутные, переходные и угрожающие периоды). Поэтому она должна обладать высоким (очень высоким) уровнем **с о з н а т е л ь н о с т и**:

— исторической (способностью к усвоению уроков и ошибок прошлого, широким обобщениям и ретроспективному мышлению);

— патриотической (любовью и преданностью Отечеству, ответственностью за его защиту, готовностью к самопожертвованию);

— экономической (пониманием необходимости соразмерности Вооруженных сил и их задач с материальными и финансовыми средствами страны, содействия развитию материальных сил как естественной основы ее могущества);

— политической (верностью Конституции и законной власти, умением объективно оценивать политическую и военно-политическую обстановку, воздействовать на нее в национальных интересах России);

— военной (способностью к созданию качественных Вооруженных сил, постоянно совершенствующихся на основе требований военного искусства, общественных потребностей и самоконтроля) и т.д.

Для формирования сознательного здорового мировоззрения армии требуются специально отобранные (полученные) **г о с у д а р с т в е н н ы е** знания: отечествоведческие по содержанию, статистические (конкретно-социологические) по точности, прагматические по характеру использования. Они должны обеспечивать познание России и ее Вооруженных сил в целом (во всех внутренних и внешних системных связях), а по необходимости и в

¹ Христиани Г. Россия до и после революции // Воин. 1922. № 3. — С.38.

конкретных, наиболее важных подробностях (направлениях). Их роль для армии особенно возрастает сегодня, когда российская действительность характеризуется реформами, общественными сдвигами, дестабилизирующими явлениями.

Вот почему необходимо не просто возродить отечествоведческую традицию русской армии, но и придать ей новое измерение со следующими параметрами:

Отечествоведение как учебный предмет

В Российской империи название «отечествоведение» носил учебный предмет, в котором сообщались общие сведения о родной стране в историческом, географическом, экономическом и других отношениях. К началу XX века предмет начинал изучаться в русской армии, но это изучение было преимущественно военно-статистического характера (показывалось общее состояние основных государственных сил России в военном отношении).

Сборники по отечествоведению¹ свидетельствуют о том, что их авторы (составители) стремились дать не только знания, но и разбудить в читателях патриотическое чувство. Так, например, Петр Александрович Риттих² в соответствующем учебном пособии для солдат стремится показать не только величие России и армии, но и основные проблемы, трудности, недостатки национального развития, которые надо преодолеть. Он прекрасно формулирует идеал армии: «Без сильного, ученого, ловкого войска войну вести нельзя, ибо с плохим войском государство будет всегда бито. Войско должно быть отличное, лучшее и выше войск всего мира, — только тогда нашему отечеству не будут страшны никакие враги...»³

Накопленные на настоящее время знания позволяют создать сильный и содержательный курс отечествоведения, который можно читать (изучать) как в военно-учебных заведениях, так и в действующих войсках. По сравнению с интернациональными и иностранными учениями, абстрактным обществоведением в нем будут даваться конкретные знания о родной стране (причем в систематическом, целостном, собранном виде, не разбитом на многочисленные и усваиваемые в разное время учебные дисциплины).

¹ Систематический сборник очерков по отечествоведению. Один том в 2-х частях. Под ред. генерал-лейтенанта Ф.А. Фельдмана. — СПб., 1898; Риттих П.А. Отечествоведение. Издание редакции журнала «Досуг и Дело». — СПб., 1908.

² Вероятно, сын А.Ф. Риттиха, автора книг «Славянский мир», «Племенной состав контингентов русской армии», «Русский военный быт в действительности и мечтах», «Очерк государственной обороны», «Техника военного искусства», «Граф Д.А. Милютин» и др.

³ Риттих П.А. Отечествоведение... — С.213.

Воспитательное значение такого курса для формирования патриота-гражданина, сознательного защитника своего Отечества очевидно. Подготовка соответствующих хрестоматий, альманахов и учебных пособий не займет много времени и труда. Есть аналоги и образцы, часть из которых можно использовать даже сегодня ¹.

Историко-аналитическое отечествоведение

Отечествоведение призвано научить современную армию и флот следовать естественно-историческим путем, «жить по истории», соблюдать полезные традиции. Прежде всего, любить не только существующую, но и историческую Родину (без этого истинный патриотизм немислим). Далее, сохранять историческую преемственность в развитии Вооруженных сил (продолжать дело предшественников, совершенствовать, а не разрушать оставленную современникам военную систему). Учитывать уроки истории и ошибки военной политики, заветы и советы лучших русских людей в государственной и военных сферах. Наконец, использовать собственный и зарубежный (исторический) боевой опыт для создания отборной армии и развития военного искусства.

Для решения этих задач нужны глубокие исторические знания, приведенные в определенную целостную систему и связанные с потребностями настоящего общественного и военного развития. Системно изучить историю (в том числе и военную) одному поколению не под силу. Необходимо воспользоваться историко-аналитическим капиталом, оставленным нам в наследство предшественниками. Своим трудом они создали более или менее целостную картину исторического развития России и ее Вооруженных сил. Наша задача собрать в данный момент в одно целое написанные в разные времена и в разных местах России книги, статьи, рукописи. А затем дополнить эту информацию богатой русской эмигрантской аналитикой, западными «россиеведческими» и «советологическими» исследованиями и с учетом знаний новейшей истории переосмыслить характер и направленность развития Вооруженных сил России. В результате этой отечествоведческой деятельности могли бы появиться нужные сегодня: Сборник наиболее важных историко-аналитических знаний о национально-государственной судьбе России и духовном наследии русской армии («Российский военный сборник»), а также историко-стратегические разработки «Патриотическая история России», «Ретроспективная стратегия безопасности

¹ История России поучительна не только положительным, но и отрицательным опытом: «Изучение нашего прошлого небесполезно с отрицательной стороны, — писал историк В.О. Ключевский в 1909 году. — Оно оставило нам мало пригодных идеалов, но много поучительных уроков, мало умственных приобретений и нравственных заветов, но такой обильный запас ошибок и пороков, что нам достаточно не думать и не поступать, как каша предки, чтобы стать умнее и порядочнее, чем мы теперь». — В.О.Ключевский. Сочинения в девяти томах. Т.IX. — М.: Мысль, 1990. — С.359.

России», «Уроки военной истории России», «Военная доктрина в историческом измерении» и другие.

Современное практическое отечествоведение

Системные исторические знания могут дать ориентиры развитию Вооруженных сил России и даже объяснить в определенной степени их современное состояние. Но на данной основе нельзя принять реальных военно-политических и боевых решений. Для этого требуются максимально конкретные (и предельно целостные) современные знания о России и ее военной силе. Ядро отечествоведения составляют информация об обстановке, в которой действует в данный момент армия, сведения о состоянии всех государственных сил страны, особенно Вооруженных сил. Чтобы двигаться вперед, принимать верные решения, избегать ошибок, застоя, узости военного мышления, надо знать свою армию во всех ее взаимосвязях. Нельзя слепо верить в ее мощь, необходимо иметь точное представление о ее достоинствах и недостатках, природных преимуществах и слабостях, изучать ее в мирное и военное время, в статике и динамике, в сравнении с Вооруженными силами других народов (С.Кедрин).

Безусловно необходимо возродить и продолжить традиционную для России военно-статистическую деятельность, но на более широкой динамической и социологической основе. В методологическом ключе содержание этой деятельности может опираться на общий план исследования государств, разработанный в свое время Д. Милютиним¹. Применительно к изучению современной России его целесообразно представить в следующем виде.

1. Общее обозрение российского государства и политика безопасности: Исторический очерк России и ее политическая судьба. Государственное устройство. Территория и народонаселение. Финансы и промышленность. Землевладение и сельское хозяйство. Пути сообщения. Торговля. Народное образование. Религия и нравственность. Преступность. Политика безопасности России. Силы, средства и способы обеспечения внутренней и внешней безопасности.

2. Исследование Вооруженных сил России: Эволюция российской военной силы. Общая характеристика существующей военной системы. Армия и общество. Военная доктрина России. Состав, комплектование и организация армии. Устройство военного управления. Болезненность, смертность и преступность в армии и на флоте. Исторический

¹ См.: Милютин Д. «Первые опыты военной статистики», а также: Христиани Д. Граф Д.А. Милютин и военная статистика // Известия Императорской Николаевской Военной академии. 1912. № 28. – С. 543–564.

очерк, комплектование, организация, состав и численность военно-морских сил. Задачи Вооруженных сил. Содержание реформ в армии и на флоте. Другие сведения.

3. Изучение стратегического положения российского государства и его Вооруженных сил: Современные войны и вооруженные конфликты. Другие элементы военно-политической обстановки (в России, ближнем и дальнем зарубежье). Дислокация и группировки войск. Характеристика реальных и возможных театров военных действий. Выводы для Вооруженных сил России.

4. Военно-техническая политика и военная промышленность России: Военно-промышленный комплекс: состояние и тенденции развития. Основные военно-технические программы. НИОКР. Конверсия. Торговля оружием. Другая информация.

5. Военно-бюджетная политика России: Военные расходы российского государства в исторической ретроспективе. Общая характеристика годового военного бюджета. Закупка оружия и техники: государственный заказ. Содержание армии и флота. Социальная защита военнослужащих. Другие статьи.

6. Военно-дипломатическая политика России: Новая дипломатия. Партнерство во имя мира и демократии. Разоружение и ограничение вооружений. Предотвращение и урегулирование военных конфликтов. Военно-политическое сотрудничество в рамках СНГ. Россия и НАТО. Двусторонние военные связи.

7. Сравнительный анализ военных систем России и других государств: Вооруженные силы СНГ. Военная система НАТО. Франция и ее армия. Военная политика и Вооруженные силы Китая. Японская армия. Армии других государств (прибалтийских, скандинавских, южноазиатских, латиноамериканских, африканских и т.д.)

Так приблизительно может выглядеть сегодня рабочая модель практического отечествоведения в интересах Вооруженных сил Российской Федерации. Она требует систематической и последовательной работы внутри военной системы по изучению России, самой армии и других Вооруженных сил. Постоянный сбор комплексной информации о России в военном отношении не может более оставаться прерогативой западных исследовательских и разведывательных центров, которые до сих пор систематично и подробно изучают нас, но, естественно, в интересах собственной (!) безопасности. Конкретная и целостная отечествоведческая деятельность нужна прежде всего нам самим, причем не только и не столько на служебном уровне, в том числе и секретном¹, как на

¹ Частные сведения о различных вопросах, затронутых здесь, всегда имелись в министерствах, ведомствах, учреждениях, институтах и т.д. Но они оставались разбросанными, скрытыми или не известными в нужный момент. Предполагалось, что вся информация стекается «наверх» и там существует целостно. Но тогда непонятно, почему ситуация часто оставалась непредсказуемой именно для нашего руководства, почему

уровне гласном и общественном. Информация о затронутых вопросах должна публиковаться официально, системно и постоянно в «Военно-статистическом сборнике» и «Военно-статистическом обозрении» (если мы берем, например, старую Россию), или излагаться в «Белой книге»¹, «Бюджетном докладе» «Национальной стратегии» (по западному образцу), или доводиться до всеобщего пользования в ином удобном для нас сегодня виде.

В любом случае внутри Вооруженных сил России должна идти серьезная работа (научная, информационная, образовательная) по самопознанию России и армии. Она не может более осуществляться стихийно и раздробленно. Требуется объединить ее отечествоведческой программой «Россия и армия», упрочить созданием специального Центра отечествоведения МО РФ, поддержать усилиями гражданской и армейской общественности.

А.Савинкин.

1993 г.

Сведения об авторах

БАИОВ Алексей Константинович (8.II.1871 — 8.V.1935). Генерал-лейтенант (1915). Закончил (последовательно) кадетский корпус, археологический институт, военное училище и академию. С 1903 года проходил службу в академии Генерального штаба на различных административных и научных должностях (был правителем дел, возглавлял кафедру русского военного искусства, редактировал «Известия Императорской Николаевской Военной Академии»). Сотрудничал в многочисленных изданиях и журналах. Написал много книг по истории военного искусства, истории русской армии. (Среди последних «Русская армия в царствование Императрицы Анны Ивановны», «История русской армии. Вып. I. Эпоха Петра Великого. Эпоха Румянцева и Суворова. Эпоха войн с Наполеоном»; участие в «Истории русской армии и флота»). Участник Первой мировой войны, последние два года — начальник штаба III армии. После революции на фронте оставался до его полного развала, но решительно отказался дать присягу Временному правительству. Не стал служить и большевистскому правительству. Эмигрировал в Эстонию. Читал лекции в Ревельском военном училище и на курсах эстонского генерального штаба, подготовил многочисленные

принимались ошибочные решения, не удавались военные реформы, армия «подставлялась» под огонь внутренней и международной критики.

¹ В конце 1993 года в России впервые для широкой публики была подготовлена «Белая книга» об обороне стран СНГ (Аналитический доклад Главкомата Объединенных Вооруженных Сил СНГ о состоянии, структуре и жизнедеятельности входящих в них армий и флотов, а также об организации системы коллективной безопасности).

учебные пособия и военно-научные труды. Опубликовал также такие работы, как: «Вклад России в победу союзников», «Истоки великой мировой драмы», «Наполеон и русская современность», «Петр Великий и большевики», «История русской культуры и ее значение», «Достоевский и война», «Пушкин как поэт войны», «Война и идея национализма в учении Вл. Соловьева», «Воспитание армии и идеи гр. Л.Н. Толстого». Возглавлял различные общественные комитеты. До самой смерти честно и не меняя убеждений служил России. (Штейфон Б.А. Национальная военная доктрина. Профессор генерал А.К. Баиов и его творчество. — Таллинн, 1937).

Вслед за Д.Ф. Масловским и Н.П. Михневичем участвовал в создании русской национальной военной школы (науки). Написал капитальный и единственный по своей полноте «Курс Истории Русского Военного Искусства» (последние обзоры — эпох Николая I и Александра II, были подготовлены, но до 1914 года не изданы, а затем затерялись в Советской России). Считал необходимым изучение собственной истории военного искусства, воспитание единого военного мировоззрения офицеров на основе русского прошлого. Профессор Баиов, — отмечает Б. Штейфон, — в условиях, когда копировались западные военные доктрины и методы, звал своих слушателей «в мир действительно величественных военных идеалов, идеалов Петра Великого и Суворова», звал вдохновляться и руководствоваться «мудрыми и бессмертными заветами XVIII века, столь полно и ярко выявлявшего самобытный гений русского народа» (с. 197–198).

А.К. Баиов отмечает следующие национальные черты русского военного искусства этого периода: отсутствие наемных и вербовочных армий в нашей военной истории (национальный характер русской вооруженной силы); следование требованию обучать войска только тому, что нужно для войны; единение между массой армии и ее вождями как следствие и результат доверия; способность русских воинов к самостоятельности, к проявлению частного почина; отсутствие приверженности к форме и шаблону; сильно развитое чувство взаимной выручки; убеждение, что главным орудием войны всегда был и будет человек; доблесть наших войск; стремление вынести борьбу из пределов своего Отечества; активный оборонительный бой (наступательный образ действий, как правило, при первоклассных полководцах); решающее значение рукопашной схватки, удара в штыки; большое значение конницы и артиллерии в бою; наличие национальных полководцев — военных гениев. Эти черты А.К. Баиов рассматривал как основания (традиции), на которых можно возводить все новые этажи усовершенствований военного искусства (армии), сообразуясь с современной обстановкой (А.Баиов. Национальные черты русского военного искусства в романовский период нашей истории. — СПб., 1913).

В 1929–1930 годах ученый публикует программную статью «Начальные основы строительства будущей русской армии» (Русский колокол, № 8 и 9). Здесь он формулирует несколько принципиальных выводов:

1. Россия не сможет вернуться на прежний исторический путь, не пройдя полосу тяжелых внешних и внутренних войн. Чтобы победить в этих войнах, нужна организация Вооруженных сил, основанная на самобытном национальном развитии и принципах военного искусства. Отрицательное отношение к этим двум факторам приводит к угасанию военного творчества, слепому подражанию другим, крайнему напряжению усилий, вынужденному героизму, кровавым жертвам и катастрофам.

2. В силу этих причин наши войны при встрече с более или менее серьезным и «строгим» противником всегда были излишне кровопролитны; боевые действия сплошь и рядом велись без системы, без руководящей идеи, на авось, кустарно, не считаясь с потерями, руководствуясь убеждением, что мы «шапками закидаем»; наши неудачи были естественными, а потому частыми; нашим военачальникам приходилось учиться уже на войне и войною, платя за свои уроки реками безрезультатно пролитой крови.

3. Будущая русская армия может комплектоваться по принципу общеобязательной воинской службы или состояться из профессионалов, но ее сила должна заключаться не в численном превосходстве над противником, а в превосходнейшем качестве. В целях одержания полной победы над врагом гораздо выгоднее, с точки зрения материальной и моральной тяжести для государства и народа, иметь в качестве средства для борьбы не «вооруженный народ», не «полчища», а относительно небольшую армию: подвижную, удобно управляемую, хорошо подготовленную, сильнейшую на всех и на отдельных театрах войны, на каждом поле сражения и в решительном пункте его в решительную минуту. Именно эти данные и должны определить максимальную численность «небольшой» армии, характер военной системы в целом.

К сказанному следует добавить, что А.К. Байов был не только патриотом России и ее талантливым военным ученым. Он был одним из родоначальников «классического» направления русской военной школы: признавал ключевое значение законов военного искусства в организации и использовании вооруженной силы; выступал сторонником самостоятельного развития русского военного искусства и армии на самобытных, национальных основаниях; указывал на преобладание в военном деле духовной стороны («оружие» (машины) приобретает значение только в войсках, обладающих высокими нравственными качествами»).

ВЕРХОВСКИЙ Александр Иванович (27.II.1886 — 19.VIII.1936). Генерал-майор (1917), комбриг (1936). Учился в Пажеском корпусе. За либерально-конституционные «идеи» исключен из него и отправлен в Манчжурию в действующую армию рядовым. За боевые отличия в японской кампании награжден солдатским георгиевским крестом. Произведен в офицеры. С отличием окончил в 1911 году академию Генерального штаба. Награжден длительной заграничной командировкой. Занимал ряд штабных должностей. Участвовал в Первой мировой войне. Дважды ранен и награжден георгиевским оружием и георгиевским крестом.

При Керенском был назначен командующим Московским округом и произведен в полковники. Проявил себя как человек «твердой руки». После корниловского мятежа получил портфель военного министра в последнем кабинете Временного правительства и был произведен в генерал-майоры. (Первый военный министр Российской республики, провозглашенной Керенским 1 сентября 1917 г.). На новом посту он должен был восстанавливать государственный порядок и боеспособность армии, которые значительно упали, в том числе и в результате «реформаторской» деятельности двух «гражданских» военных министров (А. Гучкова и А. Керенского). Из-за невозможности проводить предложенную им линию 22 октября 1917 года ушел в отставку.

После Октябрьской революции участвовал в работе подпольных организаций эсеров. Был арестован. «Изменил свои взгляды» и в 1919 году вступил в Красную армию. Служил в частях Восточного фронта. Преподавал в Военной академии РККА. В 1930 году назначается начальником штаба Северо-Кавказского военного округа; с 1932 года работает в школе «Выстрел», в Генеральном штабе и, наконец, в академии Генерального штаба РККА.

Написал несколько крупных работ и свыше ста статей по различным военным вопросам. Особый интерес сегодня представляют книги «Управление войсками корпуса» (1910), «Военно-полевые занятия» (1917), «Очерки по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв.» (1921), а также статьи: «Несколько мыслей по поводу современной военной организации» (Военная наука и революция, 1921, кн. I) и «Что должно дать изучение тактики и как ее изучать?» (Военная мысль и революция, 1924, кн. I).

А.Верховский оставил дневниковые записи-размышления («Россия на Голгофе: из походного дневника 1914–1917 годов»), опубликованные в 1918 году (сегодня с этой удивительной хроникой эпохи можно познакомиться на страницах «Военно-исторического журнала», начиная с № 10 за 1992 год). Это мысли офицера, переживающего и желающего что-то сделать для спасения страны и армии от надвигающейся трагедии. Целесообразно упомянуть здесь некоторые из них:

Вся наша история — это почти непрерывная война за существование страны. Даже крепостное право было введено, чтобы обеспечить службу в войсках. Зависимость от войны привела к лишению свободы, отсутствию самостоятельности, к дикости народа. Само государственное было необходимым условием государственной обороны, как единое командование на поле боя. Отсутствие самостоятельности в стране и армии определило все наши неудачи...

Несмотря на неудачи и поражения, душа армии сохраняется, даже когда тело армии умирает. Армия больна, ничего нельзя сделать. Но она честно исполняет свой долг до конца, искупая кровью все грехи политиков и командования. Умирать мы умеем, но когда научимся воевать?..

В современной войне при условии равенства естественных и духовных сил превосходство культуры и техники, а особенно такое подавляющее, с которым нам пришлось столкнуться в войне с Германией, представляет собой страшную силу и решает исход борьбы...

Армия должна быть вне политики. Для нее существует только единая Родина. Но в условиях, когда политика пропитывает всю жизнь страны, а армия разлагается, требуется новая политическая идея и подготовленное в политическом отношении офицерство, способное указать непросвещенному народу, участвующему в войне, верный путь сохранения Родины...

Революция разрушает армию, не сумевшую победить врага. Армия может бороться с анархией вооруженной рукой, но она не может делать революции, государственные перевороты, не разлагаясь при этом как боевая сила, не разъединяя при этом армию и общество, солдат и офицеров на непримиримые группировки...

Наш народ ничего не знает об Отечестве, исторических задачах государства. В ожесточенной расправе он забыл лозунг «Родина», смешал Россию с самодержавным правительством, которому желал поражения. Будем же бороться во имя родной земли, во имя родного народа. Только общими усилиями мы спасем его. Пусть лозунгами нашими будет РОДИНА, ЕДИНЕНИЕ и ПРАВДА! С высоты Голгофы русской армии и русской земли Россия вспомнит своего офицера, который в родине своей любит мечту, любит ее в ее целом без классов и партий, любит ее за то, что это его родная земля. «Идея Родины» должна быть основной руководящей идеей воспитания всего народа. Все должно делаться во имя Родины, во имя процветания России...

Вчитываясь в эти строки А.И. Верховского, еще раз поражаешься, как многое умели делать генерального штаба офицеры (генералы) старой армии. Они умели воевать и

талантливо писать. Были знаменитыми географами и первооткрывателями. Безгранично любили Родину. В безнадежных условиях несли крест спасения России в своих руках (А. Верховский, Л. Корнилов, А. Колчак, А. Деникин, П. Врангель и другие).

РЕДИГЕР Александр Федорович (31.XII.1853 — 1918). Генерал от инфантерии (1907). Окончил Пажеский Его Императорского Величества корпус, двухгодичный курс Николаевской академии генерального штаба. Участник русско-турецкой войны (1877–1878 гг.). В 1882–1883 годах проходил службу в болгарских войсках товарищем военного министра, затем управляющим делами военного министерства в звании полковника болгарской армии. С 1884 года совмещает преподавание военной администрации в академии и работу в канцелярии военного министерства, где он последовательно занимал должности делопроизводителя, помощника начальника канцелярии, начальника канцелярии (с 1898 г.). В это же время ему пожаловано звание заслуженного ординарного профессора, в затем и почетного члена конференции Николаевской академии генерального штаба.

Военный министр России в 1905–1909 гг. Непосредственный инициатор военных реформ этого периода (введения должности помощника военного министра, учреждения совета государственной обороны, выделения из состава главного штаба самостоятельного генерального штаба, установления территориальной системы комплектования и других). Не одобрял политику использования армии не по назначению (для борьбы с «внутренним врагом»). На одном из заседаний Совета министров под председательством самого царя открыто заявил о неготовности армии к войне, даже оборонительной. «Армия не готовится, она делает вашу работу», — бросил он реплику в сторону министра внутренних дел П.Столыпина. Поводом для снятия с поста военного министра послужило слишком большое «сотрудничество» с депутатами Государственной думы.

Военный писатель. Автор работ: «Комплектование и устройство вооруженной силы», «Мобилизация войск», «Полевое управление в вашей армии», многочисленных статей в «Энциклопедии военных и морских наук», «Русском инвалиде», «Военном сборнике», «Разведчике». Инициатор составления юбилейных изданий столетия военного министерства. Считал, что в условиях сокращения срочной службы качество армии можно сохранить, только своевременно сформировав подготовленный старослужащий кадр и введя местное комплектование частей. «Без хороших унтер-офицеров мы получим школу без учителей, и можно опасаться, что увеличение численности армии будет сделано в ущерб ее качеству» (А.Ф. Редигер. Унтер-офицерский вопрос в главных европейских армиях. — СПб., 1880. — С.145). Это предположение пророчески подтвердилось в 1914–1917 годах.

Имеет все российские ордена до св. Андрея Первозванного включительно.

КЕДРИН С. Е. Биографических данных в распоряжении редакции на данный момент не имеется. Известно только, что он составил два сборника, примечательных своей отечествоведческой тематикой: «Русский воин» (1889) и «Исторический обзор тактики русских войск как введение к ее изучению» (1899), а также написал несколько содержательных статей по военной истории и военному искусству.